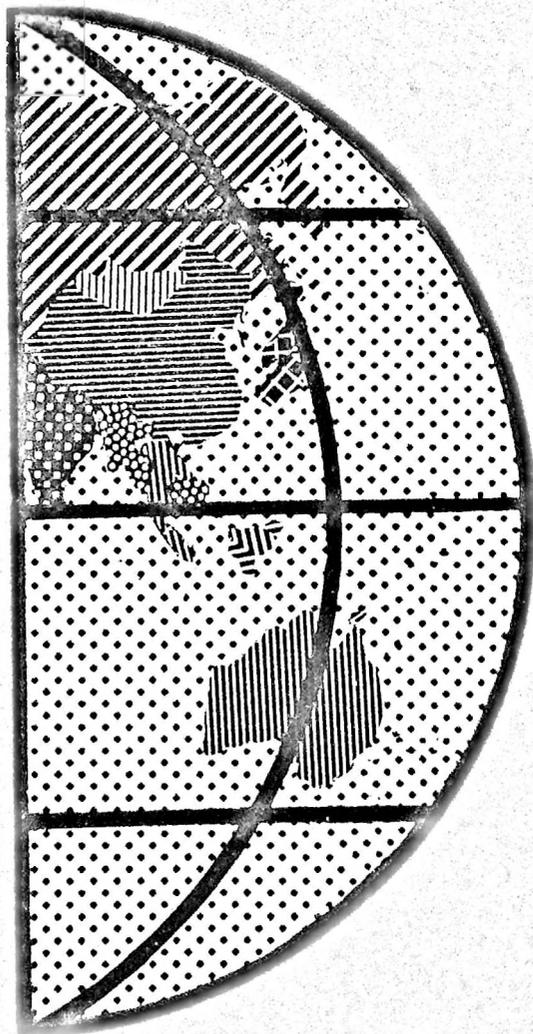

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Путь к миру
и безопасности в Азии

Развитие политической
системы КНР

Октябрьская революция
и Ли Дачжао

Китай:
время далекое и близкое

Материальное положение
трудящихся в Китае

Япония и ключевые
проблемы современности

ИНСТИТУТ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
АН СССР

6/87

НОВЫЕ КНИГИ

Романова Г. Н. Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке: XIX — нач. XX в. — М.: Наука, 1987. — 167 с. — 1 р. 2300 экз.

Визит в Советский Союз Премьер-Министра Республики Индии Раджива Ганди 2—4 июля 1987 года: Документы и материалы. — М.: Политиздат, 1987. — 32 с., ил. — 10 к. 100 000 экз.

Баврин Е. П., Таксубаев А. И. Монгольская Народная Республика: Справочник. — 3-е изд., доп. — М.: Политиздат, 1987. — 111 с., ил. — 20 к. 100 000 экз.

Литература и культура древней и средневековой Индии. Отв. ред. Г. А. Зограф. — М.: Наука, 1987. — 275 с. — 1 р. 30 к. 6000 экз.

Оэ К. Обращаюсь к современникам. Пер. с япон.; Сост. В. С. Гривина; Предисл. А. И. Сенаторова. — М.: Прогресс, 1987. — 286 с., ил. — [Зарубежная художественная публицистика и докум. проза]. — 95 к. 50 000 экз.

Розалиев Ю. Н. Новая и новейшая история стран Азии и Африки: Учеб. пособие для вузов. — М.: Высш. шк., 1987. — 351 с. — 1 р. 20 к. 30 000 экз.

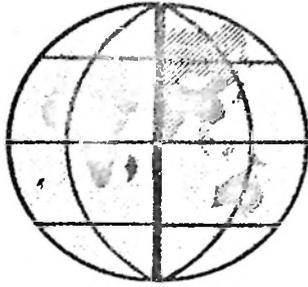
СССР и Япония. Отв. ред. И. А. Латышев. — М.: Наука, 1987. — 427 с. — [СССР и страны Востока]. — 3 р. 30 к. 5000 экз.

Тихоокеанская безопасность. Кол. звт. — М.: Наука, 1987. — 143 с. — [Международный мир и разоружение]. — 65 к. 6 500 экз.

Манъёсю: Избр. Пер. с япон., сост., предисл. А. Е. Глускиной. — М.: Наука, 1987. — 398 с. — 1 р. 90 к. 30 000 экз.

Вьетнамско-русский разговорник. Под ред. Буй Хиена. — 4-е изд. — М.: Рус. яз., 1987. — 248 с. — 75 к. 10 050 экз.

Индия: Многоликое чудо. Фотоальбом. Авт. текста А. Тер-Григорян; Вступ. ст. С. Кондрашова; Сост. В. Степанов; Худож. Б. Жутковский; Под общ. ред. Е. Примакова. — М.: Планета, 1987. — 207 с., ил. — [Страны мира]. — 9 р. 60 к. 10 000 экз.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

6/87

6 [66] 1987
Издается с 1972 г.

Научный, общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском,
английском, японском и испанском языках

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА. ЭКОНОМИКА

- М. Л. ТИТАРЕНКО.* Гуманизация международных отношений — путь к миру и безопасности в Азии 3
К. А. ЕГОРОВ. Развитие политической системы КНР 12
А. С. СЕРГЕЕВ. Ядерное разоружение и безопасность на Дальнем Востоке 26
В. И. ДЕНИСОВ, В. И. МОИСЕЕВ. АТР и проблема урегулирования в Корее 39
Л. Н. КУТАКОВ. Япония и ключевые проблемы современности 51
В. И. ОСИПОВ. Южная Корея — Япония: «зрелое партнерство» в милитаристских целях 63
А. А. МАКАРОВ. «Личная уния» правительства и предпринимателей в Японии 71

ИСТОРИЯ

- Н. Г. СЕНИН.* Октябрьская революция и Ли Дачжао 80
В. Н. УСОВ. Китайские добровольцы на защите завоеванных Октября 92

КУЛЬТУРА

- А. С. ТИТОВ.* Из когорты неггибаемых 96
В. Н. РЕВИН. Дни культуры СССР в МНР 102

СТРАНЫ. ОБЫЧАИ. ТРАДИЦИИ

- Н. Т. ФЕДОРЕНКО.* Китай: время далекое и близкое 113

СООБЩЕНИЯ. ОБЗОРЫ

- Р. М. НЕРОНОВ.* Материальное положение трудящихся в Китае 124

ПУБЛИКАЦИИ

- ПЭН ДЭХУАН.* Страницы воспоминаний 130
ШУИ. Последние дни Лао Шэ 142

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

- Б. Н. БАСОВ.* Диалоги об экономике в «Жэньминь жибао» 152

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

<i>М. С. КАПИЦА.</i> Китайская литература: традиции и современность	157
<i>М. И. КРУПЯНКО.</i> Перспективы советско-японских отношений	162
<i>В. Я. ПОРТЯКОВ.</i> О хозяйственной реформе в КНР	167
<i>Р. С. БЕЛОУСОВ.</i> Познание Китая	169
<i>А. И. ЧЕРКАСЕНКО.</i> На волне реваншизма	172
<i>К. В. ПЛЕШАКОВ.</i> Тихий океан: Американское озеро?	174
<i>Е. А. СЕРЕБРЯКОВ.</i> Перевод стихов китайского поэта XII в.	178

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К 50-летию начала национально-освободительной войны китайского народа	181
<i>К. Л. ТОПОРКОВ.</i> Книга на службе мира и прогресса	184

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

60-летие Д. В. Петрова	186
Содержание журнала «Проблемы Дальнего Востока» за 1987 год	188

Адрес редакции: Москва, 117848
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. А. АРХИПОВ (и. о. главного редактора), **Г. В. АСТАФЬЕВ**,
Р. С. БЕЛОУСОВ, **Г. А. БОГДАНОВ**, **Б. Г. ГРЕБЕННИКОВ**
(зам. главного редактора), **М. С. КАПИЦА**, **И. И. КОВАЛЕНКО**,
В. С. МЯСНИКОВ, **В. Я. ПОРТЯКОВ**, **С. С. РАЗОВ**,
О. Б. РАХМАНИН, **И. А. РОГАЧЕВ**, **Б. В. СЯГАРЕВ**
(и. о. зам. главного редактора), **А. И. СЕНАТОРОВ**,
В. М. СОЛНЦЕВ, **М. Л. ТИТАРЕНКО**, **С. Л. ТИХВИНСКИЙ**,
Н. Т. ФЕДОРЕНКО

© «Проблемы
Дальнего Востока».
1987

*М. Л. ТИТАРЕНКО,
доктор философских наук*

Руководители 56 университетов и научно-исследовательских институтов стран Азии и бассейна Тихого океана 17—19 августа 1987 г. провели в Токио международную конференцию, в ходе которой состоялся обмен мнениями в трех секциях: образования, социально-экономического развития, науки и техники. При этом были высказаны соображения о том, какой вклад и каким образом могут и должны педагоги и все люди умственного труда внести в дело мира и процветания на нашей планете в условиях нынешнего тревожного ядерного века.

Инициатором и организатором конференции выступил генеральный ректор университета Токай, известный японский ученый, общественный деятель и педагог профессор Сигэеси Мацумаэ. В подготовительный комитет конференции входили ученые Японии, КНР, СССР и США, ректоры университетов и директора научно-исследовательских институтов.

Редакция предлагает вниманию читателей журнальный вариант выступления на Токийской конференции директора Института Дальнего Востока АН СССР, доктора философских наук М. Л. Титаренко, а также выдержки из Токийской декларации, принятой участниками конференции.

* * *

Сегодня мир подошел к поворотному этапу в своей истории. Молоху войны служат ныне миллионы людей (в АТР — 17 млн. человек под ружьем, то есть $\frac{2}{3}$ численности всех армий мира). Существующие конфликты и напряженность несут голод, болезни, разрушение природы и экологической среды обитания человека. Более 560 млрд. долларов из национального продукта стран АТР идут на военные расходы, в то время как 560 млн. жителей этого региона влчат нищенское существование. Новейшие средства разрушения, и прежде всего ядерное и космическое оружие, создали угрозу катастрофы, которая в случае ее возникновения приведет не только к уничтожению формировавшейся веками цивилизации, но и всего живого на Земле.

Беспрерывно накапливаемые в мире арсеналы атомного и других средств уничтожения, приверженность некоторых лидеров крупных государств старым стереотипам мышления, по которым военное насилие, «кулачное право» считается приемлемым способом разрешения международных конфликтов и политических споров, порождают в сознании все большего числа людей отчаяние. Где искать выход из создавшегося положения? Как обеспечить людям жизнь в более безопасном и справедливом мире, свободном от насилия

и ненависти, страха и подозрительности? Думается, что ответ на эти вопросы можно найти, лишь преодолев старые стереотипы конфронтационного мышления политологов.

В поисках правильного подхода нам поможет мудрость как древних, так и современных ученых. В 7-й главе «Шу эр» книги «Луньюй» («Беседы и высказывания») приводится такое изречение Конфуция: «Учитель сказал: „Направь свою волю на достижение правильного пути, придерживайся [принципов] морали, поступай в соответствии с человеколюбием, упражняйся в искусствах“»¹.

В 15-й главе той же книги «Беседы и высказывания», собравшей мысли Конфуция, содержится такой диалог ученика и учителя: Ученик Цзы-гун спросил: «Можно ли всю жизнь руководствоваться одним словом?» Учитель ответил: «Это слово — взаимность. Не делай другим того, чего не желаешь себе»². Как давно это сказано, но как актуально звучит!

Именно взаимный учет интересов всех стран и народов, сколь бы трудным ни казалось это, понимание растущей взаимозависимости в этом противоречивом мире, большая терпимость, стремление сохранить, приумножить и усовершенствовать накопленные культурные ценности и самого человека — вот, на наш взгляд, те главные духовные и нравственные предпосылки для поиска правильного пути сохранения мира на Земле.

В условиях невиданного роста опасности войны, страха и неуверенности людей в завтрашнем дне особый смысл и огромную актуальность приобретает выступление ученых как выразителей лучших устремлений людей за гуманизацию всей системы современных международных отношений. В обращении к гуманности, в возрождении чувства человеколюбия мы видим главный путь для обретения уверенности в своем будущем.

Необходимость гуманизации международных отношений вытекает из возрастания роли общечеловеческих факторов в мировых делах как одной из важнейших реальностей наших дней. Растут духовные и материальные потребности людей, удовлетворение которых возможно только в условиях сохранения жизни и среды обитания. Это императив нашего времени, это цель, на достижение которой должны быть направлены совместные усилия всех стран.

Концепция безопасности должна носить взаимный характер, строиться на основе разумной достаточности и исходить из принципа, гласящего, что человеческая жизнь — это высшая ценность. Она провозглашает, что основой жизни человеческого сообщества должны быть ненасилие, отказ от устрашения и угнетения, дискриминации по расовому и религиозному признаку. Осуществление этих принципов явится высшим проявлением гуманизма.

В качестве первого и основного шага на пути к осуществлению идеала гуманных международных отношений явилось бы взаимное обязательство государств не прибегать к войне как средству решения спорных вопросов и противоречий. Такое обязательство должно включать в себя прежде всего принцип ненападения и отказ ядерных держав от войны друг против друга или против третьих государств с использованием как ядерного, так и обычного оружия. В соответствии с этим предлагается недопущение гонки вооружений в космосе, прекращение всех испытаний ядерного оружия и полная его ликвидация, а также запрет и уничтожение химического оружия, отказ от создания других средств массового уничтожения.

Заслуживает серьезного рассмотрения, на наш взгляд, и предложение о снижении уровней военных потенциалов государств до пределов разумной достаточности на основе разработки надежных мер доверия, постепенного взаимного свертывания военной деятельности, а затем и роспуска военных

группировок, пропорционального и соразмерного сокращения военных бюджетов.

Осуществление этих и других мер военного характера позволит на деле создать реальную базу для построения на планете безъядерного и ненасильственного мира. Эти же меры являются важнейшим условием выживания человека, ибо, только освободившись от милитаризма, от укоренившегося убеждения, что обладание оружием обеспечивает безопасность, человечество сможет быть уверенным в своем будущем и может переключить огромные ресурсы на развитие и модернизацию производительных сил общества, улучшение жизни, ее качества, сохранение окружающей среды, уничтожение нищеты и бедности, развитие медицины, образования, культуры, спорта и т. д.

В контексте рассматриваемой концепции гуманизации международных отношений особо следует подчеркнуть важность запрещения и отказа от создания всех видов ядерного оружия и любых новых видов оружия массового уничтожения. Ведь ядерное разоружение, в сущности, вопрос гуманизма, и даже прежде всего гуманизма, отмечал в одном из своих выступлений М. С. Горбачев. Осуществление такого гуманистического идеала, как ликвидация средств массового уничтожения, поможет человечеству вместо «равновесия страха» создать «равновесие доверия», положив его в основу всеобъемлющей международной безопасности. Достигнуть этой важной, но трудной, кажущейся сегодня утопической цели человечество сможет лишь общими усилиями, на основе взаимного и строго контролируемого обязательства о демилитаризации науки. Подобно тому как человечество ради сохранения собственного рода выработало инстинкт против инцеста, оно должно выработать принципы, гарантирующие использование достижений науки и техники только в интересах развития, сохранения и совершенствования человеческой цивилизации, окружающей среды обитания человечества на Земле и в космосе.

Практические усилия международной общественности и политических руководителей ряда стран, направленные на обуздание гонки ядерных и обычных вооружений, на разработку на основе взаимности мер доверия, утверждение справедливого и демократического нового экономического порядка, являются важными реальными шагами на пути подлинной гуманизации международных отношений. Позвольте напомнить важнейшие из этих шагов. Это прежде всего обязательство СССР и Китая не применять первыми ядерное оружие.

Стремясь к осуществлению идеала безъядерного мира и обеспечению равной безопасности, Советский Союз 15 января 1986 г. выдвинул программу поэтапной ликвидации ядерного оружия до конца XX в.

Понимая неразрывность проблем безопасности Европы и Азии, наша страна недавно заявила, что она готова пойти и на полную ликвидацию ракет средней дальности в Азии, если США вывезут ядерное оружие из районов, прилегающих к Советскому Союзу.

Особого упоминания заслуживает принятый на состоявшемся 28—29 мая 1987 г. в Берлине совещании Политического консультативного комитета государств, входящих в организацию Варшавского Договора, документ «О военной доктрине государств — участников Варшавского Договора», раскрывающий суть подхода наших стран к проблеме войны и мира. В нем подчеркнуто, что доктрина этого договора, как и каждого из его участников, подчинена задаче недопущения войны как ядерной, так и обычной. Страны — участницы договора торжественно провозгласили, что их военная доктрина является строго оборонительной и исходит из того, что в нынешних условиях применение военного пути для решения любого спорного вопроса недопустимо.

Но людям недостаточно пользоваться даром жизни, не ощущая ее в полном объеме и не реализуя себя в ней. Homo sapiens — «человек

разумный» — это личность, обладающая неповторимыми особенностями, национальным характером, нравами и обычаями. Она нуждается в постоянной защищенности, в уважении ее прав и идеалов. Создание условий для самосовершенствования человечества — одна из целей международного сотрудничества, условие гуманизации общественного климата на Земле.

Важнейшим социальным правом человека, непреходящей ценностью и вечным идеалом является свобода выбора пути исторического развития, иными словами — выбора общественной системы, образа жизни, идеалов. Мы считаем реальным фактом существование в мире различных социально-политических систем. Важнейшим элементом нового политического мышления является признание права каждого народа на независимый выбор. Диалектический взгляд на реальности эпохи, гуманизм наших воззрений отвергают догматическую абсолютизацию коренного различия интересов двух социальных систем. Суть нашего подхода к реальностям эпохи — в признании неизбежности и объективной закономерности политики мирного сосуществования, мирного соревнования и соперничества.

Важным слагаемым курса на гуманизацию международных отношений, как уже подчеркивалось выше, является отказ от применения силы или угрозы силой при разрешении международных конфликтов. Только политический диалог, только использование средств дипломатии должны стать общепризнанной формой справедливого политического урегулирования международных кризисов и региональных конфликтов. Нужно научиться слушать и понимать друг друга. Сколько раз в истории человечества, в особенности в новое и новейшее время, из-за нежелания прислушаться к противоположной стороне, принять во внимание ее позицию, ее интересы возникали войны, кровавые столкновения.

Призывая к гуманизации межгосударственных и межнациональных отношений, мы провозглашаем принцип гласности при проведении международной политики, возможность доведения до сознания общественности планов различных государств, их внешнеполитических доктрин.

В гуманизации и очеловечивании нуждаются международные экономические отношения, ибо мир, международная безопасность и развитие взаимосвязаны. Неграмотность и невежество, хроническое недоедание и голод, ужасающая детская смертность, эпидемии, поражающие людей в странах «третьего мира», являются позором для человечества. В сострадания и помощи нуждаются многие миллионы людей. 1987 г. был объявлен Годом Африки. В ходе его проведения внимание мирового сообщества было еще раз направлено на бедственное, почти критическое экономическое положение континента.

В развивающихся странах немало делается для ликвидации экономических трудностей, для преодоления отсталости. Однако собственных сил недостаточно. Радикальные меры возможны только на основе коллективных усилий всех заинтересованных стран. Оздоровление всей мировой экономической ситуации требует прежде всего преодоления существующих в мире отсталости и экономического неравенства, полного исключения из международной практики любых форм дискриминации, отказа от политики экономических блокад и санкций, если это не предусматривается рекомендациями мирового сообщества. Большое значение для выхода из состояния неразвитости имеет совместный поиск путей урегулирования проблемы задолженности и установление нового справедливого мирового экономического порядка, гарантирующего равную экономическую безопасность всех государств. Проведение этих мер будет означать гуманизацию международных экономических отношений на практике.

Наконец, для «очеловечивания» международных отношений необходимо

внести широкое гуманистическое начало во все формы контактов и связей между людьми — представителями разных стран и народов. Сотрудничество в распространении идей мира, взаимное ознакомление с жизнью друг друга, искоренение расовой, национальной или религиозной нетерпимости, поиски новых форм сотрудничества в сфере культуры, искусства, образования — таков далеко не полный перечень мер, которые могут поднять уровень общей объективной информированности в интересах утверждения идеологии ненасилия и взаимоуважения. Особое удовлетворение вызывает тот факт, что созданная по инициативе профессора Сигэеси Мацумаэ Токийская конференция служит именно этим высокоблагородным гуманистическим целям.

Ученые, обеспокоенные судьбами мира, своими исследованиями, выступлениями перед общественностью призваны пробуждать понимание ответственности каждого за сохранение мира и человеческой цивилизации.

Научный совет по проблемам мира и разоружения Академии наук СССР и Институт Дальнего Востока как его член проводят немалую работу по изучению проблем мира, разоружения и развития. Эти исследования в виде научных рекомендаций доводятся до руководства партии и страны. Совет издает на русском и иностранных языках большое количество книг, брошюр, статей, в которых всесторонне исследуются актуальные вопросы, связанные с поисками путей всеобщей безопасности, разоружения, запрещения ядерного, химического и других видов оружия массового уничтожения. Этим проблемам посвящаются научные конференции, телепередачи, популярные циклы лекций крупных ученых в высших учебных заведениях, публичных аудиториях. Журнал ИДВ АН СССР «Проблемы Дальнего Востока» также регулярно публикует статьи по вопросам мира и безопасности в АТР. Среди широкой общественности вызревает понимание, что только на путях гуманизации международных отношений возможно достойное человека решение проблемы ликвидации войн, голода, болезней, взаимного недоверия и неприязни; откроются широкие пути для созидательной деятельности во имя настоящего и будущего человечества.

Всеобщее осознание аморальности войн и насилия, действий, направленных на разжигание ненависти между народами, убежденность в том, что безнравственным является использование средств экономического давления с целью получения политических и идеологических дивидендов могут стать тем нравственным основанием, на котором будет построен безъядерный, ненасильственный мир и будут созданы все условия для проявления сущности человеческого рода, нуждающегося в защите его жизни и обеспечении благополучия.

Логические научные категории неизбежно подводят нас к выводам относительно самооценки мира и антигуманистической сущности войн в нашу эпоху, аналогичным тем, на которых настаивает наше нравственное самосознание, требующее прекращения политики международного милитаризма.

Мечта о наступлении такого времени, когда будет покончено с войнами и на планете воцарится всеобщий мир, всегда пронизывала взгляды лучших умов человечества всех континентов.

В выдающемся памятнике философской мудрости древнего Китая «Даодэцзин» говорится: «Где побывали войска, там растут терновник и колючки. После больших войн наступают голодные годы»³. Великий мыслитель древности Мо Ди (V в. до н. э.) говорил: «Пытаться с помощью войны решать политические споры между государствами, пытаться добиться мощи и славы — это все равно что заставить всех людей Поднебесной пить одно лекарство для лечения разных болезней, ибо пользы от этого, может быть,

будет лишь четырем-пяти человекам...»⁴ Европейские гуманисты эпохи Возрождения, философы И. Кант и Г. Спенсер, писатели Лев Толстой и Ромен Роллан, великие мыслители К. Маркс и В. И. Ленин и многие другие представители гуманистической мысли прошлого, беспощадно осуждая войны, без устали поднимали свой голос в защиту мира. В послевоенные годы в качестве глашатаев миролюбивых идей выступали такие видные ученые-гуманисты, как Бертран Рассел и Альберт Эйнштейн. Ставшие духовными прародителями знаменитого Пагуошского движения деятелей науки в защиту мира, они одними из первых решительно осудили атомное оружие как варварское средство уничтожения, подлежащее немедленному запрету. Современный Восток дал нам поборников мира и идеи ненасилия, воспринявших мечту о мире из учения Будды, таких, как Махатма Ганди, Джавахарлал Неру, Бандарананке, а также идеи «панча шила», принципы Бандунга.

Стремление к всеобщему прочному миру, построенному на всесторонней гуманизации международных отношений, захватывает все большее число ученых, общественных деятелей, представителей интеллигенции. Возьмем, например, такое специфическое движение, как «наука о мире». В его рамках во многих странах развернули деятельность многочисленные неправительственные организации, а также отдельные ученые, исследующие пути полного исключения опасности войн из жизни человечества. Позитивную роль этих организаций в мобилизации общественного мнения на борьбу за мир трудно переоценить. «Наука о мире» получила распространение также в Японии, где существует ряд научно-исследовательских центров, в которых ведется успешная разработка теоретических проблем мировой политики с точки зрения задачи сохранения мира.

Идеи мира захватили сегодня умы миллионов людей на планете, а движение в его защиту стало одним из важнейших явлений современности. Требование «очеловечивания» международных отношений, отказа от войны как действия, глубоко враждебного идее гуманизма, проявляется в широком международном движении пацифизма. Будь то светский вариант пацифизма, опирающийся на социально-утопические представления о движущих силах общественного развития, или его религиозная разновидность, возникшая в рамках буддизма, ислама и христианства, — всем им присуще осознание антигуманного характера войн, разрушительных последствий для человечества применения атомного оружия. С концептуальной точки зрения большинству вариантов пацифистской идеологии присущ, по нашему мнению, ряд спорных моментов. Но пацифистское движение играет немалую роль как политико-идеологический фактор, воздействующий на общественное сознание в духе идей мира и отказа от насилия. Сливаясь с борьбой в защиту гражданских прав человека, оно стимулирует процесс утверждения гуманистического подхода к насущным проблемам современности.

Особо следует подчеркнуть гуманистическую, пронизанную идеей человеколюбия, миротворческую деятельность некоторых буддистских организаций в странах АТР. В частности, позитивное воздействие на формирование приверженности идее мира и ненасилия оказывает миротворческая активность японской религиозной школы «Сока гаккай», которая объединяет около 10 млн. последователей. Мировоззренческую позицию этой секты характеризуют осуждение насилия, осознание пагубных последствий ядерной войны, гуманистическое толкование смысла человеческой жизни.

Различные миролюбивые движения мировой общественности создают тот идеологический климат, с которым нельзя не считаться при проведении международной политики.

Советская концепция мира и безопасности, таким образом, развивается

в русле общемировой гуманистической мысли, выработав которую человеческий разум вышел из состояния варварства и дикости. Она отвечает думам и чаяниям миллионов людей — участников антиядерного движения, поднимающих свой голос в защиту права на выживание.

Идея о необходимости гуманизации международных отношений стала настолько притягательной, приобрела такую силу и императивный характер, что стала воплощаться в международных соглашениях, в юридических актах и других документах, регулирующих жизнь тех или иных государств. Иными словами, эта идея уже поднимается до уровня основополагающего принципа внешнеполитической доктрины, принятие и неукоснительное следование которой будет означать наступление новой эры в истории человечества.

За мир, против ядерного оружия, за предоставление народам права самостоятельного выбора путей политического развития, за установление нового международного экономического порядка, основанного на справедливости и человеколюбии, решительно выступает большая группа неприсоединившихся государств. Духом гуманизма проникнуты неоднократные призывы лидеров стран — влиятельных участников движения неприсоединения к руководителям США и СССР покончить с гонкой ядерных вооружений, объединить свои усилия во имя созидательной деятельности на благо человечества.

Так, в совместном заявлении лидеров Аргентины, Греции, Индии, Мексики, Танзании и Швеции от 22 мая 1987 г. содержится страстный призыв начать наконец процесс ядерного разоружения, с тем чтобы заложить основу более безопасного мира и спасти будущие поколения от кошмара ядерной катастрофы. В своем ответе на это заявление советский руководитель М. С. Горбачев подчеркнул: «Благородные устремления лидеров шести государств, отраженные в их совместном заявлении, не только находят полное понимание и активную поддержку с нашей стороны, но и укрепляют нашу уверенность в конечном торжестве человеческого разума, побуждают нас к еще более энергичным действиям ради реализации мечты о безъядерном мире, ради сохранения земной цивилизации»⁵.

Примером гуманизации международных отношений является Делийская декларация о принципах свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира, подписанная в ноябре 1986 г. премьер-министром Республики Индия Р. Ганди и Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым. Декларация провозгласила человеческую жизнь высшей ценностью, а в качестве норм общения в международном сообществе выдвинула такие моральные принципы, как ненасилие, взаимопонимание и доверие, на которых должна основываться политика разоружения и мира.

Великолепные примеры преданности идее мира и разоружения, желание ограничить действие сил зла, стремящихся толкнуть человечество в пучину ядерной катастрофы, дает общественность Японии. Широкое антиядерное движение охватило практически всю японскую нацию, которая первой на себе испытала ужасы атомных бомбардировок и не желает повторения трагедии Хиросимы и Нагасаки. Отражением господствующих в стране настроений явился отказ Японии от войны как средства разрешения международных конфликтов. Конституция 1947 г., законодательно закрепившая этот принцип, явилась выдающимся политическим документом послевоенного времени. Большое значение имеет также провозглашение Японией «трех неядерных принципов». Последовательное осуществление на практике названных принципов явилось бы важным вкладом Японии в борьбу за утверждение и осуществление гуманистических принципов международных отношений, создание безъядерного мира. Как страна, обладающая одним из крупнейших

промышленных потенциалов, она в состоянии сыграть большую историческую роль в деле утверждения принципов всеобщего мира. К сожалению, правящие круги Токио в последние годы в обход конституции страны и «трех неядерных принципов» стремятся все теснее привязать страну к милитаристской политике США в Азии. Это находит свое выражение как в едва прикрытом потакательстве наращиванию американских носителей ядерного оружия на территории Японии, так и в прямом участии японской стороны в осуществлении американской программы «звездных войн» — СОИ. Это выражается и в увеличении военного бюджета страны, уже превысившего при правительстве Накасонэ барьер 1 % ВВП.

Итак, советские ученые в своих исследованиях разрабатывают концепцию всеобъемлющей системы международной безопасности, которая исходит из гуманистических принципов, отстаивающих в качестве наивысшей ценности человеческую жизнь и осуждающих войны как величайшее злодеяние, несовместимое с моральным самосознанием людей. Усилия по поддержанию мира мы считаем своим основным нравственным императивом. В этом мы видим главное и неременное условие выживания человечества и сохранения мировой цивилизации.

**Токийская декларация
Конференции ректоров университетов и директоров
научно-исследовательских институтов Азии и тихоокеанского региона, 1987 г.**

Конференция пришла к следующим общим выводам:

1. Динамичное развитие азиатско-тихоокеанского региона, где сосуществуют высокоразвитые, среднеразвитые и развивающиеся страны, тесно связано с тем, удастся ли сохранить мир и процветание на Земле к началу XXI в. Широкое сотрудничество университетов и НИИ Азии и бассейна Тихого океана независимо от различия политических систем и культурно-социальных традиций стран этого региона явится крупным вкладом не только в дело сохранения мира и процветания в регионе, но и мира во всем мире.

2. Нынешний мир поддерживается лишь угрозой ядерной войны и является неустойчивым. Создание подлинно стабильной мирной международной обстановки на Земле требует от университетов и НИИ усиления воспитания подрастающих поколений в духе мира, укрепления взаимопонимания и доверия путем обменов педагогами и научными сотрудниками. Все педагоги и ученые должны осознать свою миссию и играть более активную роль в достижении этих целей.

3. Спортивный обмен между университетами вносит большой вклад в дело дружбы между народами, моральной солидарности подрастающих поколений.

4. Наука и техника должны использоваться только в целях процветания народов и направляться человеческим разумом. Педагоги университетов и ученые должны, развивая такой подход, открыть дорогу к XXI в.

5. Азия и бассейн Тихого океана — это регион с различными культурами и образами жизни народов, разными уровнями развития стран. Мы должны, уважая эти различия и используя современные научно-технические средства, укреплять взаимопонимание и солидарность между собой.

6. Участники конференции высоко оценили тот факт, что впервые в азиатско-тихоокеанском регионе состоялась международная встреча ректоров университетов и директоров НИИ, и высказались за регулярное проведение таких конференций в будущем. С этой целью решено учредить при университете Токай (Токио, Япония) Бюро связи. Место проведения следующей конфе-

ренности будет установлено после проведения консультации с университетами и НИИ, выступившими инициаторами настоящей встречи.

7. Ректор Университета им. Тафта (Бостон, США) выступил с предложением провести в сентябре 1988 г. в городе Таллоирес во Франции Всемирную конференцию ректоров университетов, посвященную проблемам мира. Участники конференции поддержали эту инициативу. Условлено, что Университет им. Тафта возьмет на себя полную ответственность за организацию и проведение этой конференции.

Нынешняя встреча ректоров университетов и директоров НИИ стран Азии и бассейна Тихого океана проведена на основе договоренностей, достигнутых на подготовительной встрече по проведению данной конференции, состоявшейся в Токио в декабре 1986 г., с участием представителей Университета им. Тафта (США), Института Дальнего Востока Академии наук СССР, Новосибирского университета (СССР), Китайского народного университета (КНР) и университета Токай (Япония). Подготовительную и организационную работу по проведению настоящей конференции осуществил университет Токай.

¹ Древнекитайская философия. Т. I, М., 1972, с. 153.

² Там же, с. 167.

³ Там же, с. 124.

⁴ Там же, с. 193—194.

⁵ «Правда», 12.VI. 1987.

Развитие политической системы КНР

К. А. ЕГОРОВ,
кандидат юридических наук

Объективная необходимость проведения преобразований в политической системе КНР определяется сложившимися с конца 70-х гг. условиями ускоренного развития производительных сил и совершенствования производственных отношений, преодоления материально-технического отставания страны и осуществления социалистической модернизации Китая. Ускорение социально-экономического развития страны, углубление социалистических преобразований требуют создания стабильной и эффективной политической системы, служащей важнейшим инструментом всесторонних и глубоких реформ, перестройки всей совокупности общественных отношений.

Для достижения конкретных целей совершенствования политической системы предполагается стимулировать социалистическую активность народных масс, обеспечить включение трудящихся в процесс реформ путем демократизации политической жизни общества и системы управления, постепенно развернуть проводимые преобразования во всеобъемлющую социалистическую демократию.

После 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.) параллельно с проведением реформы хозяйственной системы предпринимаются некоторые шаги по преобразованию политической системы. В их числе: выступление КПК против культа личности, отказ от практики фактически пожизненного пребывания на руководящих партийных и государственных должностях, ограничение продолжительности пребывания на руководящих должностях в партийном и государственном аппаратах, законодательное закрепление разделения функций партийных и государственных органов, децентрализация системы государственного управления при расширении полномочий местных органов государства, восстановление упраздненного в 1958 г. (в связи с организацией народных коммун) волостного звена партийного и государственного аппарата, предоставление хозяйственной самостоятельности предприятиям при установлении единоначалия и ответственности их руководства, активизация законодательной деятельности в стране, решение кадровых вопросов применительно к требованиям социалистической модернизации Китая.

Таким образом, была проделана подготовительная работа к более глубоким преобразованиям в политической системе, не означающим изменения существа политического строя. Вопрос о реформе политической системы начал широко обсуждаться в КНР в середине 1986 г., когда руководством КПК было указано на актуальную потребность в преобразованиях политической системы, в которой обнаружилось «немало изъянов», препятствующих «выявлению преимуществ социалистического строя»¹.

К этому времени в Китае возобладало убеждение в том, что замедление экономической реформы объясняется отсутствием преобразований в других областях, что проведение мероприятий по модернизации в материальной

сфере объективно требует «модернизации политической системы, культуры, общественного сознания»². Реформа политической системы стала рассматриваться как «всесторонняя реформа», затрагивающая сферы экономики, политики, общественного сознания, культуры, образования, науки и техники, кадровой системы³.

При обсуждении поставленных проблем также высказывались иные мнения, сводившиеся к тому, что реформа политической системы должна быть особо выделена из всей совокупности в отдельное направление преобразований, нацеленных на превращение народа в условиях широкой демократии в подлинного субъекта политического властвования в стране, что реформа должна быть процессом непрерывного укрепления и совершенствования политического механизма⁴. Некоторые полагали, что реформу политической системы не следует считать неизбежным следствием хозяйственной реформы, что первая может проводиться независимо от второй. Их оппоненты, напротив, считали, что проведение политической реформы независимо от конкретных требований хозяйственной реформы лишает первую каких-либо перспектив⁵.

Предметом дискуссии явилось определение главной цели реформы. Одни усматривали такую цель в борьбе с феодальными пережитками в сознании людей, в преодолении бюрократизма, в демократизации политической жизни страны, в усилении демократических форм управления. Другие видели главную задачу реформы в решении вопроса о чрезмерной централизации власти, т. е. в ее децентрализации, а также в создании демократической системы принятия политических решений на научной основе⁶.

Различные мнения высказывались и в отношении объекта реформы политической системы, основными компонентами которой в юридической науке социалистических стран принято считать политическую структуру, организацию институтов, политические и правовые нормы, политические отношения, политическое сознание, политическую культуру. Судя по высказываниям китайской печати о характере предполагаемых преобразований, они так или иначе затрагивают названные элементы политической системы, при этом особое внимание уделяется изменениям в различных политических и государственных институтах, упорядочению функций между ними, повышению эффективности политического руководства и управления⁷. Предполагается такое повышение эффективности работы институтов политической системы, при котором они приобрели бы способность своевременно и правильно решать вопросы общественного развития и при этом обладали бы высоким политическим и правовым авторитетом⁸.

При обсуждении вопросов реформы давались неоднозначные оценки содержания и способов ее проведения. Одни предлагали ограничиться выправлением стиля работы партийных и государственных органов, а также перестройкой характера мышления. Другие выступали за преобразование существующих политических институтов⁹. В ходе дискуссии утвердилось убеждение в том, что необходимо отказаться от прежних взглядов, которые на практике показали свою непригодность и несоответствие переменам, а также в том, что реформа включает в себя ряд задач, подчиненных требованиям социалистической модернизации страны: совершенствование структуры партийного и государственного руководства, расширение социалистической демократии, укрепление социалистической законности. При этом, как подчеркивается в китайской печати, непременным условием правильного решения этих задач является руководство со стороны КПК и использование орудий демократической диктатуры народа как специфической формы государственной власти в КНР¹⁰.

Сложный, комплексный характер намеченных преобразований определил осторожный подход к реформе политической системы, установлению ее

«границ и рамок», выяснению, с чего начать¹¹. В связи с этим считается необходимым вначале провести «тщательные исследования» и не спешить с проведением конкретных мероприятий. Более того, в печати высказываются опасения в том, что проведение реформы «неизбежно вызовет идейные шатания», чреватые опасностью «ослабления и даже ликвидации руководящей роли партии» и изменения «существа социалистического строя». Сообщалось и о предложениях вовсе отказаться от реформы политической системы¹², а сосредоточить усилия на укреплении существующих политических институтов.

6-й пленум ЦК КПК 12-го созыва (сентябрь 1986 г.) в Постановлении относительно руководящего курса ЦК КПК по вопросу строительства социалистической духовной культуры¹³ подтвердил курс на реформу политической системы, определив ее место в общей схеме социалистической модернизации КНР: экономическое строительство как центральное звено, реформа хозяйственной системы, реформа политической системы, усиление строительства социалистической духовной культуры. Пленум определил реформу политической системы как «крайне сложную работу», которую надлежит вести под руководством ЦК КПК «путем основательного обследования и тщательной разработки всех мероприятий».

В публикациях партийной печати после пленума ЦК КПК указывалось, что реформа политической системы, представляющая собой «крупный проект», рассчитана на пять лет и должна проводиться поэтапно, в условиях «непрерывного поиска» и «обобщения опыта»¹⁴. Печать осуждает нетерпеливость и стремление к немедленному результату в проведении реформы политической системы¹⁵. При этом особенно подчеркивается необходимость создания надлежащих политических условий для стабильного развития процесса социалистической модернизации¹⁶.

Выделяя практически-политическую сторону реформы, китайская печать указывает и на принципиальную сторону предполагаемых преобразований: «Если не придерживаться марксизма, реформа может свернуть с социалистического направления»¹⁷. Поэтому в докладе о работе правительства на пятой сессии ВСНП шестого созыва (25 марта 1987 г.) и. о. Генерального секретаря ЦК КПК, премьер Госсовета КНР Чжао Цзыян особо отметил, что при подготовке проекта реформы предполагается «произвести дальнейшее уточнение принципов, содержания, главных моментов и шагов реформы политической системы»¹⁸.

В связи с постановкой общих целей и основных направлений преобразования политической системы выявляются три больших блока проблем, подлежащих решению в рамках намечаемой реформы: уточнение сферы деятельности КПК путем четкого разграничения функций органов партии, государства и хозяйственных организаций; повышение эффективности работы различных институтов политической системы; внедрение норм социалистической демократии в деятельность политических институтов.

Без четкого уточнения функций КПК, в прошлом длительное время допуская смешение полномочий военных, партийных, государственных органов и хозяйственных организаций, в современных условиях оказывается практически невозможным подлинное осуществление политического, идеологического и организационного руководства партии, развитие ее авангардной роли в обществе и государстве.

На XII съезде КПК (сентябрь 1982 г.), отметившем важность фактического разграничения функций партийного и государственного аппаратов, говорилось и о путях решения проблемы: партия определяет цели общественного развития, принимает наиболее важные политические решения, разрабатывает стратегию и тактику борьбы за достижение поставленных целей, осуществляет

руководство обществом и государством путем идеологического обеспечения своей политической линии и курса при организационно-политической поддержке членов КПК, действующих внутри различных институтов политической системы; с помощью идеологической работы в массах трудящихся партия мобилизует их на проведение в жизнь выработанной ею политики; направляет деятельность органов народного контроля и широко использует инструмент общественного мнения; партия подбирает, выдвигает и контролирует управленческие кадры во всех сферах жизни общества. Что касается правового положения партии по отношению к государству, то в Уставе КПК, принятом на XII съезде, определялось, что партия «должна действовать в рамках Конституции и законов»¹⁹. Вместе с тем анализ материалов по вопросам преобразования политической системы КНР в целом свидетельствует об отсутствии у исполнителей достаточно четких представлений о разграничении функций партийных и государственных органов. На практике продолжает допускаться прямое вмешательство руководящих кадров, занимающихся организационно-партийной работой, в деятельность государственных органов и хозяйственных организаций.

С 1984 г. на части промышленных предприятий КНР введена система ответственности директоров (управляющих) предприятий, где хозяйственные органы освобождаются от повседневной опеки со стороны партийных комитетов и устанавливается единоличное хозяйственное руководство директора. Тем не менее при создании объединений предприятий (фирм, компаний) министерства и ведомства стали проявлять заинтересованность в возрождении традиционных методов партийной работы: секретарь партийного комитета назначался председателем правления компании, в состав правления вводилось большое число членов парткома; на предприятии создавался фонд правления, которым распоряжался председатель правления, то есть секретарь парткома, что существенно усиливало его полномочия и возвращало к положению «единого руководства» парткома, а точнее, его секретаря. В этой связи китайская печать отмечала, что традиционные взгляды и методы работы препятствуют проведению хозяйственной реформы²⁰. Изменить подобное положение была призвана реформа политической системы.

В рамках намечаемых преобразований предполагается освободить партийные комитеты от принятия административно-хозяйственных решений, сконцентрировать их усилия на выработке линии, курса, политических установок, на идеологической и организационно-партийной работе. Как указывала китайская печать, эта мера должна способствовать усилению позиций КПК как ядра политической системы.

Дело в том, что непоколебимый принцип «единого партийного руководства» утвердился еще со времени первых революционных опорных баз, а в период борьбы китайского народа против японского империализма закрепилось единое руководство партии органами государственной власти и управления, а также вооруженными силами, вызывавшееся объективной необходимостью того исторического периода. Традиции длительное время сохранялись, хотя условия в стране существенно изменились. Вот почему известный китайский ученый-правовед Чжан Ююй считает необходимость разделения функций партийных и государственных органов не только «первым шагом» реформы политической системы, но и ее «ключевым звеном»²¹. По мнению китайского ученого, отношения между органами КПК и государственной власти должны строиться таким образом: партийный орган выдвигает перед органами государства предложения, носящие рекомендательный характер; партийная организация вносит предложения об избрании органом государственной власти или назначении органом государственного управления тех или иных должностных лиц (при этом

строго соблюдается установленная законом процедура, при которой партийный орган должен уважать решение собрания народных представителей и гарантировать его исполнение). Между тем на практике партийные органы по-прежнему требуют неукоснительного утверждения рекомендованных ими кандидатур органами государственной власти²². Реформа ставит задачей изменение подобного положения.

Следует отметить, что в условиях хозяйственной реформы уже теперь принимаются практические шаги к четкому разделению функций партийных и государственных органов в низовых звеньях. Соответствующие мероприятия проводятся на основании опубликованного в октябре 1986 г. Уведомления ЦК КПК и Госсовета КНР об усилении работы по строительству низовых органов государственной власти в сельской местности²³. Согласно этому акту, волостной партийный комитет обязан гарантировать волостным народным правительствам их полномочия, предусмотренные Конституцией КНР и законами государства. В частности, указывается на необходимость обеспечения независимого положения руководителя волостного народного правительства (начальника волости) при проведении им административной работы в своей административно-территориальной единице. В уведомлении подчеркивается, что волостные комитеты КПК не должны заниматься делами, входящими в компетенцию волостного правительства. Парткомы волостей призваны «сконцентрировать силы на проведении линии, курса и политических установок партии, на идеологическом и организационном строительстве низовых партийных звеньев, на усилении руководства партийной организацией комсомольскими, женскими организациями, организациями ополченцев, на идейно-политическом воспитании крестьянских масс».

Политическая линия и установки КПК конкретизируются органами социалистического государства применительно к политическим ситуациям и управленческим проблемам. Государственные решения, оформляемые в нормативных актах, придают партийным директивам общеобязательный характер. Отличаясь всеохватывающим характером, обладая монополией на применение государственно-принудительных мер, социалистическое государство становится цементирующей основой политической системы.

Отсюда — особое место в ряду преобразований, отводимое мерам по повышению эффективности государственного механизма, приобретающему исключительно важное значение в условиях всесторонней реформы.

Ведущее звено социалистической государственной структуры — система представительных органов государственной власти — длительное время не занимало в политической системе КНР места, определенного ее социалистической природой. Доминирующую роль играли органы государственного управления, подменявшие собрания народных представителей различных ступеней.

Поэтому ведущим направлением преобразований государственного аппарата является активизация и совершенствование деятельности органов государственной власти. Важным шагом к проведению таких преобразований служит совершенствование избирательного процесса, находящее конкретное выражение в положении об избрании депутатов собраний народных представителей седьмого созыва (1988—1992), которое учитывает ряд требований предстоящей реформы политической системы.

Новые моменты, связанные с ожидаемыми преобразованиями, в частности, нашли свое отражение в выступлениях депутатов на пятой сессии ВСНП шестого созыва (в марте—апреле 1987 г.), призывавших не допускать предварительного назначения кандидатов по разверстке, устанавливаемой сверху, производить отбор кандидатур из числа людей, способных смело отстаивать определенные принципы, умело отражать интересы представляемых общественных

групп, заинтересованно заниматься общественной деятельностью²⁴.

В то же время совершенствование практики избирательной кампании ведется на основе действующего законодательства КНР, предусматривающего, например, включение в первоначальные списки кандидатов только лиц, выдвинутых в установленном избирательным законом порядке от различных политических партий и организаций, а также от групп избирателей в количестве не менее одиннадцати человек.

В плане предстоящих преобразований в КНР обсуждаются и вопросы совершенствования порядка деятельности депутатов собраний. Так, в связи с развитием контрольных функций представительных органов государственной власти большое внимание обращается на улучшение качества регулярно проводимых депутатских проверок, при этом предъявляются повышенные требования к индивидуальной подготовленности депутатов к такого рода деятельности с точки зрения адекватности уровня общего образования, квалификации, рода занятий и проистекающей из этого способности давать компетентные заключения по результатам обследований²⁵.

С этой целью в Пекине, Шанхае, ряде провинций и городов страны депутаты собраний народных представителей наделены правом индивидуальной самостоятельной проверки работы смежных по профилю их деятельности учреждений и предприятий. Причем депутатские проверки могут осуществляться без предварительного согласия соответствующих подразделений местных народных правительств, а всем обследуемым депутатами учреждениям и предприятиям предписывается предоставлять депутатам необходимую информацию и отвечать на их запросы.

Хотя указанное мероприятие носит экспериментальный характер, при подтверждении его практической целесообразности оно может стать нормой политической жизни.

Предусматривается также повышение эффективности работы членов постоянных комитетов — постоянно действующих органов собраний народных представителей. С этой целью предполагается включить по возможности большее их число в деятельность различных комиссий собраний, что в свою очередь требует улучшения состава постоянных комитетов. Необходимые шаги в указанном направлении могут предприниматься путем отбора лиц, обладающих известным уровнем общего образования и специальной подготовки, физически здоровых. Именно на такой основе ведется выдвижение кандидатов в члены постоянных комитетов собраний народных представителей седьмого созыва²⁶.

В ходе преобразований государственного аппарата учитывается опыт государственного строительства в революционных опорных базах и освобожденных районах до образования КНР. Прежде всего ставится вопрос о расширении социальной базы органов государственной власти, а в качестве способа решения такого вопроса указывается на опыт применения при формировании органов власти в период антияпонской войны предложенного китайскими коммунистами принципа «трех третей», предусматривающего удержание доли членов КПК в этих органах на уровне одной трети всего состава при широком привлечении в органы власти масс беспартийных. Как указывает китайский юрист Чжан Ююй, под влиянием «левацких» идей в прошлом удельный вес беспартийных или членов демократических партий в последующие годы существенно образом снизился. В настоящее время вновь ставится вопрос о расширении социальной базы власти за счет привлечения в представительные органы более широких слоев общества, в том числе беспартийных активистов²⁷.

В условиях хозяйственной реформы, оживления экономической деятельности в стране, активизаций внешнеэкономических связей объективно возра-

стают требования к четкой организации работы органов государственного управления — Государственного совета КНР, министерств, ведомств, местных народных правительств и их разветвленной сети функциональных подразделений. В связи с решением задач дальнейшего совершенствования системы управления ставится вопрос об овладении передовым опытом зарубежных государств²⁸.

Одной из важнейших целей в деле преобразования административного аппарата остается повышение эффективности его деятельности, изыскание способов и средств выполнения положений Конституции КНР, требующей «неуклонного повышения качества и эффективности работы» всех органов государства²⁹.

Выделяется также ряд первоочередных проблем, связанных с необходимостью установления рационального соотношения между управленческими полномочиями центральных и местных органов, органов государственного управления и хозяйственных организаций, с преодолением межрайонной и межведомственной разобщенности.

Вопросы совершенствования государственного управления обсуждались на всекитайском симпозиуме научных и практических работников в городе Тайюани (провинция Шаньси) в июле 1986 г. Участники единодушно высказались за изменение чрезмерно централизованной системы управления. При этом выявилось различие в подходах. Одни говорили о необходимости создания новой системы управления, соответствующей планово-товарной экономике, формирующейся в ходе хозяйственной реформы. Другие выступали за такую систему административного управления модернизацией, которая удовлетворяла бы трем основным требованиям. Во-первых, обеспечивалась бы научность управления, включающая такие моменты, как научно обоснованное принятие решений, демократизация управленческой деятельности, расширение полномочий местных народных правительств и самостоятельности предприятий в области хозяйственной деятельности. Во-вторых, осуществлялось бы юридически регламентированное управление при наличии сравнительно целостной административно-правовой системы и механизма контроля за исполнением соответствующих нормативных актов. В-третьих, проводилась бы модернизация в области организационной структуры, способов управления, предполагающая известное повышение уровня знаний кадровых работников³⁰.

Реформированная система управления должна обеспечить последовательное осуществление принципа сочетания планового государственного руководства с рыночным регулированием и соответственно разграничение компетенции органов государственного управления и хозяйственных единиц, целесообразное соединение управления на макро- и микроуровнях в условиях расширения самоуправления предприятий и их самохозяйствования, открытия рынков, в том числе рынков средств производства, материальных ресурсов, труда, информации.

В сфере управления определился дифференцированный подход к его объектам, выражающийся в разделении хозяйственных организаций на различные категории — в соответствии с характером производства и видом собственности. Средства производства предприятий первой категории, включающих такие отрасли промышленности, как военная, железнодорожный транспорт, авиация, связь, крупная энергетическая промышленность, важные отрасли горнодобывающей промышленности, по-прежнему остаются в собственности государства. Поэтому органы государственного управления на основе директивных планов определяют направление производственной деятельности, количественные показатели, ценообразование.

3. Относящиеся ко второй категории крупные предприятия металлургической,

машиностроительной, химической промышленности, средства производства которых также являются государственной собственностью, могут вступать в рыночную конкуренцию, а государственное регулирование осуществляется на основе как направляющих, так и директивных планов.

Предприятия третьей категории, производящие товары широкого потребления, располагают средствами производства, принадлежащими акционерам, производящим паевые взносы, а государство регулирует хозяйственную деятельность таких предприятий, осуществляя контроль над акционерным капиталом, разрабатывая направляющие планы и разрешая предприятиям вступать в рыночную конкуренцию.

К четвертой категории относятся предприятия, основанные на коллективной собственности. Государство регулирует их деятельность при помощи народнохозяйственных планов и других экономических рычагов, не допуская непосредственного административного вмешательства, но оставляя за собой право участия в их производственной деятельности.

В пятую категорию входят предприятия, объединяющие общенародную, коллективную и индивидуальную собственность, сообща владеющие средствами производства в соответствии с размерами пая. Государство в качестве пайщика оказывает влияние на принятие производственно-хозяйственных решений, не допуская административного вмешательства в другие сферы хозяйственной и иной деятельности.

В ходе дискуссии высказывалось также мнение о том, что на макроуровне экономика должна быть подконтрольной государству и управляемой им, а на микроуровне она может быть «свободной и оживленной». Но в таком случае государство должно пользоваться арсеналом законодательно закрепленных средств, способных ограничивать действия хозяйственных организаций, направленные на извлечение выгоды в ущерб интересам других предприятий и общества в целом. Сторонники такой концепции полагают, что таким образом удастся избежать явлений анархии в микросфере, в то же время осуществляя «активное управление» макросферой, то есть принимая решения по таким важным вопросам, как темпы и направление развития народного хозяйства и его отдельных отраслей, а также используя экономические рычаги в целях осуществления поставленных целей.

Совершенствование государственно-управленческой деятельности становится местом стыковки реформы политической системы и хозяйственной реформы. В частности, при обсуждении проблем социалистических преобразований указывается на то, что одна из важных задач реформы политической системы вытекает из необходимости изменения сложившихся неправильных традиционных представлений. К их числу относится традиционный взгляд на правительство как на «всемогущую» организацию, власть которой не имеет границ³¹. Практическим выражением этой идеи служит перекладывание предприятиями решения всех вопросов на органы государственного управления. Решение задачи хозяйственной реформы по усилению самостоятельности, сферы самохозяйствования предприятий имеет непосредственное отношение к совершенствованию системы государственного управления страны.

Например, решение вопросов хозяйственной реформы тесно связано с четким разделением функций директора предприятия, партийного комитета и профсоюзного комитета, поскольку отсутствие полной ясности в данном отношении препятствует эффективному осуществлению системы ответственности директора (управляющего). Кроме того, до сих пор лишена достаточной ясности обсуждаемая в различных кругах общества концепция, рассматривающая предприятия в качестве «хозяев общества»³².

Упорядочение экономических функций органов государственного управле-

ния призвано способствовать проведению хозяйственной реформы, требующей повышения эффективности работы административного аппарата. Однако, как указывает китайская печать, организационная структура этого аппарата и методы его деятельности не удовлетворяют требованиям хозяйственной реформы³³.

Исправить существующее положение призвана реформа политической системы, предполагающая проведение структурной реформы административного аппарата, кадровой системы управленческих органов, выработку законодательных норм, адекватных требованиям проводящихся преобразований. По мнению ряда китайских ученых, без достижения существенного прогресса в этих областях, даже при усвершенствовании функций органов государственного управления, последние не смогут эффективно выполнять свои функции в качестве субъектов хозяйственной деятельности.

В условиях социалистических преобразований резко возросла потребность в компетентных административных и хозяйственных кадрах. В настоящее время придается значение освоению опыта освобожденных районов периода антияпонской войны, когда успешно функционировали административно-политические учебные заведения и школы административных кадров, упраздненные после образования КНР. Теперь вновь возникла актуальная потребность в восстановлении системы соответствующих учебных заведений для подготовки квалифицированных административно-управленческих кадров. С этой целью предполагается прежде всего провести широкую переподготовку, повышение квалификации кадров, особенно руководителей местных органов государственного управления³⁴. При решении кадрового вопроса также уделяется необходимое внимание приобретению практического опыта молодыми специалистами, направляемыми на стажировку в низовые организации, в качестве обязательного предварительного условия для последующего назначения на руководящие должности в административном аппарате³⁵.

Преобразования административной системы включают разработку административных и хозяйственных правовых норм, согласующих действия предприятий и правительства, а также создание структуры государственных контрольных учреждений. В этом плане важным шагом явилось восстановление существовавшего в КНР в 50-х гг. Министерства государственного контроля, на которое возложены функции проверки деятельности работников государственного аппарата, решения вопросов улучшения и укрепления административного управления, совершенствования деятельности административной системы страны. Образование министерства рассматривается в рамках разделения функций партийного и государственного аппарата: в компетенцию министерства передан ряд вопросов, решавшихся центральной и местными комиссиями КПК по проверке дисциплины³⁶.

В свете предстоящей реформы политической системы рассматриваются некоторые аспекты прошлого революционного опыта Китая и в области более четкого разграничения полномочий должностных лиц государственного аппарата, чтобы избежать его разбухания и повысить эффективность работы. В этой связи обсуждается вопрос о более подробном законодательном определении сферы компетенции ответственных работников органов государственного управления различных ступеней.

Повышение эффективности работы управленческого аппарата связывается с разработкой необходимых мер по рациональному применению административных и уголовных санкций в отношении должностных проступков и преступлений. Выступая по этому вопросу на пятой сессии ВСНП шестого созыва (апрель 1987 г.), председатель Верховного народного суда КНР Чжэн Тяньсян отметил большую трудность и сложность решаемой проблемы, заключающуюся, в частности, в том, что «нередко серьезная преступная деятельность перепле-

тается с упущениями в работе», связанными с нехваткой опыта, порочным стилем, бюрократизмом, а также с наличием «изъянов в действующей системе»³⁷.

Отмечаемые недостатки, в частности, относятся к низовому звену государственных органов, где сложилось, например, такое положение, когда многочисленные подразделения народного правительства уездного уровня создают в волостном звене свои «филиалы», непосредственно подчиненные им по вертикали и настолько тесно связанные с подразделениями уездных народных правительств, что волостным народным правительством оказывается весьма трудно обеспечить единство государственного управления в пределах своей волости. Предполагаемая реформа призвана изменить сложившуюся структуру управления за счет расширения сферы компетенции нижестоящих звеньев управленческого аппарата.

Практически значимым мероприятием в указанном направлении явилось принятие ЦК КПК и Госсоветом КНР Уведомления об усилении работы по строительству низовых органов государственной власти в сельской местности, предусматривающего отказ от ранее учрежденных районных управ в качестве промежуточных административных звеньев ниже уездного уровня (исключения могут составить лишь пограничные, отдаленные и горные районы с неудобными средствами сообщения).

Определенные недочеты в структуре управления имеют место и в хозяйственных организациях. Так, проведенное в рамках хозяйственной реформы предоставление предприятиям самостоятельности в области хозяйственной деятельности сопровождается попытками органов государственного управления изъять хозяйственно-управленческие полномочия предприятий и передать их в руки административных групп, создаваемых министерствами, ведомствами или отделами местных народных правительств. Практика свидетельствует о том, что работники органов государственного управления не расстаются со сложившимися, но уже изжившими себя формами отношений с нижестоящими организациями, что приводит к снижению эффективности производства³⁸.

Поэтому при проведении реформы политической системы предполагается закрепить в законодательном порядке расширение самоуправленческих полномочий хозяйственных организаций. Важнейший шаг к этому — принятие нормативных актов, которые определили рамки ответственности директора государственного промышленного предприятия. 15 сентября 1986 г. ЦК КПК и Госсовет КНР приняли Положение о работе директоров государственных промышленных предприятий и Положение о деятельности собраний рабочих и служащих, введенные в действие с 1 октября 1986 г.

Согласно положениям, на предприятии образуется возглавляемый директором комитет управления в составе директора, его заместителей, главного инженера, главного экономиста, главного бухгалтера, секретаря партийного комитета, председателя профсоюзного комитета, секретаря комсомольской организации и представителя, избранного собранием рабочих и служащих данного предприятия. Введение новой системы хозяйственного управления призвано модернизировать деятельность социалистических предприятий в стране.

Помимо того, в рамках преобразований предстоящие перемены уже теперь отрабатываются в экспериментальном порядке. Объектом для проведения опытных мероприятий стали в настоящее время 16 китайских городов среднего размера, в которых практически изучаются возможности повышения эффективности управления, придания ему гибкости, усиления ответственности различных административных органов и координации их деятельности. При этом ожидается создание принципиально новой системы управления экономикой городов, отвечающей требованиям развития планового товарного хозяйства, уско-

рения процесса принятия решений и их исполнения, улучшения сбора и обработки экономической информации. Главные звенья таких преобразований — усиление различных рычагов управления экономикой, реорганизация административного аппарата, усиление полномочий местных органов, перестройка кадровой системы и системы ответственности руководящих кадров, установление более четкого разделения функций внутри аппарата.

Важнейшим мероприятием реформы хозяйственной и политической систем считается включение трудящихся в процесс социалистических преобразований путем демократизации различных сфер жизни китайского общества, утверждение демократических принципов и этических норм. Это связано с преодолением важного рубежа — изживанием пренебрежительного отношения к демократии, утверждением духа следования законам, отказом от практики подмены государственных законов партийными директивами, обеспечением реального участия народных масс в политическом управлении страной.

Со времени 3-го пленума ЦК КПСС 11-го созыва (декабрь 1978 г.) китайская партийная печать неизменно подчеркивает, что «без развития демократии не может быть социалистической модернизации», что «нужно на деле осуществлять демократизацию политической жизни партии и государства, хозяйственного управления и всей общественной жизни»³⁹. Основные направления развития социалистической демократии в Китае были указаны в решениях XII съезда КПК (1982 г.), на котором в то же время высказывалось предупреждение о том, что для создания системы социалистической демократии в Китае «потребуется много времени и труда»⁴⁰. Сложную проблему представляет в КНР и утверждение режима законности, остающееся, по словам председателя Постоянного комитета ВСНП Пэн Чжэня, «коренной задачей» страны⁴¹.

Демократизация рассматривается в КНР как необходимое условие для проведения сложного комплекса преобразований в экономической, политической, культурной сферах, в области общественного сознания, как часть общего процесса совершенствования социалистической системы.

В докладе о работе правительства на пятой сессии ВСНП шестого созыва (1987) и. о. Генерального секретаря ЦК КПК, премьер Госсовета Чжао Цзыян связал перспективы развития социалистической демократии в Китае с поддержанием неизменного руководства со стороны КПК, с неуклонным следованием по социалистическому пути, с укреплением и развитием политической обстановки стабильности и сплоченности, с последовательным проведением предстоящей реформы политической системы⁴².

В осуществлении социалистической демократизации в Китае усматривают основу реформы политической системы. Путь демократического обновления политической жизни китайского общества видится в существенном повышении роли общественного мнения, в связи с чем решительно подчеркивается значение гласности: государство информирует народные массы об успехах строительства, а также о трудностях и проблемах; государственные органы занимаются серьезным изучением мнения общественности, с готовностью воспринимают рациональные предложения и справедливую критику; принимаются необходимые меры для устранения отчуждения среди людей, установления между ними контактов и взаимопонимания⁴³.

Совершенствование демократических форм направляется и по пути создания эффективно действующего механизма выработки и принятия политических решений, обеспечивающего выбор оптимальных вариантов, учет и сопоставление мнений и предложений. Важнейшими компонентами такого механизма должны стать система консультаций и обсуждений, научные экспертные оценки, государственный и общественный контроль над процессом принятия и исполнения решений, обеспечение обратной связи между органами, принимающими

и исполняющими решения. В этом механизме немаловажная роль отводится исследовательским группам при руководстве. При этом предусматривается разработка законодательных мер правовой защиты лиц, занимающихся такого рода научными исследованиями, включая юридическое запрещение преследования таких лиц за отстаивание своих принципиальных взглядов⁴⁴.

На пятой сессии ВСНП (1987) ставился вопрос о создании необходимых условий для практического участия широких масс народа в деле демократизации на основе внедрения демократических форм общественного сознания, привития демократических навыков активного участия в политической жизни. Указывалось на необходимость принятия соответствующих мер со стороны государства, включающих законодательное закрепление демократических форм, гарантии реализации конституционных прав и свобод, укрепление режима законности и правопорядка, а также демократизацию деятельности государственного аппарата, и прежде всего превращение собраний народных представителей в настоящую политическую основу государства⁴⁵. Депутаты ВСНП требовали в такой мере усовершенствовать контрольные функции представительных органов государственной власти, чтобы облегчалась возможность предотвращения и своевременного вскрытия любых нарушений законов, посягательств на конституционные права и законные интересы граждан.

Кроме того, в Китае уже на данном этапе говорят о развитии некоторых начал самоуправления, вырастающих из исторически сложившихся форм «демократических консультаций» — массовых политических консультативных совещаний представителей различных слоев народа⁴⁶. В этой связи рассматриваются пути повышения политической роли органов единого фронта — Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая (НПККСК) и органов НПККСК на местах.

Так, на последней, пятой сессии Всекитайского комитета НПККСК шестого созыва (март—апрель 1987 г.) подчеркивалось, что «дальнейшее развитие роли НПККСК в социалистическом демократическом строительстве является важным содержанием совершенствования политической системы»⁴⁷. Многие делегаты сессии высказались за законодательное закрепление места и роли НПККСК в политической системе, особенно в механизме политических консультаций и демократического контроля⁴⁸.

Как отмечала китайская печать, в ходе обсуждения проблем реформы политической системы высказывались также «запутанные» и «ошибочные» суждения по вопросу о понятии «демократия», в частности говорилось о том, будто «можно говорить о демократии... без социалистического строя»⁴⁹, а преобразование политической системы вести по западному буржуазному образцу, по пути «буржуазной либерализации»⁵⁰.

Некоторый идейный разброд в указанных вопросах объясняют тем, что «по ряду различных причин в течение длительного времени в Китае не было найдено приемлемых путей и методов повышения степени демократизации и совершенствования демократической системы»⁵¹. В этой связи резко осуждается практика «широкой демократии» периода «культурной революции», а также призывы к ускорению процессов демократизации политической жизни страны, чреватому рецидивом пережитой Китаем «исторической трагедии»⁵². С другой стороны, решительно отвергается непригодная для социалистической страны буржуазная концепция «разделения властей» на законодательную, исполнительную и судебную как соответствующая «потребностям политического господства буржуазии». Такой концепции противопоставляются взгляды на совокупность государственных институтов, формируемых народом и построенных по принципу демократического централизма таким образом, что все государственные органы в конечном итоге подчиняются верховному представительному

органу государственной власти — Всекитайскому собранию народных представителей.

В то же время в ряде китайских публикаций весь демократический процесс в стране ставится в прямую зависимость от уровня развития производительных сил общества, считается, что только при условии значительного развития производительных сил общество сможет предоставить необходимые материальные условия для реализации народом демократических прав⁵³. Демократизация политической жизни предопределяется не только условиями и уровнем развития экономики, но и достигнутыми рубежами в развитии общественного сознания и культуры общества. Отсюда прорастает вывод о том, что социалистическую демократизацию следует рассматривать с высоты целостной концепции социалистической модернизации Китая.

Таким образом, проведение в КНР крупномасштабных социалистических преобразований связывается с глубокой перестройкой коренных устоев жизни современного китайского общества. Тем самым реформа политической системы рассматривается не как изолированное явление, а как неразрывная составная часть социалистического переустройства Китая.

¹ Дэн Сяопин. Избранные произв. (1975—1982). Пекин, 1985, с. 375—379.

² См.: «Жэньминь жибао», 15.VIII.1986.

³ См.: «Хунци», 1986, № 13, с. 3.

⁴ См.: «Шицзи цзинцзи даобао», 25.VIII.1986.

⁵ См.: «Бэйцзин ревью», 1986, № 46, с. 14—15.

⁶ См.: «Вэньхуэй бао», 8.VIII.1986.

⁷ См.: «Шэхуэй кэсюе», 1987, № 1, с. 29.

⁸ См.: «Цзефан жибао», 27.VIII.1986.

⁹ См.: «Бэйцзин ревью», 1986, № 32, с. 15—19.

¹⁰ См.: «Гуанмин жибао», 22.III.1987.

¹¹ См.: «Жэньминь жибао», 4.IX.1986.

¹² См.: «Гуанмин жибао», 18.IX.1986.

¹³ См.: «Жэньминь жибао», 29.IX.1986.

¹⁴ См. там же, 8.XII.1986.

¹⁵ См.: «Гуанмин жибао», 16.II.1987.

¹⁶ См.: «Жэньминь жибао», 20.III.1987.

¹⁷ «Гуанмин жибао», 22.III.1987.

¹⁸ «Жэньминь жибао», 13.IV.1987.

¹⁹ Там же, 9.IX.1982.

²⁰ См.: «Цзинцзи сюе чжоубао», 21.XII.1986.

²¹ См.: «Гуанмин жибао», 29.X.1986.

²² См. там же.

²³ См. там же.

²⁴ См.: «Жэньминь жибао», 8.IV.1987.

²⁵ См. там же.

²⁶ Там же, 15.IV.1987.

²⁷ См.: «Гуанмин жибао», 29.X.1986.

²⁸ См.: «Жэньминь жибао», 15.VIII.1986.

²⁹ См.: Китайская Народная Республика. Конституция и законодательные акты. М., 1984, с. 29.

³⁰ См.: «Гуанмин жибао», 28.VII.1986.

³¹ См. там же.

³² См. там же.

³³ См. там же.

³⁴ См. там же, 19.X.1986.

- ³⁵ См.: «Жэньминь жибао», 31.VIII.1986.
³⁶ См. там же, 29.XI.1986.
³⁷ См. там же, 16.IV.1987.
³⁸ См.: «Бэйцзин ревью», 1986, № 44, с. 4.
³⁹ «Жэньминь жибао», 29.IX.1986.
⁴⁰ См. там же, 8.IX.1982.
⁴¹ См. там же, 31.V.1984.
⁴² См. там же, 13.IV.1987.
⁴³ См. там же.
⁴⁴ См. там же, 15.VIII.1986.
⁴⁵ См. там же, 8.IV.1987.
⁴⁶ См.: «Хэйлуцзян жибао», 2.VIII.1986.
⁴⁷ «Жэньминь жибао», 30.III.1987.
⁴⁸ См. там же, 14.IV.1987.
⁴⁹ См. там же, 29.XII.1986.
⁵⁰ См. там же, 6.II.1987.
⁵¹ См. там же, 13.IV.1987.
⁵² См. там же, 25.XII.1986.
⁵³ См. там же, 23.II.1987.

Ядерное разоружение и безопасность на Дальнем Востоке

А. С. СЕРГЕЕВ

В современной международной обстановке, когда по-прежнему сохраняются тенденции к использованию военно-силовой политики в мировых делах, чрезвычайно остро стоят проблемы обеспечения безопасности. Причем безопасности, основанной не на военно-стратегических и политических комбинациях, направленных против интересов других стран, а безопасности взаимной, всеобщей, равной для всех. В этих условиях важное значение приобретает борьба против ядерного оружия, против угрозы ядерного уничтожения человеческой цивилизации. Как подчеркивалось на XXVII съезде КПСС, борьба против ядерной опасности, гонки вооружений, за сохранение и укрепление всеобщего мира является магистральным направлением деятельности Советского государства¹.

Исходя из этой ответственной задачи, Советский Союз выступил с целым комплексом основополагающих предложений по обеспечению глобальной и региональной безопасности, включая безопасность ядерную. Выдвинув 15 января 1986 г. развернутый план поэтапной ликвидации ядерного оружия до конца нынешнего столетия, сформулировав на XXVII съезде КПСС принципы всеобъемлющей системы международной безопасности, подтверждающая на практике конструктивность своей позиции в отношении запрета на все испытания ядерного оружия, советское руководство учитывает и интересы народов азиатско-тихоокеанского региона (АТР), где не только существуют сложные и запутанные противоречия, чреватые опасными конфликтами, но и весьма остро стоит вопрос об угрозе, которую представляет для региона ядерное оружие.

Особое место в этой обширной зоне с точки зрения обеспечения ядерной безопасности занимает Дальний Восток. Являясь частью АТР, Дальний Восток в настоящее время превращается в такой район мира, где степень военной активности, уровень концентрации ядерного оружия, острота военной конфронтации постоянно возрастают. В этом районе пересекаются интересы трех ядерных держав — США, СССР, КНР; технологические и научные возможности некоторых других стран позволяют им стать обладателем атомного оружия. Высокая степень насыщенности района ядерным оружием диктует необходимость серьезного и ответственного подхода к вопросам региональной безопасности. К тому же не следует забывать о том, что ядерное оружие было применено именно на Дальнем Востоке.

Иметь это в виду тем более важно, что тенденция распространения ядерного оружия в регионе не только продолжает сохраняться, но в последние годы заметно активизировалась. Эта угрожающая ситуация сложилась по вине империалистических сил, которые стремятся превратить северные районы Тихого океана в рубеж развертывания своих ракетно-ядерных средств, привлечь к своей ядерной стратегии другие государства региона, пытаясь тем самым создать ядерный плацдарм, направленный против рас-

положенных здесь социалистических стран, организовать, по сути, ядерную блокаду социалистических государств Азии, создать условия для собственного преимущественного военного, политического и экономического влияния.

* * *

Исследователи внешней политики США обычно выделяют три основные стратегические зоны военно-политической активности американского руководства: Европейский континент, Индийский океан и Персидский залив, Тихий океан. Одним из главных региональных направлений военной стратегии США в азиатско-тихоокеанской зоне стал Дальний Восток. Географически этот район прилегает к территориям потенциальных противников США, как Вашингтон называет страны социализма. Здесь находятся основные военные союзники США на Тихом океане — Япония и Южная Корея, сконцентрированы значительные вооруженные силы, расположены американские военные базы.

К концу 70-х гг. в мире сложилась реальная ситуация советско-американского стратегического паритета: не просто суммарного численного равенства стратегических пусковых установок сторон, но и равенства по реальным боевым возможностям их стратегических сил². Подобное положение дел не устраивало американскую сторону, вследствие чего в США начал превалировать такой подход к вопросам международных взаимоотношений, который основывался на политике силы и достижении военного превосходства. В 1980 г. район Дальнего Востока, а также районы Южной Азии, Латинской Америки, Ближнего Востока были провозглашены администрацией Дж. Картера сферами «жизненно важных интересов США». С приходом к власти администрации Р. Рейгана Вашингтон стал активно осуществлять на практике идею «необходимости восстановить военную мощь Америки». Ракетно-ядерное оружие продолжало играть одну из ведущих ролей в военной политике США, а Дальний Восток, входящий в тихоокеанскую зону, превратился в регион, где идея «военного могущества Америки и ее ответственности во всем мире» нашла свое конкретное подтверждение.

По данным зарубежных исследователей, с конца 70-х — начала 80-х гг. ядерные потенциалы США на Тихом океане стали постепенно увеличиваться. В начале 1980 г. после принятия странами НАТО решения о размещении в Европе крылатых ракет и ракет «Першинг-2» представители Агентства по оборонным ядерным исследованиям заявили в конгрессе США, что «Объединенный комитет начальников штабов обратился к агентству с просьбой оказать содействие в определении баланса ядерных сил на Тихом океане». Тогда же поступили рекомендации относительно того, что многие стратегические разработки в этой области, предназначенные для стран Западной Европы, могут быть прямо использованы в тихоокеанском регионе. Были объявлены планы по повышению возможностей ядерных сил «тихоокеанского театра военных действий» и «оказанию помощи штаб-квартире ПОКОМ (Тихоокеанское командование.— А. С.) в определении потребностей Тихоокеанского флота (ТФ) США в конкретных системах вооружений»³. Дальнейшее развитие событий (оснащение кораблей ТФ крылатыми ракетами с ядерными боеголовками, введение в строй подводных ракетоносцев типа «Огайо», перевооружение подводных лодок класса «Лос-Анджелес» новыми ракетами) показало, в каком направлении стали развиваться «потребности» американских ВМС, начавших получать качественно новые виды ядерных вооружений.

Примерно в тот же период стали разрабатываться планы размещения более значительных вооруженных сил, включая и ядерные, на Аляске и

Алеутских островах, то есть в районах, расположенных в непосредственной близости к Дальнему Востоку. В феврале 1983 г. председатель Объединенного комитета начальников штабов США генерал Джон Весси заявил, что «начальники штабов изучают альтернативные варианты с целью укрепления обороны западной части Алеутских островов и Аляски»⁴. Такой подход к ракетно-ядерному оружию в регионе прямо вытекал из целей и задач американской внешней политики, направленной на расширение сферы «жизненно важных интересов» при опоре на военную силу.

Встав на путь укрепления своего ядерного потенциала в районе Дальнего Востока и Тихого океана, Вашингтон не скрывал намерений добиться военных преимуществ за счет безопасности других стран, создать благоприятные условия для достижения своих гегемонистских целей в других районах мира. Американский исследователь Ричард К. Беттс, анализируя стратегию США в АТР, высказал следующее соображение: «Для большинства американских стратегов силовые действия в Азии являются весьма важными с точки зрения сдерживания советского влияния и облегчения действий США на мировом уровне»⁵.

Осуществление ядерной программы США в 80-е гг. привело к заметному усилению ядерных позиций Вашингтона, в том числе в тихоокеанском регионе. Уже в 1984 г. президент Р. Рейган заявил, что Соединенные Штаты теперь «обладают такой способностью сдерживания», которой они не имели три года назад⁶. Это в полной мере относится и к Дальнему Востоку.

Соединенные Штаты сконцентрировали на Дальнем Востоке и в ближайших к нему районах значительные ядерные силы. На Тихом океане размещены стратегические силы морского базирования, основу которых составляют атомные подводные лодки с баллистическими ракетами. Начиная с 1981 г., как отметил в одном из своих выступлений государственный секретарь США Дж. Шульц, американская военная мощь на Тихом океане заметно возросла. Вооруженные силы США получили здесь дополнительно 15 фрегатов, 8 эсминцев, 6 подводных лодок, 112 самолетов F/A-18³, две эскадрильи F-16³, 116 вертолетов «Блэкхок»⁷.

К этому следует добавить, что только корабли 7-го флота США, входящего в тихоокеанскую группировку американских ВМС, располагают почти 1500 единицами ядерного оружия нестратегического назначения. Наступательные силы на начало 80-х гг. обладали примерно 200 ядерными зарядами, которые размещены на авианосцах⁸. В 1984 г. наступательные ядерные силы были укреплены за счет направления в районы Дальнего Востока авианосца «Карл Винсон» и линкора «Нью-Джерси»⁹.

Примечательно, что именно на Тихом океане, несомненно с учетом американских интересов на Дальнем Востоке, началось развертывание атомных ракетных подводных лодок типа «Огайо». Один такой ракетноносец оснащен 24 ракетами «Трайидент-1», имеющими дальность полета 7,5 тыс. км и вооруженными 8 ядерными боеголовками мощностью до 100 килотонн каждая. Эти субмарины почти в 1,5 раза превосходят «Посейдоны» по количеству ракетных установок и в 2,5 раза — по их суммарной мощности. Формирование первой эскадры в составе 10 ракетноносцев этого класса завершится на Тихом океане уже в нынешнем десятилетии. В мае 1986 г. начались ходовые испытания восьмой субмарины данного типа.

Раскрывая задачи американских ВМС на Тихом океане, начальник штаба ВМС США адмирал Дж. Уоткинс отмечал, что развертывание в западной части Тихого океана военно-морских сил «непосредственно повышает эффект сдерживания, включая предотвращение нападения в Европе, ясно

давая понять, что в случае войны русские не смогут игнорировать ни один район земного шара...»¹⁰.

В этой связи особо следует остановиться на решении Вашингтона оснастить боевые корабли ТФ крылатыми ракетами «Томагавк» с радиусом действия 2,5 тыс. км, способными нести ядерную боеголовку мощностью до 150 кило-тонн. Этот процесс начался летом 1983 г.; первые крылатые ракеты были установлены на модернизированном линкоре «Нью-Джерси» в количестве 32 единиц¹¹. С лета 1985 г. Пентагон приступил к оснащению крылатых ракет ядерными боеголовками. Размещение этих ракет на кораблях и субмаринах ВМС Вашингтон объясняет необходимостью «обеспечения сдерживающей силы и баланса вооруженных сил»¹², потребностью усилить наступательные возможности с целью окружения Советского Союза и других государств (а эти возможности уже и без того значительны, если учесть также и то обстоятельство, что Пентагон планировал установить «Першинг-2» на Аляске и тем самым держать под контролем этих ракет значительные районы Дальнего Востока¹³). Что касается крылатых ракет, то, согласно высказываниям представителей ВМС США, их размещение вдоль дальневосточного побережья СССР должно «продемонстрировать Советскому Союзу, что его территория не является безопасным убежищем»¹⁴. К этому следовало бы добавить — равно как и территории других стран Дальнего Востока.

Развертывание ракет «Томагавк» в районе Дальнего Востока и Тихого океана сразу же породило ряд проблем, специфических для данного региона. Крылатые ракеты, установка которых в 80-х гг. началась в Европе, относятся к категории наземного базирования, и их количество можно определить. Что касается ракет морского базирования, то они исключают возможность эффективного контроля. Следовательно, возникают сложности с обсуждением данного вопроса по дипломатическим каналам, тем более что в отличие от Европы на Дальнем Востоке, как, впрочем, и во всем азиатско-тихоокеанском регионе, отсутствует какой бы то ни было двусторонний или многосторонний механизм обсуждения проблем ракетно-ядерного противостояния, в котором бы участвовали все заинтересованные государства.

Ситуация осложняется также тем, что США имеют значительные ядерные вооружения в районах, находящихся сравнительно недалеко от Дальнего Востока — на Гуаме, западном побережье Соединенных Штатов. По данным американских ученых У. Аркина и Р. Филдхауза, на Тихоокеанском побережье США размещены мощные ядерные силы. Вот некоторые данные. Штат Аляска — здесь хранится 70 ядерных зарядов, размещено 42 объекта ядерной инфраструктуры. В штате Калифорния представлены практически все категории ядерного оружия и инфраструктуры, здесь расположен один из двух главных ядерных арсеналов (второй — в штате Нью-Йорк), хранится 1437 ядерных зарядов различных типов. Здесь же находится самое большое по сравнению с любым другим американским штатом количество военных объектов. В штате Вашингтон размещено свыше 1170 единиц ядерного оружия, базируются подводные лодки, оснащенные ракетами «Трай-дент-1»¹⁵.

Таким образом, в первой половине 80-х гг. Соединенные Штаты сделали очень многое как с точки зрения планирования расширения ядерных возможностей Америки в северной части Тихого океана, так и с точки зрения практического осуществления этих программ, с тем чтобы усилить и укрепить свои ядерные позиции в данном регионе.

Одним из важнейших компонентов ядерной стратегии Вашингтона в отношении Дальнего Востока стало вовлечение дальневосточных союзников США — Японии и Южной Кореи — в реализацию американских ядерных планов.

Американские средства массового уничтожения размещены не только на кораблях Тихоокеанского флота США. Крупнейшей ядерной базой Америки стала Южная Корея. Там хранится около тысячи единиц ядерных боеприпасов в виде бомб, снарядов, мин, боеголовок к ракетам, имеются соответствующие средства доставки. В Южную Корею ввезено нейтронное оружие. Вблизи военно-демаркационной линии, разделяющей Корею на две части, вкопаны ядерные фугасы. Здесь дополнительно дислоцировано 72 истребителя-бомбардировщика F-16 и другие виды боевых самолетов, которые способны нести ядерное оружие и в сферу действия которых попадает практически весь Дальний Восток. По плотности насыщения территории ядерными зарядами различных типов этот район в 4 раза превосходит страны НАТО¹⁶.

Ядерное оружие не просто хранится здесь, существует вероятность того, что США могут прибегнуть к нему в любой момент. Бывший начальник штаба армии США генерал Э. Мейер прямо заявлял, что американские вооруженные силы в Южной Корее могут применить тактическое ядерное оружие в случае необходимости. При этом не следует игнорировать и тот факт, что в Южной Корее вооруженные силы США сохраняют уровень постоянной боевой готовности на порядок выше того, которого они придерживаются в других районах земного шара. Поскольку Корейский полуостров на протяжении многих лет является районом острой напряженности, понятно, что ядерное оружие, находящееся здесь, создает в регионе чрезвычайно опасную ситуацию, резко накаляет обстановку и стимулирует усиление военного противостояния на Дальнем Востоке.

На словах Соединенные Штаты заявляют о якобы имеющейся у них заинтересованности в урегулировании корейской проблемы, однако их практические действия не подтверждают эти декларации. Более того, Вашингтон выступает категорически против любых изменений, которые могли бы ослабить военные возможности США с учетом их присутствия на Корейском полуострове и способствовать ликвидации ядерного плацдарма в Южной Корее. Помощник госсекретаря США по делам Азии и Тихого океана П. Вулфовиц, говоря о военном союзе с сеульским режимом, заявил в январе 1984 г.: «Мы не собираемся идти путем, который может подорвать наш союз и эффективность наших сил сдерживания»¹⁷.

Вместе с тем, не ограничиваясь южнокорейской базой ядерного обеспечения своей политики в регионе, Вашингтон в качестве еще одного важного звена в реализации собственных ядерных планов рассматривает Японию.

Если принять во внимание ситуацию в тихоокеанском регионе в целом, то следует отметить, что, помимо Южной Кореи и западного побережья США, значительные запасы американского ядерного оружия (свыше 350 единиц) накоплены на Гуаме. Ядерное оружие, по сообщениям мировой печати, хранится и на военных базах США на Филиппинах. Географически такое расположение ядерных арсеналов Пентагона создает опасную цепь, простирающуюся с северной части Тихого океана на юг. Создание «японского звена», соединение его в единый комплекс с «южнокорейским» и «гуамским» позволит американцам резко усилить ядерное присутствие в регионе, максимально приблизить ядерные силы к границам своих «потенциальных противников». В Вашингтоне не скрывают подобных планов. В докладе конгрессу США по поводу бюджета на 1984 г. министр обороны К. Уайнбергер указывал, что «западной части Тихого океана, примыкающей к берегам Японии, отводится наряду с Европой первостепенное место в ядерной стратегии США...»¹⁸.

Анализируя характер военного сотрудничества между Токио и Вашингтоном

в области ядерных вооружений, специалисты, как правило, выделяют несколько направлений, где это сотрудничество приобретает отчетливые черты уже сегодня.

Прежде всего, как подчеркивает советский исследователь Д. В. Петров, Токио взял обязательство обеспечивать американские атомные подводные лодки необходимой навигационной и разведывательной информацией, используя для этих целей объекты на островах Хонсю, Окинава и других. Во-вторых, Япония согласилась обеспечивать боевое охранение американских военных кораблей с ядерным оружием. В-третьих, создание на японской земле объектов ядерной инфраструктуры превращает страну в перевалочный пункт американского ядерного оружия к территориям «потенциальных противников США»¹⁹. В-четвертых, японские порты активно используются для стоянок американских авианосцев с ядерным оружием и атомных ракетносцев 7-го флота. В-пятых, Японию активно подключают к реализации проекта «звездных войн», рассматриваемого Пентагоном в качестве важнейшего компонента американских стратегических ядерных сил.

Упомянутые У. Аркин и Р. Филдхауз приводят ряд примеров, показывающих вовлеченность Токио в ядерную политику Соединенных Штатов в этом районе, несмотря на то, что Япония провозгласила три безъядерных принципа. В частности, они указали, что в стране функционирует 28 опорных объектов Пентагона, которые предназначены для использования ядерного оружия²⁰. Премьер-министр Японии Я. Накасонэ был вынужден признать в начале 1985 г., что на территории страны существует сеть американских станций стратегической связи, задачей которых является передача приказов о нанесении ядерных ударов²¹. В японском городе Гокосука запланировано строительство крупного коммуникационного центра, который в случае войны возьмет на себя функции управления операциями, проводимыми 7-м флотом с применением ядерного оружия. Вместе с тем, судя по сообщениям печати, официальный Токио допускает возможность применения американского ядерного оружия в тех случаях, когда это соответствует интересам Японии. В ноябре 1985 г. премьер-министр Я. Накасонэ, выступая на заседании бюджетной комиссии верхней палаты японского парламента, заявил, что если Япония окажется в безвыходном положении, то не исключена возможность использования в открытом море американского ядерного оружия как «средства сдерживания»²².

Все это свидетельствует о том, что Япония в первой половине 80-х гг. постепенно превращалась в одно из связующих звеньев ядерной стратегии Вашингтона.

* * *

Активизируя процесс вовлечения Японии и Южной Кореи в осуществление своей ядерной стратегии на Дальнем Востоке, официальные представители Соединенных Штатов одновременно много рассуждали о безопасности в мире, о возможности создать в регионе нечто вроде совместной системы безопасности и процветания. «Эффективное сотрудничество США и Японии,— говорил, например, в сентябре 1985 г. П. Вулфовиц,— может сохранить стабильность и защитить наши жизненные интересы на случай кризиса»²³. Однако анализ практических действий Вашингтона свидетельствует о том, что США рассматривают проблему безопасности на Тихом океане и Дальнем Востоке исключительно с точки зрения резкого увеличения военного и ядерного противостояния Советскому Союзу, другим социалистическим странам на основе укрепления здесь собственных военно-политических и ядерных возможностей.

С начала 80-х гг. Белый дом не выдвинул ни одной конкретной инициативы по данному вопросу, которая основывалась бы не на военных комбинациях, не на стремлении добиться одностороннего военного превосходства, а на подлинно честных принципах равенства и одинаковой безопасности для всех стран, на искреннем стремлении решить проблему безопасности мирными, невоенными средствами и методами. США, говоря об обстановке в дальневосточной части Тихого океана, предпочитают не упоминать о возможности мирного сосуществования стран с различными социально-политическими системами, а больше склонны делать акценты на «противостоянии», «противодействии», «сдерживании» и т. п.

В то же время анализ ядерной политики США в данной части земного шара, и прежде всего на Дальнем Востоке, показывает, что размещенный здесь американский ракетно-ядерный потенциал имеет многоцелевое назначение, хотя официальные лица Вашингтона, американские средства массовой информации настойчиво представляют этот потенциал как якобы противостоящий исключительно советской угрозе». Соединенные Штаты, разворачивая на Тихом океане и Дальнем Востоке новые ядерные вооружения, стремятся добиться односторонних военных преимуществ и нарушить военный паритет между СССР и США, который является основой стратегической стабильности как в мире в целом, так и на Дальнем Востоке.

Тихоокеанское командование США, как пишут американские исследователи У. Аркин и Р. Филдхауз, «несет ответственность за планирование ядерных ударов по Северной Корее, Китаю и советскому Дальнему Востоку»²⁴. Согласно данным других специалистов, только на территории Китая Пентагон определил несколько сот целей для нанесения превентивных ядерных ударов в рамках доктрины «ядерного сдерживания» на случай чрезвычайных обстоятельств²⁵. В подобном подходе Соединенных Штатов нет ничего нового. Методы «атомного устрашения», «ядерного сдерживания» уже использовались американцами в прошлом применительно к государствам Дальнего Востока и Азии.

Таким образом, анализ ядерной политики США в отношении этой части земного шара показывает: во-первых, Соединенные Штаты стремятся максимально приблизить ракетно-ядерные силы к территориям своих «возможных противников» на Дальнем Востоке; во-вторых, они превращают данный регион в передовой рубеж развертывания ядерных средств средней дальности; в-третьих, Вашингтон активно втягивает в политику ядерного давления на страны региона своих союзников — Японию и Южную Корею; в-четвертых, расширяя ядерные приготовления на Дальнем Востоке и в районах, примыкающих к нему, Соединенные Штаты стремятся к достижению односторонних военных преимуществ в ущерб безопасности других государств; в-пятых, укрепляя ядерное присутствие на Тихом океане, американцы пытаются создать дополнительный силовой фон для своей дипломатии не только в отношении Советского Союза, социалистических стран, но и в отношении других государств региона; и, наконец, в-шестых, ориентируя свои ядерные средства против СССР и его союзников, Пентагон в то же время не может не учитывать наличие в регионе и других стран, уже имеющих ядерное оружие либо готовых получить его.

Технологические и научные возможности некоторых стран и режимов Дальнего Востока позволяют им в сравнительно небольшие сроки получить ядерное оружие. Речь идет не только о Японии, обладающей значительным научно-техническим потенциалом, развивающей ядерную энергетику и экспериментирующей в секретных лабораториях с расщепляющимися материалами. Ядерная энергетика развивается на Тайване, где с 1978 г. действует два

ядерных реактора, строятся еще четыре агрегата, для которых закупается уран в Южной Африке. Согласно имеющимся данным, когда все шесть реакторов полностью вступят в строй, Тайбэй сможет ежегодно производить около 1000 кг плутония. Для создания ядерного взрывного устройства мощностью в 20 килотонн (мощность бомбы, сброшенной на Нагасаки) требуется всего 5 кг плутония. Анализируя военно-политическую ситуацию на Дальнем Востоке, исследователь Ф. Барнаби высказал мнение о том, что ученые-атомщики на Тайване, несомненно, в состоянии разработать и сконструировать такое оружие²⁶. Он считает, что, несмотря на то что Тайвань подписал Договор о нераспространении ядерного оружия, это вполне возможно, так как из договора можно выйти, оповестив об этом за три месяца. Аналогичные возможности, как полагают многие наблюдатели, существуют и у Южной Кореи, где в настоящее время действуют четыре ядерных реактора²⁷.

Показательно, что появление в регионе «пороговых» ядерных государств было использовано Соединенными Штатами в собственных целях. Существование здесь «пороговых» стран стало еще одним аргументом в пользу сохранения американского ядерного присутствия, поскольку-де уход США из субрегиона может побудить Японию, Южную Корею и Тайвань заняться поиском альтернативных военных средств «обеспечения национальной безопасности». Неожиданный вывод американских вооруженных сил с Корейского полуострова, писал, например, американский журнал «Форин полиси», «может заново активизировать поиски ядерного оружия, которыми Сеул, как кажется, был занят в 70-е годы»²⁸, когда произошло некоторое сокращение численности военнослужащих США в Южной Корее.

Вместе с тем следует указать и на то очевидное обстоятельство, что на Дальнем Востоке расположена еще одна ядерная держава — Китай. Потребность в мирном международном окружении, диктуемая политикой проведения экономических реформ в стране, внесла заметные изменения в практические подходы КНР к ряду военных аспектов безопасности, в том числе ядерной.

КНР стала участвовать в работе Женевской конференции по разоружению. Выступая в международных организациях, в ходе зарубежных визитов представители этой страны высказываются в пользу ядерного разоружения. Заявляется о целесообразности ликвидации химического оружия. Китай признал, что в случае возникновения ядерного конфликта победителей не будет²⁹. В марте 1986 г. Китайская Народная Республика объявила об отказе проводить ядерные испытания в атмосфере³⁰. Китайская сторона выступила в поддержку идеи превращения Корейского полуострова в зону, свободную от ядерного оружия. Иными словами, 80-е гг. привнесли в эту область внешнеполитической деятельности КНР определенные сдвиги положительного характера. Как подчеркивал в Улан-Баторе член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе, в Советском Союзе с уважением относятся «к позиции китайского руководства в вопросах немилитаризации космоса и неприменения первым ядерного оружия, что совпадает с позицией Советского Союза, других социалистических стран»³¹.

* * *

Если США подошли к проблеме ракетно-ядерного оружия в районе Тихого океана и Дальнего Востока с позиций укрепления собственных возможностей, усиления военного противостояния, то Советский Союз предложил совсем иную программу действий. Американской линии на силовое, военное давление, на использование ядерных сил как средства достижения

внешнеполитических целей Советский Союз и социалистические страны противопоставляли позитивную политику, основанную на мирном подходе, на стремлении решить существующие здесь проблемы мирными средствами, посредством переговоров, контроля, ликвидации ядерного оружия. Не политика ядерной конфронтации, а мирное сотрудничество, безопасное существование и стабильное развитие — вот те основные направления, на которые ориентирует Советский Союз свои внешнеполитические мероприятия, касающиеся дальневосточно-тихоокеанского региона. В первой половине 80-х гг. СССР выступил с целым комплексом предложений, направленных на резкое уменьшение ядерного противоборства, на снижение атомной опасности в дальневосточном регионе. «Главная из этих акций, — указывалось в Заявлении Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева от 15 января 1986 года, — конкретная, рассчитанная на точно определенный период времени программа полной ликвидации ядерного оружия во всем мире»³².

Предложив три этапа уничтожения ядерных вооружений во всем мире до 2000 года, Советский Союз исходил из того, что данная программа созвучна интересам народов всех регионов, в том числе Азии и Дальнего Востока. Реализация советской программы коренным образом изменила бы обстановку в Азии и на Тихом океане, избавила бы народы этой части земного шара от страха перед ядерной угрозой, подняла бы безопасность в регионе на качественно новую ступень. Именно на достижение этих благородных целей направлены конструктивные предложения, содержащиеся в Заявлении Советского правительства от 23 апреля 1986 г. В нем также подчеркивается идея о том, что ликвидация к концу столетия ядерного и химического оружия, предотвращение милитаризации космоса избавили бы народы всего мира, и, разумеется, азиатско-тихоокеанского региона, от страха перед ядерной угрозой³³.

Понимая, что в решении региональных задач проблема ядерного разоружения приобретает все возрастающее значение, Советское государство выступило в 80-е гг. и с другими инициативами, призванными смягчить остроту ядерного противостояния и в конечном счете устранить ядерную опасность в тихоокеанском регионе. Особо следует отметить обязательство СССР не применять первым ядерное оружие, принятое в 1982 г. В 1983 г. Советский Союз предложил ядерным державам — США, Англии, Франции и КНР — заморозить свои ядерные арсеналы, направив правительствам этих стран соответствующее обращение³⁴. Однако они отказались присоединиться к советской инициативе. Наша страна поддержала идею о создании на Корейском полуострове безъядерной зоны, что имело бы огромное значение не только для смягчения ситуации на Дальнем Востоке, но и для оздоровления международного климата во всей азиатско-тихоокеанской зоне. Находясь в Пхеньяне в январе 1986 г., министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе подчеркнул: «Наша страна поддерживает и готова самым тесным образом сотрудничать с другими социалистическими странами, выдвинувшими немало конструктивных идей... Я имею в виду инициативу КНДР по оздоровлению обстановки на Корейском полуострове и превращению его в зону, свободную от ядерного оружия»³⁵.

В этой же связи важное значение имеет обращенное к Японии предложение СССР обменяться мнениями относительно заключения между двумя странами соглашения, в котором Советский Союз зафиксировал бы обязательство не применять ядерное оружие против Японии, а японская сторона — обязательство строго и последовательно соблюдать безъядерный статус, ее три безъядерных принципа³⁶. Это предложение было подтверждено в январе 1985 г. А. А. Громыко в обращении к читателям газеты «Асахи». Он под-

черкнул: «Остаются в силе наши предложения заключить советско-японский договор о добрососедстве и взаимовыгодном сотрудничестве, достичь соглашения, по которому СССР гарантировал бы неприменение ядерного оружия против Японии, а японская сторона обязалась бы строго соблюдать свой безъядерный статус»³⁷.

Советский Союз принимает во внимание и то обстоятельство, что решению проблем ядерной безопасности в регионе во многом способствовало бы ограничение активности военно-морских флотов. Еще в 1982 г. СССР выразил готовность договориться об ограничении действий ВМС в Мировом океане. Советская сторона предложила договориться о выводе подводных лодок-ракетоносцев обеих сторон из обширных районов боевого патрулирования, ограничить их плавание взаимно согласованными рубежами, обсудить вопрос о распространении мер доверия на акватории морей и океанов³⁸. В июле 1986 г., развивая и конкретизируя данное предложение, наша страна предложила начать переговоры о сокращении на Тихом океане активности военных флотов, в первую очередь кораблей, оснащенных ядерным оружием³⁹.

Вместе с тем решению проблем безопасности способствовало бы создание в Тихом океане зон, свободных от ядерного оружия. Советский Союз, другие социалистические страны поддержали идею создания безъядерного района в Юго-Восточной Азии, безъядерной зоны на юге Тихого океана. 15 декабря 1986 г. Советский Союз первым подписал протоколы 2 и 3 к Договору Раротонга, предусматривающему создание безъядерной зоны на юге Тихого океана и тем самым отчасти сужающему географические рамки распространения средств массового уничтожения. В феврале 1987 г. эти документы были подписаны китайским представителем, а министр иностранных дел КНР в своем послании подчеркнул, что реализация этого договора будет благоприятствовать миру и безопасности на Тихом океане. США и остальные ядерные державы отказались присоединиться к этому Договору.

В первой половине 80-х гг. предметом острых политических дискуссий на Западе и в некоторых других странах стал советский оборонительный потенциал, размещенный в азиатской части СССР. По этому поводу активно распространялось мнение о якобы имевшем место «наращивании Советским Союзом вооружений» в своих дальневосточных районах, о возрастании «советской военной угрозы» в этом регионе, об «угрожающем увеличении» количества ракет «СС-20» и возможности их дополнительной переброски с европейской части СССР на Дальний Восток.

Соединенные Штаты использовали данный вопрос в качестве пропагандистского аргумента в пользу собственного «довооружения» на Дальнем Востоке и Тихом океане, превратили его в предмет политических спекуляций. Президент Р. Рейган, находясь в ноябре 1983 г. с официальным визитом в Токио, заявил: «Мы добиваемся глобальных сокращений советских ракет среднего радиуса действия до как можно более низкого уровня» и увязал вопрос о переговорах по ракетам средней дальности в Европе с ситуацией в районе Дальнего Востока, имея в виду советский оборонительный потенциал⁴⁰. Более того, в ответе американской стороны на советскую инициативу от 15 января 1986 г. ликвидация ядерного оружия в Европе прямо увязывалась с требованием ослабления советской обороны в восточных районах страны при сохранении американских военных сил в дальневосточно-тихоокеанском регионе⁴¹. Подобная позиция в духе «глобального подхода» высказывалась Соединенными Штатами неоднократно. Она имела целью использовать наличие оборонительного потенциала СССР на Дальнем Востоке и в азиатских районах страны для запугивания государств Азии и Тихого океана, вызвать у них недоверие к миролюбивой внешней политике

Советского Союза и других социалистических стран; затормозить позитивные процессы в международных отношениях, которые начали развиваться в регионе в 80-е гг. (также, например, как улучшение советско-китайских связей).

Что же касается военного потенциала СССР в дальневосточных районах страны, то, как неоднократно отмечалось в выступлениях советских руководителей, Советский Союз не делает ничего сверх того, что диктуется потребностями обеспечения безопасности страны. Как подчеркивала советская сторона в ходе визита делегации Верховного Совета СССР в Японию в октябре 1984 г., «меры по увеличению оборонного потенциала СССР на Дальнем Востоке являются исключительно ответными и не носят, в отличие от действий США, агрессивного, наступательного характера»⁴². Более того, Советский Союз еще в 1983 г. выразил готовность прекратить размещение своих средств средней дальности к востоку от Урала, если Соединенные Штаты не будут развертывать новые ядерные вооружения в районах, откуда они могут достигать азиатской части территории СССР⁴³. В ходе московских переговоров между КПСС и Социалистической партией Японии в сентябре 1985 г. советская сторона еще раз подтвердила готовность заморозить в азиатской части СССР численность своих ракет при условии, что США не будут предпринимать действий, направленных на изменение стратегической ситуации в азиатско-тихоокеанском регионе⁴⁴. Вместе с тем Советский Союз взял на себя обязательство не увеличивать в азиатской части СССР количество РСД и в июле 1986 г. вновь подчеркнул верность принятым на себя обязательствам.

Готовность СССР решать эту важнейшую для дальневосточного региона проблему была убедительно подтверждена Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым в ходе встречи с президентом США Р. Рейганом 11—12 октября 1986 г. в Рейкьявике. Во время переговоров в исландской столице советский руководитель еще раз продемонстрировал гибкий, честный и глубоко заинтересованный подход СССР к вопросу о ликвидации ядерного оружия в мире, в том числе в АТР. В ходе рейкьявикских переговоров советская сторона выступила с радикальными инициативами.

Принимая во внимание тот факт, что вопрос о советских ракетах среднего радиуса действия в азиатской части СССР постоянно присутствовал в «глобальном варианте» Р. Рейгана, советская сторона предложила немедленно вступить в переговоры с американцами по ракетам этого типа в Азии, выяснить претензии и найти решение. Более того, Советский Союз предложил при ликвидации американских и советских ракет среднего радиуса действия в Европе сократить количество боеголовок на своих ракетах в азиатской части СССР до 100 и ограничить тем же уровнем количество боеголовок на аналогичных американских ракетах, размещенных на территории США. Договоренности по данному вопросу уже были достигнуты, однако по вине американской стороны в тот период они не получили своего окончательного оформления.

Тем не менее советская сторона продолжила активный поиск ядерных развязок. 28 февраля 1987 г. СССР, как отмечалось в Заявлении М. С. Горбачева, предложил выделить эту проблему из блока вопросов, обсуждавшихся в Рейкьявике, и безотлагательно заключить по ней отдельное соглашение, предусматривавшее полную ликвидацию РСД в Европе и их сокращение в Азии на основе рейкьявикского варианта. Инициатива Советского Союза, имеющая немаловажное значение для смягчения международной обстановки на Дальнем Востоке, создала перспективную ситуацию для достижения целей ядерной безопасности. Через несколько месяцев советская сторона пред-

приняла еще один крупный и смелый шаг. В интервью индонезийской газете «Мердека» Генеральный секретарь ЦК КПСС заявил о готовности СССР пойти на уничтожение всех своих ракет средней дальности также и в азиатской части страны и тем самым устранить вопрос о 100 боеголовках для РСД при условии, что США сделают то же самое. Одновременно было сказано о ликвидации ОТР. Иными словами, Советский Союз пошел еще дальше — высказался в пользу «глобального двойного нуля», охватывающего и азиатско-тихоокеанскую зону. Таким образом, в течение крайне непродолжительного времени Советский Союз действовал решительно и смело, с позиций нового политического мышления, расчищая завалы на пути к обеспечению ядерной безопасности, в том числе в дальневосточном районе.

* * *

Проблема ядерного оружия и вопросы безопасности в районе Дальнего Востока тесно взаимосвязаны. От решения первой во многом зависит процесс обеспечения в регионе обстановки мира и стабильности, доверия и сотрудничества. Именно на достижение этих важнейших целей направлены многочисленные мирные инициативы и предложения Советского Союза, стран социалистического содружества.

Советский Союз, другие социалистические страны считают абсурдной и аморальной ситуацией, при которой ядерным заложником становится весь мир, в том числе народы тихоокеанско-дальневосточного региона, когда различные империалистические доктрины «сдерживания», «противостояния» подстегивают гонку ядерных вооружений, ставят мир на опасную грань, за которой уже нет места существованию человеческой цивилизации. Подготовка к ядерной войне, стремление к военному превосходству объективно не могут принести политического выигрыша никому. В таких условиях совершенно очевидно, что, какие бы военно-стратегические комбинации ни создавались, как бы ни стремился империализм добиться военного превосходства, в настоящее время сложилась объективная ситуация, в которой противоборство между капитализмом и социализмом может протекать исключительно в формах мирного соревнования и мирного соперничества.

Что касается проблем безопасности, то на XXVII съезде КПСС было со всей определенностью заявлено: «Подлинная равная безопасность в наш век гарантируется не предельно высоким, а предельно низким уровнем стратегического баланса, из которого необходимо полностью исключить ядерное и другие виды оружия массового уничтожения»⁴⁵. Это положение в полной мере относится и к безопасности на Дальнем Востоке.

¹ См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 63.

² См.: Современная внешняя политика США, т. 1. М., 1984, с. 313.

³ William M. Arkin, Richard W. Fieldhouse. «Nuclear Battlefields». Global Links in the Arms Race. Cambridge, 1985, p. 120.

⁴ Department of Defence. Annual Report. F. Y., 1983, p. 11—21.

⁵ «Orbis», vol. 29, № 2, Summer 1985, p. 357.

⁶ In: «Washington Post», 22.I.1984.

⁷ In: Department of State Bulletin, September 1985, p. 27.

⁸ См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1984, № 2, с. 56.

⁹ International Security Yearbook 1984/1985, p. 172.

¹⁰ «Известия», 22, 23.I.1986.

- ¹¹ In: «Current History», April 1983, p. 146.
- ¹² См., например, «Майнити», 26.VI.1984.
- ¹³ См.: «Новое время», 1983, № 19, с. 12.
- ¹⁴ Arms Control and Disarmament Agency, FY., 1984, ACIS, p. 142.
- ¹⁵ In: William M. Arkin, Richard W. Fieldhouse. Op. cit., p. 172, 40, 41.
- ¹⁶ См.: «Проблемы мира и социализма», 1985, № 8, с. 77; «Новое время», 1986, № 1, с. 10.
- ¹⁷ Department of State Bulletin, March 1984, p. 19.
- ¹⁸ Цит. по: «Проблемы Дальнего Востока», 1984, № 2, с. 55.
- ¹⁹ Там же, с. 59.
- ²⁰ In: William M. Arkin, Richard W. Fieldhouse. Op. cit., p. 148.
- ²¹ См.: «Красная звезда», 10.II.1985.
- ²² См.: «Асахи», 6.XI.1985.
- ²³ Department of State Bulletin, December 1985, p. 46.
- ²⁴ Ibid., p. 98.
- ²⁵ In: «World Today», August — September 1985, № 41, p. 162.
- ²⁶ In: Asia and Pacific. L., 1983, p. 24.
- ²⁷ «Far Eastern Economic Review», 15.V.1986, p. 66.
- ²⁸ «Foreign Policy», 1985, Winter, № 61, p. 71.
- ²⁹ In: «Beijing Review», 27.V.1985, p. 15.
- ³⁰ Ibid., 22.III.1986, p. 14.
- ³¹ «Правда», 25.I.1986.
- ³² Там же, 16.I.1986.
- ³³ Там же, 24.IV.1986.
- ³⁴ Там же, 17, 22.VI.1983.
- ³⁵ Там же, 21.I.1986.
- ³⁶ Там же, 27.X.1984.
- ³⁷ Там же, 2.I.1985.
- ³⁸ Там же, 17.III.1982.
- ³⁹ Там же, 29.VII.1986.
- ⁴⁰ Department of State Bulletin, January 1984, p. 4—5.
- ⁴¹ См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 68.
- ⁴² «Правда», 26.X.1984.
- ⁴³ См. там же, 27.X.1983.
- ⁴⁴ Там же, 21.IX.1985.
- ⁴⁵ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 65.

АТР и проблема урегулирования в Корее

*В. И. ДЕНИСОВ,
кандидат юридических наук
В. И. МОИСЕЕВ,
кандидат экономических наук*

Современный мир, как отмечалось в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, находится на крутом переломе. Силы империализма подхлещивают гонку ядерных вооружений, разжигают новые конфликты. В оправдание своих авантюристических замыслов Вашингтоном пущена в оборот военно-стратегическая доктрина «неоглобализма». Согласно этой доктрине, Соединенные Штаты присвоили себе «право» вооруженного вмешательства в тех районах мира, где, как они считают, существует «угроза их национальным интересам». Одним из таких регионов является азиатско-тихоокеанский.

Агрессивной, экспансионистской политике империализма, подвергающей опасности основы мира и стабильности в Азии и в районе Тихого океана, противостоят Советский Союз, страны социалистического содружества, все сторонники мира.

Азиатско-тихоокеанское направление внешней политики СССР — составная часть общей программы международной деятельности КПСС, разработанной апрельским (1985 г.) Пленумом ЦК КПСС и XXVII съездом партии. Советская концепция азиатской безопасности получила дальнейшую разработку и конкретизацию во владивостокской речи М. С. Горбачева (июль 1986 г.), в его выступлениях во время официального дружеского визита в Индию (ноябрь 1986 г.). Подход Советского Союза к положению в этом обширном районе планеты основывается на признании и понимании существующих там реальностей и отражает тревогу за судьбу проживающих в нем народов и свою безопасность.

Крупным практическим шагом в деле претворения в жизнь программы обеспечения мира, безопасности и сотрудничества в АТР явилась подписанная М. С. Горбачевым и Р. Ганди Делийская декларация о принципах свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира.

Новым шагом в развитии владивостокской программы укрепления стабильности и снижения напряженности в АТР стали инициативы, выдвинутые М. С. Горбачевым в ответах на вопросы индонезийской газеты «Мердека» (июль 1987 г.). Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС о решении Советского Союза и в азиатской части страны ликвидировать все свои ракеты средней дальности и оперативно-тактические ракеты явилось крупной внешнеполитической акцией последнего времени. Таким образом, СССР снимает вопрос о сохранении тех 100 боеголовок на РСД в Азии и на территории США, о которых идет речь на Женевских переговорах. Иначе говоря, СССР исходит из концепции «глобального двойного нуля». При этом в Москве надеются, что Соединенные Штаты последуют примеру Советского Союза и сделают то же самое.

Администрация Рейгана неоднократно и весьма однозначно заявляла, что Соединенные Штаты «полны решимости оставаться тихоокеанской державой», укреплять отношения с Японией, продолжать «выполнение обязательств» на Корейском полуострове¹. Основные постулаты азиатской доктрины Вашингтона преследуют вполне определенные цели — создать в Азии второй после европейского фронт жесткой военно-политической конфронтации с Советским Союзом, другими странами социализма, не допустить дальнейшего ослабления позиций империализма на Азиатском континенте, заблокировать развитие национально-освободительного процесса в этом регионе.

Империализм всегда рассматривал Азию как сферу своих особых интересов, жестоко подавлял движение азиатских народов за национальную независимость, с помощью военной силы не раз пытался добиться своих корыстных целей. Известно, что в послевоенный период в Азии имело место наибольшее число вооруженных конфликтов и кризисных ситуаций, ставивших народы на грань всемирной катастрофы. Достоточно напомнить, что за последние 30 лет континент пережил свыше 40 войн, вооруженных конфликтов и столкновений. Именно в Азии велись самые крупные и жестокие после 1945 г. войны — в Корее и в Индокитае.

Своеобразие ситуации на Азиатском континенте заключается также в том, что глобальное противоборство двух общественно-политических систем как общее направление развития международной обстановки осуществляется в условиях значительной разобщенности азиатских стран, доставшейся в наследство после долгих лет колониального господства империалистических держав.

Законную тревогу у народов Азии вызывает углубляющееся военно-стратегическое сотрудничество Японии с США и НАТО. Японская стратегическая концепция так называемого «комплексного обеспечения национальной безопасности» преследует цель гарантировать Токио господствующее положение в Азии в политической, экономической и военной областях. Серьезным фактором обострения обстановки в азиатском регионе является решение Японии присоединиться к американской программе «звездных войн». Столь же обоснованное беспокойство вызывает наращивание военного присутствия США в Азии, настойчивое сколачивание здесь военно-политической структуры, подобной НАТО, основа которой закладывается в милитаристском треугольнике Вашингтон — Токио — Сеул, усиление на Юге Корейского полуострова группировки американских вооруженных сил.

Процесс сколачивания военно-политического альянса Вашингтон — Токио — Сеул осуществляется весьма интенсивными темпами. Состоявшиеся визиты Р. Рейгана в Японию и Южную Корею в 1984 г., поездки Чон Ду Хвана в Вашингтон в 1981 и 1985 гг., встречи сеульского диктатора с Я. Накасонэ в Сеуле и Токио в 1983, 1984 и 1986 гг. практически создали основу для укрепления тройственного союза. При этом важно иметь в виду, что США и Япония, а также США и Южная Корея имеют так называемые «договоры безопасности», которые юридически обеспечивают их военное сотрудничество.

Отсутствие подобного официального договора между Токио и Сеулом не мешает им развивать активные военно-политические связи. Между Японией и Южной Кореей налажены регулярные контакты на уровне военных ведомств, осуществляется обмен разведывательной информацией. Представители военных учебных заведений посещают Токио и Сеул. В дополнение к американо-южнокорейским военным учениям, на которых в качестве наблюдателей в последние годы присутствуют генералы Управления национальной безопасности Японии, положено начало американо-японским учениям в районе Корейского полуострова. В этих маневрах принимают участие ударные американские авиаподразделения, размещенные в Южной Корее, и японские ВВС.

Между Токно и Сеулом реализуется договоренность об обмене визитами военных кораблей.

Все эти факты свидетельствуют о том, что тройственный военный пакт на Дальнем Востоке становится реальным. Предпринимаемые империализмом попытки сколачивания в АТР военно-политических блоков, или так называемого «тихоокеанского сообщества», противоречат коренным интересам народов, обеспечению их мирного будущего.

«В Азии сегодня,— отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев,— проблемы обеспечения мира и безопасности, пожалуй, не менее, а в отдельных районах даже более остры и болезненны, чем в Европе»².

В такой обстановке весьма важно, чтобы мир и стабильность в Азии поддерживались самими азиатскими странами на основе их совместных усилий с учетом законных интересов всех заинтересованных сторон. Это даст возможность государствам континента решать спорные и конфликтные проблемы не путем конфронтации, а за столом переговоров. Выдвинув предложение о комплексном подходе к проблеме обеспечения безопасности в Азии, Советский Союз исходил из того, что азиатские и другие заинтересованные страны как на многосторонней и двусторонней основе, так и каждая в отдельности будут не только вносить вклад в разработку и конкретизацию этой идеи, но и своими практическими шагами способствовать устранению всех препятствий, стоящих на пути ее реализации. Это в первую очередь касается ликвидации очагов напряженности и недоверия, реально и потенциально опасных для дела мира в Азии и во всем мире. «Не может быть целей,— подчеркивалось в Обращении Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР «К народам, парламентам и правительствам всех стран» по случаю 40-летия окончания второй мировой войны,— которые бы оправдывали развязывание ядерной войны. Нет таких международных вопросов, которые нельзя было бы урегулировать за столом переговоров. Разрядка напряженности и деловое сотрудничество могут и должны быть естественным и постоянным состоянием международной жизни»³.

Выступая во Владивостоке, М. С. Горбачев назвал Корейский полуостров одной из кризисных зон. Наряду с Афганистаном и Кампучией положение вокруг Кореи требует первоочередного решения. Юг Корейского полуострова уже давно превращен Вашингтоном в плацдарм для своих военных выступлений. США имеют в Южной Корее около 40 военных баз, более 200 военных объектов, на которых размещено до тысячи ядерных боезарядов. По их плотности на единицу площади Юг Кореи в четыре раза превосходит даже европейские страны НАТО⁴. Здесь дислоцируются свыше 40 тыс. американских военнослужащих и 600-тысячная армия сеульского режима. Более того, как стало известно, из 415 подземных ядерных хранилищ, которые Пентагон намерен построить за рубежом, в Южной Корее — единственном районе в Азии — будет сооружено 36, а из 20 баз, где в состоянии круглосуточной боеготовности находятся самолеты ВВС США с ядерными бомбами, одна также располагается на Юге Кореи⁵. В 1987 г. США установили на Юге ракетные установки «Лэнс», способные нести ядерные боезаряды. Планируется, кроме того, размещение здесь крылатых ракет, «Першингов-2», нейтронного оружия. В ходе регулярно проводимых с 1976 г. американо-южнокорейских учений «Тим спирит» отрабатываются сценарии «ограниченной ядерной войны».

Очевидно, что все эти войска, военные базы и ядерное оружие, расположенные в непосредственной близости от границ Советского Союза в зоне так называемой «дуги безопасности» США, предназначены для более широкого театра действий, чем собственно Корейский полуостров, хотя их наличие и прикрывается надуманным предлогом «угрозы с Севера» для Южной Кореи.

Главным средством оздоровления сложившейся по вине империалистических кругов обстановки и урегулирования положения в Корее КНДР считает активную борьбу за мир и безопасность. «Борьба за устранение опасности возникновения мировой войны, за мир и безопасность нашей планеты, — подчеркивалось в Отчетном докладе ЦК ТПК VI съезду партии, — является самой важной задачей, стоящей сегодня перед миролюбивыми народами земного шара»⁶. Съезд призвал к запрещению во всех районах мира производства, испытаний, накопления запасов и использования ядерного оружия, к полному уничтожению всех его видов. Мирное объединение родины рассматривается в народной Корее как составная и неразрывная часть выступлений прогрессивных и миролюбивых народов нашей планеты за мир и безопасность во всем мире. Именно это подчеркивалось в прессе КНДР в связи с поддержкой предложения БССР, НРБ, ВНР, ГДР, МНР, ПНР, СРР, СССР, УССР и ЧССР включить в повестку дня 41-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН вопрос «О создании всеобъемлющей системы международной безопасности»⁷.

Внешнеполитическая линия КНДР как социалистического государства в целом совпадает с общей линией братских стран социализма в международных делах. Ее центральным звеном является борьба за мир и безопасность, против империалистической политики нагнетания напряженности и подготовки к развязыванию новой войны. Но вместе с тем она имеет и свои особенности, вызванные разделенностью Кореи и существованием на Корейском полуострове к югу от 38-й параллели поддерживаемого США реакционного сеульского режима, а также вытекающей отсюда задачей объединения страны на мирной, демократической основе без вмешательства извне. Решение этой задачи требует усилий для упрочения международно-правового положения республики и создания необходимых внешних условий для мирного урегулирования в Корее⁸.

В условиях растущей взаимозависимости государств решить стоящие перед ними проблемы в одиночку или обособленной группе стран многократно труднее или вообще невозможно. Для этого, как подчеркивало Советское правительство в Заявлении от 23 апреля 1986 г., требуется объединить конструктивные усилия всех государств АТР. Реализация предложений КНДР по мирному демократическому объединению страны без вмешательства извне прямо зависит от общей обстановки в этом регионе, от соотношения здесь сил мира и войны, от того, какие принципы лягут в основу отношений государств региона.

В свою очередь урегулирование положения на Корейском полуострове представляется одним из важных шагов, ведущих к нормализации обстановки в АТР, без которого невозможно претворить в жизнь идею азиатской безопасности. «Корейский вопрос непосредственно связан с проблемой мира и безопасности в Азии, — писала газета «Нодон синмун». — Только мирное решение этого вопроса и устранение источника напряженности в Корее могут сохранить и упрочить мир во всей Азии». КНДР проводит линию на то, чтобы корейский вопрос был решен «за столом переговоров, на мирных началах. Только контакты и диалог между Севером и Югом позволят устранить взаимное недоверие, углубить взаимопонимание, улучшить находящиеся в состоянии противоборства отношения между Севером и Югом»⁹.

Стремясь к созданию на Корейском полуострове обстановки доверия и взаимопонимания, Пхеньян в последние годы выступил инициатором возобновления диалога и контактов по различным направлениям между КНДР и Южной Кореей, которые были прерваны по вине Сеула в середине 70-х гг.

8 сентября 1984 г. Центральный комитет Общества Красного Креста КНДР принял решение о предоставлении помощи пострадавшему от наводнения южнокорейскому населению. Эта помощь включала 7,2 тыс. т риса, 500 тыс. м ткани, 100 тыс. т цемента и 759 упаковок лекарственных средств 14 наименований¹⁰.

Южнокорейское Общество Красного Креста положительно откликнулось на поступившее предложение, руководствуясь, как было заявлено, «стремлением содействовать подлинному взаимному сотрудничеству в гуманитарной области между корейцами и улучшению внутрикорейских отношений». Вместе с тем последующие контакты для обсуждения практических вопросов передачи помощи показали, что Юг пытался сорвать достигнутую принципиальную договоренность, ограничив, например, срок передачи 30 сентября. Южнокорейские власти полагали, что в КНДР «не успеют» подготовить к этому времени средства помощи.

29—30 сентября 1984 г., однако, впервые за все время раскола Кореи суда КНДР с грузом цемента прибыли в южнокорейские порты Инчхон и Пукхён. В эти же дни автомашины КНДР пересекли демаркационную линию, разделяющую страну, и доставили в уезд Пхачжу рис, ткани и медикаменты.

Передача помощи Общества Красного Креста КНДР пострадавшим от наводнения южнокорейским жителям создала благоприятную атмосферу для возобновления диалога и контактов между Севером и Югом. Эта акция показала, что при наличии доброй воли с каждой стороны сотрудничество между обеими частями Кореи возможно.

В такой обстановке была достигнута договоренность о проведении переговоров по экономическим вопросам. На состоявшихся с ноября 1984 по ноябрь 1985 г. пяти турах этих переговоров КНДР выступила с предложением начать широкое экономическое сотрудничество. Такое сотрудничество могло бы осуществляться, по мнению Севера, в области совместного освоения и использования природных ресурсов, рыболовства, сельского хозяйства¹¹. Основой взаимодействия сторон должны стать принципы Совместного заявления Севера и Юга от 4 июля 1972 г. (самостоятельности, мирного объединения и «национальной консолидации»)¹², а также принципы взаимности и уважения друг друга¹³.

В целях координации экономического сотрудничества была достигнута принципиальная договоренность о формировании консультативного и исполнительного органа — Совместной комиссии по экономическому сотрудничеству Севера и Юга, сопредседателями которой являлись бы заместители глав правительств КНДР и Южной Кореи. В функции комиссии должны входить определение объектов и масштабов сотрудничества, его форм, утверждение единого плана, контроль за выполнением достигнутых договоренностей, урегулирование возникающих спорных вопросов.

При комиссии предполагается образование семи подкомиссий: по освоению природных ресурсов, делам промышленности и техники, сельскому хозяйству, рыбной промышленности, торговле, транспорту и связи, финансовым вопросам¹⁴.

Наряду с экономическими переговорами были возобновлены контакты и по гуманитарным вопросам. В Сеуле 28—29 мая 1985 г., через 12 лет после седьмого, состоялся очередной, восьмой тур переговоров между обществами Красного Креста Севера и Юга. Девятый тур проходил 27—28 августа 1985 г. в Пхеньяне. Конкретным результатом этих переговоров, а также рабочих встреч представителей обществ Красного Креста стала договоренность об обмене по случаю 40-летия освобождения Кореи художественными коллективами и «группами посетителей родных краев», состоящими из лиц, которые имеют родственников соответственно на Юге или Севере¹⁵.

Делегации обеих сторон в количестве 151 человека с 20 по 23 сентября 1985 г. находились в Пхеньяне и Сеуле. Разлученным родственникам была предоставлена возможность встречи.

Разрядке напряженности на Корейском полуострове, снижению уровня кон-

фронтации и возможности возникновения конфликтов, «обеспечению благоприятных условий и атмосферы диалога Севера и Юга» способствовала бы и реализация предложений КНДР, выдвинутых на 429-м заседании Военной комиссии по перемирию в Корее в июле 1985 г. Суть этих предложений заключается в том, чтобы в районе Пханмунчжона, где проводятся встречи и переговоры представителей КНДР и Южной Кореи, ликвидировать все военные сооружения и посты, вывести оттуда тяжелое и автоматическое оружие, сократить число находящихся там военнослужащих и ограничить их вооружение¹⁶.

Достижение практических договоренностей по экономическим, гуманитарным и другим вопросам должно подготовить условия для всеобъемлющего, широкого урегулирования корейской проблемы. Важным шагом на пути к этому, как считают в Пхеньяне, могут стать трехсторонние переговоры между КНДР, Южной Кореей и США, а также межпарламентские переговоры, с инициативой о проведении которых выступила четвертая сессия Верховного народного собрания КНДР седьмого созыва в апреле 1985 г.¹⁷ КНДР предлагает на совместном заседании представителей парламентов обеих сторон обсудить вопрос о принятии декларации о ненападении между Севером и Югом, признать ее «необходимость и значимость»¹⁸, а затем передать правительствам для подписания. Пхеньян не возражает также и против предложения Сеула рассмотреть на межпарламентских переговорах вопрос о принятии единой конституции.

Возобновление внутрикореяского диалога как единственно возможного средства урегулирования на Корейском полуострове, создания здесь атмосферы доверия вызвало благоприятные предпосылки для устранения угрозы войны в Корее, смягчения напряженности в регионе. Сам факт регулярных контактов между Севером и Югом, казалось бы, должен был убедить в том, что любые вопросы между сторонами могут быть разрешены за столом переговоров. Но это как раз и не устраивало ни американскую администрацию, ни сеульских правителей, ибо не оставляло никаких оснований для милитаризации Юга под предлогом «угрозы с Севера», сохранения американских войск в Южной Корее.

В начале 1986 г. Вашингтон и Сеул объявили о проведении очередных американо-южнокорейских учений «Тим спирит-86» и о намерении проводить их в последующие два года. Провокационная демонстрация силы, направленная против КНДР, отработка в ходе учений «высадки десанта на Севере», «нанесения ядерного удара», как очевидно, не только не соответствовали духу проводимых переговоров, но и были прямо нацелены на срыв диалога, мирных усилий по урегулированию ситуации в Корее.

В таких условиях КНДР приняла решение не проводить с 1 февраля крупных военных учений, а во время переговоров с Южной Кореей прекращать любые военные маневры. Предложение последовать примеру КНДР в целях «смягчения напряженности на Корейском полуострове и создания благоприятной атмосферы для диалога между Севером и Югом»¹⁹ было сделано США и Южной Кореей. Однако Вашингтон и Сеул отвергли новую инициативу Пхеньяна, назвав ее «пропагандистской»²⁰. Внутрикореяские переговоры, таким образом, были вновь прекращены.

Проявляя искреннюю озабоченность взрывоопасным положением на Корейском полуострове и исходя из того, что разрядка в военной области позволила бы смягчить напряженность, сдвинуть с мертвой точки диалог между Севером и Югом, найти путь к объединению страны на основе мира и доверия, Верховное главнокомандование Корейской народной армии обратилось 17 июня 1986 г. с предложением провести переговоры между министром народных вооруженных сил КНДР О Дин У, министром обороны Южной Кореи Ли Ги Бекком и командующим объединенными американо-южнокорейскими войсками

У. Ливси. На этих переговорах предлагалось рассмотреть вопросы о прекращении военных учений и гонки вооружений, сокращении вооруженных сил и вооружений, строгом соблюдении соглашения о перемирии в Корее. Со стороны КНДР была также выражена готовность обсудить любые предложения США и Южной Кореи, которые бы способствовали смягчению напряженности на Корейском полуострове²¹.

В ответ на эту инициативу Пхеньяна в Вашингтоне заявили, что «не видят конструктивности» в предложении КНДР, а в Сеуле вообще назвали ее «не заслуживающей внимания».

Несмотря на откровенно обструкционистский подход вашингтонской и сеульской администраций к миролюбивым инициативам КНДР, 6 сентября 1986 г. Верховное главнокомандование Корейской народной армии вновь приняло важный шаг на пути смягчения военной конфронтации между Севером и Югом. Этот шаг заключался в том, что из районов, прилегающих к демилитаризованной зоне, было отведено и направлено на стройки народного хозяйства 150 тыс. военнослужащих Корейской народной армии и Корейских народных охранных войск. При этом было заявлено, что если США и Южная Корея со своей стороны предпримут подобные или какие-либо другие меры для разрядки напряженности, то КНДР готова к еще более крупным шагам в этом направлении²².

В декабре 1986 г. в политической речи на первой сессии Верховного народного собрания КНДР Ким Ир Сен выдвинул предложение о проведении военно-политических переговоров между Севером и Югом в целях разрядки напряженности в Корее. Руководитель КНДР подтвердил также готовность провести встречу в верхах Севера и Юга, если будет достигнут прогресс по военным и политическим вопросам.

В целях реализации этой инициативы премьер Административного совета КНДР Ли Гын Мо и министр народных вооруженных сил О Дин У 28 февраля 1987 г. направили в адрес премьер-министра Южной Кореи Ро Син Ена и министра обороны Ли Ги Бека новое письмо, в котором КНДР предложила начать военно-политические переговоры между Севером и Югом и одновременно возобновить межпарламентские контакты, встречу представителей обществ Красного Креста, переговоры по экономическим вопросам. Пхеньян выдвинул идею всесторонне обсудить на предлагаемых военно-политических переговорах проблемы, связанные со строительством Кымгансанской ГЭС. В письме, как видно, Север идет на очевидные компромиссы, давая согласие на возобновление внутрикорейского диалога по всем направлениям с учетом южнокорейских предложений. Со стороны Сеула 17 марта 1987 г. последовало ответное послание, в котором предложено в качестве предварительного условия провести переговоры по проблеме Кымгансанской ГЭС, а затем уже организовать встречу премьеров обеих сторон²³. Сеульские власти пытались, таким образом, найти новые предлоги, чтобы отвергнуть идею военно-политических переговоров. Однако Пхеньян и здесь проявил добрую волю, согласившись на встречу премьеров Севера и Юга без каких-либо предварительных условий.

В июле 1987 г. правительство КНДР выступило с инициативой в течение 1988—1992 гг. провести поэтапное сокращение вооруженных сил Севера и Юга до 100 тыс. военнослужащих с параллельной эвакуацией американских войск и ядерного оружия из Южной Кореи. КНДР, указывается в заявлении, считает необходимым превратить демилитаризованную зону между Севером и Югом в зону мира и разместить там наблюдателей из числа нейтральных стран. В этих целях Пхеньян предложил провести в марте 1988 г. в Женеве многосторонние переговоры представителей Севера, Юга и США с участием наблюдателей от ГНР, ЧССР, Швейцарии и Швеции, входящих в Комиссию по на-

блюденню за перемирием в Корее. Одновременно, проявляя добрую волю и стремясь к снижению напряженности на Корейском полуострове, правительство КНДР заявило о решении к концу 1987 г. в одностороннем порядке сократить свои вооруженные силы на 100 тыс. человек.

В опубликованном 31 июля 1987 г. сообщении Верховного главнокомандования Корейской народной армии указывается, что КНДР к концу декабря 1987 г. демобилизует 100 тыс. солдат и офицеров и направит их на строительство народнохозяйственных объектов. При этом была выражена надежда на то, что США и южнокорейские власти не воспользуются военным дисбалансом, возникающим в результате одностороннего сокращения вооруженных сил КНДР, и последуют ее примеру.

В целях практической реализации новых инициатив Пхеньян предложил организовать в Женеве или другом месте встречу министров иностранных дел КНДР, США и Южной Кореи. Для подготовки переговоров необходимо, по мнению Севера, провести предварительные контакты на уровне заместителей министров иностранных дел, которые, как считают в Пхеньяне, можно было бы организовать в Пханмунчжоме. КНДР изъявила также готовность провести две двусторонние встречи — между Севером и Югом и между КНДР и США.

Таким образом, ТПК и правительство КНДР предпринимают значительные усилия, чтобы смягчить обстановку на Корейском полуострове, исключить здесь вероятность военного конфликта. «Есть возможность, — подчеркивал М. С. Горбачев во Владивостоке, — не только снять опасную напряженность на Корейском полуострове, но и начать движение по пути решения национальной проблемы всего корейского народа. Если исходить из действительно корейских интересов, нет разумных причин уходить от серьезного диалога, который предлагает КНДР»²⁴.

Выдвигаемые Советским Союзом принципы всеобъемлющей системы международной безопасности охватывают военную, политическую, экономическую и гуманитарную области. Их реализация на практике привела бы к оздоровлению обстановки в мире, создала бы условия для того, чтобы историческое противоборство между социализмом и капитализмом протекало в формах мирного соревнования. Поэтому советское предложение не только расширяет возможности достижения мирного воссоединения Кореи, но и могло бы реально создать для этого необходимые условия и предпосылки, в том числе и, по определению VI съезда ТПК, важнейшую из них — смягчение напряженности на Корейском полуострове. Задача заключается не только и не столько в том, чтобы сохранить здесь достигнутое равновесие сил, сколько в снижении уровня политической и военной конфронтации.

Большое значение для урегулирования положения на Корейском полуострове имеют предложения СССР относительно проведения конкретных переговоров со всеми заинтересованными странами по мерам доверия на Дальнем Востоке, применение которых возможно как на коллективных началах, так и на двусторонней основе. Отвечая на вопросы индонезийской газеты «Мердека», М. С. Горбачев заявил о готовности СССР взять обязательство не наращивать количество самолетов — носителей ядерного оружия, добиваться понижения активности военных флотов СССР и США на Тихом океане, добиваться превращения Индийского океана в зону мира и запрещения ядерных испытаний.

Советский Союз выступает за то, чтобы начать переговоры о сокращении активности военных флотов на Тихом океане, в первую очередь кораблей, оснащенных ядерным оружием. Укреплению стабильности способствовало бы и ограничение соперничества в сфере противолодочного оружия. СССР придаст

большое значение радикальному сокращению вооруженных сил и обычных вооружений в Азии до пределов разумной достаточности. По согласованию с правительством МНР Советский Союз вывел мотострелковую дивизию и несколько отдельных частей, находящихся на территории Монголии.

Советские мирные предложения соответствуют духу и букве Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и КНДР от 6 июля 1961 г., согласно которому Советский Союз и народная Корея взяли на себя обязательство участвовать во всех международных действиях, имеющих целью обеспечение мира и безопасности на Дальнем Востоке, и вносить вклад в дело осуществления этих высоких задач. В договоре подчеркивается, что объединение Кореи должно быть произведено на мирной демократической основе и что такое решение отвечает как национальным интересам корейского народа, так и делу поддержания мира на Дальнем Востоке²⁵.

Во время празднования 25-летия договора отмечалось, что он отвечает коренным интересам наших народов и государств, надежно служит обеспечению безопасности в дальневосточном регионе, вносит весомый реальный вклад в оздоровление международной обстановки, ликвидацию угрозы новой мировой войны. Основываясь на договоре, Советский Союз и народная Корея противопоставляют попыткам империалистических кругов превратить АТР еще в одну арену конфронтации с социалистическими странами неизменное стремление и готовность к поиску действенных решений назревших проблем безопасности в Азии²⁶.

В октябре 1986 г. в Москве состоялись переговоры между Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым и Генеральным секретарем ЦК ТПК, Президентом КНДР Ким Ир Сенем. С советской стороны была выражена полная поддержка усилиям КНДР, направленным на вывод войск и ядерного оружия США из Южной Кореи, превращение Корейского полуострова в безъядерную, мирную зону, достижение мирного демократического объединения страны без вмешательства извне.

Последовательная борьба Советского Союза за мир и безопасность на Азиатском континенте целиком и полностью отвечает подлинным интересам корейского народа, ибо принципы, которые могли бы стать фундаментом безопасности стран Азии, практически совпадают с принципами программы объединения Кореи, выдвигаемой КНДР, и находятся в полном соответствии с ее внешнеполитическим курсом как миролюбивой социалистической страны. «Обеспечение прочного мира и безопасности в Азии.— говорил Ким Ир Сен,— является очень важным и актуальным вопросом, стоящим сегодня перед азиатскими народами... Положение в Азии оказывает большое влияние на развитие мировой обстановки в целом, а вопрос обеспечения мира и безопасности в этом регионе прямо связан с проблемой устранения растущей день ото дня опасности возникновения новой мировой войны и разрядкой международной напряженности»²⁷.

Безопасность в Азии может и должна основываться на общепринятых нормах международного права и учитывать как положительный опыт государств, подписавших в 1975 г. Хельсинкское соглашение, так и объективные реальности современной Азии, ее традиции и особенности, опыт прошлый и современный. Она могла бы строиться на таких началах, как отказ от применения силы или угрозы силой в отношениях между государствами, недопустимость аннексии территории, нерушимость государственных границ, урегулирование всех международных споров исключительно мирными средствами, взаимное уважение независимости, суверенитета и территориальной целостности, невмешательство во внутренние дела, признание и строгое соблюдение права каждого народа распоряжаться своей судьбой, развитие взаимовыгод-

ного сотрудничества. Сохраняют свое значение принципы «панча шила» и Бандунга.

Главным принципом обеспечения безопасности в Азии, как и во всем мире, несомненно, должен быть взаимный отказ от применения силы или угрозы силой в отношениях между странами, ибо совершенно ясно, что без проведения в жизнь этого принципа невозможно предотвратить акты агрессии, искоренить войны как средство решения спорных проблем. Поэтому совместная защита азиатских государств не только от угрозы войны и агрессии, но и от всякого посягательства на их суверенитет и территориальную целостность, от вмешательства в их внутренние дела должна лечь в основу предложенной СССР идеи обеспечения азиатской безопасности. Как подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, «народы Азии заинтересованы в обеспечении мира и мирного сотрудничества не меньше, чем народы любого другого континента, и могут сделать многое для достижения этой цели»²⁸.

Перестройка межгосударственных отношений на такой основе явилась бы крупнейшим историческим сдвигом в развитии событий на Азиатском континенте. Очевидно, что эти принципы взаимоотношений государств АТР, будучи претворенными в жизнь, позволят решить наиболее существенные и принципиальные проблемы воссоединения Кореи, а именно: они обеспечат мир на Корейском полуострове, будут способствовать свободному волеизъявлению южнокорейского населения относительно внутреннего устройства в этой части Кореи, устранению империалистического вмешательства во внутренние дела корейского народа, позволят наладить сотрудничество между Севером и Югом Кореи.

Программа объединения страны, с которой выступает КНДР, является частью общих усилий народной Кореи по обеспечению мира и безопасности на Земле. Долговременные усилия Трудовой партии Кореи и правительства Республики, как отмечалось на VI съезде ТПК, направлены на то, чтобы превратить Корейский полуостров в безъядерную зону, зону мира.

Исходя из того, что устранение опасности возникновения ядерной войны на Корейском полуострове в настоящее время является одной из актуальных задач для обеспечения мира в Азии и во всем мире, правительство КНДР 23 июня 1986 г. выступило с конкретными предложениями о превращении Кореи в безъядерную, мирную зону. В этом документе КНДР подтвердила готовность строго выполнять положения Договора о нераспространении ядерного оружия, участником которого она является, и обязалась не испытывать, не производить, не возить и не размещать ядерное оружие на своей территории, а также не разрешать его транспортировку. В свою очередь США, как подчеркивают в Пхеньяне, должны прекратить ввоз в Южную Корею нового ядерного оружия, поэтапно сократить и вывезти уже имеющиеся там ядерные средства и отказаться от всех планов применения их на Корейском полуострове. В правительственном заявлении выражается готовность начать переговоры с Соединенными Штатами и Южной Кореей по этим вопросам²⁹.

Инициатива КНДР о превращении Корейского полуострова в безъядерную зону созвучна советским предложениям по оздоровлению ситуации в АТР и созданию здесь безъядерных зон. Она нашла полную поддержку в Советском Союзе. «В Советском Союзе рассматривают конструктивный шаг КНДР как логическое продолжение последовательных миролюбивых усилий социалистической Кореи... Инициатива КНДР — еще один наглядный пример готовности социалистических стран к активному поиску путей ядерного разоружения, к тому, чтобы пройти свою часть пути в решении проблемы обеспечения безопасности в Азии»³⁰.

В поддержку предложения КНДР о превращении Корейского полуострова в безъядерную, мирную зону выступили также Китай, Монголия, Вьетнам, Лаос. В заявлении МИД СРВ подчеркивается, что это предложение КНДР свидетельствует о ее искреннем стремлении внести вклад в борьбу всех народов Земли против ядерной катастрофы, поджигательской политики империализма.

Свидетельством солидарности миролюбивых народов мира с борьбой КНДР за мир и безопасность в Корее, ликвидацию очагов напряженности в разных районах земного шара явилась проходившая в Пхеньяне с 6 по 8 сентября 1986 г. Международная конференция за безъядерный, мирный Корейский полуостров. В ее работе приняли участие 93 делегации из 80 стран, в том числе Советского Союза, а также представители 32 международных организаций³¹.

Выразив глубокую озабоченность тревожной обстановкой в мире, вызванной развертываемой империализмом гонкой вооружений, попытками разместить ядерное оружие в космосе и подчеркнув взрывоопасность ситуации в Корее, конференция приняла в качестве итогового документа декларацию, в которой зафиксированы пути превращения Корейского полуострова в безъядерную, мирную зону. Согласно декларации, для этого необходимо:

— полностью прекратить разработку, испытание, производство, накопление, владение, развертывание, распространение и применение ядерного оружия на Корейском полуострове;

— не допускать здесь создания иностранных военных баз и дислокации войск других государств;

— аннулировать военные договоры, заключенные в целях агрессии на Корейском полуострове и в прилегающих к нему районах, пресекать попытки создать в регионе новый военный блок;

— прекратить в Корее все военные маневры и наращивание вооруженных сил, являющиеся прямой причиной обострения напряженности и опасности возникновения войны, а также сократить численность военнослужащих и военные расходы;

— вести диалог, направленный на разрядку напряженности на Корейском полуострове и создание благоприятных условий для мира и мирного объединения страны;

— в целях разрядки напряженности в Корее и достижения национальной консолидации провести совместно Севером и Югом XXIV Олимпийские игры 1988 г.

В принятой Пхеньянской конференцией декларации, кроме того, отмечается, что самым радикальным путем к ликвидации источника напряженности и обеспечению прочного мира на Корейском полуострове является достижение национального объединения корейского народа.

В качестве официального документа конференции было также принято выступление Генерального секретаря ЦК ТПК, Президента КНДР Ким Ир Сена перед ее участниками. Обращаясь к ним, он заявил, что КНДР активно поддерживает мирные инициативы Советского Союза, направленные на защиту мира и безопасности во всем мире, и выражает твердую солидарность с борьбой советского народа за их осуществление. Предложения КПСС и Советского правительства о запрете ядерных испытаний, сокращении ядерных вооружений, предотвращении милитаризации космоса и полной ликвидации ядерного оружия до конца нынешнего столетия, продление одностороннего моратория на любые ядерные взрывы до 1 января 1987 г. убедительно свидетельствуют, что СССР проводит миролюбивую внешнюю политику, ответственно подходит к вопросам устранения ядерной угрозы и защиты мира на Земле³².

Народы АТР все более осознают необходимость установления там отношений мира, добрососедства и сотрудничества. Отражением стремления прогрес-

сивных сил АТР к поиску путей решения проблем безопасности в Азии стало проведение в Улан-Баторе в июле 1987 г. совещания представителей более 20 коммунистических и революционных партий стран АТР. Встреча в Улан-Баторе, первая в истории АТР, продемонстрировала единодушное стремление ее участников расширять борьбу за оздоровление обстановки в Азии и бассейне Тихого океана. На встрече была выражена полная поддержка советским инициативам, предложениям других социалистических стран, направленным на достижение мира и безопасности в АТР.

Поддержка инициатив и предложений, направленных на превращение Азии в зону мира и сотрудничества,— это пробный камень искренности подхода того или иного государства к ликвидации очагов напряженности на Азиатском континенте, одним из которых является Корейский полуостров. Поиски конкретных путей урегулирования в Корее, несомненно, внутреннее дело самого корейского народа. Но проблема обеспечения здесь мира касается всех государств и народов, и достигнут он может быть только на основе их совместных усилий. «Мы за то,— подчеркивал М. С. Горбачев в выступлении по случаю пребывания в мае 1987 г. в СССР Генерального секретаря ЦК КПВ Нгуен Ван Линя,— чтобы в отношениях между государствами азиатско-тихоокеанского региона, который приобретает все более важное значение в международной жизни, царили мир и добрососедство, доверие и взаимопонимание, взаимовыгодный обмен технологией, товарами, культурными ценностями»³³.

¹ In: "Far Eastern Economic Review", 20.VI.1985, p. 46.

² «Правда», 22.V.1985.

³ Там же, 10.V.1985.

⁴ См.: «Нодон синмун», 7.IX.1986.

⁵ См.: «Известия», 12.VII.1986; «Красная звезда», 12.VII.1986.

⁶ Ким Ир Сен. Отчетный доклад ЦК ТПК VI съезду партии. Пхеньян, 1980, с. 107.

⁷ «Нодон синмун», 27.VIII.1986.

⁸ См.: Ким Ир Сен. Отчетный доклад ЦК ТПК VI съезду партии, с. 114—115.

⁹ «Нодон синмун», 14.VIII.1985.

¹⁰ См. там же, 9.IX.1984.

¹¹ Там же, 16.XI.1984.

¹² См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1985, № 1, с. 87—88.

¹³ См.: «Нодон синмун», 16.XI.1984.

¹⁴ См. там же, 21.V.1985.

¹⁵ См. там же, 23.VIII.1985.

¹⁶ См. там же, 30.VII.1985.

¹⁷ См. там же, 10.IV.1985.

¹⁸ Там же, 23.VII.1985.

¹⁹ Там же, 12.I.1986.

²⁰ In: "Korea Herald", 14.I.1986.

²¹ См.: «Нодон синмун», 18.VI.1986.

²² См. там же, 6.IX.1986.

²³ См. там же, 4.IV.1987.

²⁴ «Правда», 29.VII.1986.

²⁵ См.: Отношения Советского Союза с народной Кореей. М., 1981, с. 196—197.

²⁶ См.: «Правда», 4.VII.1986.

²⁷ «Нодон синмун», 8.I.1983.

²⁸ «Правда», 22.V.1985.

²⁹ См.: «Нодон синмун», 24.VI.1986.

³⁰ «Правда», 4.VII.1986.

³¹ См.: «Нодон синмун», 6, 10.IX.1986.

³² См. там же, 7.IX.1986.

³³ «Правда», 20.V.1987.

Япония и ключевые проблемы современности

*Л. Н. КУТАКОВ,
доктор исторических наук,
профессор*

В наше время в мировой политике возрастает значение азиатско-тихоокеанского региона (АТР). Как отмечалось на XXVII съезде КПСС, в этом обширном районе мира немало запутанных узлов противоречий, нуждающихся в политическом урегулировании. Их разрешение зависит от целей и конкретных позиций стран региона, особенно ведущих, к которым по праву можно отнести Японию.

Для Советского Союза, одной из крупнейших азиатских держав, три четверти территории которой расположены к востоку от Урала, обеспечение безопасности в Азии имеет жизненно важное значение. Советское государство искренне стремится к тому, чтобы процесс создания всеобъемлющей системы международной безопасности охватил и АТР. Однако этот курс наталкивается на противодействие империалистических кругов США и их союзников, которые стремятся превратить район Азии и Тихого океана в арену военно-политической конфронтации, в такой же район массированного развертывания ядерных средств передового базирования, каким уже стали Западная Европа и прилегающая к ней Атлантика.

Идея создания «двух фронтов» против Советского Союза прочно укоренилась в военно-политическом мышлении официальных кругов США. По призыванию министра обороны К. Уайнбергера, целью американской политики в АТР является противоборство с Советским Союзом «от Персидского залива до Алеутских островов». Это проявляется в конкретных акциях Вашингтона. Нарастает мощь 7-го флота США, главной ударной силы в западной части Тихого океана, развертывается новая подводная ракетная система «Трайидент», корабли американских ВМС оснащаются крылатыми ракетами «Томагавк», тяжелые стратегические бомбардировщики В-52 переоборудуются в носители ядерных крылатых ракет.

* * *

Краеугольным камнем послевоенной американской военно-политической стратегии в АТР является Япония. США непрерывно подталкивают ее к наращиванию вооружений, стремятся вовлечь в осуществление своих глобальных милитаристских планов. В соответствии с так называемым «договором безопасности» 1960 г., организационно закрепившим американо-японский военно-политический союз, на территории Японии ныне находится 119 военных объектов США и постоянно дислоцируется около 50 тыс. американских военнослужащих. С 1983 г. военные ведомства США и Японии вели исследования о разделении военных функций в АТР. На основе выработанных в ходе исследований рекомендаций в конце 1986 г. был подписан меморандум

о взаимодействии вооруженных сил двух стран при проведении совместных операций. Токио во все больших масштабах подключается к глобальной стратегии Соединенных Штатов, направленной на обострение международной обстановки, увеличивает военный бюджет страны, отменив ограничения на его рост, наращивает «силы самообороны».

При этом нельзя сказать, что правящие круги Японии лишь уступают требованиям американской администрации. Многие политические лидеры Японии открыто заявляют, что наращивание вооруженных сил необходимо для приведения военного потенциала в соответствие с экономической мощью страны. Естественно, что все это не может не находить своего проявления во внешнеполитическом курсе Японии, в ее отношении к решению крупных проблем современности.

Развитие в 70-е гг. позитивных тенденций на мировой арене, победы, одержанные патриотами Индокитая в их освободительной борьбе против местной реакции и американского империализма, позволили прогрессивным, миролюбивым силам активно выступить за перестройку системы международных отношений в Азии на принципах мира и дружбы между народами. Идею безопасности в Азии на основе коллективных усилий поддержали правительства, политические и общественные круги многих стран АТР.

Однако Япония весьма сдержанно отнеслась к идее обеспечения безопасности совместными усилиями азиатских государств, что в значительной степени определялось отрицательным отношением к ней со стороны США. В известной мере в противовес «идее коллективной безопасности в Азии» Япония выдвинула проект создания «тихоокеанского сообщества». В число его возможных участников наряду с Японией и США были включены Канада, Австралия и Новая Зеландия, а позднее страны АСЕАН. Японские официальные политические деятели старательно оговаривали, что членами сообщества должны стать лишь государства «с рыночной экономикой». СССР, СРВ, Лаос, Кампучия, а также те развивающиеся страны, которые встали бы на путь национализации своей экономики, автоматически исключались из него. Позднее Япония предприняла шаги по привлечению в планируемую группировку Китая, ссылаясь на китайский эксперимент с рыночной экономикой, расширение зон «свободной торговли» и объявленную руководством страны «открытую в отношении внешнего мира политику». В конце 70-х гг. идею создания сообщества подхватили США. В 1979 г. вопрос о «тихоокеанском сообществе» специально обсуждался в подкомиссии по делам Дальнего Востока и Азии палаты представителей конгресса США. Она рекомендовала госдепартаменту вести дальнейшее изучение и подготовку к осуществлению этой идеи. Указанное обсуждение в конгрессе США подстегнуло японские кабинеты (премьер-министров М. Охира и Д. Судзуки) к углубленной разработке принципов формирования «тихоокеанского сообщества». Японский премьер Д. Судзуки в своих заявлениях в 1982 г. стал подчеркивать политическую сторону планируемого объединения.

Американские и японские политологи предлагали правительствам начать со взаимодействия со странами АСЕАН и постепенно подключить к этому процессу Южную Корею и островные государства Тихого океана. В перспективе намечалось превратить сообщество в политическое объединение. Экономическая на первом этапе организация по мысли американских и японских политиков должна подкрепить неформальное политическое сотрудничество государств, противостоящих СССР и его союзникам в Азии, а также национально-освободительному движению.

США и Япония в 1984 г. провели серию официальных переговоров с предполагаемыми участниками группировки. В июле 1984 г. на ежегодной встрече

министров иностранных дел государств АСЕАН, США, Японии, Канады, Австралии, Новой Зеландии была достигнута договоренность о сотрудничестве 11 стран в целях содействия торговле и экономическому развитию, однако представители стран АСЕАН ясно дали понять, что они против того, чтобы облекать это сотрудничество в жесткие организационные формы.

Учитывая рост опасений в Юго-Восточной Азии по поводу возможности превращения сообщества в военный блок, Я. Накасонэ во время своих визитов в 1984—1985 гг. в страны АСЕАН и Океании стал доказывать сугубо мирный характер проектируемой организации. В январе 1985 г. он несколько по-иному сформулировал принципы ее деятельности: сотрудничество должно распространяться только на три сферы — экономику, научно-технические связи и культуру. Оно не должно быть направлено на формирование группировки типа ЕЭС¹. К идее тихоокеанского экономического сотрудничества Советский Союз, как заявил М. С. Горбачев в июле 1986 г., отнесся без предубеждения, готов присоединиться к размышлениям о возможных основах такого сотрудничества, разумеется, если оно мыслится не по навязанной кем-то блоковой, антисоциалистической схеме, а как результат свободных дискуссий без какой-либо дискриминации².

Отвергая идею создания надежной системы коллективной безопасности в Азии, Япония заняла сдержанную, а по существу отрицательную позицию и в отношении наметившегося в 70-е гг. процесса разрядки. Японские официальные круги при этом ссылались на то, что разрядка якобы не исключает политической борьбы среди великих держав, существенно не ограничивает гонку вооружений. Фактически же их пугало то, что разрядка способствовала росту национально-освободительных движений. Некоторые аспекты разрядки, такие, как признание существующих политических реальностей в Европе, рассматривались и рассматриваются Токио как совершенно неприемлемые для Азии, и особенно для самой Японии. Именно этим был продиктован отказ японской стороны от проведения переговоров с СССР по подготовке мирного договора, ее негативное отношение к советским предложениям заключить Договор о добрососедстве и сотрудничестве (1978), определить приемлемые для обеих сторон меры по укреплению доверия (1981).

* * *

Современный внешнеполитический курс японского правительства, сориентированный на всестороннее сотрудничество с США и другими странами НАТО, не способствует укреплению мира на Дальнем Востоке и в Азии в целом, прекращению гонки вооружений, ликвидации нарастающей опасности ядерной войны. Заметим, что с момента вступления в Организацию Объединенных Наций (1956) и до наших дней Япония не выступала там с крупными конструктивными инициативами по проблемам разоружения. Ее участие в дискуссиях в большинстве случаев осуществлялось с оглядкой на Вашингтон. Самостоятельность чаще проявлялась на словах. Так, Япония в общем поддержала ряд предложений СССР по разоружению, однако дальнейших усилий для решения этой проблемы не предпринимала. В вопросе о разоружении она делала основной упор на необходимости решения частных предварительных задач разоружения.

Заявления о целесообразности «поэтапного» подхода к решению проблем разоружения иногда использовались японской стороной в качестве одного из аргументов для выступлений против советских предложений, реализация которых, по ее мнению, способна «нарушить военное и политическое равновесие», то есть затрагивает интересы капиталистического лагеря во главе

с США. Именно с таких позиций Япония выступила на 33-й сессии Генеральной Ассамблеи (ГА) ООН (1978) против советского проекта резолюции «О размещении ядерного оружия на территориях тех государств, где его нет в настоящее время». Представитель Японии утверждал на сессии, что необходимо «поэтапное» решение этого вопроса с учетом «реально складывающейся международной обстановки». Выступая с проамериканских позиций фактически против ядерного разоружения, японские делегаты заявляли, что этот подход является «принципиальным» и не противоречит японским «трем неядерным принципам» — не обладать, не производить и не допускать ввоза ядерного оружия на японскую территорию.

На 34-й сессии ГА ООН (1981) СССР внес предложение: «Предотвратить ядерную катастрофу. Декларация Генеральной Ассамблеи ООН». США, другие члены НАТО, а также Япония не поддержали тогда советский проект резолюции. Не встретило поддержки со стороны Японии и решение Советского Союза об отказе от применения ядерного оружия первым. Естественно, что такая позиция японской делегации вызвала резкое осуждение демократической общественности страны, народ которой хорошо помнит ужасные последствия американских атомных бомбардировок в августе 1945 г.

На 37-й сессии ГА ООН (1982) Советским Союзом были предложены проекты резолюций: «О безотлагательном прекращении и запрещении испытаний ядерного оружия» и «Умножить усилия по устранению угрозы ядерной войны и обеспечению безопасного развития ядерной энергетики». Вместе с США и другими государствами НАТО Япония и на этот раз отказалась поддержать советские инициативы, имеющие принципиальное значение для обуздания гонки вооружений.

В последующие годы при обсуждении на сессиях ГА ООН других актуальных проблем современности, связанных с прекращением гонки ядерных вооружений, Япония или воздерживалась (например, при голосовании резолюции о прекращении ядерных испытаний, о гарантиях безопасности государств, не обладающих ядерным оружием и др.), или голосовала вместе с США против принятия решений, ограничивающих милитаристскую активность государств (Декларация об осуждении ядерной войны, резолюции о запрещении ядерного нейтронного оружия, о международном сотрудничестве и взаимном ограничении военной деятельности военных группировок и их роспуске, о замораживании ядерных вооружений, о неприменении ядерными державами первыми ядерного оружия, о ядерном разоружении, о гарантиях безопасности неядерных государств, о международном сотрудничестве в целях разоружения и др.). Вместе с США и их союзниками японский представитель в ООН отказался поддержать такие важные для судеб человечества документы, как резолюция о предотвращении ядерной войны, об опасности наступления «ядерной зимы» вследствие ядерной войны, о запрещении ядерных испытаний, о запрещении разработки и производства новых видов и систем оружия массового уничтожения, о проведении всемирной кампании за разоружение, декларацию о праве народов на мир.

40-я, юбилейная сессия ГА ООН (1985) показала возросшую озабоченность большинства государств мира усиливающейся угрозой ядерной войны. Многие из прибывших на сессию делегаций подчеркивали необходимость принятия срочных практических мер по предотвращению ядерной войны. В ряде резолюций сессии Женевской конференции по разоружению поручалось приступить в первоочередном порядке к выработке конвенции о запрещении применения ядерного оружия, начать переговоры по выработке соглашения о практических мерах для предотвращения ядерной войны. Однако Япония отказалась поддержать эти резолюции. Вместе с США и другими странами

НАТО японская делегация голосовала против резолюции, призывавшей все ядерные державы заморозить свои ядерные вооружения в глобальном масштабе с определенной даты и при соответствующем контроле в качестве первого шага к их полной ликвидации.

Во время советско-японских переговоров в Москве в мае 1986 г. обе стороны подчеркнули «необходимость усилий в целях поддержания и укрепления мира и высказались в пользу скорейшего достижения договоренностей на различных переговорах по ограничению вооружений и разоружению в области ядерных и обычных вооружений»³. Однако в практических делах Япония этот вывод игнорирует.

На 41-й сессии (осень 1986 г.) ГА ООН одобрила 67 ответственных решений в пользу сокращения и ликвидации ядерного оружия, скорейшего завершения разработки конвенции о запрещении и уничтожении химического оружия, ограничения обычных вооружений, высказалась за начало переговоров о разоружении на морях и океанах, за решение проблемы высвобождения средств на цели экономического развития. Япония, как и США, не поддержала многие рекомендации мирового сообщества. США проголосовали против 26 резолюций. Японская делегация в свою очередь проголосовала против таких важных резолюций, как замораживание ядерного оружия, неприменение ядерного оружия и предотвращение ядерной войны, прекращение ядерных испытаний и др.

Японское правительство не высказало поддержки конструктивной инициативе советской стороны по сокращению ядерного оружия в Азии, выдвинутой на советско-американской встрече на высшем уровне в Рейкьявике в октябре 1986 г. Нельзя расценить как конструктивное и официальное заявление министра иностранных дел Японии Т. Куранари в поддержку политики Белого дома, направленной на подрыв советско-американского Договора ОСВ-2.

Таким образом Япония не проявляет последовательного конструктивного подхода к одной из самых важных проблем современности — проблеме обуздания гонки вооружений и ликвидации угрозы ядерной войны. Об этом говорит как многолетний опыт участия Японии в деятельности Организации Объединенных Наций, в том числе и в качестве члена Совета Безопасности ООН, так и вся ее внешнеполитическая деятельность. Поддержка японской дипломатией курса Вашингтона на усиление военной конфронтации не отвечает национальным интересам самой Японии, народам Азии и других континентов мира.

* * *

Укрепление американско-японского военно-политического союза при заметном увеличении в нем в последнее время роли самой Японии находит свое проявление и в отношении Токио к другим международным проблемам. Одной из них в наше время является обеспечение безопасности судоходства на международных морских путях. Как известно, именно на это нацелен ряд внесенных Советским Союзом в ООН предложений, предусматривающих ограничение действий военно-морских флотов и распространение мер доверия на акватории морей и океанов, особенно на те районы, где пролегают наиболее оживленные морские пути. СССР предложил договориться о нерасширении военно-морской деятельности государств в районах конфликтов или напряженности, выводе кораблей — носителей ядерного оружия из ряда районов Мирового океана, установлении лимитов на присутствие в них кораблей различных классов. Советский Союз заявил о готовности пойти на прямое и эффективное ограничение военно-морских вооружений, в частности об ограничении коли-

чества боевых кораблей основных классов и противолодочных сил и средств.

Японское правительство, как известно, неоднократно выражало озабоченность по поводу обеспечения безопасности на морских транспортных артериях. Советские же предложения как раз и открывают реальный путь к ограничению гонки морских вооружений, обеспечению гарантий безопасности судоходства всех заинтересованных держав. Однако Япония вместе с США и другими странами НАТО на сессиях ГА ООН голосовала против советских резолюций об ограничении военно-морской деятельности. Более того, во время визита в Вашингтон в январе 1983 г. японский премьер Я. Накасонэ провозгласил Японию «непотопляемым авианосцем», заявил о намерении блокировать международные проливы в Японском море в случае «чрезвычайных обстоятельств» и о готовности Токио обеспечить охрану морских путей «между Гуамом и Токио и между Тайваньским проливом и Осакой».

* * *

Другой острейшей проблемой в международных отношениях последних десятилетий является положение на Ближнем Востоке. На позицию Японии по вопросу ближневосточного урегулирования большое влияние оказывает оглядка на Вашингтон. С одной стороны, Токио стремится не выходить далеко за рамки американской стратегии на Ближнем Востоке, а с другой — поддержкой в международных организациях некоторых проарабских предложений пытается обеспечить стабильность поставок нефти с Ближнего Востока. В 1979—1982 гг. Япония сделала ряд заявлений в пользу справедливого решения ближневосточной проблемы, в том числе в поддержку права арабского народа Палестины на самоопределение, высказалась за принятие специальной резолюции ООН по этому вопросу. Японское правительство разрешило Организации Освобождения Палестины (ООП) открыть свое бюро в Токио, хотя и отказалось предоставить ему дипломатический статус. Премьер-министр Д. Судзуки был первым лидером среди стран Запада, который вел переговоры с председателем Исполкома ООП Я. Арафатом, когда последний находился в Токио осенью 1981 г. с неофициальным визитом. Но Япония продолжает рассматривать обанкротившийся американско-израильско-египетский сговор в Кэмп-Дэвиде 1979 г. в качестве основы для решения ближневосточной проблемы.

На 39-й сессии ГА ООН (1984) Япония не поддержала резолюций о справедливом и прочном урегулировании ближневосточной проблемы на основе соответствующих решений ООН, предусматривающих полный и безоговорочный уход Израиля с палестинских и других арабских территорий, оккупированных им с 1967 г. Вместе с США и другими их союзниками она проголосовала против резолюции, осуждающей аннексию Израилем Голанских высот и призывающей все государства прекратить связи с Израилем.

На 40-й сессии ГА ООН Япония проголосовала вместе с США против резолюции, осуждавшей израильскую политику аннексии палестинских и других арабских территорий. Япония не поддержала другие резолюции, касающиеся Ближнего Востока: о созыве Международной мирной конференции по ближневосточному урегулированию, о выводе израильских войск со всех оккупированных арабских территорий, осуществлении национальных прав палестинского народа и др.

На 41-й сессии ГА ООН Япония заняла более реалистическую позицию по проблемам мирного урегулирования на Ближнем Востоке. При обсуждении палестинского вопроса она поддержала проект резолюции развивающихся и социалистических стран, содержащий призыв к созыву Международной кон-

ференции по Ближнему Востоку и созданию для этой цели подготовительного комитета, хотя США проголосовали против.

* * *

Подход японской дипломатии к проблемам мирного урегулирования других сложных международных проблем также в большинстве случаев проамериканский и далеко не конструктивный. Так, в ходе визита в Пакистан в мае 1984 г. Я. Накасонэ заявил о полной солидарности с политикой США, направленной на срыв политического урегулирования обстановки вокруг Афганистана. На 41-й сессии ГА ООН в 1986 г. японская делегация была среди тех немногих, кто выступил с антисоветскими заявлениями при обсуждении так называемого афганского вопроса.

Политика Японии в отношении стран Индокитая также носит непоследовательный характер. Во время советско-японских переговоров на высшем уровне в 1973 г. японская сторона заявила, что проблемы Вьетнама, Лаоса и Кампучии должны решаться народами этих стран без постороннего вмешательства. Однако в 80-е гг. Япония в унисон с США пытается использовать так называемую кампучийскую проблему для срыва диалога между Вьетнамом, Лаосом и Кампучией и странами — членами АСЕАН.

Противоречивый и узкоклассовый характер политики правящих кругов Японии четко виден на примере отношений с Кореей. Агрессивная стратегия США на Дальнем Востоке, наращивание в Южной Корее американского военного присутствия и ввоз ядерного оружия представляют серьезную угрозу миру, создают опасный очаг напряженности на Дальнем Востоке. Однако Япония активно выступает в ООН против законных требований КНДР и всего корейского народа о выводе американских войск из Южной Кореи.

В ноябре 1975 г. 30-я сессия ГА ООН приняла резолюцию, призывающую прекратить вмешательство во внутренние дела корейского народа, вывести из Южной Кореи все иностранные войска и заменить соглашение о перемирии 1953 г. мирным соглашением. Япония голосовала против резолюции, а США отказались ее выполнить, что способствует сохранению очага напряженности на Корейском полуострове и во всем АТР.

* * *

В последнее время американский империализм готовится сделать новый, возможно, непоправимый шаг в гонке вооружений — распространить ее на космос. «Стратегическая оборонная инициатива» (СОИ) американского президента имеет целью добиться военного превосходства США над СССР в космосе. При этом Вашингтон пытается поставить материальный и интеллектуальный потенциал своих союзников на службу программе «звездных войн».

Премьер-министр Японии Я. Накасонэ еще в январе 1985 г. во время визита в Вашингтон назвал идею создания космического оружия «интересной и многообещающей». Во время встречи с президентом США в мае 1985 г. он охарактеризовал СОИ как «неотъемлемый элемент стратегии обеспечения безопасности Запада»⁴. На совещании «большой семерки» в Бонне в мае 1985 г. японский премьер фактически поддержал американскую программу как «средство анти-советской стратегии США» и пытался выступить в качестве посредника для урегулирования расхождений между США и Францией⁵.

В сентябре 1986 г. правительство Я. Накасонэ заявило о своем присоединении к программе СОИ. Это противоречит парламентским решениям о трех безъядерных принципах, об использовании космоса в мирных целях и запрете экспорта оружия. В Заявлении МИД СССР от 12 сентября 1986 г. решение

японского правительства квалифицируется как опасный шаг, противоречащий заявлениям японских руководителей о готовности способствовать укреплению мира и международной безопасности⁶.

Японское правительство стремится преодолеть отрицательное отношение общественности страны к подготовке «звездных войн». Так, влиятельная газета «Нихон кэйдзай» признает, что присоединение к СОВТ втянет Японию в глобальный военный союз западных держав. Сторонники участия Японии в СОВТ, оправдывая свою позицию, утверждают, что разработки в рамках программы якобы станут мощным импульсом, способствующим развитию передовой технологии Японии, что участие в СОВТ смягчит японо-американские торговые противоречия, повысит роль Японии на мировой арене. Делаются ссылки и на необходимость сохранения «единства западных держав». Одновременно отлаживается механизм взаимодействия в рамках японо-американского соглашения 1983 г. о передаче военной технологии. В США направляются группы экспертов.

Опасность распространения гонки вооружений на космос вызывает растущее беспокойство в мире. Эта проблема была в фокусе внимания делегаций на 41-й сессии ГА ООН. Представители Индии и Шри-Ланки, Нигерии и Мексики, Швеции и Австрии, Австралии и Новой Зеландии предметно критиковали американские планы «звездных войн». Япония в числе немногих пыталась оправдать необходимость СОВТ, но все же вместе с большинством других стран высказалась за сохранение Договора по ПРО и проголосовала в числе 154 государств за резолюцию о предотвращении гонки вооружений в космосе.

Следует отметить, что в отношении некоторых международных проблем японская дипломатия в последние годы пытается проводить более гибкую политику, направленную на то, чтобы смягчить нежелательные для капиталистического мира последствия гегемонистского американского курса. Характерна в этом плане позиция Токио в отношении установления нового международного экономического порядка. Япония отказывается от принятия на себя конкретных обязательств, но в то же время стала уделять больше внимания проведению различного рода пропагандистских акций, призванных создать видимость готовности Токио и других западных держав проявить конструктивный подход к требованиям развивающихся стран. Хотя чаще всего политика японской дипломатии по ряду крупных мировых проблем, по сути, направлена на укрепление влияния Вашингтона, его антисоветской агрессивной стратегии.

* * *

Советский Союз и другие социалистические страны последовательно выступают за поиск путей оздоровления обстановки в Азии и в бассейне Тихого океана, предлагают разумную альтернативу деструктивной империалистической политике в этом регионе. СССР внес конкретное предложение о разработке и применении мер доверия на Дальнем Востоке. Японскому правительству было заявлено, что применение этих мер возможно как с участием всех заинтересованных стран АТР, так и на двусторонней основе. Япония, однако, не пожелала обсудить советские предложения и договориться о приемлемых для обеих сторон мерах по укреплению доверия.

Интересам упрочения международной безопасности отвечало бы осуществление предложения МНР, поддержанного Советским Союзом, о заключении конвенции о взаимном ненападении и неприменении силы в отношениях

между государствами Азии и Тихого океана. Япония проигнорировала и это предложение.

В мае и июне 1985 г. во время переговоров с индийской и вьетнамской делегациями М. С. Горбачев выдвинул новое предложение о комплексном подходе к проблеме безопасности в Азии, объединении усилий азиатских государств и проведении с этой целью двусторонних переговоров и многосторонних консультаций вплоть до организации в перспективе общеазиатского форума для обмена мнениями и совместных поисков конструктивных решений.

В послании М. С. Горбачева премьер-министру Японии Я. Накасонэ была высказана надежда на то, что «японское правительство с должным вниманием отнесется к выдвинутому недавно предложению о разработке комплексного подхода к проблемам безопасности в Азии, поскольку мы, видимо, могли бы активно взаимодействовать в этом столь важном для судеб народов континента деле»⁷.

Призыв Советского Союза совместно искать пути к укреплению безопасности в Азии и бассейне Тихого океана вызвал большой резонанс в Японии. Однако японское правительство не дало официального ответа на советское предложение. В ходе регулярных консультаций между министерствами иностранных дел СССР и Японии в сентябре 1985 г. японская сторона заняла позицию, которая, как писала газета «Токио симбун», сводится к тому, что «наша страна не может положительно ответить на советское предложение, если оно направлено на закрепление послевоенных границ»⁸.

В январе 1986 г. состоялся официальный визит в Японию члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел Э. А. Шеварднадзе. В ходе встречи с премьер-министром Японии Я. Накасонэ и переговоров с министром иностранных дел С. Абэ были обсуждены вопросы советско-японских отношений и ключевые международные проблемы, включая обеспечение мира и разоружение, а также некоторые региональные проблемы.

Советско-японский диалог был продолжен во время ответного визита в Москву японского министра иностранных дел С. Абэ в мае 1986 г., в ходе которого был рассмотрен широкий круг проблем международной обстановки и двусторонних отношений. Японский министр констатировал огромную роль советского руководства в деле обеспечения мира и международной стабильности. С советской стороны были отмечены большие возможности Японии в решении современных мировых проблем.

30 мая М. С. Горбачев принял японского министра. Во время состоявшейся беседы Генеральный секретарь ЦК КПСС изложил основы внутренней и внешней политики СССР, которая ориентирована на то, чтобы дать адекватный ответ на требования ядерного века, научно-технической революции, на вопросы, которые продиктованы сложным характером, многообразием, противоречивостью и взаимосвязанностью современного мира. Было заявлено, что Советский Союз принял принципиальное политическое решение использовать все возможности для развития и улучшения отношений с Японией по всем направлениям вне зависимости от ее связей с другими странами. Однако эти отношения могут успешно строиться только на основе взаимности, при том понимании, что никто не будет посягать на итоги второй мировой войны и нерушимость границ⁹.

В совместном советско-японском коммюнике, принятом по итогам визита министра иностранных дел Японии в СССР, обе стороны высказались за необходимость продолжения усилий в целях смягчения напряженности в АТР и в мире в целом.

М. С. Горбачев, выступая во Владивостоке 28 июля 1986 г., выдвинул широкомасштабную, комплексную программу создания в АТР прочной системы международной безопасности в качестве надежной основы для мирного взаимодействия и сотрудничества государств и народов. В ее основу заложены идеи о невоенном, неконфронтационном характере тихоокеанского сотрудничества, участия в нем всех без исключения заинтересованных стран, включая, естественно, СССР и Японию.

Политические и экономические отношения в данном районе должны строиться на таких демократических принципах, как уважение суверенитета, территориальная целостность, невмешательство во внутренние дела, мирное сосуществование, равноправие и самоопределение народов. В выдвинутой Советским Союзом программе указаны основные пути и средства превращения АТР в зону мира и добрососедства. Однако в ответ в Японии делаются заявления о сложности и нерешенности расовых, национальных и территориальных проблем в регионе, о неприменимости к АТР принципа нерушимости границ, пускаются в ход стереотипы о «советской военной угрозе» и необходимости в связи с этим укрепления японо-американского союза и т. п. Безусловно, в Азии много нерешенных проблем. Но они могут и должны решаться. История международных отношений показывает, что решение части проблем и возникающая как следствие этого определенная степень доверия между сторонами облегчает поиски выхода из других сложных ситуаций. Скептицизм же, высказываемый Японией, превращается в отрицание жизненной необходимости поисков путей к решению проблем и смягчению напряженной международной обстановки в АТР.

Советский Союз как тихоокеанская держава стремится развивать сотрудничество как с крупными, так и малыми государствами АТР в интересах мира и безопасности. Недавно он заключил соглашение о рыболовстве с островными государствами Кирибати и Вануату, завязал контакты с Фиджи, подписал Протоколы 2 и 3 Договора Раротонга о создании безъядерной зоны в южной части Тихого океана и др.

Эти миролюбивые акции советской дипломатии вызвали неожиданную нервность в США и Японии. Срочно был организован визит японского министра иностранных дел Т. Куранари в южно-тихоокеанские страны. Т. Куранари особое внимание уделил Фиджи и Папуа-Новой Гвинее. Япония объявила о решении удвоить экономическую помощь странам Океании, им обещана политическая поддержка. В МИД Японии создана специальная группа для координации действий различных ведомств и частных фирм по активизации политики в южной части Тихого океана. Главная задача этих мероприятий, по оценке газеты «Майнити», — «блокировать советское проникновение и удержать регион в орбите западного влияния». Вашингтон и Токи беспокоит растущая популярность советских предложений о включении стран АТР в общеазиатский процесс. Действуя в унисон с США, Япония отказывается от совместных с СССР выступлений по ограничению военно-морской активности в Тихом океане и др.

* * *

Особо следует остановиться на позиции Японии на 41-й сессии ГА ООН в 1986 г., которая проходила в переломный момент международного развития. Сессия отразила озабоченность мирового сообщества сложившимся опасным положением и выявила решимость большинства его членов внедрить в практику международных отношений нормы цивилизованного корректного об-

щения, приступить к конкретным делам по построению более безопасного, не перегруженного ядерным оружием мира.

Советский Союз и другие страны социалистического содружества выступили с программой создания всеобъемлющей системы международной безопасности, включающей все ее сферы — военную, политическую, экономическую и гуманитарную. В ней концентрированно выражена суть новой философии и платформа действий по обновлению как облика, так и существа международных отношений, приведению их в соответствие с ядерно-космическими реальностями нашего времени. 102 голосами Ассамблея одобрила резолюцию «О создании всеобъемлющей системы международного мира и безопасности». Она вобрала в себя не только первоначальные идеи предложивших ее социалистических стран, но и соображения многих других, в том числе неприсоединившихся и западных, государств. Япония отказала в поддержке резолюции. Вместе со странами НАТО и рядом других прозападных государств она воздержалась при голосовании.

Помимо проблем, о которых шла речь выше, японская делегация проявила непоследовательный характер и в отношении ряда других вопросов. Так, стремясь обелить свою позицию перед лицом освободившихся стран, куда рвутся японские монополии, она проголосовала за проект развивающихся и социалистических стран, в котором выражалась решимость принять все необходимые меры в целях полного и скорейшего искоренения колониализма, осуждался расизм и апартеид, признавалась законность борьбы народов за независимость и др. Но Япония не поддержала резолюций, содержащих конкретные требования о предоставлении независимости Намибии, санкциях против ЮАР и др. Вместе с США и другими империалистическими державами, как и раньше, представитель Японии проголосовал против резолюции, осуждающей любую военную деятельность на колониальных территориях. Ассамблея высказалась за комплексное социально-экономическое планирование, осуществление Хартии экономических прав и обязанностей государств, решение проблемы задолженности, против незаконных мер экономического принуждения, оттока финансовых ресурсов из развивающихся стран, приняла ряд других решений, направленных против экономического колониализма. Большинство этих решений Япония не поддержала и проголосовала против резолюции по вопросу о международной экономической безопасности.

* * *

В наш ядерный век, в условиях напряженной международной обстановки, созданной действиями империалистических сил, особенно велика опасность возникновения войны с применением ядерного оружия. Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев 21 июля 1987 г. в ответах на вопросы индонезийской газеты «Мердека» выдвинул новые перспективные советские предложения, направленные на полную ликвидацию целого класса ядерного оружия в глобальном масштабе и на содействие укреплению мира и безопасности в АТР. Этот шаг учитывает заинтересованность азиатских государств в том, чтобы ракеты средней дальности были полностью ликвидированы не только в Европе, но и в Азии. Печать и общественность Японии приветствовали новые инициативы Советского Союза, однако руководство страны не проявляет готовности содействовать их реализации.

Род людской в наши дни поставлен перед проблемой выживания. В этих условиях необходимо новое политическое мышление, трезвые оценки международной ситуации, налаживание конструктивного, созидательного взаимодей-

ствия с другими государствами и народами в интересах решения кардинальных проблем собственной безопасности Японии, мира и стабильности в Азии и во всем мире.

¹ in: "Japan Quarterly", April — June, 1985, p. 136.

² См.: «Правда», 29.VII.1986.

³ Там же, 2.VI.1986.

⁴ «Майнити», 3.V.1985.

⁵ См.: «Токио симбун», 1.V.1985.

⁶ См.: «Правда», 13.IX.1986.

⁷ Там же, 14.IX.1985.

⁸ «Токио симбун», 14.IX.1985.

⁹ См.: «Правда», 31.V.1986.

Южная Корея — Япония: «зрелое партнерство» в милитаристских целях

В. И. ОСИПОВ

К началу 80-х гг. двусторонние отношения Южной Кореи и Японии переживали период охлаждения. В японских правящих кругах не скрывали своего разочарования по поводу развития внутренних событий на Юге Корейского полуострова. Убийство южнокорейского диктатора Пак Чжон Хи в октябре 1979 г., последовавший затем военный переворот, подавление восстания в городе Кванчжу были с тревогой восприняты в Токио. Правительство Страны восходящего солнца публично осудило намерение южнокорейских властей приговорить к смертной казни одного из лидеров оппозиции Ким Дэ Чжуна. Министр иностранных дел Японии М. Ито заявил, что казнь Кима «создаст серьезную трещину» между двумя странами. Премьер-министр Дз. Судзуки пригрозил, что Токио прекратит предоставление экономической помощи Южной Корее. Оказанный нажим на администрацию Чон Ду Хвана, пришедшую на смену администрации Пак Чжон Хи возымел свое действие. Смертная казнь Ким Дэ Чжуна была заменена пожизненным тюремным заключением. Спустя некоторое время японское правительство известило Сеул о выделении ему 94 млн. долл. в виде правительственного кредита¹.

В период нахождения у власти администрации Дз. Судзуки крупной проблемой двусторонних отношений стало требование Чон Ду Хвана предоставить многомиллиардные займы для финансирования пятилетнего плана (1982—1986). Южнокорейский режим настаивал на увеличении экономической помощи со стороны Токио за «свой вклад в обеспечение мира и безопасности в Северо-Восточной Азии, включая Японию»². Японское правительство на первых порах отказывалось выделить запрашиваемые 10 млрд. долл. По мнению политолога из Университета Западной Виргинии Ким Рак Хона, по крайней мере три момента не устраивали кабинет Дз. Судзуки в связи с требованиями сеульской администрации: во-первых, попытки южнокорейского режима связать экономическую помощь с вопросами безопасности (японский премьер прямо заявил о «неприемлемости военного аспекта», опасаясь протестов мирового общественного мнения); во-вторых, Юг намеревался распорядиться средствами по собственному усмотрению (Токио добивался, чтобы Сеул сообщил, на сооружение каких именно объектов он собирается использовать кредиты); в-третьих, Япония не соглашалась предоставить даже 6 млрд. долл., считая и эту сумму слишком большой для одной страны. Японское правительство планировало выделить на пятилетний период всем зарубежным странам в виде «помощи» 10,5 млрд. долл.³. В течение 1981—1982 гг. переговоры по вопросам кредитов продолжались, принимая порой острые формы.

Летом 1982 г. южнокорейско-японские отношения вновь накалились. Поводом для недовольства послужил выпуск в Японии учебников, в которых искажались исторические факты, связанные с колониальным господством Японии в Корее, приукрашивался японский милитаризм. В Сеуле, других южнокорейских городах состоялись массовые антияпонские демонстрации. В результате нажима со стороны общественности азиатских стран власти в Японии вынуждены были заверить, что факты, изложенные в учебниках, будут «пересмотрены». Сеульские лидеры согласились с этими «заверениями», посчитав конфликт исчерпанным.

Приход к власти в ноябре 1982 г. Я. Накасонэ был воспринят в южнокорейских верхах с оптимизмом и надеждой. В Сеуле давно считали Я. Накасонэ «верным сторонником» развития отношений Японии с Южной Кореей, а нового министра иностранных дел С. Абэ — «дружески расположенным» к Югу деятелем. Сразу же после вступления на пост премьер-министра Я. Накасонэ позвонил Чон Ду Хвану и выразил желание «улучшить сотрудничество» между двумя странами. Токио и Сеул приступили к созданию соответствующего политического климата для укрепления двусторонних отношений. После длительного перерыва состоялось заседание южнокорейско-японского парламентского совета. Ким Дэ Чжун был освобожден из тюрьмы, и ему разрешили выехать в Соединенные Штаты.

В январе 1983 г. Я. Накасонэ нанес официальный визит в Сеул, состоялись переговоры с Чон Ду Хваном. Этот визит, как отмечали в Токио и Сеуле, положил начало «новой эре» в двусторонних отношениях. Пропагандистский аппарат двух стран активно подхватил этот тезис, подчеркивая, что с «прошлым» покончено, наступает период «равноправного зрелого партнерства». Однако за велеречивыми заявлениями Сеула и Токио нельзя было скрыть существующих острых противоречий, взаимного недоверия.

В области торгово-экономических отношений «зрелое партнерство» выразилось в засилье японского монополистического капитала в южнокорейской экономике. В 80-е гг. Япония продолжала активно внедряться в народное хозяйство Юга, стремясь прочно привязать его к своей экономической структуре. К 1985 г. в Южной Корее действовало более тысячи японских предприятий в электротехнической, автомобильной, судостроительной, химической, текстильной и других отраслях обрабатывающей промышленности, в основном на трудоемких и экологически вредных производствах⁴. Японские монополии практически полностью контролируют химическую, стекольную промышленность, на 80 % производство стального проката, значительную часть производства цемента. На Юге действуют филиалы таких гигантских концернов, как «Мицубиси», «Мицубиси», «Сумитомо», отделения банков «Фудзи», Токийского и многих других. На японские компании приходится значительная часть всех иностранных капиталовложений в Южной Корее. На начало 1985 г. только японские частные инвестиции в южнокорейскую экономику составили свыше 1 млрд. долл., или 47,4 % от общей суммы иностранных частных инвестиций (в 1983 г. — 711,5 млн. долл., или 50,5 %) ⁵.

Серьезные проблемы имеются и в торговых отношениях между двумя странами. Значительная доля (в 1985 г. почти 16 %) южнокорейского экспорта приходится на Японию⁶. В 80-е гг. торговые противоречия особенно резко обострились. Японские правящие круги проводят жесткую протекционистскую политику, вполне обоснованно усматривая в Южной Корее опасного конкурента. В результате Сеул имеет постоянный дефицит в торговле с Токио. В 1980 г. он составлял 2,35 млрд. долл., к 1986 г. — достиг почти 6 млрд. долл.⁷

Южнокорейская администрация ежегодно ставит перед Японией вопрос

о сбалансированности двусторонней торговли. Сеул пытается добиться от Токио снижения пошлин, упростить процедуру таможенной инспекции. В 1984 г. японская тарифная ставка на импортные изделия составила 3,1 %, в то время как на южнокорейскую продукцию — 8,7 %⁸. Завышение тарифных ставок — одна из мер по ограничению допуска южнокорейских товаров на японский рынок. На проходивших в декабре 1985 г. переговорах в Токио Сеул потребовал снизить пошлину на 40 наименований промышленных и сельскохозяйственных товаров. Со своей стороны Япония настаивала на отмене ограничений на ввоз в Южную Корею 160 видов японских товаров, включая грузовики, холодильники, сельскохозяйственную продукцию, продукты морского промысла. Из-за острых противоречий сторонам так и не удалось достигнуть соглашения. В области торговых отношений, как видно, продолжается не «зрелое партнерство», а идет жестокая торгово-экономическая война, которая не только не затихает, а, наоборот, периодически усиливается. Японский монополистический капитал делает все возможное, чтобы оградить собственный рынок от проникновения южнокорейских товаров, вытеснить их с международных рынков.

В результате многолетних переговоров, порой весьма напряженных, к концу 1982 г. была достигнута договоренность о предоставлении Южной Корее крупного займа для финансирования пятилетнего плана экономического развития. Сеул «выколачивал» средства любыми путями, в том числе и угрозами. Чон Ду Хван в беседе с японскими парламентариями в 1981 г. прямо предупредил, что «в случае новой войны (на Корейском полуострове. — В. О.) Японии не удастся остаться в стороне».

Официальные лица сеульской администрации не раз повторяли тезис о том, что безопасность Страны восходящего солнца обеспечивается «за счет» Южной Кореи. Хотя в Токио такие заявления называли «выкручиванием рук и вымогательством»⁹, тем не менее в конце концов возобладало мнение, что Сеулу «нужно «помочь». Такое решение не обошлось, естественно, без подсказки и давления со стороны Соединенных Штатов. Токио предоставил сеульскому режиму 4 млрд. долл. Всего же с 1965 г. (год нормализации южнокорейско-японских отношений) по 1985 г. Южная Корея получила от Японии в виде правительственных займов и частных инвестиций более 12 млрд. долл.¹⁰

Южнокорейский режим настойчиво ищет подходы к передовой японской технологии, требуя расширения сотрудничества в этой сфере. В 1985 г. получено согласие Токио на создание на неправительственной основе южнокорейско-японского комитета по сотрудничеству в области промышленной технологии. Предусматривается, что этот комитет будет координировать связи между двумя странами, направлять в Японию на обучение южнокорейских специалистов, осуществлять обмен научно-технической информацией¹¹.

В Южной Корее весьма резко реагируют на дискриминационное отношение к проживающим в Японии лицам корейской национальности, которые по достижении 16 лет обязаны каждые пять лет являться в полицейские участки, где им снимают отпечатки пальцев. Во время переговоров Чон Ду Хвана с Я. Накасонэ (сентябрь 1986 г.) японский премьер ограничился туманными обещаниями дать указание министерству юстиции «изучить этот вопрос»¹². В марте 1987 г. правительство Я. Накасонэ приняло поправку к эмиграционному закону, согласно которой проживающие в Японии корейцы обязаны давать отпечатки пальцев один раз по достижении 16-летнего возраста. Однако суть дискриминационного отношения к лицам корейской национальности фактически осталась прежней. Корейцев продолжают считать «людьми второго сорта».

В ходе встречи лидеров Южной Кореи и Японии вновь возникла «проблема учебников». Бурю возмущения вызвало появившееся незадолго до поездки Я. Накасонэ в Сеул заявление министра просвещения М. Фудзиро, утверждающего, что оккупация японскими войсками Корейского полуострова в 1910 г. не является актом агрессии, поскольку аннексия якобы осуществлена на основе документа, подписанного официальными представителями Токио и Сеула, и обе стороны в равной степени несут ответственность за колониальное порабощение Кореи¹³. Негодование на Юге и Севере Кореи было настолько мощным, что Я. Накасонэ был вынужден отправить М. Фудзиро в отставку и выразить «сожаление» по поводу заявления своего бывшего министра.

Японская пропаганда старается не привлекать внимания к этим проблемам, называя их «внутренними трудностями», которые-де не мешают налаживанию «зрелого партнерства». Как писал журнал «Корея ньюс ревью», прошедшие с момента подписания между Южной Кореей и Японией «Договора об основах отношений» годы отмечены «недоверием и конфликтами». «Клятвенные заверения» сторон решить существующие проблемы так и остаются словами. Ведь не секрет, подчеркивается в журнале, что многие из проблем уходят своими корнями в период японского колониального господства в Корее¹⁴. Весьма красноречивое признание.

В Токио и Сеуле широко разрекламировали создание южнокорейско-японского «Комитета XXI века», который, по замыслам его организаторов, должен способствовать расширению всестороннего сотрудничества между двумя странами и стать символом «новых» отношений в третьем тысячелетии.

По вопросам, связанным с урегулированием корейской проблемы, Япония занимает просеульскую позицию. Южная Корея относится резко отрицательно к контактам между Пхеньяном и Токио, которые поддерживаются на неправительственном уровне и ограничены торгово-экономическими и культурными связями. Японское правительство под давлением Сеула и Вашингтона неоднократно предпринимало недружественные в отношении КНДР акции. Воспользовавшись так называемым «рангунским инцидентом»¹⁵, Токио ввел против КНДР санкции, ограничил контакты между странами, наложил запрет на взаимные поездки граждан, прекратил торговые связи, отозвал работающих в КНДР специалистов, представителей различных японских фирм.

Накануне совещания «большой семерки» в Токио в 1986 г. премьер-министр Я. Накасонэ выступил с инициативой поддержать позицию правительства Чон Ду Хвана в диалоге между КНДР и Южной Кореей. Линия Сеула в корейском вопросе, как известно, состоит в том, чтобы Север и Юг одновременно вступили в ООН в качестве самостоятельных государств. Я. Накасонэ призвал также поддержать проведение в Сеуле Азиатских игр (сентябрь 1986 г.) и Олимпиады в 1988 г. Японский премьер действовал строго в «духе договоренностей» с Чон Ду Хваном, который посетил Токио в сентябре 1984 г. Позиция Сеула по корейскому вопросу была тогда охарактеризована Я. Накасонэ как «способствующая уменьшению напряженности»¹⁶. На деле же это означало закрепление ситуации «двух Корей», создание дополнительных преград на пути мирного объединения.

В академических кругах Японии в последние годы стали смотреть на отношения Токио — Пхеньян с несколько иных позиций, рассматривая их как важную составную часть корейской политики Японии. В ходе состоявшегося в сентябре 1985 г. семинара по случаю 20-летия нормализации южнокорейско-японских отношений со стороны сеульских представителей высказывалась неудовлетворенность развитием связей между КНДР и Японией. Такие связи, по мнению южных корейцев, «нарушают баланс сил» в Корее, расширяют рамки маневрирования Токио в треугольнике Северная Корея — Япо-

ния — Южная Корея и дают Японии возможность влиять на положение дел на Корейском полуострове¹⁷. Здесь явно просматривается озабоченность Сеула прежде всего тем, что в определенный период Токио может пересмотреть свою политику полной поддержки южнокорейского режима и занять более сбалансированную позицию. Иными словами, Юг опасается, что Япония пересмотрит свое отношение к нему как к «единственно законному правительству» в Корее (такая формулировка зафиксирована в «Основах отношений между Южной Кореей и Японией»).

В некоторых политических и академических кругах Японии ряд деятелей склоняются к тому, чтобы Токио прилагал более активные усилия для устранения противоречий между Пхеньяном и Сеулом, поощрял Север к «умеренной политике в корейском вопросе», а Юг — к «либерализации политической системы», стимулировал развитие экономических связей в рамках треугольника КНДР — Япония — Южная Корея¹⁸. Предлагаемая формула, как видно, отражает в целом нынешнюю линию японского правительства в корейском вопросе — обеспечить статус-кво на полуострове, закрепить ситуацию «двух Корей». Иначе говоря, эта линия совпадает с политикой южнокорейского режима, который добивается аналогичных целей, но использует несколько иные тактические варианты.

Специалист по проблемам Азии и Тихого океана Вашингтонского университета Цурутани Такэцуги полагает, что политика Японии по корейской проблеме должна быть направлена на «отстранение» Советского Союза от урегулирования положения на полуострове, на то, чтобы США и Япония признали КНДР, а Китай — Южную Корею. Советскому Союзу, заключает он, ничего не останется, как присоединиться к этому процессу¹⁹. В этой формуле весьма откровенно сформулирована цель Японии в корейском вопросе — закрепить ситуацию «двух Корей» путем изоляции СССР и заставить его принять идею «перекрестного признания».

Во время визита Я. Накасонэ в Сеул в 1986 г. вопрос о «перекрестном признании» был одной из основных тем переговоров с Чон Ду Хваном. Японский премьер и глава сеульского режима, отвергнув предложение КНДР о трехсторонних переговорах (Пхеньян — Вашингтон — Сеул) в целях разрядки напряженности в Корее, заключения мирного договора взамен соглашения о перемирии, подписания декларации о ненападении между Северной и Южной Кореей, предложили четырехстороннюю (КНДР — Китай — США — Южная Корея) или шестистороннюю встречу (указанные выше страны, а также СССР и Япония). Как видно, главная цель этих предложений прежняя — увековечить раскол Кореи путем признания двух корейских государств, подключив к этому процессу СССР и КНР.

Важное место во всем комплексе южнокорейско-японских отношений занимают военно-политические связи. В 80-е гг. сотрудничество в этой области стало расширяться, приобретать контуры милитаристской оси Сеул — Токио в создаваемой Соединенными Штатами тройственной военно-политической структуре США — Япония — Южная Корея, которая, по замыслам Пентагона, должна стать сердцевинной более крупного альянса в азиатско-тихоокеанском регионе.

В Южной Корее получил широкое хождение тезис об «угрозе» нападения КНДР на Юг. Эта кампания активно поощряется со стороны японских реваншистских кругов, которые в свою очередь эксплуатируют тезис об «угрозе» Советского Союза Японии и другим «демократическим» государствам Азии. Разговорами об «угрозах с Севера» Сеул и Токио пытаются закамуфлировать свое крепнущее военно-политическое сотрудничество. Его механизм постоянно совершенствуется. Проводятся ежегодные совещания на

уровне министров иностранных дел. В сентябре 1986 г. Цой Гван Су и Я. Куранари подтвердили известные позиции («перекрестное признание», одновременное вступление в ООН Северной и Южной Кореи) по корейскому вопросу. Продолжает действовать двусторонний парламентский совет по вопросам «безопасности». Осуществляются регулярные контакты между военными ведомствами двух стран, обмена визитами военных кораблей. Представители Управления национальной обороны Японии (УНО) присутствуют на ежегодно проводимых на Юге совместных южнокорейско-американских учениях «Тим спирит».

На встрече начальников объединенных штабов вооруженных сил Южной Кореи и Японии, которая состоялась в ходе визита Я. Накасонэ в Сеул в сентябре 1984 г., обсуждалась возможность участия Сеула в блокировании международных проливов и патрулировании совместно с «силами самообороны» Японии морских коммуникаций в радиусе тысячи миль вокруг Японских островов.

Военно-промышленный комплекс Японии активно внедряется в Южную Корею. Более 40 японских компаний, связанных с военным производством, уже длительное время сотрудничают с Югом в оснащении сеульских вооруженных сил боевой техникой и вооружением. Налажено совместное производство некоторых видов оружия.

Процесс милитаризации южнокорейского режима, осуществляемый с помощью США и Японии, зашел так далеко, что Сеул к середине 80-х гг. обеспечивал за счет собственного производства 70 % оружия и боевой техники²⁰. В 1986 г. администрация Чон Ду Хвана завершила выполнение очередной военной программы, стоимость которой составила более 9 млрд. долл.²¹

Сеул и Токио на различных уровнях подчеркивают, что «мир и стабильность на Корейском полуострове являются важными для стран Восточной Азии, в том числе и для Японии»²². В последнее время особо отмечается, что «рост советской мощи» в Азии, укрепление сотрудничества между СССР и КНДР «неблагоприятно» сказываются на положении в Корее, стимулируют «возрастание» напряженности на полуострове. Фактически обе страны пытаются возложить на СССР и КНДР вину за отсутствие прогресса в корейском урегулировании. Одновременно Южная Корея и Япония подчеркивают важность миротворческой роли Китая в регионе. Во время переговоров в Сеуле в сентябре 1986 г. Чон Ду Хван обратился к Накасонэ с просьбой выступить посредником в расширении контактов между Южной Кореей и КНР²³. Заигрывание с Китаем — не новый элемент в политике Сеула. Между странами довольно активно развивается торговля. В 1986 г. объем товарооборота достиг 1 млрд. долл.²⁴ Сеул и Пекин поддерживают культурные связи. Китайские спортсмены участвовали в Азиатских играх в Сеуле в 1986 г. Находясь в Пекине в ноябре 1986 г., Я. Накасонэ передал китайским лидерам предложение Чон Ду Хвана учредить торговые миссии в Пекине и Сеуле, расширить гуманитарные контакты.

Рост военно-политических связей между Южной Кореей и Японией является важным звеном азиатско-тихоокеанской стратегии Соединенных Штатов, основу которой, как это мыслят в Пентагоне, должен составить тройственный военный союз Вашингтон—Токио—Сеул. Действуя в русле американской политики в АТР, японские правящие круги понимают «зрелое партнерство» с Сеулом как активное привлечение его к «обеспечению региональной безопасности». В 1985 г. УНО подготовило доклад «Боевые операции по обороне страны», в котором заложена идея создания в случае обострения обстановки на Дальнем Востоке многостороннего тихоокеанского оборонитель-

ного союза с участием США, Японии, Южной Кореи и некоторых других стран. На данном этапе процесс формирования тройственного альянса зашел так далеко, что речь уже идет о военно-политической интеграции трех стран. США имеют «договоры безопасности» с Японией и Южной Кореей, американские войска, расквартированные на Юге, участвуют в проводимых в Японии маневрах. Три страны достигли договоренности о мерах по блокированию советского Военно-Морского Флота во внутренних водах в случае «чрезвычайных обстоятельств». Токио и Сеул присоединились к так называемой стратегической оборонной инициативе (СОИ) США, разрабатывают планы «региональной оборонной инициативы» (РОИ).

В ходе консультаций министров иностранных дел двух стран Цой Гван Су и Т. Куранари в начале мая 1987 г. в Сеуле были согласованы принципы, определяющие рамки совместной политики на Корейском полуострове тройственного альянса США — Япония — Южная Корея. Смысл этой политики сводится к всемерной поддержке южнокорейского режима и продолжению курса на конфронтацию. Токио принял требование Сеула «ограничить контакты с КНДР». Очередная встреча глав внешнеполитических ведомств Южной Кореи и Японии вновь продемонстрировала отсутствие стремления обеих сторон к поиску путей ослабления напряженности на Корейском полуострове, хотя в южнокорейской столице было сказано немало слов о «диалоге между Севером и Югом».

Практика южнокорейско-японских отношений в 80-е гг. свидетельствует о том, что Сеул и Токио, несмотря на наличие острых политических и торгово-экономических противоречий, объединяет общее стремление к укреплению партнерства в милитаристских целях. В Южной Корее «зрелое партнерство» понимается как придание отношениям с Японией военно-политического характера, использование сотрудничества с Японией в целях противоборства с КНДР, ослабления социалистической Кореи и в конечном счете как средство добиться урегулирования корейской проблемы по схеме, предлагаемой сеульским режимом. В Токио под «зрелым партнерством» подразумевается прежде всего дальнейшая привязка Сеула к японо-американской системе «безопасности» путем создания тройственной оси США—Япония—Южная Корея, упрочение позиций японского монополистического капитала на Юге, создание там прочного бастиона антикоммунизма.

* * *

Советский Союз, Корейская Народно-Демократическая Республика, другие страны социализма настойчиво и последовательно выступают за то, чтобы посредством конструктивного диалога добиться развязки в АТР узлов противоречий, в том числе и корейского, подлинного оздоровления там обстановки. Как подчеркивал в письме Генеральному секретарю ООН Х. Пересу де Куэльяру М. С. Горбачев, Советский Союз озабочен усилением милитаризации южной части Корейского полуострова и «решительно выступает в поддержку усилий КНДР по мирному объединению страны, ее предложения о создании безъядерной зоны на всем Корейском полуострове»²⁵.

Смысл советских инициатив в Азии состоит в том, чтобы не допускать создания здесь зон влияния и интересов какого-либо государства или группы государств, сколачивания на Азиатском континенте блока по типу «восточного НАТО». Именно заботой о мире и добрососедстве в АТР продиктованы практические шаги и мирные инициативы Советского Союза, КНДР, других азиатских социалистических стран. Вывод из Монголии по согласованию

с правительством МНР мотострелковой дивизии и нескольких отдельных частей советских войск, временно находящихся на монгольской территории, предложение КНДР о превращении Корейского полуострова в безъядерную, мирную зону, снятие с передовых рубежей и направление 150 тыс. военнослужащих КНА на сооружение народнохозяйственных объектов, инициатива Пхеньяна о проведении военно-политических переговоров между Северной и Южной Кореей на высоком правительственном уровне в целях налаживания широкого сотрудничества, сокращения вооруженных сил и вооружений обеих сторон, прекращения гонки вооружений на полуострове²⁶, а также миролюбивые акции других социалистических государств отвечают жизненным интересам народов и направлены на обеспечение прочного мира и добрососедства в Корее, во всем азиатско-тихоокеанском регионе. Этой же цели служит и предлагаемая Советским Союзом программа создания комплексной системы безопасности в АТР, проект которой был выдвинут в июле 1986 г. во Владивостоке, затем развит в известной Делийской декларации и, наконец, получил подтверждение в интервью Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева индонезийской газете «Мердека» в июле 1987 г.

¹ Ип: «Korea Observer», vol. XVI, Summer 1985, № 2, p. 121.

² Ibid., p. 123.

³ Ibid., p. 124.

⁴ «Мировая экономика и международные отношения», 1985, № 9, с. 23.

⁵ «Japan Times», 15.VIII.1985; Korea Annual 1984. Seoul, p. 132.

⁶ «Korea Herald», 6.II.1986.

⁷ Ibid., 6.II.1986; 26.XII.1986.

⁸ «Korea Newsreview», 19.III.1985, p. 11.

⁹ Asia Yearbook 1982. Hongkong, p. 72.

¹⁰ «Азия и Африка сегодня», 1986, № 7, с. 19.

¹¹ «Korea Newsreview», 2.II.1985, p. 8; «Korea Herald», 21. XII.1985.

¹² «Japan Times», 21.IX.1986.

¹³ «Japan Times», 22.IX.1986.

¹⁴ «Korea Newsreview», 29.VI.1985, p. 7.

¹⁵ В октябре 1983 г. глава южнокорейской администрации Чон Ду Хван находился с визитом в Бирме, где произошло покушение на его жизнь. Япония присоединилась к тем странам, которые обвинили КНДР в организации этой акции.

¹⁶ «Korea Herald», 9.IX.1984.

¹⁷ «Korea Newsreview», 14.IX.1985, p. 8.

¹⁸ «Korea Observer», vol. XVI, Summer 1985, № 2, p. 164.

¹⁹ Tsurutani Taketsugu. Japanese Policy and East Asian Security. N. Y., 1981, p. 158.

²⁰ «Far Eastern Economic Review», 7.III.1985, p. 42.

²¹ «Korea Newsreview», 18.II.1984, p. 42; «Korea Herald», 16.XII.1985.

²² «Korea Herald», 9.IX.1984.

²³ «Japan Times», 22.IX.1986.

²⁴ «Far Eastern Economic Review», 6.XI.1986, p. 49.

²⁵ «Правда», 11.I.1987.

²⁶ Ким Ир Сен. Политическая речь на первой сессии Верховного народного собрания КНДР восьмого созыва.— «Нодон синмун», 31.XII.1986.

«Личная уния» правительства и предпринимателей в Японии

А. А. МАКАРОВ,
кандидат исторических наук

Япония — вторая по экономической мощи капиталистическая страна — известна особой согласованностью взаимодействия правительства и «большого бизнеса». Это явление большинство исследователей нередко квалифицируют как одну из важнейших причин значительных экономических достижений Японии в послевоенный период. Весьма характерно, что тесная координация действий между правительственным бюрократическим аппаратом и частным бизнесом в Японии нередко принимается за ее пределы как образец для подражания. Так, президент Национальной ассоциации промышленников — ведущей предпринимательской организации США — Д. Кенна еще в начале 70-х гг. призвал американские деловые круги добиться такой степени согласованности деятельности с государственным аппаратом, какая имеет место в Японии.

В сложном комплексе взаимопереплетающихся связей между «деловым обществом» и правительственным механизмом Японии можно выделить такие основные компоненты, как «административное руководство», осуществляемое государственно-административным аппаратом для регулирования системы частного предпринимательства; финансовая помощь правительственных кредитных органов отраслям экономики, рассматриваемым как наиболее перспективные в данное время; широкомасштабное участие представителей «делового сообщества» в многочисленных правительственных консультивных органах, часто становящихся ключевыми звеньями в процессе принятия важнейших государственных решений; обильные пожертвования монополий правящей Либерально-демократической партии (ЛДП) Японии. При этом одним из важнейших звеньев в системе связей на персональном уровне становится явление, подобное тому, которое В. И. Ленин назвал «"личной унией" банков с промышленностью... с правительством»². Ее формирование начинается еще в ходе нахождения чиновников на государственной службе и завершается массовым переходом или, как это принято именовать в политическом лексиконе современной Японии, «спуском с небес» («амакудари») экс-бюрократов в предпринимательские круги (в статье не рассматриваются политические карьеры бывших государственных чиновников Японии).

Явление «амакудари», до сих пор в недостаточной степени нашедшее отражение в советской японоведческой литературе, заслуживает самого пристального внимания как особый объект исследования. Это связано как с его масштабами, так и с тем, что «амакудари» представляет собой весьма эффективную форму взаимодействия «делового сообщества» и правительства Японии. Обращает на себя внимание при этом отчетливая тенденция к неумолимому увеличению из года в год числа «спустившихся с небес» бывших высокопоставленных правительственных чиновников. Так, по данным «Белой книги», опубликованной в начале 1978 г. Советом по делам персонала при канцелярии премьер-министра, в 1977 г. имело место 197 подобных случаев против 158 в 1976 г.³

С начала 80-х гг. число случаев «амакудари» значительно увеличилось. В 1981 г. «спустились с небес» 249 правительственных бюрократов, в 1982 г. — 266, в 1983 г. — 267, в 1984 г. — 295⁴. По опубликованным весной 1986 г. данным, уже 320 экс-бюрократов перешло в предпринимательские круги⁵.

Явление переплетения и циркуляции руководящего персонала между государственным аппаратом и частным сектором является повседневной реальностью развитых капиталистических стран. Оно вызывается к жизни усложнением функции буржуазного государства в условиях научно-технического прогресса, тенденцией к усилению его вмешательства — несмотря на раздающиеся в последний период в ведущих капиталистических странах голоса, призывающие к ослаблению системы правительственного регулирования, возвращению к «классической» рыночной модели, — в весь процесс капиталистического воспроизводства. Во Франции, например, миграция персонала получила название «пантуфляж» (буквально «надевание домашних туфель») и находит свое проявление в установлении тесных персональных связей между национализированными банками и крупными промышленными группами⁶. В США широкие масштабы, как известно, приняло массовое проникновение представителей «большого бизнеса» непосредственно в правительство, с одной стороны, и миграция высших государственных служащих в крупные корпорации — с другой.

Процесс перемещения кадров между государственно-административным аппаратом и «деловым сообществом» в Японии имеет свои особенности.

В качестве предварительного замечания хотелось бы указать, что столь характерное для современной Японии явление «амакудари» практически не наблюдалось вплоть до окончания второй мировой войны. Это связано с существенными отличиями условий деятельности японского чиновничества в довоенное время, высший эшелон которого тогда получал — в сравнительном исчислении — гораздо большее содержание, был более малочислен и позже уходил в отставку, чем в настоящее время. Кроме того, у высших правительственных бюрократов была реальная возможность получить императорские назначения в высшие органы государственной власти того времени — палату пэров и Тайный совет. Как указывает известный американский востоковед Ч. Джонсон, в тех немногих случаях, когда бывшие государственные служащие поступали в частные фирмы, как правило, это были вышедшие в отставку офицеры императорской армии или флота⁷.

Положение в значительной степени изменилось в послевоенный период. Вступившая в силу в 1947 году новая конституция страны определила положение государственных служащих уже не как «слуг императора», а как «слуг всего общества»⁸. Были провозглашены принципы «деполитизации» и «деидеологизации» административного аппарата, декларирована его подчиненность кабинету министров — высшему органу исполнительной власти страны; ликвидированы министерство внутренних дел и военные ведомства — цитадели довоенной бюрократии. По сравнению с довоенным периодом, когда не могло идти никакой речи о контроле над государственным административным аппаратом со стороны парламента или прессы, статус государственной службы Японии оказался в значительной степени урезанным. Максимальный пост, на который сегодня могут теоретически рассчитывать японские правительственные чиновники в ходе своего продвижения по служебной лестнице, — это пост заместителя министра по административной части.

Новые условия деятельности японского чиновничества также определяются распространением в послевоенный период в государственной службе и на крупных предприятиях специфической системы «пожизненного найма». Последняя предполагает длительную — до ухода на пенсию — службу в одной организации, причем должность и размер вознаграждения ставятся в прямую зависимость от

продолжительности непрерывного стажа. Как указывает в этой связи японский журнал «Тюо корон», при прочих равных условиях чиновнику необходимо проработать в одном государственном ведомстве 15—20 лет, чтобы достичь поста начальника сектора, и около 30 лет, чтобы получить назначение на должность начальника департамента⁹. При этом вплоть до самого последнего времени в Японии существовала практика раннего — в 50—55 лет — выхода на пенсию.

В стране существуют юридические нормы, формально ограничивающие возможности перехода государственных служащих после отставки на работу в частные предприятия. Статья 103 Закона о государственных служащих от 1947 г. запрещает правительственной бюрократии в течение двух лет после отставки поступать на работу в компании, с которыми они имели «тесные отношения» в течение последних пяти лет пребывания на государственной службе¹⁰. Пристальный критический интерес японской общественности к высшей степени «интимным» отношениям между частнопредпринимательскими кругами и государственно-административным аппаратом заставил Совет по делам персонала при канцелярии премьер-министра начиная с 1965 г. ежегодно публиковать отчет о «спусках с небес» (так называемая «Белая книга» по «амакудари»), в последние годы отчет включается в «Белую книгу по государственным служащим» («Комуин хакусэ»).

В то же время, как указывает американский журнал «Эйшн сервей», контроль совета носит весьма формальный характер и сводится к запросам руководства соответствующих ведомств правительственного аппарата о характере отношений их бывших сотрудников с новым местом работы. В подавляющем большинстве случаев вообще отрицается наличие каких-либо связей¹¹. Вместе с тем не вызывает сомнений существование теснейшего взаимодействия между служащими государственно-административного аппарата и частными фирмами. Известный американский политолог японского происхождения Т. Янага так определяет характер этих взаимоотношений: «Формулируя и оценивая интересы нации... она (бюрократия) работает в тесном контакте с организованными группами интересов, в особенности с «дзайкай» [финансово-монополистическими кругами. — А. М.]. Бюрократы смотрят на людей в высшем эшелоне «дзайкай» как на своих союзников и с готовностью служат и угождают им. Отношения носят характер симбиоза»¹².

Разветвленные контакты между государственно-административным аппаратом и монополиями Японии осуществляются на различных уровнях и принимают самые разнообразные формы.

Так, важным коммуникационным каналом взаимодействия становится система так называемого административного руководства, не имеющая, пожалуй, аналогов в других странах. «Административное руководство», как известно, основывается не на принятых парламентом законах, а на различного рода актах государственных ведомств. Как указывают японские юристы, «административное руководство» предполагает «добровольное», неформальное соглашение заинтересованных сторон, каковыми выступают какой-либо государственный орган или работающее в нем ответственное лицо и корпорация, группа предпринимателей или отдельный предприниматель¹³.

«Руководство» осуществляется в форме «рекомендаций» («канкоку»), «требований» («ёсэй»), «советов» («дзёгон») и «посредничества» («тюкай»)¹⁴.

Последняя форма, пожалуй, является наиболее репрезентативной в системе «административного руководства». Ее ярким примером стало активное участие министерства внешней торговли и промышленности (МВТП) в слиянии в 1969—1970 гг. двух сталелитейных компаний — «Явата» и «Фудзи» — в гигантское монополистическое объединение «Синнихон сэйтэцу». В мае 1973 г. президентом новой фирмы стал Т. Хиран, который в 1955 г. ушел в отставку с поста замести-

теля министра МВТП и в конце 60-х гг. сыграл заметную роль в образовании этого крупнейшего в капиталистическом мире металлургического предприятия.

Система, при которой департаменты МВТП становятся «окнами» («мадогути») для осуществления контактов с отдельными предприятиями, промышленными и торговыми ассоциациями и «большой четверкой» ведущих предпринимательских организаций, представляет собой другую важную форму связей между деловым миром и правительственной бюрократией Японии.

Так, Ассоциация металлургической промышленности и Ассоциация судостроительной промышленности «прикреплены» к департаменту тяжелой промышленности МВТП, Угольная ассоциация — к департаменту горной промышленности, Японский совет по внешней торговле — к департаменту торговли и т. д. Ведущие монополистические союзы — Кэйданрэн (Федерация экономических организаций Японии), Никкэйрэн (Ассоциация предпринимательских организаций Японии), Кэйдзай доюкай (Комитет по вопросам экономического развития) и Ниссё (Торгово-промышленная палата Японии) — тесно связаны с департаментом предпринимательства МВТП.

Департамент торговли министерства, в ведении которого находится выдача всевозможных патентов и лицензий на торговлю с заграницей, называют «Гиндзой» (главная улица Токио) МВТП. Там постоянно толпятся представители ведущих фирм, старающиеся добиться для своих компаний льгот и субсидий.

Помимо МВТП, наиболее благоприятные возможности для установления тесных и, как мы увидим, весьма выгодных контактов с частными фирмами имеют чиновники и других «экономических министерств» современной Японии — в первую очередь министерства финансов, а также министерств сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства, транспорта, строительства, связи, труда, управления экономического планирования при канцелярии премьер-министра и некоторых других.

Важнейшим каналом взаимодействия правительственной бюрократии и «большого бизнеса» Японии является широкая сеть консультативных комитетов и советов, создаваемых при государственных органах. В настоящее время только при центральном административном аппарате страны их насчитывается порядка двух с половиной сотен; многие из них нередко играют ключевую роль в процессе принятия кардинальных решений по вопросам национального развития.

Анализ состава 11 основных консультативных комитетов, связанных с «экономическими» министерствами, специально проведенный в начале 1977 г. Коммунистической партией Японии, показал, что 56 % их членов являются представителями финансово-монополистической буржуазии, 20,6 — правительственных и бюрократических кругов, 23,4 % — так называемые лица, обладающие специальными знаниями (профессора университетов, адвокаты, журналисты и т. д.). Что же касается председателей этих комитетов, 54,5 % их представляют деловые круги, 36,4 % — чиновники госаппарата¹⁵.

В ходе совместного участия в деятельности правительственного консультативного аппарата происходит теснейшее взаимодействие, или, как принято говорить в Японии, «спайка» («ютяку») верхушки правящей ЛДП, высшей бюрократии и финансово-монополистической олигархии страны, в процессе которой определяются также и перспективы карьер правительственных чиновников после их выхода в отставку.

Перед высокопоставленными экс-бюрократами, желающими после отставки заняться предпринимательской деятельностью, открываются возможности перехода в связанные с определенными правительственными ведомствами пред-

приятия прямого или косвенного государственного подчинения (так называемые «особые юридические лица»), упоминавшиеся выше промышленные и торговые ассоциации, отдельные капиталистические компании.

Характерно, что новый статус высших правительственных чиновников как в полуправительственных корпорациях, так и в частном секторе ставится в зависимость от занимаемых ими должностей на государственной службе. Так, бюрократы, уходящие в отставку с поста заместителя министра по административной части, обычно назначаются президентами компаний или вводятся в советы директоров; занимавшие посты начальников департаментов получают должности управляющих или вице-директоров и т. д.

Занятые предпринимательской деятельностью на базе государственных капиталов, «особые юридические лица» становятся ареной тесного переплетения своекорыстных интересов чиновничьей верхушки и финансово-монополистической олигархии. Бывшие служащие центральных правительственных учреждений, совмещающие на руководящих постах в этих организациях административные и предпринимательские функции, часто превращаются в распоряжающихся крупными капиталами «чиновников-дельцов».

По состоянию на начало 80-х гг. подавляющее большинство руководящих работников (78,6 %) предприятий прямого или косвенного государственного подчинения Японии составляли выходцы из рядов правительственной бюрократии¹⁶.

Важным каналом «амакудари» в послевоенной Японии служат многочисленные торговые и промышленные ассоциации. Переход на руководящие должности в них в значительной степени облегчен для правительственного чиновничества, так как не ограничен законом в связи с тем, что юридический статус этих ассоциаций определяется как «некоммерческие организации». Очень часты случаи, когда экс-бюрократы сразу же после выхода в отставку поступают туда на работу, а по прошествии нескольких лет переходят в частные компании.

Анализ статистики по «спускам с небес» в последнее десятилетие обнаруживает совершенно отчетливые закономерности в этом явлении, не исключая, однако, определенных вариаций. Так, нередко лидируют чиновники МВТП, за ними следуют высокопоставленные сотрудники министерства финансов и министерства сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства.

Рассмотрим данные по «амакудари» в 1984 г. Ведущее место в этом году заняло министерство финансов (55 человек), за ним следовали: министерство сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства (33 человека), Управление безопасности на морях (27 человек)¹⁷, МВТП и министерство связи (по 26 человек каждое), министерство строительства (23 человека)¹⁸. Обращающее на себя внимание значительное увеличение «спусков с небес» высокопоставленных правительственных чиновников в середине 80-х гг. (295 «амакудари» в 1984 г. — на 20 % выше показателей 1983 г.)¹⁹ связывается с активизацией курса правительства Японии на денационализацию ряда предприятий государственного подчинения Телеграфно-телефонной корпорации (Дэндэн кося), Государственных железных дорог (Кокутэцу) и др. в ходе осуществления так называемой административно-финансовой реформы. В ходе приватизации этих предприятий возникают дополнительные вакансии для обладающих большим практическим опытом экс-бюрократов (необходимо указать, что помимо всех прочих причин «повторный найм» в частном секторе предполагает более высокие вознаграждения, чем на государственной службе).

Весьма характерно, что явления «амакудари» практически не наблюдается в министерстве иностранных дел Японии. Это обстоятельство связано с тем, что в силу специфики своей работы чиновники дипломатической службы обладают минимальными возможностями для установления тех контактов внутри страны,

которые могли бы обеспечить им привлекательные «повторные карьеры». То же самое относится и к сотрудникам министерства образования, которые, как правило, не имеют возможности установить выгодные связи с предпринимательскими кругами.

Анализ деловых карьер высокопоставленных государственных чиновников Японии показывает четкую специализацию, определяемую характером места их бывшей деятельности на правительственной службе. Так, работники министерства финансов в большинстве случаев переходят в различные кредитно-финансовые учреждения, как государственного подчинения, так и частные; министерства внешней торговли и промышленности — в металлургические, торговые, нефтеперерабатывающие и другие компании; министерства сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства и министерства строительства — в строительные фирмы и т. д.

Характерным явлением современной Японии становится упрочение контактов между военным ведомством страны — Управлением национальной обороны (УНО) — и частными фирмами, производящими различного рода военное снаряжение. Параллельно с расширением военного производства в Японии растет число вышедших в отставку сотрудников управления, перешедших на работу в соответствующие предприятия. Так, по данным, представленным в свое время УНО парламенту, за десятилетний с небольшим срок — с 1967 по 1979 г. — в связанные с УНО подрядными отношениями фирмы переместилось 866 бывших военнослужащих в чине не ниже майора²⁰. Явственно наблюдается тенденция к усилению персональных связей внутри складывающегося военно-промышленного комплекса Японии, хотя в отличие от США в Японии кадровые перемещения по линии военного ведомство — частный сектор имеют одностороннюю направленность. При этом не наблюдается проникновения представителей производителей оружия в государственно-административный аппарат (за исключением ряда консультативных комитетов при правительстве).

Предпринимательские круги Японии всячески приветствуют приток представителей правительственной бюрократии в «деловое сообщество». Последние лучше разбираются в сложном лабиринте правительственных ведомств, сохраняя и после ухода в отставку с государственной службы ценные контакты в министерствах и ведомствах. Немаловажным обстоятельством является также то, что в подавляющем большинстве случаев экс-бюрократы в Японии выступают как «генералисты», то есть лица, обладающие общими знаниями и в силу этого более пригодные для назначения на руководящие должности. Это связано с особенностями образования японского чиновничества, высший эшелон которого в своем большинстве имеет дипломы юридических факультетов, на которых в Японии, помимо собственно юриспруденции, как правило, преподают также основы науки управления.

Несомненно также, что деловые круги Японии привлекает значительная стабильность и преемственность бюрократического аппарата, в неизмеримо меньшей степени подверженного персональным перемещениям, чем сменяемая часть госаппарата, представляемого министрами и заместителями министров по политической части — профессиональными политиками, которые в последний период удерживаются на своих постах чрезвычайно непродолжительные сроки — не более 1—1,5 года. Это роднит чиновничью машину Японии с западноевропейскими странами — например, Францией и Великобританией — и отличает от США, где примерно 80 % высших правительственных администраторов сменяется каждые четыре или восемь лет вместе с приходом нового президента²¹.

Весьма наглядное представление о месте, занимаемом «спустившимися с небес» правительственными чиновниками в процессе формирования высшего

эшелона предпринимательских кругов, дают опубликованные МВТП Японии в 1981 г. данные. Департамент промышленной политики министерства, исследовавший в 1973—1980-х гг. руководящий состав значительного числа компаний, выявил четыре основные категории высших менеджеров, соотношение между которыми распределяется следующим образом:

1. Президенты — основатели компании	34,9 %
2. Президенты, унаследовавшие этот пост	23,4 %
3. Президенты, «выросшие» из персонала компании	8,3 %
4. «Спустившиеся с небес» президенты	34,4 % ²²

Как мы видим, выходцы из рядов правительственной бюрократии занимают второе по численности место, представляя собой один из основных контингентов японского менеджмента.

Яркой чертой системы персональных перемещений между государственно-административным аппаратом и предпринимательскими кругами Японии, отличающей ее от развитых капиталистических стран Запада, является то, что они носят в основном односторонний характер, причем непосредственное проникновение представителей монополий в правительственные органы наблюдается в минимальных масштабах. Это связано с особенностями политической культуры Японии, одной из характернейших черт которой, по образному выражению уже упоминавшегося Ч. Джонсона, является «отчетливое разграничение в... политической системе между царствованием и правлением»²³, жесткое разделение социально-политических ролей, традиционная приверженность группировкам, обладающих доступом к рычагам реальной власти, к завуалированным методам воздействия на нередкое носящих в значительной степени номинальный характер руководителей. Финансово-монополистическая верхушка Японии, как правило, воздерживается от непосредственного представительства в политических органах, таких, как парламент, правительство, высший эшелон правящей ЛДП, равно как и от участия в работе государственно-административного аппарата. Характерным является широкое представительство монополистических кругов в упоминавшихся выше консультативных органах при правительстве Японии. Следует указать, что участие в работе этих органов, часто становящихся ключевыми звеньями в формировании важнейших аспектов государственной политики — составлении бюджета, экономическом планировании, определении правительственной политики в области налогообложения и финансов и т. п., — имеет для японских монополий, помимо всего прочего, немалое пропагандистское значение, так как позволяет им оставаться как бы в стороне от ответственности за принимаемые при их активном участии решения правительства.

Бытует мнение, что бывшие правительственные бюрократы Японии обычно предпочитают «парашютировать» после отставки преимущественно в крупные фирмы. Действительно, в списках руководящего персонала 500 крупнейших японских компаний можно найти немало лиц, в прошлом занимавших видные посты в государственно-административном аппарате. В то же время значительности в мелкие и средние предприятия, составляющие, как известно, подавляющую долю частнопредпринимательского сектора в Японии. Профессор Гарвардского университета К. Колдер, поместивший на страницах японского еженедельника «Асахи дзюнару» статью об «амакудари»²⁴, связывает это явление с большей «желательностью» бывших государственных служащих именно для небольших и средних фирм. Испытывая огромную зависимость от заемного капитала, что является характернейшей особенностью предприятий этого уровня, они стремятся иметь на руководящих постах лиц, которые могли бы придать

им престижность и таким образом повысить кредитоспособность этих фирм. Именно такими качествами и обладают выходцы из рядов правительственной бюрократии. Последнее обстоятельство, помимо всех прочих факторов, связано с традиционно высоким социальным статусом государственной службы в Японии.

К. Колдер выдвигает концепцию «балансира» («икволайзера») — той функции, которую в значительной степени выполняют японские экс-бюрократы в частнопредпринимательском секторе, так сказать «уравновешивая» в какой-то мере средние предприятия, с одной стороны, и крупные корпорации, с другой. При этом он указывает также на такие малонизвестные факты, как весомое — более половины — представительство бывших правительственных чиновников в районах помимо столицы (главным образом в районе Кансай, на западе Японии) и об относительно значительном числе экс-бюрократов в компаниях с присутствием иностранного капитала, таких, как «Мобил ойл», «Эксон», Ай-Би-Эм и других. Их филиалы, указывает К. Колдер, в большей степени, чем чисто японские фирмы, нуждаются в людях, досконально разбирающихся в государственно-административном аппарате страны их пребывания²⁵.

Явление «амакудари» является объектом широкой критики в Японии. Так, левые силы разоблачают его сущность как реальное воплощение «спайки» «большого бизнеса», правительства и бюрократического аппарата. Ряд профсоюзов включают задачу борьбы со «спуском с небес» правительственного чиновничества в число своих лозунгов.

В то же время, на наш взгляд, было бы упрощением воспринимать процесс «амакудари» исключительно как переплетение узких своекорыстных устремлений правительственного чиновничества и капиталистических предприятий. «Спуск с небес» представляет собой одно из важных звеньев в государственно-монополистической системе, в ходе которого еще более персонифицируются и взаимопереплетаются связи между государственно-административным аппаратом и частным предпринимательством. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что этот процесс делает еще более элитарно-замкнутой группировку, в руках которой сосредоточиваются основные рычаги капиталистического господства, практически исключая для аутсайдеров возможность оказывать сколько-нибудь серьезное воздействие на реальную политику. При этом выступавшие во время своего нахождения на государственной службе в качестве посредников между правящей партией и «деловым сообществом» высокопоставленные бюрократы теперь непосредственно вливаются в «господствующую элиту». Сращивание бюрократической верхушки с аппаратом монополий ведет к созданию чрезвычайно влиятельного комплекса, который, помимо всего прочего, в конечном счете усиливает политическое влияние бюрократии — традиционно наиболее консервативной части правящей верхушки развитых капиталистических стран.

¹ См.: Н. А. Сахаров. Предпринимательские ассоциации в политической жизни США. М., 1980, с. 58—59.

² В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма.— Полн. собр. соч., т. 27, с. 337—338.

³ Речь идет о чиновниках в ранге не ниже начальника сектора (катё) государственного ведомства Японии.

⁴ См.: «Акахата», 31.III.1982; 31.III.1983; 31.III.1984; 30.III.1985.

⁵ См.: «Правда», 31.III.1986.

⁶ См.: П. Бирнбаум, Ш. Барук, М. Беллэш, А. Марие. Французский правящий класс. М., 1981, с. 69.

⁷ In: «Asian Survey», 1974, vol. XIV, № 11, p. 958.

⁸ См.: Конституции буржуазных государств. М., 1982, с. 250.

⁹ См.: «Тюо корон», 1978, № 7, с. 241.

¹⁰ См.: Ронно дзэнсё (Полный свод законов Японии). Токио, 1970, с. 47.

¹¹ In: «Asian Survey», 1974, vol. XIV, № 11, p. 955.

¹² Ch. Y a n a g a. Big Business in Japanese Politics. New Haven — London, 1971, p. 95—96.

¹³ In: The Japanese Legal System. Tokyo, 1976, p. 353—354.

¹⁴ In: The Foreign Policy of Modern Japan. Berkeley, 1977, p. 253.

¹⁵ См.: «Акахата», 3.III.1977.

¹⁶ In: «Asian Survey», 1985, vol. XXV, № 3, p. 314.

¹⁷ Случайное обстоятельство, вызванное тем, что в этом году подошел срок отставки многих сотрудников управления.

¹⁸ См.: «Акахата», 30.III.1985.

¹⁹ См. там же.

²⁰ См.: Т. Камакура. Нихон-но гундзика-то хэйки сангё (Милитаризация и производство оружия в Японии). Токио, 1981, с. 217.

²¹ In: Ch. Y a n a g a. Op. cit., p. 105.

²² См.: Атарасии кэйэйрёку сикё (Новые индикаторы менеджмента). Токио, 1981, с. 19.

²³ Sh. J o h n s o n. MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925—1975. Stanford (Cal.), 1982, p. 20.

²⁴ См.: К. И. Колдер. Эван кигё-ходо канрё-о аригатагару (Бюрократия в большей степени приветствуется слабыми предприятиями).— «Асахи дзянару», 30.XI.1979, с. 18—26.

²⁵ См.: «Асахи дзянару», 30.XI.1979, с. 19, 22—23.

Н. Г. СЕНИН,
профессор

Великая Октябрьская социалистическая революция явилась переломным моментом всемирной истории. Прорвав цепь империализма в наиболее слабом его звене — России, она не только положила начало новой общественно-экономической формации — коммунистической, но и дала мощный толчок освободительному движению во всех уголках земного шара, движению за мир, национальное освобождение и социальный прогресс.

Особо важное значение Октябрьская революция имела для успешного развития освободительного движения в Китае — самой крупной в мире по населению стране, опутанной сетью грабительских неравноправных договоров, разделенной главными империалистическими державами на сферы влияния, в которых разбойничали феодально-милитаристские клики — ставленники этих держав. Буржуазная революция 1911 г. в Китае привела к устранению монархического правления и номинальному провозглашению республики, но в итоге она не решила ни проблемы национальной независимости, ни коренных социальных проблем. Историческая ограниченность результатов Синь-айской революции лишь усилила национальный кризис, породила сомнения реальности возрождения Китая. Патриотические элементы из среды китайской интеллигенции, побывавшие на Западе и познакомившиеся там с идеями и институтами буржуазной демократии, не получили ответа на волновавшие их вопросы: как китайскому народу добиться освобождения от империалистического порабощения и феодальной кабалы, по какому пути идти, какими методами решать свои проблемы и на какие силы опираться.

Мао Цзэдун накануне победы народной революции в Китае писал: «Октябрьская революция помогла передовым людям всего мира, в том числе и Китая, пересмотреть свои проблемы, применяя пролетарское мировоззрение в качестве орудия для изучения судеб своей страны. Идти по пути русских — таков был вывод»¹.

Одним из передовых людей Китая, раньше других осознавших всемирно-историческое значение Октября и его значение в судьбах его отчизны, был Ли Дачжао. Октябрьская революция стала переломным моментом в становлении его мировоззрения, во всей жизни и революционной деятельности Ли Дачжао. Чтобы понять характер этого перелома, необходимо иметь в виду, что дала установившаяся в результате революции Советская власть трудящимся России, какую внешнюю политику провозгласили партия большевиков, Советское правительство и как эта политика была

* Ли Дачжао (1889—1927) — выдающийся пропагандист марксистско-ленинских идей в Китае, фактический основатель Коммунистической партии Китая, интернационалист, павший от рук наемного палача мирового империализма и его ставленника в Китае милитариста Чжан Цзолиня.

встречена в Китае прогрессивными силами страны, ибо Ли Дачжао как раз и был типичным выразителем чаяний и настроений прогрессивной части китайского общества того времени, причем выразителем наиболее ярким, наиболее глубоким и наиболее последовательным.

Основы социалистической внешней политики и межнациональных отношений были заложены в первых программных документах Советской власти. 26 октября (8 ноября) 1917 г. II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов принял разработанный В. И. Лениным Декрет о мире, который в разгар братоубийственной мировой войны призвал прекратить войну и немедленно начать переговоры о справедливом демократическом мире без аннексий и контрибуций. Война за захват чужих территорий и их раздел между сильными и богатыми нациями осуждалась как «величайшее преступление против человечества». Советское правительство сразу же заявило об отмене тайной дипломатии, об аннулировании тайных договоров, наносивших ущерб другим странам, и об отказе от тех пунктов международных договоров и соглашений, которые фиксировали особые выгоды и привилегии господствующих классов за счет слабых и угнетенных.

Основные принципы внутренней национальной политики Советского государства были сформулированы в «Декларации прав народов России»: равенство и суверенность; право на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; свободное развитие национальных меньшинств и этнических групп.

Советская власть, навсегда покончив с политикой колониального гнета, которую проводил царизм, свои принципы внешней политики в отношении колониальных и зависимых стран сформулировала в обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», принятом 20 ноября (3 декабря) 1917 г. Советом Народных Комиссаров. Республика Советов заявила, что отношения со странами Востока она будет строить на основе равноправия, взаимного уважения и дружбы, а также солидарности советских народов с освободительной борьбой угнетенных народов и всесторонней поддержки этой борьбы, призвав при этом борющиеся народы в свою очередь поддержать революционную борьбу народов России.

Раскрывая интернационалистский характер принципов отношения Российской Советской Республики к угнетенным народам, В. И. Ленин подчеркивал: «Деятельность нашей Советской республики в Афганистане, Индии и других мусульманских странах вне России такова же, как наша деятельность среди многочисленных мусульман и других нерусских народностей внутри России»².

Программа демократического мира и новых принципов международных отношений резко контрастировала с хищнической политикой империалистических держав.

Пеккинское феодально-милитаристское правительство, послушное державам антигерманской группы, так же как и империалистические правительства, хранило молчание. Оно продолжало признавать правительство Керенского и дипломатических представителей старой России. Более того, в мае 1918 г. пеккинское правительство заключило секретное военное соглашение с правительством Японии о борьбе против Советской России и вскоре присоединилось к вооруженной интервенции империалистических стран в районе советского Дальнего Востока и Сибири. В целях превращения

Внешней Монголии в базу враждебной деятельности против Советской России китайское правительство в октябре 1918 г. ввело на ее территорию свои войска.

Несмотря на враждебность пекинского правительства, Советская Россия последовательно искала пути к нормализации отношений между двумя соседними странами, стремясь довести эту политику до сведения китайских трудящихся. С этой целью Совет Народных Комиссаров РСФСР принял историческое Обращение к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая от 25 июля 1919 г., то есть вскоре после того, как в Версале был подписан «мирный договор», который не только не учитывал интересы Китая, выступавшего в войне на стороне Антанты, но и лишил его всяких надежд на возрождение, передав колониальные владения Германии на китайской территории в руки милитаристской Японии, уже приступившей к широкой экспансии в отношении Китая.

Именно в это тяжелое время Советское правительство протянуло руку дружбы и братской помощи китайскому народу. Советская Россия и Красная Армия, говорилось в обращении, «идут на Восток через Урал не для насилия, не для порабощения, не для завоеваний... Мы несем освобождение народам от ига иностранного штыка, от ига иностранного золота, которые душат порабощенные народы Востока и в числе их в первую очередь китайский народ. Мы несем помощь не только нашим трудящимся классам, но и китайскому народу». Обращение напоминало китайскому народу об отказе Советской России от тайных договоров, заключенных царским правительством с Японией, Китаем и бывшими союзниками в целях закабаления народов Востока, и о готовности вступить в переговоры с китайским правительством об аннулировании этих договоров.

В обращении со всей определенностью было заявлено о том, что Советское правительство «уничтожает все особые привилегии, все фактории русских купцов на китайской земле. Ни один русский чиновник, поп и миссионер не смеет вмешиваться в китайские дела, а если он совершит преступление, то должен судиться по справедливости местным судом. В Китае не должно быть иной власти, иного суда, как власть и суд китайского народа»³. Подтверждалось объявленное ранее решение Советского правительства об отказе от «боксерской контрибуции», которую пекинское правительство продолжало, между тем, незаконно выплачивать царским дипломатам в Китае для поддержания их антисоветской деятельности.

Советское правительство выразило готовность немедленно приступить к переговорам с представителями китайского народа об установлении официальных отношений между двумя странами, чтобы раз и навсегда, как говорилось в обращении, ликвидировать все акты насилия и несправедливости, совершенные в отношении китайского народа царским правительством совместно с Японией и союзниками.

Пекинское правительство скрыло от китайского народа заявление и предложение Советского правительства.

Раньше всех осознали освободительную миссию Октябрьской революции и ее значение для Китая рабочие-эмигранты, проживавшие в России⁴. В апреле 1918 г. представители китайской колонии в Петрограде обратились к китайскому народу с воззванием, в котором говорилось: «Китайские рабочие в России волею судьбы оказались в среде авангарда мировой революции... Они должны помнить, что судьба революции Китая тесно связана с судьбой русской рабочей революции. Только в тесном единении с русским рабочим классом возможна победа революции в угнетенном Китае»⁵.

Солидарность китайских трудящихся с борьбой народов России нашла яркое выражение в активном участии китайских рабочих в совместной борьбе против сил интервенции и контрреволюции. Десятки тысяч китайских борцов плечом к плечу с рабочими и крестьянами России сражались на фронтах гражданской войны.

Китайцы, возвратившиеся из революционной России, несмотря на всяческие преследования на родине, несли соотечественникам правду об Октябрьской революции и трудной борьбе за новую жизнь. Так начиналась братская дружба советского и китайского народов, скрепленная кровью их лучших сынов.

Прогрессивные силы Китая увидели в Октябрьской революции зарю собственного освобождения. Консервативные же силы, напротив, угрозу для своего благополучия.

Весть об Октябрьской революции быстро стала достоянием широкой общественности Китая. Газета «Миньго жибао», находившаяся под контролем Сунь Ятсена и дававшая объективную информацию о положении в России, 10 и 11 ноября 1917 г. сообщила о свержении Временного правительства и о взятии власти Советами, о принятии декретов о мире и земле. «Миньго жибао» разъяснила своим читателям программу Октябрьской революции под углом зрения задач китайской революции: «Мы возлагаем надежды на великую революцию, происшедшую у нашего соседа. Каковы требования русской революции? Она борется за права человека и за демократию, но без борьбы за улучшение жизненных условий крестьян и рабочих добиться уважения прав человека невозможно, а добиться демократии невозможно без свержения самодержавного царя, аристократии и установления народной власти. Такими же будут требования революции и в нашей стране»⁶.

Журнал «Лаодун» («Труд»), разъясняя содержание внутренней и внешней политики молодой Советской республики, осуждал реакционную пропаганду в Китае, пытавшуюся представить Октябрьскую революцию как простую «вспышку гнева» народа, как некую «смуту». Причина русской революции, разъяснял журнал, кроется в социальном неравенстве. Журнал одобрял мероприятия Советской власти по созданию армии, конфискации имущества богатых. Он поддержал Брестский договор, который обеспечивал «мирную передышку» для залечивания ран, нанесенных войной, и налаживания производства. Журнал подчеркивал международное значение Октябрьской революции. В нем опубликована (впервые в Китае!) биография В. И. Ленина, в которой отмечалось, что его «деятельность отвечает требованиям эпохи»⁷.

Революционно-демократические деятели Китая старшего поколения с удовлетворением встретили победу Октября. Сунь Ятсен в беседе с японскими и индийскими журналистами весной 1918 г. выдвинул требование признания Советской России и призвал к широкой пропаганде идей Октябрьской революции. Летом того же года Сунь Ятсен послал из Шанхая приветственную телеграмму В. И. Ленину по случаю победы революции. «Революционная партия Китая,— говорилось в телеграмме,— выражает высокое восхищение тяжелой борьбой, которую ведет революционная партия Вашей страны, и выражает надежду, что революционные партии Китая и России объединятся для совместной борьбы».

Интерес к Октябрьской революции, к опыту вооруженной борьбы советского народа против иностранных интервентов, к борьбе против свергнутых угнетателей и к подавлению их сопротивления социалистическим преобразованиям стал охватывать все более широкие слои китайского об-

щества в ходе «движения 4 мая». Среди передовых китайцев стало расти желание увидеть своими глазами то, что происходило в соседней стране, совершившей социалистическую революцию. Росло недоверие к империалистической и реакционной китайской пропаганде, распространявшей всякие небылицы о Советской России, извращавшей факты и клеветавшей на большевиков и их политику.

Советское правительство разрешило ознакомиться с обстановкой в стране политическим деятелям, писателям, ученым Запада, в числе которых были и такие известные лица, как Герберт Уэллс, Бертран Расселл и другие. Оно предоставило равные возможности и китайским гражданам посетить Россию. Более того, верное своему интернациональному долгу, оно дало согласие принять на учебу в Москве и ряде других городов Советской России китайских студентов.

По воспоминаниям Хэ Сяннин (жены Ляо Чжункая), Сунь Ятсен, уже вступивший в переписку с Советским правительством, намеревался послать на учебу в Россию несколько доверенных ему людей, в том числе Ляо Чжункая и Чжу Чжисиня. С этой целью он пригласил для них специального преподавателя русского языка М. Ф. Кузнецову, которая прибыла в Китай с группой представителей Коминтерна. Со второй половины 1920 г. подготовка лиц к поездке в Россию приняла более организованную форму. При марксистском кружке, созданном в Шанхае Чэнь Дусю, было создано Общество труда, учебы и взаимопомощи. Члены этого общества готовились к поездке в Россию и с этой целью изучали русский язык. Такая же подготовка велась и в других центрах Китая.

Организация поездок в Россию встречалась с огромными трудностями из-за репрессивной политики пекинских властей, находившихся в сговоре с империалистическими державами. Орган японской военщины газета «Осака майнити симбун» писала по этому поводу: «Среди радикальных элементов китайской молодежи многие одобряют ленинизм... Чтобы остановить этот процесс, надо оказать энергичную поддержку военным Севера (то есть феодально-милитаристскому правительству Пекина.— Н. С.) оружием и займами. Другого выхода нет».

Пекинские власти прилагали всяческие усилия, чтобы скрыть от китайского народа Обращение Советского правительства от 25 июля 1919 г. Несмотря на эти усилия, оно все же появилось на страницах китайской печати в марте 1920 г. с задержкой на восемь месяцев. Журнал «Синь циньянь» в первом выпуске за 1920 г. поместил полный текст обращения, сопроводив его подборкой типичных откликов. В резюме журнала предлагалось: «1) Признать этот акт русского государства небывалым в истории человечества. 2) Выразить признательность советскому народу и Советскому правительству. 3) Оформить отказ Советского правительства от всех особых прав и привилегий в Китае. 4) Прекратить отношения с дипломатическими представителями царской России и правительства Керенского, официально признать РСФСР. 5) Объединиться с русским народом в борьбе против империализма»⁸.

Конечно, реакция на революционные события в Советской России и ее политику не была одинаковой. Консервативные силы Китая, включая и некоторые слои интеллигенции, заняли враждебную позицию и стремились повлиять на общественное мнение. Однако положительная тенденция в этом общественном мнении доминировала и продолжала развиваться. «После того как китайская интеллигенция узнала в конце марта 1920 г. о заявлении (Советского правительства.— Н. С.), это оказало огромное влияние на «движе-

ние 4 мая», — свидетельствует известный американский исследователь Чжоу Цэцзун. — Она убедилась, что в противоположность 21 требованию Японии и другим формам давления на Китай, а также домогательствам западных держав, стремившихся к сохранению своих привилегий и дискриминационных прав в стране, были все основания для того, чтобы китайцы с энтузиазмом приветствовали предложение (Советского правительства. — Н. С.). Политика пекинского правительства по отношению к России и его безразличие по отношению к ее предложению были непонятны китайской интеллигенции... На дальнейшей стадии «движения 4 мая» после весны 1920 г. китайская интеллигенция стала уделять больше внимания Советской России, чем когда-либо прежде. Не вся она относилась к ней одинаково. Но хотя были некоторые группы, которые все еще оставались враждебными к Советскому Союзу, просоветская тенденция продолжала расти»⁹.

Приведенные примеры свидетельствуют, что к середине 1920 г. созрело общественное мнение в Китае по вопросу об оценке происходивших в России событий и что усиливалось давление этого общественного мнения на пекинское правительство, чтобы заставить его нормализовать отношения с Советской Россией.

Октябрьская революция для Ли Дачжао не была неожиданностью. За развитием революционных событий в России он следил самым тщательным образом. Когда произошла Февральская революция, Ли Дачжао по свежим следам написал ряд статей с анализом причин и значения этой революции¹⁰. Главный результат Февральской революции Ли Дачжао видел в крушении российской монархии и росте демократического сознания масс. Вместе с тем в русской революции он увидел событие мирового значения и вдохновляющий пример для освободительной борьбы китайского народа. «Алая горячая кровь русских, — писал Ли Дачжао, — смыкает сегодня весь хлам, накопившийся за многие годы в политической жизни России, и орошает всходы свободы в нашей стране... Мы должны последовать примеру русских, пробудиться и разобраться в наших внутренних делах».

Можно удивиться прозорливости Ли Дачжао, хотя свержение династии Романовых вызывало ассоциации с китайской революцией 1911 г. Он понимал, что китайская революция оказалась незавершенной и что ей предстояло еще многое, чтобы отстоять республиканские завоевания. Достижение этой цели он ставил в прямую связь с необходимостью единства освободительной борьбы народов Китая и России. «Не будет преувеличением сказать, — отмечал он, — что успех русской революции в какой-то степени зависит от революции в нашей стране. Теперь же мы должны использовать победу русской революции для укрепления республиканского строя у нас». Из своего анализа влияния русской революции на перспективы политического развития Китая Ли Дачжао сделал совершенно справедливый и обоснованный вывод о том, что, поскольку между Китаем и Россией «существует закономерная взаимозависимость и взаимосвязь», этого достаточно для установления дружественных отношений между двумя странами¹¹.

Ли Дачжао продолжал внимательно следить за развитием событий в России и после Февральской революции. «В самое последнее время, — писал он в октябре 1917 г., — русские, находясь в состоянии ожесточенной войны, бесстрашно подняли красное знамя, чтобы заложить основы свободы и демократии»¹². В статье «Насилие и политика» Ли Дачжао, анализируя положение в своей стране, констатировал, что политическая власть

в Китае зиждется на насильи власть имущих, что она враждебна народу, а поэтому народ, чтобы добиться демократии, имеет право также применить насилие. Как видно из изложенного, еще до Октябрьской революции в анализе революционной обстановки в Китае и России Ли Дачжао приближался к позициям пролетарского интернационализма. Последующее изучение опыта Октябрьской революции содействовало его переходу к марксизму.

Впервые свое отношение к Октябрьской революции Ли Дачжао выразил статьей «Сравнение французской революции с русской» в середине 1918 г. То был самый сложный и самый трудный период в жизни молодого Советского государства. Империалистическая пропаганда, клеветники, обыватели, пессимисты, изображали Октябрьскую революцию лишь как беспорядок, состояние полного хаоса, царство насилия и т. д. Виновником этой обстановки объявляли большевиков. В отличие от авторов антисоветских вымыслов Ли Дачжао видел в российских событиях не «козни большевиков», а подлинную политическую и социальную революцию. «Нынешняя обстановка в революционной России,— отмечал Ли Дачжао,— характеризуется полным переходом всей политической власти в руки радикальной партии (большевиков.— Н. С.) и коренной ломкой прежней политической и социальной структуры». Ли Дачжао разъяснял, что эксцессы, смятение, жертвы, разрушения во время Великой французской революции также вызвали страх, пессимизм и другие подобные настроения среди некоторых слоев населения. «Разве не вызвала в свое время политическая обстановка во Франции ужас, смятение и глубокий пессимизм у многих современников? — писал он.— Но впоследствии оказалось, что свобода и счастье французов родились именно в сражениях революции... Разве люди, пессимистически относящиеся к русской революции, не похожи на тех, кто считал безнадежной революцию во Франции?»

Сопоставляя Октябрьскую революцию с французской, Ли Дачжао справедливо назвал их двумя поворотными этапами в истории человечества. Французская революция положила начало новой эпохе, определившей развитие цивилизации XIX в., Октябрьская революция положила начало наступившей эпохе. «Нынешняя русская революция — величайший поворот в истории,— подчеркивал Ли Дачжао,— и, подобно французской, она будет определять развитие цивилизации грядущих веков».

Вся статья написана в полемическом духе. Противники Октябрьской революции противопоставляли ей французскую революцию, стремясь принизить значение первой и преувеличить историческое значение второй. Они утверждали, будто идеалы французской революции были более возвышенными, чем идеалы Октябрьской революции, поскольку-де французы боролись за свободу духа, в то время как русские борются всего лишь за кусок хлеба. Они утверждали, что среди французов царил дух патриотизма, чего, мол, среди русских «не наблюдается». Эти и подобные им надуманные аргументы Ли Дачжао убедительно опроверг, применив при этом метод конкретно-исторического анализа. Он показал, что к французской и русской революциям нельзя подходить с одинаковыми мерками, поскольку, во-первых, они относятся к разным историческим эпохам, а во-вторых, они различны по своему характеру. Ли Дачжао соглашался с тем, что французам был присущ во время революции «дух любви к своему отечеству», но он категорически отрицал, что у русских якобы отсутствуют духовные стимулы. Русским, писал Ли Дачжао, присущ гуманизм, который «по своей глубине не имеет себе равного в истории». Именно гуманизм, подчеркивал он, вызвал у русских людей могучий подъем самосознания и привел к победе револю-

ции. «Не будь этого подъема,— заключил он,— не реял бы красный флаг над Россией и народ ее не поднялся бы единодушно на революционную битву». Ссылаясь на исторические условия России, которые способствовали формированию гуманизма среди русских людей, Ли Дачжао отмечал: «В течение десятков лет выдающиеся мастера литературы в своих гуманистических социальных произведениях вели борьбу против царского строя и поддерживающей его религии. Холодная и пустынная Сибирь стала могилой бесчисленных героев этой борьбы. Как же не назвать этот гуманизм духом русских?»

Ли Дачжао рассматривал патриотизм французов как проявление французского национализма и в том видел его ограниченность. Гуманизм же, говорил он, не ограничен национальными рамками какого-то одного государства, он интернационален. «Если тогда во Франции действиями людей руководила любовь лишь к своей стране, то теперь русские вдохновлены любовью ко всем народам, помыслами обо всем человечестве. Любовь лишь к своей стране основана на принципах национализма, забота о человечестве исходит из принципов интернационализма». К этому выводу Ли Дачжао сделал очень важное добавление, подчеркивающее принципиальное различие между национализмом и интернационализмом. «Если национализм,— писал он,— источник постоянных войн, то интернационализм — источник мира». Это замечание было, очевидно, навеяно размышлениями о мировой войне, по отношению к которой западноевропейские социал-демократы — вожди II Интернационала, как известно, с самого начала заняли по существу националистские позиции, выступив с призывами «защиты своего отечества», чем содействовали не прекращению, а дальнейшему разжиганию войны.

Ли Дачжао призывал своих соотечественников с гордостью приветствовать Октябрьскую революцию как «зарю новой мировой цивилизации» и внимательно прислушиваться к вестям из новой России, чтобы идти в русле мирового прогресса. «Не следует впадать в уныние от временных неурядиц в сегодняшней России!» — на такой оптимистической ноте завершил Ли Дачжао свою первую статью об Октябрьской революции.

Сильное впечатление на общественное мнение Китая произвела и другая его статья — «Победа большевизма», — опубликованная в «Синь циннянь» (ноябрь 1918 г.). Октябрьскую революцию в России Ли Дачжао назвал «предвестницей мировой революции XX столетия», а знаменосцем происходящих и грядущих революционных изменений в мире он назвал русских большевиков и их идейно-политическое кредо — большевизм, который, как писал Ли Дачжао, хотя и «создан русскими», но «отражает пробуждение всего человечества XX в.»

Революции в Германии и Австро-Венгрии, последовавшие за Октябрьской революцией, и революционный подъем в других странах Европы Ли Дачжао охарактеризовал как «революции русского образца», поскольку они были направлены на коренные изменения политических и социальных порядков в этих странах. Ли Дачжао высказывал твердое убеждение в том, что революционное освободительное движение будет изо дня в день углубляться и расширяться, охватывая весь мир, и в конечном счете приведет к освобождению всех угнетенных народов на Земле. Это убеждение со всей силой прозвучало в заключительных словах его статьи: «Исторические пережитки — императоры, аристократы, военщина, бюрократия, милитаризм, капитализм,— все, мешающее наступлению нового, будет сметено титанической силой мирового массового движения. Никто из них

не устоит перед этой неодолимой волной, один за другим они падут, как падают пожелтевшие, высохшие листья от прикосновения холодного осеннего ветра. Отныне повсюду будут видны победные знамена большевизма и слышны триумфальные его песни. Прозвучал набат гуманизма. Взошла заря свободы. Будущий мир будет миром красного знамени»¹³.

Чем глубже Ли Дачжао ознакомился с реальной жизнью советского народа, с внутренней и внешней политикой рабоче-крестьянского государства, тем больше он убеждался в величии Октябрьской революции, в том, что путь Октябрьской революции, путь, избранный русскими, есть тот путь, по которому пойдет и Китай.

Октябрьскую революцию в России Ли Дачжао воспринял как соединение революционной теории с революционной практикой. Под революционной теорией он понимал марксизм. «С русской революции,— отмечал Ли Дачжао в своей статье «Мое понимание марксизма», написанной по случаю 100-летия со дня рождения Карла Маркса,— марксизм проявил себя как сила, способная всколыхнуть мир. Последовавшие за русской социальные революции в Германии, Австрии и Венгрии также руководствовались марксизмом. Эти крупные мировые повороты привлекли внимание к учению К. Маркса, и естественно, что в связи с этим появилось множество его жетолкований». В той же статье Ли Дачжао назвал марксизм «учением, способным преобразовать мир»¹⁴.

Ли Дачжао хорошо знал главные труды основоположников научного коммунизма, начав знакомиться с ними еще накануне мировой войны во время учебы в японском университете Васэда и продолжая усиленно изучать их после возвращения на родину. Настоящую же школу изучения марксистских трудов он прошел вместе со своими учениками после Октябрьской революции в России, работая профессором политэкономии в Пекинском университете.

Ли Дачжао был первым из передовых людей в Китае, кто познакомил своих соотечественников с системой взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса, рассматривая эту систему под углом зрения трех ее основных частей: «материалистического понимания истории, политической экономии и учения о классовой борьбе пролетариата». Учение о классовой пролетарской борьбе он назвал «золотой нитью», которая связывает воедино все три составные части учения К. Маркса.

Опираясь на марксистскую теорию и методологию, все более совершенствуясь в них, Ли Дачжао брался в своих статьях за анализ самых актуальных для Китая того времени проблем общего и частного характера — философии и политики, этики и образования, условий жизни трудящихся и империалистического гнета в Китае, проституции и самоубийств среди молодежи. Ли Дачжао стремился найти социальные причины этих явлений и довести об этом до сведения общественности.

Пропагандистский талант Ли Дачжао особенно раскрылся в период «движения 4 мая», развернувшегося в стране под непосредственным влиянием Октябрьской революции. Ли Дачжао был одним из организаторов, руководителей и активных участников этого движения. 1919 г.— переломный для революционного движения в Китае и наиболее напряженный и плодотворный период в публицистической деятельности Ли Дачжао. За этот год им было опубликовано свыше 200 статей, из которых большая часть — после начала «движения 4 мая». Среди наиболее важных в теоретическом отношении статей были: «Классовая борьба и взаимопомощь», «Еще раз о конкретных проблемах и "измах"», «Мое понимание марксизма», «Материальные изменения и изменения в области морали» и др.

В первые же дни Октября Ли Дачжао узнал о В. И. Ленине, вожде российской революции, о первых декретах Советской власти — Декрете о мире и Декрете о земле, творцом которых был В. И. Ленин, о формировании рабоче-крестьянского правительства во главе с В. И. Лениным, о создании Красной Армии, о принятии первой Конституции РСФСР, выражавшей подлинные интересы трудящихся, о призыве В. И. Ленина к защите Отечества от внутренней контрреволюции и империалистической интервенции. К постановке и опыту решения этих проблем в Советской России было приковано внимание всех передовых людей Китая, и в первую очередь таких, как Ли Дачжао. О знакомстве Ли Дачжао с трудами В. И. Ленина можно судить по статье «Прошлое и настоящее русской революции» (июль 1921 г.), в которой публицист поместил написанную им развернутую биографию В. И. Ленина с приложением списка 19 его важнейших трудов. В списке упомянуты «Развитие капитализма в России», «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад», «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Материализм и эмпириокритицизм», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Государство и революция», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Очередные задачи Советской власти».

С какими трудами В. И. Ленина и когда познакомился Ли Дачжао, сказать трудно, но не вызывает сомнений, что они оказали на него неизгладимое впечатление, содействовали дальнейшей эволюции его взглядов и окончательному его переходу к коммунистической идеологии.

Ли Дачжао продолжал внимательно следить за развитием событий в революционной России и за успехами братского народа. 7 ноября 1922 г. Советская республика отмечала пятилетний юбилей своего существования. По этому случаю В. И. Ленин обратился к IV Всемирному конгрессу Коминтерна и к Петроградскому Совету рабочих и красноармейских депутатов с письменным приветствием, в котором говорилось: «Советская власть в России празднует первое пятилетие. Она более прочна, чем когда бы то ни было. Гражданская война кончена. Первые хозяйственные успехи налицо. Советская Россия считает величайшей гордостью помогать рабочим всего мира в их трудной борьбе за низвержение капитализма. Победа будет за нами»¹⁵.

Ли Дачжао отметил это знаменательное событие статьей «Октябрьская революция и китайский народ». Он вновь подтвердил всемирно-историческое значение победы Великой Октябрьской социалистической революции, укрепления первого в мире государства трудящихся и его важную роль в освободительной борьбе всех угнетенных народов мира. «В пламени Октябрьской революции, — отмечал Ли Дачжао, — родились рабоче-крестьянское государство и правительство. Это государство — родина, авангард и великий оплот рабочих и крестьян всего мира». Октябрь, отмечал Ли Дачжао, пробудил пролетариат земного шара и призвал его к сплочению с силами национального освобождения с целью создания единого объединенного революционного фронта для совместной борьбы. Это в равной степени важно как для капиталистических стран, так и для зависимых и колониальных стран, как для китайского народа, так и для других угнетенных народов. Поэтому «народам всех стран, находящимся, как и Китай, на положении угнетенных, нужно глубоко осознать стоящие перед ними задачи, быстро и без колебаний объединиться в Демократический единый фронт, создать народные правительства и оказать сопротивление международному империализму. Это, — заключал Ли Дачжао, — дело мировой революции».

Ленинская идея о создании единого революционного фронта, как внутри страны, так и в международном масштабе, для борьбы против внутренней

реакции и господства империалистических сил стала главной стратегической линией КПК в освободительном движении китайского народа после-октябрьского периода.

В январе 1924 г. прогрессивное человечество лишилось своего вождя. Умер В. И. Ленин. Проходивший в Гуанчжоу под руководством Сунь Ятсена I съезд Гоминьдана прервал свою работу и объявил трехдневный траур. Сунь Ятсен выступил со скорбными словами на траурном митинге. Траурные митинги проходили и в других местах и городах страны. На одном из них выступил Ли Дачжао, присутствовавший на съезде в качестве представителя Коммунистической партии Китая. Свое скорбное слово он заключил так: «Ленин — освободитель угнетенных народов мира, и смерть его — великая утрата для них, особенно тяжела она для таких угнетенных наций Востока, как Китай».

Вернувшись в Пекин, в штаб-квартиру КПК, Ли Дачжао выступил на массовом митинге в Центральном парке Пекина. Он закончил свою речь следующими оптимистическими словами: «Значение Ленина для человечества можно сравнить только со значением солнца и рек. Принципы, провозглашенные Лениным, уже претворены в жизнь, революционные организации постоянно растут, развиваются, готовые выполнить великую миссию освобождения. Ленин умер, но дух его живет». Ли Дачжао, как все подлинные революционеры и коммунисты, ценил Ленина не только как гениального теоретика и выдающегося организатора, но и как скромного и принципиального человека, с которого каждый настоящий революционер должен брать пример. «Мой друг, — вспоминал Ли Дачжао, — вернувшись из России, рассказывал, что для восстановления здоровья Ленина, подорванного ранением, нужны были средства, но он не разрешал увеличить свое жалованье, которое не превышало 200 юаней. Такая простота и скромность — лучший пример для революционеров нашей страны».

Ли Дачжао лишь однажды был в Советской России, возглавляя в 1924 г. китайскую делегацию на V конгрессе Коминтерна. Он пробыл в Советском Союзе полгода и ознакомился с жизнью страны в поездках по различным городам, во встречах с различными слоями населения. Главный вывод, который он извлек из этой поездки, — интернационализм советских людей, их беззаветное желание помочь великому соседу в борьбе против внутренних и внешних угнетателей. В письмах соотечественникам из Москвы Ли Дачжао неизменно подчеркивал эту сторону своих впечатлений. Он описывал, как, будучи на экскурсии в Царскосельском парке под Ленинградом, он встретился с тремя красноармейцами, которые живо интересовались развитием китайской революции и горячо заверяли, что если китайской революции понадобится помощь, то они готовы сразу же с оружием в руках откликнуться на ее зов. «Искренне поблагодарив красноармейцев за горячее сочувствие китайской революции и обменявшись с ними братским рукопожатием, — заключил Ли Дачжао, — мы покинули парк». Движение в поддержку китайской революции, писал Ли Дачжао, бурно разрасталось также в Москве и во многих других городах России. «По всей стране раздавались голоса: «Руки прочь от Китая!», повсюду создавались организации под таким названием, проходили митинги, участники которых единодушно выражали солидарность с революционным правительством Сунь Ятсена, осуждали империалистическое вмешательство в китайские дела»¹⁶. Эти свидетельства Ли Дачжао поведали, как в результате Октябрьской революции создавалась и закреплялась новая традиция интернациональных связей между двумя братскими народами, традиция, которая в 1949 г. привела к победе китайской народной рево-

люции, стоящей по своему значению в одном ряду с Великой Октябрьской социалистической революцией, с социалистическими революциями, которые произошли и которые предстоят.

Отмечая славное 70-летие Великой Октябрьской социалистической революции, советский народ отдает должное и историческим заслугам выдающегося сына китайского народа — Ли Дачжао, по справедливому определению Дэн Сяопина, «зачинателя коммунистического движения и великого марксиста» в Китае. Ли Дачжао был сыном новой эпохи, эпохи Великого Октября. Он был большим и верным другом Советской страны, и эта дружба олицетворяет дружбу народов Советского Союза и Китая.

¹ Мао Цзэдун. Избр. произв. Т. IV, Пекин, 1964, с. 504.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 114.

³ Советско-китайские отношения. 1917—1957. М., 1959, с. 43, 44.

⁴ Во время первой мировой войны на тыловые работы в Россию было направлено из Китая около 150 тыс. рабочих. После Октябрьской революции примерно треть вернулась на родину, а большая часть осталась в Советской России.

⁵ Цит. по: М. С. Капица. Советско-китайские отношения. М., 1958, с. 21.

⁶ Цит. по: Пын Мин. Краткая история дружбы народов Китая и Советского Союза. М., 1959, с. 66.

⁷ Цит. по: «История СССР», 1962, № 1, с. 166, 198.

⁸ Цит. по: Р. А. Миrowsкая. Движение в Китае за признание Советской России (1920—1924). М., 1962, с. 18.

⁹ Chow Tseisung. The May Fourth Movement. Cambridge, 1978, p. 211—214.

¹⁰ В газете «Цзян» 19—21, 27 и 29 марта 1917 г. были опубликованы три статьи Ли Дачжао: «О далеких и близких причинах русской революции», «Создание республиканского правительства в России и его политическая программа», «О влиянии великой русской революции».

¹¹ См.: Ли Дачжао. Избранные статьи и речи. М., 1965, с. 59—60.

¹² Ли Дачжао вэньцзи. Т. I. Цекши, 1984, с. 513.

¹³ Ли Дачжао. Указ. соч., с. 61—63, 80.

¹⁴ «Рабочий класс и современный мир», 1972, № 2, с. 92.

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 277.

¹⁶ Ли Дачжао. Указ. соч., с. 194, 195, 209, 213, 236—237.

Китайские добровольцы на защите завоеваний Октября

*В. Н. УСОВ,
кандидат исторических наук*

Ревolutioneры-интернационалисты. Сколько их полегло на полях гражданской войны, когда бок о бок с рабочими и крестьянами России не щадя жизни они защищали первые завоевания Великой Октябрьской социалистической революции. Это были люди разных национальностей и судеб, но всех их объединяла и укрепляла в борьбе единая великая мечта о будущем обществе социальной справедливости.

«Мы — братья по духу, товарищи по намерениям...» — писал М. Горький в письме к Сунь Ятсену. И китайские добровольцы-интернационалисты, встав с оружием в руках на защиту завоеваний Октября на территории Советской России, не на словах, а на деле доказали свою солидарность с народами нашей страны в тяжелую годину испытаний молодой Советской власти.

К 1917 г. в России находилось более 500 тыс. китайцев. Гонимые нуждой, голодом и безработицей, они покидали родину в поисках счастья. Выходцы из Китая трудились на строительстве Мурманской железной дороги, горных промыслах Урала, шахтах Донбасса, лесоразработках Белоруссии и Карелии, на заводах Петрограда, Екатеринбургa, Одессы, Луганска, Мариуполя и др. Китайские пролетарии работали и в прифронтной полосе в инженерно-строительных дружинах Северного, Западного, Юго-Западного, Румынского и Кавказского фронтов, а также на лесозаготовках, на строительстве дорог и оборонительных сооружений.

Выходцы из Китая в России подвергались особенно жестокой эксплуатации. Они работали по 12 часов в день, без выходных и праздников, жили в землянках и бараках, были лишены элементарной медицинской помощи, получая при этом заработную плату на 20—30 % меньше, чем русские рабочие.

Под влиянием революционной борьбы рабочего класса России пробуждалось и крепло классовое сознание китайских трудящихся. В ноябре 1915 г. произошли волнения среди китайцев на Губаховских каменноугольных копях, в феврале 1916 г. на копиях в районе Миасса, на рудниках общества «Тетюхе» Уссурийского горного округа 780 рабочих-китайцев забастовали вместе с русскими рабочими, в мае 1916 г. 2600 китайцев забастовали на лесоразработках Алапаевских горных заводов¹. Осенью 1916 г. были зафиксированы восстания китайских рабочих в прифронтной полосе в районе Орши, Минска и в Люцинском уезде Витебской губернии. На Юго-Западном фронте произошли волнения китайцев в инженерно-строительных дружинах. Крупные забастовки с участием китайских рабочих неоднократно отмечались на строительстве Мурманской железной дороги².

Когда РКП(б) под руководством В. И. Ленина взяла курс на подготов-

ку вооруженного восстания, выходцы из Китая поддержали лозунги большевиков, встали в один ряд с передовыми рабочими России. Они с энтузиазмом встретили Великую Октябрьскую социалистическую революцию, приняв ее как свою. Стремясь довести до сознания китайских трудящихся смысл революционных преобразований в Советской России, РКП(б) развернула среди них политическо-пропагандистскую работу.

Залогом победы народов Востока, в том числе и Китая, в борьбе за национальное освобождение В. И. Ленин считал их солидарность с трудящимися всего мира. «Только тогда, — говорил он, — когда индийский, китайский, корейский, японский, персидский, турецкий рабочий и крестьянин протянут друг другу руки и пойдут вместе на общее дело освобождения, только тогда обеспечена решительная победа над эксплуататорами»³. Многие из китайцев решили навсегда остаться в Советской России и вместе с русским рабочим классом выступить на защиту завоеваний Октября. Только в октябре 1918 г. исполнительный комитет Петроградского совета удовлетворил 128 ходатайств китайских трудящихся с просьбой принять советское гражданство⁴.

В Москве, Петрограде, Самаре, Екатеринбурге, Верхнеудинске и других крупных городах страны стали возникать организации китайских трудящихся, которые в дальнейшем вошли в Союз китайских рабочих в России, созданный в декабре 1918 г. в Петрограде⁵. Союз, объединив до 60 тыс. человек, стал официально признанной организацией пролетариата, действующей на территории РСФСР. Он имел свой печатный орган «Китайский рабочий». Председателем Союза стал Лау Сиу-джау (он же Лю Цзэжун)⁶.

В. И. Ленин придавал огромное значение участию революционеров-интернационалистов в вооруженной борьбе трудового народа Советской России против белогвардейцев и иноземных захватчиков. Он непосредственно занимался, например, вопросами привлечения китайских трудящихся к делу революции. Известно, что еще в начале 1919 г. он внимательно ознакомился с «присланными ему для осведомления из Восточного отдела Наркоминдела образцами агитационной литературы на китайском и корейском языках для распространения в Сибири и на Дальнем Востоке»⁷.

Своим главным революционным долгом китайские интернационалисты считали оказание помощи молодой республике в борьбе с внутренней и внешней контрреволюцией, в борьбе с интервенцией, в защите завоеваний Октября. Они сами вступали в ряды Красной Армии, в партизанские отряды и увлекали за собой своих соотечественников. Следует подчеркнуть, что формирование китайских, как и всех других, интернациональных отрядов происходило исключительно на добровольной основе. Тем, кто желал покинуть Россию, Советское правительство создавало все условия для свободного выезда. Так, до мая 1918 г. в Китай выехало более 40 тыс. китайских граждан⁸.

Воинские формирования китайских добровольцев начали создаваться уже в 1917 г. Одним из первых был создан китайский батальон по инициативе коммуниста Сан Фуяна. Организация первых китайских отрядов дала ценный опыт для формирования интернациональных частей. Осенью 1918 г. в Москве был создан специальный штаб по формированию китайских отрядов на территории РСФСР, комиссаром которого стал Шэн Чэнхо. Уполномоченные штаба находились во всех городах Советской России, где проживало китайское население. В 1919 г. в рядах Красной Армии, партизанских отрядах и частях ВЧК находилось до 40 тыс. человек китайской национальности.

В 1919—1920 гг. китайские части героически сражались в рядах 3-й, 4-й и 5-й армий Восточного фронта, 10-й и 11-й армий на юге, 7-й и 6-й отдельных армий на северо-западе и севере страны.

Помимо воинских частей, влившихся в регулярные войска Красной Армии, китайские коммунисты организовали многочисленные партизанские отряды, которые сыграли существенную роль в боевых действиях в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Здесь были такие крупные партизанские формирования, насчитывающие в своих рядах сотни бойцов, как отряды, созданные коммунистами Син Динъю⁹ и Суном. Много китайских партизан было в отрядах и соединениях С. Г. Лазо, Ф. Н. Мухина, Д. И. Бойко-Павлова, И. П. Шевчука.

После образования в мае 1920 г. Народно-революционной армии Дальневосточной республики в нее влились и китайские партизанские отряды. Например, в 3-й Сибирской стрелковой дивизии было несколько китайских рот, в состав Корейской бригады входили три полка китайцев и корейцев.

В январе 1920 г. в Иркутске была сформирована 1-я Интернациональная дивизия им. 3-го Интернационала численностью до 2 тыс. воинов, куда вошли и китайские интернационалисты.

Всего же в частях Красной Армии находилось не менее трех китайских полков, пяти батальонов, семи отдельных рот, значительного числа отрядов, находившихся при чрезвычайных комиссиях¹⁰. В 1919—1920 гг. китайские части входили в состав Армии Советской Латвии (1—2 роты) и Латышской стрелковой дивизии¹¹.

Мужество и храбрость китайских борцов высоко оценивали их боевые товарищи. Бывший боец 29-й стрелковой дивизии, маршал Советского Союза Ф. И. Голиков, 17 октября 1918 г. записал в своем фронтовом дневнике: «Среди наших бойцов много разговоров о китайских товарищах. Известно, что они любят оружие и никогда с ним не расстаются. Особенно ценят «машинки». Так они называют пулеметы. Штыков на винтовках у них сохранилось больше, чем у нас. Следят за обмундированием. Ходят с красными бантами. У китайцев, как я успел заметить, дисциплина крепкая. Безоговорочно выполняют любое требование не только батальонного или ротного командира, но и взводного и отделенного. Сами красноармейцы строго следят за порядком. К нам относятся как братья. При встречах смеются, хлопают по плечу, жмут руку»¹².

В газете «Коммунар» за 28 декабря 1918 г. было напечатано следующее сообщение: «В последних боях под Выей погиб командир китайского полка тов. Жэн Фу-чэн. Тов. Жэн Фу-чэн пользовался большим влиянием среди китайцев, и все свое влияние и авторитет среди китайцев он принес на службу Советской России... Как честный солдат мировой революции, он всей жизнью запечатлел свою преданность великому делу...

Часто по вечерам, собирая кругом себя кучку наиболее сознательных китайцев, он по целым часам знакомил их с основами коммунизма. И его работа не пропала даром. Память о сыне китайского народа, о тов. Жэн Фу-чэне, отдавшем свою жизнь за дело угнетенных всего мира, будет свято храниться борцами революции».

Много славных страниц в историю Красной Армии вписали китайские добровольцы, сражавшиеся на полях гражданской войны. С тех пор прошло более шестидесяти лет. В памяти не удержались имена всех китайских добровольцев, забыты отдельные эпизоды их героических дел, но в наших сердцах навсегда осталось глубокое уважение к китайским интернационалистам, мужественно и самоотверженно, не шадя жизни боровшимся вместе с русским рабочим классом и крестьянством за Советскую власть, воплотившим практическое осуществление великого лозунга, выдвинутого К. Марксом и Ф. Энгельсом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

«Наш народ не забудет зарубежных борцов-интернационалистов,— отме-

чалось в Обращении ЦК КПСС к советскому народу,— бросивших клич «Руки прочь от Советской России!», вставших с оружием в руках на защиту завоеваний Октября».

¹ Н. А. Попов. Китайские пролетарии в гражданской войне в России. — В сб. «Китайские добровольцы в боях за Советскую власть (1918—1922 гг.)». М., 1961, с. 8.

² Там же; Центральный государственный военно-исторический архив, ф. 2004, оп. 3, д. 728, л. 78, 85 — 87; Центральный государственный архив Советской Армии, ф. 320, оп. 3, д. 529, л. 37, 154, 170; д. 587, л. 20, 75; д. 813, л. 1, 3, 4, 10, 11, 46, 102, 119, 139.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 122.

⁴ См.: Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области, ф. 52, оп. 2, д. 182, л. 31.

⁵ См.: «Правда», 15.XII.1918.

⁶ Лю Цзэжун родился в 1892 г. в провинции Гуандун. С пятнадцатилетнего возраста жил и учился в России, приехав с отцом-чаеводом в Аджарию. В 1914 г. окончил Петербургский университет. В качестве представителя китайских трудящихся Лю Цзэжун участвовал в заседаниях I и II конгрессов Коминтерна, неоднократно встречался с В. И. Лениным. (Подробнее см.: К. В. Шведлев. Воспоминания Лю Цзэжуна о В. И. Ленине. — «Проблемы Дальнего Востока», 1980, № 2, с. 184—187.)

⁷ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870—1924. Т. 6. М., 1975, с. 476—477.

⁸ См.: В. М. Устинов. Китайские коммунистические организации в Советской России (1918—1920 гг.). — В сб. «Китайские добровольцы в боях за Советскую власть», с. 48.

⁹ Син Динъю родился в 1876 г. в семье бедного крестьянина из провинции Хэйлунцзян. В 1902 г., преследуемый за участие в восстании ихэтуаней, бежал в Россию в приамурскую тайгу. В 1913 г., скрываясь от царских чиновников, он бежал в Хабаровск.

¹⁰ См.: «Вопросы истории», 1958, № 11, с. 118.

¹¹ См.: И. А. Островский. Некоторые данные о китайских частях в Армии Советской Латвии и Латышской стрелковой дивизии (1919—1920 гг.). — «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., 1985, с. 207—209.

¹² Ф. И. Голиков. Красные орлы (Из дневников 1918—1920 гг.). М., 1959, с. 72—73.

А. С. ТИТОВ

Ушла из жизни замечательная китайская писательница, коммунистка Дин Лин. Она принадлежала к славной плеяде китайских литераторов и деятелей культуры, чей творческий путь был неразрывно связан с героической борьбой китайского народа за национальное и социальное освобождение, за построение социалистического Китая.

Дин Лин — это литературный псевдоним, настоящее ее имя Цзян Бинчжи — родилась в 1904 г.¹ в уезде Линьли провинции Хунань. Ей было четыре года, когда умер ее отец, принадлежавший к чиновничье-помещичьему сословию. После этого они вместе с матерью, которая стала жить своим трудом, переехали в город Чандэ той же провинции.

Детские и юношеские годы будущей писательницы проходили в период, когда национально-освободительные и революционные идеи оказывали значительное влияние на умы китайской молодежи. Китайский народ вставал на борьбу против феодализма, который много веков держал его в оковах, а также против империалистической иностранной эксплуатации и засилья.

В 1919 г., когда волна антиимпериалистического и антифеодального «движения 4 мая» докатилась до Чандэ, Дин Лин приняла в нем участие. Она выступала на митингах и собраниях против унизительных решений Версальского мирного договора в отношении Китая, зафиксировавшего передачу китайской провинции Шаньдун Японии, за спасение родины, а также против феодальных порядков и традиций, особенно против рабского положения китайских женщин. Когда прогрессивные студенты открыли в Чандэ вечернюю школу для бедняков, Дин Лин стала в ней учительницей. Но в захолустном небольшом городе ей тесно. Она поступает в Чжоунаньскую женскую среднюю школу в административном центре провинции городе Чанша. В газете «Сянцзян жибао» появляются ее первые литературные работы, она пробует писать стихи, рассказы и повести. В 1921 г. Дин Лин уехала из Чанша в Шанхай, а затем в Пекин, чтобы поступить в университет. Это не удалось, и тогда она решает заниматься самостоятельно и учиться живописи. В то время Дин Лин жила в крайней бедности. В 1924 г. она познакомилась с будущим мужем, начинающим поэтом и писателем Ху Епином, который был тогда учеником в одной пекинской лавке.

Поражение китайской революции 1925—1927 гг. застало Дин Лин в Пекине. Обстановка в стране сложилась настолько сложная, что даже многие представители передовой интеллигенции, включая писателей левого крыла, не могли в ней разобраться. Некоторые, предав интересы революции, стали служить реакции, другие переживали период колебаний и разочарований.

Вспоминая об этом времени, Дин Лин говорила: «Много людей, глубоко почитаемых мною, погибло, у меня были друзья, стойко продолжавшие в тяжелых условиях борьбу, были и друзья, опустившие руки, проявившие коле-

бания в революции. Тогда я жаждала ехать на юг, но было уже поздно, я не могла найти ни одного своего товарища, который бы помог мне в этом. Я сильно переживала и начала писать»².

Первые ее литературные произведения, написанные с позиций критического реализма и опубликованные в 1927—1929 гг.: «Мэн-кэ», «Дневник Софьи», «Домик в Цинюньли» и другие, — сразу же нашли сочувственный отклик читателей, передовых критиков и принесли ей известность. В центре этих произведений стояли занимавшая ее проблема пробуждения и раскрепощения китайской женщины, поиски путей преодоления средневековых феодальных порядков, обычаев, устоев китайского общества и семьи, которые ставили китайскую женщину в унижительное, рабское положение. Но героини ее первых произведений в одиночку борются за свое освобождение и раскрепощение, не осознав, что уничтожение средневековых порядков и обычаев зависит от ликвидации несправедливого строя революционным путем.

В дальнейшем, в частности в романе «Вэй Ху» (1930), Дин Лин уже связывает проблему раскрепощения женщины с революционной борьбой. Видимо, сказался переезд ее вместе с мужем в 1928 г. в Шанхай и общение с прогрессивными писателями, возглавляемыми Лу Синем, а также влияние на нее Ху Епина. В статье «Жизнь настоящего человека» Дин Лин писала о своем муже, о его влиянии на ее политическое развитие, о том, как они вместе познакомились с революционными идеями, изучали марксистскую литературу.

В рассказе «Шанхай весной» (1930) Дин Лин поднимает новые для себя вопросы: она касается забастовок рабочих, деятельности профсоюзов, пишет о растущей организованности рабочих, говорит о гоминьдановском терроре, расстрелах и т. д.

2 марта 1930 г. в Шанхае была создана Лига левых писателей Китая, объединившая силы революционных писателей на марксистско-ленинской основе. Дин Лин вступает в Лигу и редактирует ее орган «Бэйдоу» («Большая медведица»). Ее муж Ху Епин становится членом Исполнительного комитета Лиги, председателем комиссии по рабоче-крестьянско-солдатской литературе, вступает в Коммунистическую партию Китая и избирается делегатом на первый Всекитайский съезд Советов. Дин Лин собиралась ехать вместе с мужем на съезд. Но 17 января 1931 г. гоминьдановская охранка арестовала и заключила в тюрьму Ху Епина и четырех других членов Лиги левых писателей: Жоу Ши, Инь Фу, Фэн Цяня и Ли Вэйсяня. Три недели спустя они были казнены во дворе штаба шанхайского гарнизона. Страшась народного гнева и протеста, гоминьдановские власти хранили в глубокой тайне расстрел писателей. Лишь некоторое время спустя семьи и друзья узнали о расправе, подкупив одного из исполнителей смертного приговора.

Дин Лин тяжело переживала гибель мужа. С трехмесячным ребенком на руках ей пришлось вернуться в Хунань к матери, которая взяла на себя все заботы о внуке.

После возвращения в Шанхай Дин Лин написала повесть «Наводнение». В ней она правдиво рассказала о трагической судьбе и бесчисленных страданиях крестьян от произвола помещиков и гоминьдановских чиновников, об их прозрении и пробуждении классового сознания. Фоном повести служит страшное наводнение, которое охватило 16 провинций страны, в том числе провинцию Хунань и родную деревню Дин Лин. Классовое пробуждение крестьян-бедняков ее деревни в ходе этого наводнения и их подъем на борьбу за право на человеческое существование как бы символизировали грозное половодье революции.

В 1932 г. Дин Лин вступила в ряды Коммунистической партии Китая. Работая в подполье, она продолжала литературную деятельность. В рассказе «Однажды ночью» нарисованы образы китайских коммунистов, которых ведут

на расстрел. В рассказе «Известие» она пишет о том, как старая мать шанхайского рабочего и ее подруги собирают гроши и передают рабочим с любовью сшитое ими красное знамя с наказом поскорее создать рабочую власть в этом городе. В рассказе «Поэт Львов» дается отпор некоторым китайским авторам, старавшимся изобразить «страдания» русских белоэмигрантов в Китае, чтобы вызвать жалость к бежавшим от Октябрьской революции русским помещикам, буржуям и контрреволюционерам и одновременно возбудить ненависть к рабочим и крестьянам, строящим первое в мире социалистическое государство. Дин Лин воспроизвела отвратительные картины жизни такого эмигранта-«поэта», нарисовала всю глубину его нравственного падения. Скотившись на дно общества, он взял на себя отвратительную роль штрейкбрехера. Этот рассказ Дин Лин пронизан идеей единства интересов трудящихся Китая и Советского Союза.

В 1933 г. Дин Лин пишет автобиографическую повесть «Мать». Рассказ «Бегство» посвящен тому, как китайские крестьяне, не выдержав эксплуатации помещиков и деревенских мироедов (тухао), бегут в поисках работы в Шанхай, где тоже не находят работы, но становятся свидетелями борьбы рабочих. Это был последний из рассказов Дин Лин, увидевших свет в 1933 г.

В мае того же года гоминьдановская охранка арестовала Дин Лин. На издание и переиздание всех ее произведений наложили запрет. Три года она находилась в гоминьдановских застенках, но палачам не удалось сломить ее волю. В 1936 г. Дин Лин бежала из тюрьмы на север Китая, где приняла активное участие в подготовке единого национального фронта для борьбы с японской агрессией.

Всю войну против японских захватчиков (1937—1945) она вела культурно-просветительскую работу в 8-й народно-революционной армии и в освобожденных районах Китая, находившихся под контролем китайских коммунистов, руководила созданной ею фронтовой бригадой писателей, продолжала заниматься литературной деятельностью. Был издан ряд сборников очерков и рассказов («Сбереженная пуля», «Когда я была в деревне Сяцунь», «День сбора урожая», «Ночь» и др.). В них показано, что гоминьдановцы и китайские милитаристы были вынуждены в какой-то мере поддержать призыв компартии о создании единого национального фронта для борьбы с японской агрессией, ибо этот призыв поддержал народ. Рассказывается о поддержке и любви китайского народа к своей народно-революционной армии (8-й и Новой 4-й), о единстве интересов этих армий и народа, о строительстве новой жизни в освобожденных районах, находившихся под контролем и руководством компартии, о процессе роста новых людей и новых деятелей Китая и т. д.

Одно время Дин Лин редактировала приложение по литературе и искусству газеты «Цзефан жибао», издававшейся в Яньани с 1941 г. 9 марта 1942 г. в этой газете была опубликована ее статья «Размышления о женском дне 8 Марта». В ней резко критикуется отношение мужчин к «товарищам женщинам» в Яньани. Дин Лин писала, что в Яньани женщины часто становятся предметом разговоров и зубоскальства мужчин. «В случае если они замужем, их высмеивают за то, что они ездят верхом на лошадях или носят соломенные сандалии, являются артистками или служат контролерами. Те, кто не замужем, рассматриваются как наиболее грешные и являются предметом сплетен и клеветы».

Кроме того, она критикует различие в материальном положении замужних женщин и их детей. Некоторые из них, писала она, закутывают своих детей в шерстяные и фланелевые материи, о их детях заботятся няни, в то время как другие дети укутаны в грязное тряпье и без присмотра плачут в своих кроватках. По словам Дин Лин, замужние женщины в Яньани часто рискуют жизнью, идя на аборты или принимая пилюли, чтобы избавиться от ребенка.

Но самое худшее, указывала писательница, что после рождения ребенка их бросают мужа.

Эта статья вызвала резкую критику в адрес Дин Лин. В статье, опубликованной в 1980 г. в журнале «Китай», говорилось, что до сих пор нет единого мнения об этом выступлении Дин Лин, «но, какие бы достоинства и недостатки эта статья ни имела, о чем пусть судит история, необходимо признать ее революционность».

В 1946 г. Дин Лин участвовала в работе по проведению земельной реформы в деревне Вэньцюаньтунь (уезд Чжоули провинции Хэбэй). В сентябре 1947 г. она принимала участие в работе Всекитайской земельной конференции в деревне Сибайпо (провинция Хэбэй). Затем более пяти месяцев занималась работой по проведению земельной реформы в окрестностях города Шицзячжуана (провинция Хэбэй).

Материалы, собранные в деревне Вэньцюаньтунь в 1946 г., легли в основу ее наиболее значительного произведения «Солнце над рекой Сянгань». В нем рассказано, как проходила земельная реформа в этой деревне; правдиво, реалистически она показывает мощное народное движение за осуществление земельной реформы, политический рост крестьянства, участвовавшего в борьбе за установление народной власти. Книга Дин Лин «Солнце над рекой Сянгань» была закончена в апреле 1948 г. и вышла в свет в августе того же года. Она стала одним из самых замечательных произведений тогдашней китайской литературы. В 1949 г. ее книгу издали у нас, а в 1952 г. писательница была удостоена Государственной премии СССР. В том же году вышли на русском языке ее избранные произведения.

В конце 1948 г. Дин Лин участвовала в конгрессе Международной демократической федерации женщин в Праге, а весной следующего года была избрана делегатом на I Всемирный конгресс сторонников мира в Париже.

После победы народной революции в 1949 г. Дин Лин избрали заместителем председателя Союза китайских писателей. Кроме того, она руководила работой Центрального литературного института, занимаясь подготовкой литераторов для нового Китая, была депутатом Всекитайского собрания народных представителей, членом Национального комитета Народного политического консультативного совета и членом правления Национальной федерации женщин КНР.

Являясь членом Центрального правления Общества китайско-советской дружбы, Дин Лин вела активную работу по укреплению дружбы между китайским и советским народами. В конце 1949 г. она посетила Советский Союз.

Имя Дин Лин хорошо известно в нашей стране. Мне посчастливилось лично встречаться с Дин Лин. Это было в Тяньцзине в начале весны 1950 г., после возвращения ее из Советского Союза. В клубе советских граждан наши женщины устроили вечер и пригласили Дин Лин. На этом вечере я и познакомился с ней. Она выглядела молодожавой, была одета по-европейски. Отвечая на мой вопрос, с какими впечатлениями она вернулась из поездки в Советский Союз, Дин Лин сказала: «Я давно мечтала побывать в Советском Союзе. Еще в конце 1920 г. мы собирались с мужем [Ху] Елином посетить первое в мире государство рабочих и крестьян. Наконец моя мечта осуществилась. Поездка в Советский Союз — самое незабываемое событие в моей жизни. На меня огромное впечатление произвела поездка в Ленинград — колыбель Великой Октябрьской социалистической революции. Я как бы сама прикоснулась к той героической борьбе и ко всему тому, что пережили ленинградцы во время 900-дневной блокады и, несмотря на невероятные трудности, голод и холод, выстояли и победили. Это трудно передать словами. Я редко плачу, но, когда мне рассказывали, как жили и боролись ленинградцы во время блокады, я не могла сдерживать слез. Но не только ленинградцы, весь советский народ стоял насмерть в борьбе с гит-

леровской нечистью, неся огромные жертвы. Мне говорили, что в Советском Союзе почти не осталось семьи, которая бы не потеряла своих близких. Я видела разрушенные фашистами города и сожженные деревни. В то же время я видела, с каким энтузиазмом и упорством победивший советский народ трудится в тяжелейших условиях по восстановлению народного хозяйства, разрушенного фашистами. Это настоящие герои, которых никто и ничто не может сломить».

Огромное впечатление на нее, сказала тогда Дин Лин, произвели искренние дружеские чувства советских людей к китайскому народу. «В беседах со мной они говорили, что с неослабевающим вниманием следили за героической борьбой китайского народа за свое национальное и социальное освобождение, радовались его успехам и переживали неудачи, что победа китайской народной революции в 1949 г. под руководством Коммунистической партии Китая еще более сблизила народы наших стран и укрепила их дружбу. Я с огромным удовлетворением встретила весть о заключении в Москве 14 февраля 1950 г. советско-китайского Договора о дружбе, союзе и взаимопомощи», — заявила Дин Лин.

Затем Дин Лин сообщила, что ее книга «Солнце над рекой Сянгань» переведена на русский язык и издана в Москве. «Это для меня, — подчеркнула Дин Лин, — большая честь и радость. Теперь я с нетерпением жду откликов советских читателей, а также дружескую критику со стороны моих советских коллег, которая будет полезна и окажет мне помощь в дальнейшей работе».

На мой вопрос, какое влияние оказала советская литература на ее творчество, Дин Лин ответила, что великий китайский писатель Лу Синь постоянно призывал революционных писателей Китая учиться у русских и советских писателей. «Следуя этому призыву, я начала изучать русскую и советскую литературу еще в 20-е гг. вместе с мужем [Ху] Епином и продолжала изучать в дальнейшем, и это, безусловно, не только сказалось на моем творчестве, но и помогло мне постепенно перейти от критического реализма к социалистическому, подняться до правдивого изображения жизни».

Отвечая на мой вопрос, кому из нынешних советских писателей она отдает предпочтение, Дин Лин сказала: «Мне нравятся Михаил Шолохов, Александр Фадеев и Константин Симонов. Поэзия Симонова, его отношение к женщине близки мне по духу. Стихотворение Симонова «Жди меня» — прекрасный гимн женщине. Мне очень хочется встретиться с ним. Я восхищена решением Константина Симонова после участия в праздновании провозглашения Китайской Народной Республики 1 октября 1949 г. в составе советской делегации деятелей культуры отправиться в качестве военного журналиста газеты «Правда» на южный фронт, где Народно-освободительная армия Китая громит остатки гоминьдановских войск, и информировать об этом советский народ с поля боя. Он очень мужественный и смелый человек, испытывающий дружеские чувства к китайскому народу».

Вернувшись к поездке Дин Лин в Советский Союз, я спросил ее: а может быть, ей что-то не понравилось во время пребывания в Советском Союзе? Она ответила, что ей не понравилось, как советские студенты изучают китайский язык; они очень много уделяют внимания изучению древнекитайского письменного языка вэньянь и слабо знают современный разговорный китайский язык (байхуа). Во время встречи со студентами в Ленинграде, продолжала она, они довольно свободно цитировали на вэньяне изречения Конфуция, но не знали, как называются освобожденные районы в Китае (цзефан цюй). Я, заявила Дин Лин, обратила на это внимание как преподавателей, так и студентов, изучающих китайский язык.

В завершение беседы я спросил Дин Лин о ее дальнейших творческих планах. Она ответила, что главное — правдиво отразить в своих произведениях

с позиций социалистического реализма масштабность и многообразие строительства новой жизни. У нее много планов и замыслов, думает продолжить работу над второй частью книги «Солнце над рекой Сянгань». В опубликованной книге, продолжала она, показано, как проводилась земельная реформа в деревне Вэньцюаньтунь в 1946 г., но эту деревню вскоре заняли гоминьдановцы, и она была освобождена лишь в 1948 г. «Многие товарищи, которых я знала, погибли, но некоторые герои моей книги остались в живых. Я собираюсь вновь посетить эту деревню, собрать материал и продолжить книгу «Солнце над рекой Сянгань», показать жизнь и борьбу тех, кто уцелел, полнее и глубже, как они выросли в политическом отношении и превратились в революционных борцов за новую жизнь».

Однако Дин Лин не удалось осуществить свои замыслы. Начиная с 1955 г. на замечательную писательницу-коммунистку сваливаются одна беда за другой. Сначала ее обвиняют в антипартийной деятельности, вслед за этим ей приклеивают ярлык «правого элемента» и «предателя», а в 1958 г. ссылают на «перевоспитание» в глухие районы провинции Хэйлунцзян. На все ее произведения накладывается запрет.

Находясь в ссылке, Дин Лин не пала духом; она занималась посильным трудом — кормила свиней и кур, работала учительницей в крестьянской вечерней школе, выпускала стенгазету, вела работу среди крестьянок. Прекрасно понимая, что ее произведения не будут в то время печататься, она упорно продолжала писать. Во время «культурной революции» рукопись одного ее романа и личные записки, которые она вела, были полностью уничтожены. В 1970 г. Дин Лин и ее муж Чэнь Минь (коммунист, сценарист) были заключены в тюрьму. Пять лет она провела в одиночной камере. В 1975 г. Дин Лин и ее муж за отсутствием доказательств их преступлений были освобождены. Они поселились в одной из деревень провинции Шаньси.

В 1979 г. Дин Лин полностью реабилитировали, и она возвратилась в Пекин. Горькие испытания, выпавшие на ее долю, не сломили дух и волю этой замечательной писательницы, верной дочери своего народа. Будучи тяжело больной, она продолжала писать роман «В холодные дни» — о простых людях, которых так хорошо знала и понимала.

¹ В Большой Советской Энциклопедии (М., 1952, т. 14, с. 390—391) и в ее последнем издании 1907 г. ошибочно указан как год рождения Дин Лин.

² См.: Ян Гуэйси и др. Старая писательница Дин Лин. — «Китай», 1980, № 10, с. 18.

Дни культуры СССР в МНР

В. Н. РЕВИН

Великий Октябрь закономерно рассматривается трудящимися планеты, всем прогрессивным человечеством как поворотный этап в развитии современного мира. В Обращении Центрального Комитета КПСС к советскому народу подчеркивается: «Победа Октября утвердила исторически беспрецедентные основы социального бытия людей: власть трудящихся — в политике, общественную собственность на средства производства — в экономике, коллективизм и товарищескую взаимопомощь — в человеческих отношениях. В этих революционных преобразованиях — начало начал, неисчерпаемый источник жизненных сил социалистического строя»¹.

Монгольский народ отметил годовщину Октября как свой национальный праздник. Свершившаяся под непосредственным влиянием Октября народная революция в Монголии позволила трудящимся страны преодолеть вековую отсталость, первыми в полной мере реализовать на практике гениальный ленинский вывод о возможности некапиталистического развития народов ранее отсталых стран и, перешагнув целую историческую эпоху, превратить свою страну в развитое социалистическое аграрно-промышленное государство. «Рожденная Октябрем монголо-советская дружба, — отмечается в Постановлении ЦК МНРП «О подготовке и проведении 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции», — тесное и всестороннее сотрудничество между двумя братскими странами являются величайшим революционным завоеванием монгольского народа и мощным источником развития и процветания Монгольской Народной Республики»². Вот как написал об этом известный монгольский прозаик Д. Гарма: «Птицей счастья взмыл над планетой Великий Октябрь, и сбылись надежды и чаяния аратов, воплощенные в сказаниях. Мой народ пошел путем побед и испытаний, рука об руку со старшим братом, на помощь и поддержку которого он давно рассчитывал. Характерно, что об этом тоже слагались легенды. Реальность же заключается в том, что революция для нас, монголов, не была каким-то даром богов. Времена идолопоклонства, феодальной отсталости и поголовной безграмотности канули в Лету. Араты, познав счастье неподневольного труда, земные человеческие радости, идут ныне по жизни с высоко поднятой головой»³.

Оценивая роль и значение Октября, открывшего новую страницу всемирной истории, Центральный Комитет МНРП постановил «широко отметить 70-летие Великой Октябрьской социалистической революции как торжество учения марксизма-ленинизма, принципов пролетарского, социалистического интернационализма, как праздник братской ленинской дружбы и тесного сотрудничества монгольского и советского народов, дальнейшего развития и укрепления интернационального союза и единства МНРП и КПСС, МНР и СССР», наметил программу мероприятий, направленных на достойную встречу этой исторической даты.

Одно из главных мест в многочисленном ряду мероприятий, которые запланировано провести в МНР к 70-летию Октября, по праву принадлежит

Дням культуры СССР, с успехом прошедшим в братской Монголии с 8 по 16 июня с. г.

Проведение праздника советского многонационального искусства в соответствии с Планом культурного и научного сотрудничества между СССР и МНР на 1986—1990 гг. вылилось в крупное событие общественно-политического звучания в жизни братского монгольского народа. Со всей очевидностью была подтверждена глубокая заинтересованность советского и монгольского народов в более глубоком и масштабном познании достижений друг друга во всех областях коммунистического и социалистического созидания, в том числе и в области культурного строительства.

Повышенный интерес к нынешним Дням советской культуры со стороны работников культуры и искусства Монголии в значительной мере обуславливается теми переменами в жизни советской творческой интеллигенции, в работе учреждений культуры и искусства, творческих союзов, которые происходят в Советском Союзе после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС и XXVII съезда партии. Внимательно наблюдая за изменениями революционного характера, происходящими в жизни советского общества, монгольские деятели культуры с нетерпением ожидали встречи с большим отрядом представителей советского искусства. Ведь именно культура, как отметил в своей статье, приуроченной к открытию Дней в МНР, министр культуры СССР В. Г. Захаров, «в силу своего большого и непосредственного влияния на человека... становится сегодня одним из важных рычагов происходящих в СССР революционных перемен, намеченных XXVII съездом КПСС»⁴.

И как нам кажется, монгольские друзья не обманулись в своих ожиданиях.

В условиях набирающего темпы процесса перестройки всей жизни советского общества новые веяния, которые все ошутимее проявляют себя в Советском Союзе, начинают с возрастающей силой оказывать положительное влияние и на отношения СССР с другими странами. Все явственней ощущаются они и в советско-монгольском культурном сотрудничестве, характер которого определяет сегодня поиск новых, более эффективных форм, дающих возможность шире знакомить народы наших стран с лучшими исполнителями и коллективами, произведениями кинематографии и художественной литературы, работами художников и скульпторов. Естественно, этот процесс предполагает не только поиск новых форм. Он предусматривает применение и проводимых ранее, хорошо зарекомендовавших себя мероприятий, наполняя их новым содержанием, делая акцент на более регулярные и взаимно полезные контакты работников культуры и искусства двух стран.

Именно в этом ключе стороны подходили к формированию программы Дней советской культуры в МНР. «К нынешнему нашему приезду, — отмечал В. Г. Захаров, возглавлявший официальную советскую делегацию на Днях советской культуры, — мы готовились особенно тщательно, пытаясь представить на суд монгольских зрителей широкую палитру произведений различных жанров, а также ряд выставок, специально приуроченных к 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции». Особую ответственность на участников Дней советской культуры налагало то обстоятельство, что они проводились в год 70-летия Великого Октября, а также и то, что они явились первыми юбилейными мероприятиями подобного рода, запланированными в текущем году в братских социалистических странах, некоторых капиталистических и развивающихся государствах. В этом нашел свое выражение принцип исторической справедливости — первые Дни советской культуры состоялись в стране, народ которой в 1921 г. вслед за трудящимися России стал на путь социалистического развития.

Впервые в практике двусторонних советско-монгольских связей Дни культу-

ры появились в 1971 г. Тогда в Москве были проведены Дни культуры МНР, посвященные 50-летию победы Народной революции в Монголии. А осенью того же года, когда народы СССР и МНР торжественно отмечали полувековой юбилей подписания первого равноправного соглашения между нашими странами, Дни культуры СССР с успехом были проведены в МНР. Орган ЦК МНРП газета «Унэн», отмечая важное значение таких комплексных мероприятий в области культурного сотрудничества между нашими странами, подчеркивала: «Нет сомнения в том, что выступления представителей многонационального искусства Страны Советов — нашего великого друга — явятся хорошей школой для деятелей культуры и искусства Монголии, внесут весомый вклад в укрепление братской нерушимой дружбы народов наших двух стран, дальнейшее укрепление уз братства, связывающих их сердца»⁵. В соответствии с Соглашением о культурном и научном сотрудничестве между СССР и МНР от 20 июля 1971 г. такие масштабные мероприятия стали проводиться регулярно раз в 5 лет и ныне прочно вошли в практику двустороннего культурного сотрудничества. Летом 1986 г. в Советском Союзе с успехом прошли Дни культуры МНР, приуроченные к празднованию 65-й годовщины победы Народной революции в Монголии.

Сохранив все то лучшее, что было достигнуто опытом проведения в МНР подобных мероприятий в 1971, 1977 и 1982 гг., Дни культуры СССР 1987 г. вместе с тем были наполнены целым рядом новых элементов, которые выгодно отличали их от предшествующих, свидетельствовали о новых подходах с советской стороны к осуществлению культурных контактов с МНР.

Главное, пожалуй, это высокий уровень профессионального мастерства советских коллективов и исполнителей. Впервые монгольские зрители имели возможность познакомиться с искусством одного из ведущих театральных коллективов Советского Союза — Московского Художественного академического театра им. М. Горького. Артисты МХАТ представили на суд монгольских любителей театра спектакли «Так победим!» М. Шатрова и «Серебряная свадьба» А. Мишарина в постановке художественного руководителя, народного артиста СССР О. Ефремова. Естественно, выбор этих пьес был не случаен. Если публицистическая драма М. Шатрова — это ленинская тема, повествующая о преемственности ленинских идей, о глубине предвидений, о грандиозности ленинских замыслов, об их теснейших связях с современностью, то пьеса А. Мишарина — серьезный разговор о перестройке, необходимости навсегда покончить с тем отрицательным, что мешало нам идти вперед. Здесь ясно прослеживается связь этих двух произведений — от В. И. Ленина к XXVII съезду КПСС, наметившему революционный перелом в жизни советского общества.

Жители монгольской столицы, пожалуй, впервые увидели на своей сцене столь великолепную плеяду известных советских актеров: народных артистов СССР А. И. Степанову, О. И. Борисова, В. М. Невинного, народных артистов РСФСР И. С. Саввину, А. А. Калягина, О. П. Табакова, П. И. Щербакова и многих других.

Монгольские средства массовой информации единодушно подчеркивали высокое исполнительское мастерство артистов театра, их профессиональное умение найти контакт с залом, донести до зрителей заряд тех идей, которые заложены в драматургии спектаклей. Вот что писала газета «Унэн» на следующий день после премьеры на монгольской сцене драмы М. Шатрова «Так победим!»: «Этот спектакль, который художественными средствами многосторонне раскрывает короткий период жизни и деятельности гениального В. И. Ленина, зрители нашей страны восприняли с огромным волнением и интересом... Игра А. Калягина, создавшего яркий образ беззаветного борца за коммунизм,

великого В. И. Ленина, глубоко тронула сердца зрителей, продемонстрировала чудодейственную силу художественного образа»⁶. Искусствовед С. Дашдондог, анализируя эту работу мхатовцев, отметил, что коллектив театра последовательно разрабатывает ленинскую тематику, однако среди других известных работ МХАТ спектакль «Так победим!» занимает особое место потому, что эта пьеса построена на документальном материале и отмечена стремлением автора донести до зрителя историческую правду во всей ее сложности, во всем объеме.

Выступления одного из ведущих театров нашей страны в МНР подарили радость многим монгольским зрителям. Не менее важно, что наши друзья увидели в этом еще одну возможность глубже познакомиться с творчеством этого коллектива, приезд и выступления которого, как писала «Унэн», «являются прекрасной школой для учебы на опыте художественного мастерства, ставшего вершиной мирового искусства»⁷. Искусствовед Д. Мягмарсурэн в статье «На пути перестройки» резюмировал: «Гастроли прославленного на весь мир МХАТ стали незабываемым явлением, крупным событием в культурной жизни нашей страны»⁸.

В Государственном академическом театре оперы и балета МНР в рамках Дней культуры выступали известные исполнители из разных городов Советского Союза. В опере П. И. Чайковского «Евгений Онегин», много лет идущей в театре на русском языке, с успехом выступили народный артист Советского Союза Б. Менжилкиев и солист Государственного академического Большого театра Союза ССР А. Федин, а партию Татьяны исполнила солистка Ленинградского государственного академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова, лауреат международных конкурсов Л. Казарновская. Солисты балета Большого театра А. Михальченко и А. Фадеечев, выступившие в балете А. Адана «Жизель», достойно представили советскую балетную школу. Все они выступали вместе с монгольскими партнерами. А. Михальченко и А. Фадеечев единодушно отметили высокий профессиональный уровень и хорошую технику балетной труппы театра. «Мы постоянно чувствовали доброжелательность и понимание со стороны монгольских коллег». — подчеркнул А. Фадеечев. А Л. Казарновская, отвечая на вопросы корреспондента газеты «Новости Монголии», отметила, что монгольские солисты провели спектакль на высоком уровне. «У вашего театра большое будущее. — подчеркнула она. — Я буду рада новой встрече с вашей страной, театром, артистами и зрителями»⁹.

Любители эстрады городов Улан-Батора и Эрдэнэта, подавляющее большинство которых составляет молодежь, тепло приветствовали популярный советский вокально-эстрадный коллектив «Немо» с солистами народной артисткой Эстонской ССР А. Вески и И. Линна.

Жители Хубсугульского, Завханского, Кобдоского и Баян-Ульгийского аймаков принимали у себя артистов Ансамбля песни и пляски внутренних войск МВД СССР. Этот коллектив, завоевавший широкое признание не только в Советском Союзе, но и в Болгарии, Венгрии, Чехословакии, КНДР и Италии, впервые приехал в Монголию. Артисты ансамбля сумели сразу же завоевать симпатии монгольских зрителей: специально для выступлений в МНР они подготовили несколько популярных монгольских песен и вели свои концерты, нередко проходившие на открытых площадках, на монгольском языке. Очень хорошо принимали жители самого южного аймака страны — Южно-Гобийского — группу солистов в составе заслуженной артистки РСФСР Ж. Бичевской, исполнительницы цыганских песен и романсов Т. Филимоновой, баяниста А. Катенина.

В рамках Дней культуры по всей стране прошел фестиваль советских

фильмов, где наряду с работами последнего времени монгольские зрители вновь могли посмотреть ленты, составляющие золотой фонд советского кинематографа («Броненосец „Потемкин“», «Чапаев», «Залп „Авроры“»), и новые работы советских кинематографистов («Кин-дза-дза», «Курьер», «Письма мертвого человека», «Плюмбум, или Опасная игра» и др.). Полезную работу проделали делегации Госкино СССР и Союза кинематографистов СССР, в состав которых входили народный артист СССР Т. Океев, киноактеры З. Кириенко и А. Кайдановский. Кроме встреч со зрителями в столичных кинотеатрах, они побывали в Хэнтэйском, Средне-Гобийском и Центральном аймаках, встречались со своими монгольскими коллегами, а Т. Океев провел переговоры об участии монгольской стороны в создании фильма о Чингис-хане.

В выставочных залах Улан-Батора экспонировались выставки голограмм «Реликвии Октября», «Современная архитектура в СССР», плакатов из собраний Центрального музея Революции СССР, выставки советской книги и грампластинки, произведений советских художников. О последней экспозиции хотелось бы сказать особо. На ней были широко представлены произведения советских художников разных поколений: Д. Налбандяна, И. Глазунова, Т. Салахова, В. Шербакова и др. Выставка охватывала широкий диапазон жизни советского общества, демонстрировала многообразие художественных направлений и жанров, традиционных и новаторских приемов на современном этапе развития советского изобразительного искусства. Ее главной отличительной чертой стало разнообразие тематики произведений. Это — мирная жизнь и труд советских людей, воспоминания о войне, историческое прошлое нашего народа, портреты современников. Народный художник МНР Б. Гомбосурэн так отозвался о выставке: «Выражаю признательность нашим советским друзьям, приславшим такую разноплановую и богатую выставку. Верю в то, что творческие связи между живописцами наших стран, которые с каждым годом расширяются и обогащаются новыми формами, будут развиваться еще более плодотворно»¹⁰.

Кульминацией Дней советской культуры в МНР стал митинг дружбы «За безъядерный мир и разоружение» и большой совместный концерт мастеров искусств двух стран, проведенный 13 июня на Центральном стадионе Улан-Батора. Около 15 тыс. зрителей тепло приветствовали выступления народного артиста СССР, Героя Социалистического Труда Д. М. Гнатыюка, секретаря Правления Союза писателей СССР поэтессы Ю. В. Друниной, ансамбля «Немо», солистки Москонцерта Т. Филимоновой, народной артистки МНР Н. Норовбанзад, поэтов лауреата премии имени Д. Нацагдоржа Д. Тарвы и Ш. Сурэнжава, аплодировали мастерству артистов Государственного ансамбля песни и танца МНР, Ансамбля Монгольской народной армии, эстрадного коллектива «Баян Монгол».

Митинг ярко подтвердил приверженность наших народов к миру, их решимость сделать все возможное, чтобы не допустить ядерной катастрофы. Лейтмотивом этого праздника мира и дружбы стали слова народной артистки МНР Э. Оюун, прозвучавшие на Московском международном форуме «За безъядерный мир, за выживание человечества», участницей которого она была: «Подобно тому как под лучами солнца тает снег, единение людей растопит лед недоверия».

Выступления советских мастеров искусства повсеместно превращались в яркие политические манифестации дружбы советского и монгольского народов, несли радость приобщения к лучшим образцам советской культуры. Всего на 55 концертах и спектаклях советских артистов, проведенных за 8 быстро промелькнувших дней, побывали около 70 тыс. зрителей. Еще почти 25 тыс. жи-

телей страны посетили советские выставки.

Следует отметить, что Дни советской культуры в МНР не ограничивались лишь гастролями советских художественных коллективов и групп солистов. Они были наполнены и целым рядом премьер спектаклей, созданных советскими авторами, в центральных и местных театрах МНР, произведений советских композиторов. Симфонический оркестр Государственной филармонии подготовил «Патетическую ораторию» Г. Свиридова, оркестр Государственного академического театра оперы и балета — концерт симфонической музыки, в котором прозвучали произведения Д. Шостаковича, Р. Шедрина и других советских композиторов.

В канун открытия Дней культуры в Государственном театре оперы и балета МНР состоялась премьера оперы Т. Н. Хренникова «В бурю». Эту работу коллектив театра посвятил 70-летию Великого Октября. Монгольские зрители вновь увидели на сцене образ В. И. Ленина. Постановку этого сложного произведения начал главный режиссер ГАТОБ Л. Эрдэнэбулган, к которому затем присоединился главный режиссер Новосибирского государственного академического театра оперы и балета, народный артист РСФСР В. В. Багратуни. О том, как проходила эта работа, сказал Л. Эрдэнэбулган: «Первые же репетиции... с советским режиссером подтвердили правильность выбора. Трудно передать словами то воодушевление, с которым наши артисты начали работу с мастером. Говоря откровенно, такого праздника творчества наш коллектив давно не испытывал. У В. Багратуни есть чему поучиться. Он — режиссер с большой буквы, прекрасный знаток театра»¹¹.

И еще один не менее важный итог совместной работы. Между коллективами этих театров уже давно установлены непосредственные связи, которые до последнего времени, нужно признать откровенно, развивались вяло. Теперь же, когда состоялось очное знакомство В. В. Багратуни с оперной труппой театра, можно с уверенностью сказать, что эти связи уже получают активное развитие. Стороны договорились разработать и подписать специальный план сотрудничества до конца текущей пятилетки, в котором найдут свое отражение и взаимные гастроли солистов, и стажировка молодых актеров, и новые совместные постановки.

Праздник советского искусства на монгольской земле был характерен большим количеством творческих встреч. Проблемы развития современного театрального искусства обсуждались на встрече артистов МХАТ с коллективом Государственного академического драматического театра имени Д. Нацагдоржа, на которой О. Ефремов в качестве одного из руководителей Союза театральных деятелей СССР подробно рассказал монгольским коллегам о проходящем в Советском Союзе театральном эксперименте. Вопросы развития народного творчества были в центре внимания на встрече артистов Ансамбля песни и пляски внутренних войск МВД СССР с их друзьями из Государственного ансамбля песни и танца МНР. А. Вески и И. Линна говорили с солистами вокально-инструментального ансамбля «Баян Монгол» о путях развития эстрадного жанра.

Советские артисты были желанными гостями на промышленных предприятиях Улан-Батора и Эрдэнэта, в юрте скотовода и отдаленном сельском клубе, где их радушно встречали по монгольскому обычаю как самых дорогих гостей пиналой кумыса на голубом хадаке.

Не менее напряженной была и деловая программа Дней культуры.

Впервые с момента создания Межправительственной советско-монгольской комиссии по культурному сотрудничеству состоялось ее рабочее заседание, в котором участвовали сопредседатели комиссии — член ЦК КПСС, министр

культуры СССР В. Г. Захаров и член ЦК МНРП, министр культуры МНР Б. Сумья. На нем был проанализирован ход осуществления рекомендаций, выработанных сторонами на третьей сессии Межправительственной комиссии, состоявшейся в июле 1986 г. в Москве, намечены конкретные пути претворения их в жизнь. В принятом по результатам рабочего заседания итоговом документе стороны с удовлетворением констатировали, что в советско-монгольском культурном сотрудничестве происходят положительные изменения, направленные на повышение его эффективности, идет поиск новых, прогрессивных форм. Повысился качественный уровень обменов, увеличились количественные показатели.

Советская сторона прилагала все усилия к тому, чтобы совместно с министерством культуры МНР найти наиболее приемлемые для условий Монголии формы культурных контактов, и в этих целях стремилась направлять в МНР разножанровые, небольшие по составу коллективы, способные выступать практически на любых площадках. Это привело к тому, что в 1986 г. почти в три раза увеличилась география гастролей советских музыкальных коллективов и групп, выросло количество зрителей, побывавших на концертах.

Большое внимание было уделено вопросам усиления роли межправительственной комиссии в формировании основных направлений двустороннего сотрудничества в области культуры, поиска новых форм ее работы. В этих целях достигнута договоренность посвятить V заседание комиссии, намеченное на 1990 г., разработке проекта плана культурного и научного сотрудничества между СССР и МНР на 1991—1995 гг. и на перспективу.

Несколько активизировались непосредственные контакты между театрами, имеющими прямые связи. Однако этот процесс носит пока что односторонний характер. Для дальнейшего развития этой формы сотрудничества признано целесообразным предпринять шаги по активизации контактов непосредственно сотрудничающих театров и учреждений культуры и в этих целях рекомендовать им разработать и подписать планы сотрудничества на 1988—1990 гг., включающие творческие обмены режиссерами-постановщиками, дирижерами, художниками, солистами и исполнителями.

Были обсуждены проблемы дальнейшего углубления сотрудничества в области кинематографии, расширения практики совместного производства фильмов, создания условий для более активных и широких контактов молодых кинематографистов СССР и МНР, оказания монгольской стороне содействия в подготовке и переподготовке кадров. Встреча носила деловой характер, продемонстрировала неформальный подход обеих сторон к обсуждавшимся вопросам, стремление найти наиболее оптимальные пути к их решению.

Еще одним новым моментом в практике Дней советской культуры в социалистических странах стала встреча В. Г. Захарова с представителями творческой интеллигенции МНР, выпускниками советских высших учебных заведений культуры и искусства. Она проводилась в связи с 65-й годовщиной начала подготовки кадров для МНР советскими вузами. В своем выступлении В. Г. Захаров отметил, что «сегодня, в период расцвета наших всесторонних связей, приятно сознавать, что культурное сотрудничество СССР и Монголии является, по сути, ровесником Монгольской Народной Республики. Это значит, что и в трудные, и в победные годы, в период совместной борьбы с империализмом и при строительстве социалистического общества наши культуры шли рука об руку, вместе выполняли ответственную роль по воспитанию нового человека, возложенную на них нашими марксистско-ленинскими партиями»¹². Глава советской делегации подробно проинформировал представителей монгольской творческой интеллигенции о тех процессах перестройки, широкой демокра-

тизации, ускорения, которые набирают силу в сфере советской культуры. Это был откровенный разговор и о тех больших переменах, которые уже осуществлены, и о тех трудностях, с которыми еще приходится сталкиваться в ходе перестройки, и, наконец, о тех ошибках, которые необходимо исправлять по ходу поступательного развития советской культуры. По существу, встреча вылилась в заинтересованный диалог советского министра с деятелями культуры и искусства братской Монголии. Она показала, что монгольские друзья проявляют большой интерес и товарищескую поддержку в отношении происходящих в СССР процессов, а отдельные нюансы этой масштабной и нелегкой работы знают до тонкостей. Об этом достаточно красноречиво свидетельствовали и характер вопросов, и реакция зала на ответы В. Г. Захарова.

Большая и полезная работа была проведена делегациями творческих союзов СССР. Состоялись совместные секретариаты союзов художников, композиторов и архитекторов двух стран. Интересно прошла встреча представителей партийных организаций Союза художников СССР и Союза монгольских художников, обсудившая проблемы идеологического воспитания молодого поколения в свете решений XXVII съезда КПСС и XIX съезда МНРП. Художники посвятили совместное заседание секретариатов проблемам воздействия окружающей среды городов на формирование мировоззрения его жителей. «Уметь образно озвучить пространство улиц и площадей, заставить их работать в прямом смысле этого слова на воспитание подрастающего поколения и всех трудящихся в духе патриотизма и интернационализма — одна из сложных и ответственных задач, поставленных перед художниками XIX съездом МНРП, — сказал секретарь правления Союза художников МНР Д. Сандагдорж. — Мы пытаемся решать ее путем синтеза архитектуры, монументального искусства и наглядной агитации. Путь верный, однако мы далеки от мысли, что добились желаемого». Монгольские мастера с большим интересом прослушали выступление известного советского художника-дизайнера В. Шпака об опыте работы над оформлением Москвы в дни Всемирного фестиваля молодежи и студентов, проведения XXVII съезда КПСС, праздничных демонстраций.

В Улан-Баторе, Средне-Гобийском аймаке и городе Дархане по инициативе писательских организаций СССР и МНР прошли Дни советской литературы, встречи советских и монгольских писателей с монгольскими читателями, а также творческая встреча советских и монгольских писателей. Выступая на открытии Дней советской литературы, известная монгольская писательница, лауреат Государственной премии МНР С. Удвал заявила, что монгольские писатели рассматривают свои творческие успехи как результат тесного содружества с выдающимися советскими художниками слова. Обращаясь к главе делегации Союза писателей СССР, С. Удвал сказала: «Я очень рада, что в Монголию на праздник советской культуры приехали видные мастера советского искусства и литературы. Я училась в СССР в военные годы и знаю, какие тяготы выпали на долю советских людей. Они защитили в то грозное время от фашистских захватчиков и нас, далеких и в то же время близких монгольских братьев и сестер. От их имени, как мать и бабушка, я сердечно приветствую и благодарю полпреда фронтового поколения, замечательную советскую поэтессу Юлию Владимировну Друнину»¹³.

На совместном заседании секретариатов союзов композиторов СССР и МНР были обсуждены вопросы состояния и перспектив двустороннего сотрудничества в области музыкальной культуры, о влиянии Октября на развитие музыкального творчества в МНР, о критериях оценки художественного уров-

ня произведений современного музыкального искусства, об изучении монгольского музыкального фольклора. Стороны рассмотрели также перспективы организации совместной экспедиции по сбору и записи уникальных произведений монгольской народной музыки.

Монгольская сторона уделила большое внимание проведению мероприятий в рамках Дней советской культуры. На торжественном открытии праздника советского искусства присутствовали руководители МНРП и правительства республики. Официальная советская делегация, принимавшая участие в Днях культуры, была принята Генеральным секретарем ЦК МНРП, Председателем Президиума Великого народного хурала МНР Ж. Батмунхом, который дал высокую оценку результатам проведения в МНР этого значительного комплексного мероприятия. Состоялись также встречи членов делегации с Председателем Совета Министров МНР Д. Содномом, членом Политбюро ЦК МНРП, заместителем Председателя Совета Министров МНР Б. Алтангэрэлом, другими монгольскими руководителями. Делегации творческих союзов были приняты секретарем ЦК МНРП Ц. Балхажавом.

Выступая на церемонии закрытия Дней советской культуры, член Политбюро ЦК МНРП, заместитель Председателя Совета Министров МНР Б. Алтангэрэл отметил: «Можно с полным правом сказать, что Дни советской культуры придали новый импульс созидательному труду монгольского народа, их участниками стали все жители нашей страны. Советское искусство повсюду — и в юртах скотоводов, и в цехах предприятий, и на сценах театров и домов культуры — вдохновляло монгольских трудящихся на новые успехи, способствуя делу сближения и взаимообогащения наших народов». Такая высокая оценка свидетельствует, что основная цель этого крупного мероприятия — еще более укрепить дружбу двух братских народов — достигнута. Деятели культуры и искусства СССР и МНР лучше узнали друг друга, поделились своими успехами и достижениями, обсудили имеющиеся недостатки, наметили пути их устранения. Советские мастера искусств представили монгольским друзьям картину сегодняшнего дня советской культуры, которая, как сказал, выступая на закрытии Дней культуры, В. Г. Захаров, «честно и открыто повернута лицом к монгольскому народу, она не скрывает ни светлых, ни темных сторон нашей действительности. Ответственное время перестройки требует от мастеров искусства художественной правды как главного критерия творчества, поднимает на новый уровень доверия наши международные культурные связи»¹⁴.

Праздник советской культуры в МНР, посвященный 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, успешно завершён. Результаты Дней советской культуры в МНР свидетельствуют, что трудящиеся Монголии с растущим интересом следят за происходящими в культурной жизни советского общества процессами перестройки, хорошо знают и высоко ценят искусство Страны Советов, хотят иметь больше возможностей встречаться с ведущими коллективами и исполнителями из СССР.

В этой связи итоги проведенных мероприятий заставляют задуматься над тем, как сделать так, чтобы возможность стать участниками такого замечательного праздника получило как можно большее число трудящихся Монголии. Ведь если говорить откровенно, то 70 тыс. зрителей, которые сумели попасть на концерты и спектакли во время Дней культуры, — это не так уж и много, особенно если учесть, что основная масса выступлений проходила в Улан-Баторе, а желающих попасть на них было гораздо больше, чем могли вместить все концертные залы республики.

Естественным выходом из создавшегося положения для жителей столи-

цы уже в ближайшем будущем станет использование новых, более вместительных концертных залов, таких, например, как в сооружаемом Дворце культуры, науки и техники, первую очередь которого с залами на 1500 и 400 мест советские строители намерены сдать в эксплуатацию в канун юбилея Октября. Запланирован к строительству и крупный спортивно-концертный зал в составе комплекса Дворца спорта, завершение строительства которого намечено на начало следующей пятилетки, то есть к очередному празднику советской культуры в МНР. По предварительным данным, этот универсальный зал будет вмещать до 3,5 тыс. зрителей.

Но по-видимому, этот путь не главный, так как он позволит решить проблему лишь в Улан-Баторе. Более перспективным представляется другое направление, диктуемое современным уровнем развития советско-монгольского культурного сотрудничества, который выдвигает на повестку дня вопрос трансформации в дальнейшем Дней культуры в Месячники культуры. Такая более продолжительная по времени форма проведения традиционных праздников культуры и искусства откроет перед соответствующими министерствами и ведомствами, творческими союзами и учреждениями культуры более широкие перспективы в плане взаимного знакомства народов наших братских стран с успехами и достижениями друг друга в области культуры и искусства, предоставит творческим работникам возможность глубже и объемнее понять процессы, происходящие в культурной и общественной жизни СССР и МНР, обменяться опытом решения тех вопросов, которые выдвигаются перед ними ускоряющимися темпами общественно-политического развития.

Этот путь будет иметь и еще одно неоспоримое для условий Монголии преимущество — советские артисты смогут значительно расширить географию своих выступлений на периферии. Ведь даже в рамках только что завершившихся Дней культуры, которые, как уже отмечалось, и по уровню, и по составу творческой делегации выгодно отличались от предыдущих, советские мастера искусств из-за недостатка времени выступили с концертами лишь в 5 из 18 аймаков МНР.

Что же касается опыта проведения таких продолжительных по времени крупных общественно-политических мероприятий, то он в Монголии накоплен немалый: ежегодно самая массовая общественная организация страны, которая в мае 1987 г. отметила свое 40-летие, — Общество монголо-советской дружбы — проводит Месячники дружбы с советским народом, в рамках которых республики Советского Союза знакомят монгольских друзей со своими успехами. И можно с полным основанием утверждать, что, если раз за пять лет наряду с традиционными месячниками право продемонстрировать свои успехи в области культурного строительства будет предоставлено и СССР в целом, польза от этого будет огромная. А объединение усилий министерств культуры СССР и МНР с обществами советско-монгольской и монголо-советской дружбы для проведения Месячника культуры будет гарантировать и четкую организацию, и расширение географии гастролей советских артистов, и массовость, и все то, что в конечном итоге позволит сделать еще один шаг, чтобы поднять наше двустороннее сотрудничество в области культуры на качественно новый уровень. Тем самым деятели культуры и искусства, активисты и члены обществ дружбы СССР и МНР внесут весомый вклад в реализацию стратегии дальнейшего развития и углубления всесторонних советско-монгольских отношений, которая была определена во время состоявшейся 15 июня 1987 г. в Москве встречи Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с Генеральным секретарем ЦК МНРП, Пред-

седателем Президиума Великого народного хурала МНР Ж. Батмунхом: «Обогащать содержание и формы взаимопольного советско-монгольского сотрудничества во всех областях»¹⁵.

-
- ¹ «Правда», 14.III.1987.
 - ² «Унэн», 4.IV.1987.
 - ³ «Новости Монголии», 9.V.1987.
 - ⁴ «Унэн», 8.VI.1987.
 - ⁵ Там же, 6.X.1971.
 - ⁶ Там же, 9.VI.1987.
 - ⁷ Там же, 12.VI.1987.
 - ⁸ Там же, 16.VI.1987.
 - ⁹ «Новости Монголии», 23.VI.1987.
 - ¹⁰ «Унэн», 11.VI.1987.
 - ¹¹ «Новости Монголии», 29.V.1987.
 - ¹² «Утга зохиол урлаг», 19.VI.1987.
 - ¹³ «Новости Монголии», 12.VI.1987.
 - ¹⁴ «Унэн», 17.VI.1987.
 - ¹⁵ «Правда», 16.VI.1987.

СТРАНЫ. ОБЫЧАИ. ТРАДИЦИИ

Китай: время далекое и близкое

*Н. Т. ФЕДОРЕНКО,
член-корреспондент АН СССР*

Благородство бамбука

Бамбук занимает в жизни китайцев особое место. Огромна его роль в практическом обиходе. Не меньшее значение он приобрел в духовной жизни народа. Едва ли еще какое-то растение может сравниться с образом бамбука в художественном творчестве китайских поэтов и писателей. Бамбук — символ благородства, стойкости, негибкости духа. В литературных произведениях, старых и новых, он нередко служит олицетворением человека большого мужества, душевной чистоты.

С незапамятных времен из уст в уста передается легенда о «пятнистом бамбуке» («сянфэй»). Предание гласит, что у императора Яо, жившего в глубокой древности, было две дочери — Эхуан и Нюйин, которых он выдал замуж за императора Шунь. Эхуан стала императрицей, а Нюйин, по древним традициям, — второй женой императора. Однажды император отправился на юг страны, но в дороге заболел и умер. Потрясенные безысходным горем, Эхуан и Нюйин в отчаянии бросились в реку Сянцзын. Перед смертью они безутешно оплакивали своего супруга, стоя на берегу реки и держась за бамбук. И от их горьких слез на стволе бамбука остались следы. Так на обычно зеленом стволе бамбука появились пятна.

Легенда о «пятнистом бамбуке» послужила темой двух стихотворений гениального поэта древности Цюй Юаня — «Владыке реки Сян» и «Владычице реки Сян». Первое стихотворение представляло собой песню, исполнявшуюся древними при жертвоприношениях мужскому духу реки Сян, которым по легенде стал император Шунь после смерти. В этом поэтическом произведении выражены думы владычицы реки Сян и ее спутницы, то есть Эхуан и Нюйин, о своем супруге в ожидании встречи с ним.

Второе стихотворение — «Владычице реки Сян» — являлось песней, которую исполняли древние при жертвоприношениях женскому духу реки Сян, которым стала Эхуан после своей смерти. В этом произведении отобразены думы владыки реки Сян, то есть легендарного императора Шунь, о своей супруге Эхуан.

Среди национальных меньшинств на юго-западе Китая широко распространены легенда о «Бамбуковом князе». О нем упоминается в «Комментариях к книге Шуйцзин о реках Китая», написанной Ли Даюанем в эпоху династии Северная Вэй. В царствование императора Уди из династии Хань на территории нынешней провинции Гуйчжоу существовало княжество

Еланго. Здесь жила девушка. Однажды, когда она полоскала на берегу реки одежду, к ее ногам прибило большой отрезок бамбукового ствола. Она хотела оттолкнуть его, как вдруг изнутри бамбука послышался плач ребенка. Тогда девушка вынула бамбук из воды, принесла его домой и разрешила. Внутри оказался мальчик. Звали его Чжуван, что значит «Бамбуковый князь». Возмужав, он однажды разрубил мечом скалу и выпустил из нее источник. Впоследствии Чжуван был убит в схватке с войсками императора Уди.

В Китае существует до тридцати видов бамбука, среди которых наиболее известны «кучжу», «даньчжу» и «сянфэй». Существует бамбук ярко-красного цвета, полосатый бамбук, пятнистый, черный бамбук, с золотыми прожилками, лиловый бамбук со светлыми крапинками. Бамбук — одно из наиболее полезных древовидных растений, он находит самое широкое, буквально универсальное, применение в быту китайского народа.

Различные виды бамбука, отличаясь друг от друга по строению цветков и плодов, сходны по устройству стебля, похожего на соломинку. Однако эта соломинка достигает иногда десятков метров в высоту и до тридцати сантиметров в поперечнике. У многих видов бамбука вырастают на вершине многочисленные ветви с острыми ножеобразными листьями. Это делает бамбук похожим на дерево, а бамбуковую рощу — на настоящий лес.

Замечательно, что особая прочность бамбука обеспечена самой природой, тем, что ствол его разделен на отдельные звенья, связанные крепкими перегородками — узлами. Обладая ровной и гладкой поверхностью, бамбук вовсе не боится влаги и практически не поддается гниению. При чрезвычайно небольшом удельном весе стебель бамбука отличается необыкновенной прочностью, способен выдержать очень большое горизонтальное давление и поразительно прочен при вертикальной нагрузке.

Бамбук, отмечает Е Линь в очерке «Бамбук», глубоко вошел в народный быт. В китайской семье всегда можно встретить различные предметы домашнего обихода, сделанные из бамбука. Особенно это бросается в глаза на юге, где жаркие сезоны года весьма продолжительны. Вещи из бамбука прочны и дешевы, в жаркое время от них веет прохладой. Из бамбука не только строят дома, но и изготавливается разнообразная мебель: кровати, столы, стулья, кушетки, этажерки и т. д. Из тонкого бамбука делают шторы и занавеси, которые в летнюю жаркую пору подвешиваются на окнах и дверях для защиты от палящих лучей солнца. Для этого тонкие бамбуковые полоски связываются вместе тонкой бечевкой. Лицевая сторона шторы покрывается светло-зеленой краской или лаком и раскрашивается. Бамбуковые шторы весьма оригинальны и удобны для употребления, они легко свертываются. В Китае очень распространены бумажные зонты из бамбука, которые одинаково хорошо защищают как от дождя, так и от солнца. Лучшие зонты вырабатываются в Ханчжоу. Крестьяне, раскалывая на две половины прочный и легкий стебель бамбука, мастерят из него коромысла, на которых носят бамбуковые корзины. Из бамбука делают веера, а из бамбукового листа дождевики и шляпы: они очень легки, удобны и непромокаемы, ими широко пользуются крестьяне и рыбаки. Бамбуковый лист имеет применение в китайской медицине как жаропонижающее средство.

Многие предметы домашней утвари изготавливаются из бамбука, например столовые палочки, украшаемые резьбой и орнаментом, специальные клетки, которые ставятся на котел с кипящей водой во время приготовления паровых пампушек, пирожков и пельменей, решета для мойки риса, крышки для термосов, веники, совки, гребни и т. д. Простые и прочные бамбуковые изделия придают особый колорит убранству китайского дома.

Ранней весной, рассказывает Е Линь, на юге Китая повсюду можно видеть пробивающиеся из земли коричневые мохнатые побеги бамбука. Молодые побеги издавна являются деликатесом китайской кухни. Их нарезают тонкими ломтиками и жарят с мясом в кипящем масле. Знатоки утверждают, что столовый бамбук рекомендуется для похудения. Консервированные побеги бамбука — предмет экспорта.

Кстати, мало известно о существовании бамбукового медведя, распространенного в бамбуковых рощах Тибета, Сычуани и Юньнани. Бамбуковый медведь, достигающий полутора метров в длину, хорошо лазает по деревьям и питается бамбуком.

Бамбук нашел свое отражение в китайском искусстве. Иероглифы с изображением струны и бамбука, соединенных вместе, с давних пор символизируют музыку. Это связано с тем, что из бамбука изготавливается много музыкальных инструментов: флейта, шэн, хуцинь, пипа (подобие мандолины) и др.

Кустарная промышленность Китая выпускает множество видов художественных изделий из бамбука. Крупные стебли, расщепленные вдоль на две равные половины и выпрямленные, служат материалом для резьбы. На каждой половинке вырезаются стихи или рисунки. Из бамбука среднего размера делают стаканы для кисточек и другие предметы, при этом перегородки в стволе служат естественным дном; внешняя поверхность таких изделий украшается художественной резьбой. Зеленые бамбуковые вазы со свежими розами оживляют комнату, придают ей уют. Малый бамбук, расщепленный в соломку, используется для плетения художественных корзиночек самой различной формы и расцветки, клеток для птиц и других мелких вещей. Древоидный стебель бамбука, очищенный от кожуры, размоченный в воде и выпрямленный в пластинки, используется для изготовления украшенных резьбой портсигаров, коробок для чая и конфет.

Широкое применение бамбука в китайском быту берет начало в глубокой древности. Более двух тысяч лет тому назад бамбуковые дощечки служили для письма. Нанизанные в определенном порядке, они служили книгой. Отсюда берет свое название древнейший исторический памятник — «Бамбуковые анналы». Позднее из волокон расщепленных стволов бамбука научились делать бумагу, которая является идеальной для писания на ней тушью.

По утверждению китайских ученых, происхождение вертикальной китайской строки определялось тем, что иероглифические знаки вырезались вдоль пластинок бамбука. В III в. был открыт способ изготовления из бамбука бумаги. С тех пор и до настоящего времени бамбук остается одним из основных видов сырья для ее производства.

Ручка китайской кисти для письма с древнейших времен делается из бамбука. Об этом свидетельствует кисть, найденная в городе Чанша и относящаяся к эпохе Борющихся царств (403—221 гг. до н. э.). В праздничные дни китайцы любят взрывать хлопушки. Известно, что в древности хлопушки делались из бамбука. Во II в. до н. э. в городе Чанъане (ныне — Сиань в провинции Шэньси) из бамбука был выстроен дворец. Лук и стрелы также делались из бамбука. Мачты китайских джонок всегда делались из бамбука, а джонки на мелких реках и до сих пор передвигаются при помощи бамбуковых шестов.

На Цзылюэцинских соляных копях и газовых скважинах в провинции Сычуань применяется бамбуковый буров, входящий в землю на глубину до сотни метров. Этот древнейший способ бурения возник в Китае в начале нашей эры. В Западной Сычуани у плотины Дуцзяньъянь — древнейшего

ирригационного сооружения на реке Миньцзян — есть бамбуковый мост длиной более 320 м.

Бамбук, говорит далее Е Линь, — очень красивое растение. Он отличается стройностью и изяществом. Ярко-зеленые листья и стебли так нежны, что кажется, будто через них просачивается роса. Вблизи они напоминают красавиц, выпрямившихся во весь рост, а издали — кудрявые головки. При легком ветерке листья бамбука издают звуки, похожие на нежный аккорд арфы, струн которой коснулись искусные пальцы музыканта. В сильную бурю они издают звуки, похожие на симфонию, полную силы и страсти.

Знаменитый поэт Бо Цзюйи говорит:

Среди растений бамбук писать труднее всего.

В древности и ныне хотя и писали его, но не было сходства.

Один Сяо Лян [Юй], опуская кисть, достигал подлинного,
С тех пор как существует живопись [киноварью и лазурью].

Он первым стал писать его (бамбук.— Е. З.).

Другие пишут тело бамбука тучным, неповоротливым, с желваками.
Сяо пишет его тонким, узлы ясными и четкими.

Другие пишут бамбук с верхушками мертвенными,

и весь он тощий, обвисший.

Сяо пишет его ветви живыми, каждый листок в движении.

Без корней он вырастает из идеи [художника].

Без молодых побегов создается под кистью [мастера]!

В Китае многие поэты любили читать и писать стихи в бамбуковых рощах. В начале IV в. знаменитые литераторы часто собирались в бамбуковой роще в юго-западной части уезда Хойсянь провинции Хэнань. Сюда влекли синие в дымке заросли, поэтические дали. До сих пор здесь сохранился храм «Бамбуковая роща» («Чжулинсы»), построенный в память об этих литераторах.

Своеобычно это самоутверждение в духе древнекитайских отшельников, которые проживали в своем поэтическом уединении в горах, под вековыми соснами или в бамбуковой роще, вдохновлялись шорохом листвы да журчаньем горных ручьев. Они искали гармонии природы и настроения человека и предавались своим мечтаниям, грезили в первозданной тишине, не утруждая себя мирской пылью, не тревожась о насущном рисе. Главное для них — душевная тишина и безмятежность покоя.

Древние поэты не только любили читать и писать стихи в бамбуковых рощах и воспевать красоту бамбука, они любили также и разводить его. Так, Бо Цзюйи в своем стихотворении «Молодой бамбук» писал:

Душа не лежит к судейской работе,
Дела не стучатся в закрытую дверь,
Чем сердце утешу, забыв о заботе?
Вырастил я сто стройных бамбуков...
Лежу у окна, себя убаюкав
Тихим шепотом листьев бамбуков.

По традиции в каждом саду, созданном в китайском стиле, на восточной его стороне принято высаживать бамбук, на западной — хризантемы. В летний вечер китайцы любят за чашкой зеленого чая отдыхать в зеленой бамбуковой роще в прохладном бамбуковом кресле. Под ласковый шепот листьев люди забывают усталость и заботы трудового дня, полнее чувствуют радость жизни.

В эпоху династий Вэй и Цзинь жили пользующиеся широкой известностью писатели Юань Цзи, Цзи Кан, Шань Тао, Сян Сю, Лю Лин, Юань Сянь и Ван Жун. В истории они известны как «семь мудрецов Бамбуковой рощи». В эпоху династии Тан жили не менее известные любители бамбука, которых называли «шестью учеными — отшельниками Бамбукового ручья». Это — Кун Чаофу, Ли Бо, Хань Чжуань, Пэй Чжэн, Чшан Шумин, Тао Мань. В стихах Ду Фу, Бо Цзюйи и других поэтов часто упоминается бамбук.

В китайском искусстве, столь богатым символикой, бамбук считается олицетворением моральной чистоты и справедливости.

Китайские художники веками изучали бамбук. Они с большой глубиной поняли все его свойства и научились с точностью передавать в своих картинах все его особенности. Глядя на некоторые картины, где изображен лишь один бамбук, можно с безошибочностью установить, в какое время года и в какую погоду он показан, сгибается ли он под порывами холодного осеннего ветра или же колышется под легким дуновением весеннего ветерка.

Бамбук испокон веков вдохновляет не только китайских живописцев, он также широко используется в качестве мотива в декоративном орнаменте на тканях, фарфоровых изделиях и резных шкатулках.

Тому, кто видел в Китае бамбуковые заросли и любовался их изумительной красотой, вполне понятно, почему бамбук — излюбленная тема в китайском искусстве.

Бамбук красив во все времена года, но, пожалуй, ничто не может сравниться по красоте с бамбуковой рощей во время снегопада, когда покрытые снегом стволы бамбука сгибаются от тяжести к земле, а листва являет непривычную для глаз картину: свежая зелень среди белого снега.

Наиболее широко бамбук применяется в строительном деле как незаменимый, удобный в обработке, необыкновенно прочный и легкий материал. Китай знает примеры, когда сооружения из бамбука, соответственно обработанного и покрытого лаком, предохраняющим от влияния солнца и влаги, стояли невредимо в течение многих сотен лет.

Отдавая должное необыкновенным качествам бамбука, китайцы строили из него наиболее капитальные деревянные сооружения, в частности мосты. До последнего времени на больших строительных работах леса сооружают из бамбука. Исключительная способность его противостоять влаге подтверждается тем, что во многих районах страны водопроводные трубы — бамбуковые.

Высокие качества этого растения как строительного материала натолкнули китайских зодчих на мысль: приготовить особый состав бетона, в который вошел бы бамбук. Впрочем, применение бамбукобетона не является чем-то новым. Бамбукобетон в Китае издавна использовался при возведении зданий. В окрестностях Гуанчжоу стоит построенный 450 лет назад храм предков фамилии Чэнь, стены которого сооружены из бамбукового остова. Арматура этого здания сохранилась в хорошем состоянии до наших дней.

«Лоувай лоу»

Город или достопримечательное место запоминается не только историческим либо этнографическим своим значением. Порой в памяти остается какая-нибудь особенность, случайно замеченное явление, просто эпизод.

Каждый раз, когда вспоминаю город Ханчжоу, в сознании невольно всплывает встреча с китайскими литераторами в ресторане на берегу знаменитого озера с поэтическим названием «Лоувай лоу» — «За павильоном —

павильон». Из окна ресторана видна живописная панорама — город, расплывающийся в синевато-серебристой мгле. Встреча, конечно, лишь мгновение, но Ханчжоу с «Лоувай лоу» стоит в вечности. Были потом многие другие встречи, с другими литераторами, но этот день в Ханчжоу остался в памяти на всю мою жизнь.

Разговор с китайскими коллегами был удивительно оживленным, остроумным, веселым. Шутки сыпались как из рога изобилия. Каждый старался привнести свои краски, обогатить палитру застольного собеседования. Менялись темы, сюжеты, жанры. Вспоминались рассказы о людях необычайных, монахах, волшебниках, лисьих чарах из студии Ляочжая (Пу Сунлин). Постепенно фантазия подняла паруса. Где-то замелькали тени минувшего. Кое-кому померещились в наступивших сумерках призраки мифологических чудищ... Один из участников с самым серьезным видом стал доказывать, что как-то вечером в старом заброшенном саду у грота он видел извивающихся красных драконов.... Правда, рассказчику следовало бы несколько экономнее пить рисовую (маотай) крепостью в семьдесят градусов.

И кухня была фантастической. Повара окрестили небожителем, который чудом не успел вернуться в заоблачный мир и присоединился к нашей компании. До сих пор у меня хранится меню на китайском языке, которое позволяет привести названия нескольких блюд: четыре холодных закуски, четыре овощных блюда, креветки с горошком, ханчжоуская пернатая дичь, черепаха в перце, свежие крабы, озерная рыба в уксусе, пампушки из креветок, бабаофань из риса и сладостей, суп из грибов и семян лотоса и т. п.

В Ханчжоу во все времена года воздух напоен ароматом цветов. Весной его испускают нежно-розовые цветы абрикосовых деревьев, то тут, то там простирающих свои ветви из-за старинных каменных оград; осенью повсюду разлит пряный аромат коричневого дерева. И даже зимой, когда в воздухе кружатся белые снежинки, здесь можно видеть такие же снежно-белые цветы мэйхуа и огненно-красные камелии.

Бо Цзюйи в стихотворении «Цзяннаньские воспоминания» писал:

Доныне Ханчжоу
Никак я забыть не могу.
Там в горной молельне на светлой луне
Искал я коричных плодов.

Но Ханчжоу любят не только за живописный ландшафт. Еще больше люди любят эту «жемчужину Китая» за благодатный климат и плодородие почвы.

Ханчжоу — богатейший в стране рисопроизводящий район. Здесь находятся чайные плантации, дающие славящиеся на весь Китай и далеко за его пределами знаменитые ханчжоуские сорта чая: «лунцзин», «шифын», «минцян», «цицян». Район Ханчжоу в изобилии производит коконы тутового шелкопряда, поэтому в городе получило исключительное развитие шелкоткацкое производство. Ханчжоуские ткачи издавна известны своим высоким мастерством. Они создают подлинные шедевры художественного ткачества, непревзойденные по рисунку и качеству шелковые ткани, прославившие их на весь мир.

Ханчжоу — город древний. В эпоху династии Южная Сун он пережил вражеское нашествие и был одно время столицей государства, созданного иноземными завоевателями — кочевыми племенами варваров. В сердцах ханчжоусцев вечно живет память о национальном герое Юэ Фее, подняв-

шем знамя борьбы с иноземными захватчиками. На берегу озера Сиху в честь Юэ Фейя воздвигнут прекрасный храм-памятник. На его потолке древние народные мастера выполнили удивительные по сочетанию красок сто различных изображений журавля, символизирующего твердость воли, несгибаемость и чистоту верного сына своего народа. Следует напомнить, что в Китае журавль считается олицетворением гордости и непревзойденного упорства. А перед могилой Юэ Фейя поставлены отлитые из чугуна фигуры четырех коленопреклоненных людей. Это изображены презренные изменники родины Цинь Гуй, его жена, Вань Сышэ и Чжан Цзюнь.

Хотя Ханчжоу и обладает всеми природными условиями, чтобы человек мог жить здесь в полном довольстве, хотя за этим городом и установилось название «рая», однако до освобождения он был «раем» не для всех. Старый Ханчжоу был городом показной роскоши и отчаянной нужды. В то время как на утопающих в зелени садов и парков виллах гоминьдановской знати и богачей царил вечный праздник и бездельники из «высшего общества» предавались кутежам, составляющие большинство населения рабочие, ремесленники, городская беднота не всегда могли позволить себе чашку риса и обычно питались жидкой болтушкой из чумизы или кукурузы. Выработывавшие знаменитые ханчжоуские шелка ткачи с трудом могли приобрести одежду из самой дешевой бумажной материи.

Все, кто посещает Ханчжоу, устремляются к одной из достопримечательностей города — Хуанлундун («Пещере желтого дракона»). Она находится у северного подножия «израненной горы» Баошань. Здесь в каменной скале вырезана огромная голова дракона, из пасти которого ключевая вода ниспадает в глубокую яму. Вокруг — живописные беседки, павильоны и террасы, придающие пейзажу особую привлекательность.

Примечательно, что город Ханчжоу с его чарующей природой прославился как город поэтов и художников. Именно здесь, на берегах изумительного озера Сиху, где особенно чувствуется обаяние китайской природы, создавались неповторимые шедевры классического пейзажа и китайской поэзии целым созвездием выдающихся поэтов и художников: Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюйи, Су Дунпо, Мо Юанем и др.

В истории китайской литературы едва ли найдется сколько-нибудь известный поэт, который не писал бы о горных или речных пейзажах. В этом поэтическом ряду стоят священные горы Тайшань в провинции Шаньдун, Суншань в Хэнани, Эмэй в Сычуани, Хэншань в Хунани, Хуашень в Шаньси и Хуаюэ (дословно: «Гора цветов»); реки Янцзы, Хуанхэ, Сицзян, Чжуцзян, Мило, а также поэтические озера Сиху, Поянху, Дунтинху, Тайху и т. п. Эти священные вершины, реки и озера считаются олицетворением истинно китайской земли.

Именно вершины прославленных гор служили излюбленным местом строительства древних пагод, храмов и монастырей с поэтичными названиями, вроде Жуйяньгуань («Место любования благовещими горами»), Усяньсы («Кумирня пяти светил»), Дунъюэгуань («Дворец Восточного утеса»), Гуйшаньсы («Храм горы Черепахи»), Хуанхэлоу («Башня Желтого анста») и т. д. Особенно многочисленны храмы и башни на одной из пяти священных гор — Хуашань, где, согласно буддийским верованиям, обитают святые. Литературным намеком стал образ желтых цветов, означающий пейзаж на горе Хуанхуашань («Желтый цветок») в южной провинции Фуцзянь. В III в. там были воздвигнуты даосский храм Тайхэдянь и другие культовые сооружения, названные «Местом любования видами горы Желтого цветка» (в древности желтым цветком называлась хризантема).

Можно сказать, что мотивы природы и человеческих чувств в их взаимо-

связи и взаимной обусловленности оставались характерными для китайского поэтического творчества всех эпох. Едва ли в художественной жизни какой-либо страны взаимосвязь литературного и изобразительного творчества, поэзии и живописи проявилась столь органически и с такой глубокой взаимной проникновенностью, как это наблюдается в Китае. В этом специфика и особая притягательность китайского художественного творчества.

Подлинно поэтические произведения выдающихся китайских художников слова воспринимаются подобно картинному изображению, но без зримых форм, а живопись — как поэзия с видимыми формами. Художественная литература призвана изображать по преимуществу действие, развитие, процесс, тогда как средствами живописи должны воплощаться различные состояния или положения предметов и явлений окружающей жизни. При этом явления и предметы осваиваются в литературном творчестве не непосредственно, не прямолинейно, а через соответствующее восприятие, действие. В китайских литературных источниках широко известно крылатое выражение, принадлежащее блестящему поэту и художнику Су Ши (1037—1101), о художественно-поэтическом мастерстве прославленного стихотворца и художника Ван Вэя, жившего во времена династии Тан: его «поэзия полна картинности, и картины полны поэзии».

Пейзажная философская лирика таких мастеров, как Цзи Кан, Тао Юаньмин, Ван Вэй, Ли Бо, Мэн Хаожань, Хань Юй, Синь Цици, Су Ши и др., напоминает творения китайского классического монохромного пейзажа. Примечательно, что в поэтическом арсенале присутствуют все неперменные составные элементы живописи. Пейзаж китайских художников прежде всего характеризуется глубоким изображением пространства и своеобразной тональной перспективой. Классическая пейзажная живопись обычно выражает грандиозность и величие природы. При этом пейзаж представляет собой не натуралистическую передачу конкретных черт определенной местности, но обобщающий, типический образ китайской природы. И человек здесь, как правило, изображен не крупным планом, не доминирующей фигурой, а в виде печального отшельника у своей едва заметной хижины, у горного ручья или у причудливо изогнутого ствола вековой сосны, символизирующей долголетие человеческой жизни, с едва видимыми в серо-белой туманной дымке горными вершинами, которые создают представление пространства, а вернее, символизируют объемность и перспективу. Нередко человек изображается в классической живописи за чтением любимых стихов или философского трактата в уединенной хижине, расположенной на горной вершине или в бамбуковой роще, где слышен шум ветра, чувствуется живое дыхание природы, где вьется тропа в неведомую даль. Такова природа, таков реальный мир в его многообразии и богатстве, исполненный величия и красоты, покоя и ощущения поэзии. Здесь поэт находится в непосредственном взаимодействии с природой. И человек и природа образуют гармоническое единство, и движут ими одни и те же законы мироздания.

В китайском классическом пейзаже отражено стремление художника найти в окружающем мире материал для выражения своего лирического настроения, своих чувств и мыслей, для создания зримых образов природы.

В высшей степени характерно то, что в китайском языке термин «юнь» обозначает «благозвучие», «эвфонию», «рифму», «гармонию», «резонанс» и т. п. одновременно и в поэтическом творчестве, и в изобразительном искусстве. Таким образом, в живописи, как и в поэзии, понятие о ритме, композиции и гармонии как о стройной согласованности всех составных элементов художественного произведения проистекает из единого эстетического восприятия, обусловлено глубокой органической взаимосвязью явлений.

Не менее примечательно и то, что «юнь» в сочетании со словом «ци» («воздух», «атмосфера», «эфир», «энергия», а также «настроение», «темперамент», «характер», «внешний облик» и т. д.) образует понятие «циюнь», то есть «гармония энергии», «резонанс внутренней силы».

Огромно и многогранно значение «ци» в произведениях художественного творчества. Китайские литературные источники свидетельствуют, что эстетическая ценность любого произведения определяется в значительной степени тем, содержит ли оно «ци», то есть содержит ли оно своего рода живую энергию. Присутствие «ци» наполняет произведение дыханием, делает его исполненным энергии, динамичности и силы.

Понятие «ци» в значительной степени относится ко всем произведениям художественного творчества — изобразительным, каллиграфическим, поэтическим. При этом качество «ци» усматривается не только в одушевленных предметах, но и в мире неодушевленных вещей. Отсутствие «ци» делает произведение безжизненным, закоснелым. Во все эпохи китайские мастера особое внимание уделяли именно тому, чтобы вдохнуть в художественное произведение живое чувство «ци».

На эти закономерности творчества еще в IV в. обратил внимание крупнейший художник и теоретик искусства Гу Кайчжи (около 344—406 гг.), впервые наметивший главные приемы национальной живописи Китая. Именно ему принадлежит призыв к живописцам «схватывать в рисунке полет диких гусей», то есть изображать явления в их динамическом движении, исполненной жизненной энергии «ци».

Закрепление и дальнейшее развитие основных приемов и правил живописного искусства нашли свое выражение в работах видного художника и основоположника теории живописи в Китае Се Хэ (479—501), который в трактате «Гухуа пиньлу» («Категории древней живописи») изложил «шесть правил» («люфа») китайской национальной живописи, приемов, сохранивших свое значение до настоящего времени.

Знаменательно, что трактат «Категории древней живописи» — произведение художественного творчества. Это своеобразная поэма о живописи. Текст его написан в строгом поэтическом ритме.

По мысли Се Хэ, в основе художественного творения должны лежать энергия, живое начало («ци») и музыкальный ритм, гармоничность («юнь»), которые и создают движение, динамику жизни. Так живая сущность искусства, в концепции Се Хэ, отождествлялась с жизненной силой природы.

В одном из наиболее интересных трактатов о китайской пейзажной живописи — «О любви к лесам и источникам», — принадлежащем крупнейшему художнику Го Си (1020—1090), излагаются основные эстетические принципы китайского пейзажа периода его расцвета — эпохи Сун.

Суждения Го Си для нас крайне ценны, и труд его мы рассматриваем не только как теоретический трактат об искусстве пейзажа. Это сочинение обладает еще достоинствами произведения словесно-художественного творчества, что обязывает нас рассматривать трактат как явление литературное.

В этом едва ли не уникальном памятнике раскрывается глубоко лирическое восприятие природы автором. Так, например, отвечая на вопрос, почему умные и добродетельные люди так ценят пейзаж, Го Си подчеркивает: «Потому что среди гор и воды, питаемой почвой, произрастают деревья и травы, и даже скалы там веселятся весной, как малые дети; потому что в эти места удаляются от мира мудрые люди, изучающие жизнь; потому что там резвятся обезьяны и летают ансты, громко крича от радости, которую дарует им природа».

Го Си при этом вскрывает главную причину того, почему люди мысли и высокой морали стремятся найти приют в окружающей их природе, почему они жаждут изменить свой образ жизни, что за сила гонит их в горные ущелья и на отдаленные берега озер. «Тюрьма человеческих жилищ, сумятица пыльного мира,— говорится в трактате,— вот то, что вызывает естественную ненависть человеческого естества».

Таким образом, причина, которую указывает Го Си, носит явно социальный характер и представляется весьма существенной. Но этим не исчерпывается опыт общественного бытия художника. Го Си не ограничивается пассивной констатацией факта, но выражает свое активное отношение к нему. «Мгла, туманы и мудрые люди,— отмечает Го Си,— живут в горах. Туда стремится человеческая натура, но быть там не всегда возможно. Я представляю себе время, когда наступят благословенные мирные дни, когда души людей станут радостны и возвышенны, когда можно будет человеку быть чистым, прямым и честным в течение всей его жизни.

Разве нужно будет тогда доброму человеку удаляться от мира, жить в стороне от людей, ему подобных? В то время будет естественным слиться всем людям в их общей радости..

Но сейчас такого нет!»

Го Си далее поясняет, почему в его время для любителей лесов, полей и ручьев, для друзей мглы и туманов так приятно иметь дома пейзаж, исполненный хорошим мастером. Глядя на него, отмечает художник, люди могут, не выходя из своего жилища, любоваться водой и вершинами гор, слышать пение птиц и крик обезьян. Созданная творческой волей художника, эта картина может удовлетворить духовную потребность любого человека. Вот почему такое множество людей любит и ценит пейзажную живопись.

Го Си указывает, что совершенный пейзаж должен иметь четыре свойства, но если нужно выбрать из них два особенно важных, то это будет возможность «жить и гулять в картине».

Небезынтересны рассуждения Го Си о сродстве природы и человека. Подобные аналогии свойственны не только Го Си. Творческие приемы очеловечивания природы и ее явлений характерны для многих авторов старого Китая. «Вода.— говорится в трактате,— это кровь гор, деревья и травы — их волосы, облака и туманы — их небесные одежды. Вода — это зеркало гор, в котором отражаются брови и глаза домов, их изгороди; вместе с тем вода — это душа рыбаков. Вот почему горы особенно прекрасны, когда они рядом с водой. Они бывают приятнее и веселее, когда их оживляют дома, изгороди, свободные рыбаки. Таким образом сочетаются горы и воды».

Ничто в природе не напоминает так живое существо, как вечно меняющая свои зримые формы вода, образующая стремительные реки и зеркальные озера. Вода, говорит Го Си,— существо живое: то она глубока и спокойна, то она кроткая и гладкая, а в другой раз — обширная, как океан, вздутая, как мускулы. Она может быть резко изогнута, как крылья, может устремляться в стройном течении, может быть быстрой и сильной, как стрела. Как богат ручей, текущий издалека! Он образует каскады, сплетает туманы на небе, низвергаясь на землю к удовольствию рыбаков. Радуются прибрежные травы и деревья. Они похожи на прелестных женщин под фатой из тумана, а иной раз они блестят и сверкают, как солнце, внезапно осветившее долину. Таковы живые образы воды.

Трактат Го Си свидетельствует об удивительной методологической близости китайских живописцев и поэтов. При этом советы, подаваемые Го Си

живописцу, могут быть в равной мере адресованы и поэту, ибо Го Си не столько учит изображать, сколько видеть, а видение необходимо в равной мере как живописцу, так и поэту. Выделяя в природе одни и те же моменты, они подчеркивали при этом свое отношение к ним. Благодаря этому произведения приобретали лирически индивидуальное звучание.

¹ Цит. по: Е. В. Завадская. Изображение и слово.— В сб.: Жанры и стили литератур Китая и Кореи. Сб. статей. М., 1969, с. 98.

*Р. М. НЕРОНОВ,
кандидат исторических наук*

Важным фактором социально-экономического развития Китая 80-х гг. стало постоянно нарастающее улучшение материального положения трудящихся страны. Рассмотрим некоторые официальные данные о росте уровня жизни и потребностей населения в КНР за последние годы.

Китайские газеты сообщали, что с 1978 по 1984 г. реальные доходы рабочих и служащих увеличились на 32,3 %, крестьян — на 44 %¹.

В период 1981—1985 гг. реальные доходы сельских жителей (с учетом повышения цен) увеличивались в среднем на 14 % в год, а городских жителей — на 6 %².

В 1985 г. чистый среднедушевой доход сельского населения Китая составил 397 юаней (данные ГСУ КНР на основании выборочных обследований сельских дворов), что с учетом роста цен означает увеличение реальных доходов на 8,4 % по сравнению с предыдущим годом.

В 1986 г. среднедушевой доход сельских жителей составил уже 424 юаня, с учетом роста цен реальные доходы увеличились по сравнению с предыдущим годом на 3,2 %. Однако, как говорится в коммюнике ГСУ, где приведены эти цифры, «в деревне по-прежнему имеется 11,3 % крестьянских семей, в которых среднедушевой чистый доход составляет 200 юаней в год и ниже»³. Доход на душу городского населения в 1985 г. составил 752 юаня (с учетом роста цен на товары широкого потребления он вырос по сравнению с предшествующим годом на 10,6 %), а в 1986 г. — 828 юаней (с учетом инфляции рост реальных доходов возрос за год еще на 13 %). В коммюнике, где приведены эти цифры, отмечается, однако, что имеется незначительное число городских семей, у которых из-за инфляции и других причин фактический уровень доходов понизился, и их жизнь сравнительно трудна⁴. В ряде материалов печати указывалось также, что рост доходов городских и сельских жителей увеличивался более быстрыми темпами, чем рост цен.

В отдельных районах КНР рост благосостояния был выше, чем в среднем по стране. Это коснулось не только приморских, но и некоторых окраинных отсталых районов. Выборочные проверки показали, что в 1985 г. реальные доходы на душу населения в АРВМ составили 683,5 юаня. Указанные обследования позволили сделать вывод, что в 1985 г. средний доход животноводов Внутренней Монголии увеличился вдвое. В провинции Чжэцзян, по данным выборочного обследования, которое провело местное статистическое управление, средний доход каждого крестьянина в 1985 г. составил 540 юаней. В провинции Чжэцзян 7,4 % крестьянских дворов живут выше среднего достатка, 43,3 % — «приблизились к зажиточности». Доходы же 46,2 % крестьянских дворов составляют от 200 до 500 юаней в год, что хватает лишь на одежду и питание.

По данным ГСУ КНР, средняя зарплата рабочих и служащих в 1985 г. по сравнению с предыдущим годом продолжала расти. В зависимости от отрасли промышленности процент роста сильно колебался — от 8,8 до 18,7 %. Средняя годовая зарплата служащих в учреждениях культуры, просвещения и здравоохранения, например, составляет 1123 юаня, в научно-исследовательских учреждениях — 1237 юаней, у рабочих строительной промышленности и горнодобывающей — 1438 юаней, предприятий связи и транспорта — 1344 юаня. Разница, таким образом, не столь уж велика, но прирост по сравнению с 1984 г. сильно колеблется.

В 1986 г. средняя по КНР денежная зарплата рабочих и служащих составила 1332 юаня и по сравнению с предыдущим годом повысилась на 16 %. Если учесть рост цен, то реальная зарплата в 1986 г. увеличилась на 8,4 %. Таким образом, темпы роста заработной платы, как утверждает ГСУ КНР, превысили темпы роста производительности труда⁵. Для нашего анализа важен лишь общий вывод: в 1981—1986 гг. сохранялась устойчивая тенденция роста доходов городских и сельских жителей, росло благосостояние китайских трудящихся.

На прошедшей пятой сессии Всекитайского собрания народных представителей шестого созыва премьер Госсовета КНР Чжао Цзыян 25 марта 1987 г. в своем докладе о работе правительства выдвинул «шесть принципов длительного и стабильного развития экономики Китая». Примечательно, что в качестве одного из этих принципов (третьего) Чжао Цзыян от имени правительства и ЦК КПК провозгласил линию на неуклонное улучшение жизни китайского народа. Он сказал: «...За последние годы заметно повысился уровень доходов и потребления у абсолютного большинства городского и сельского населения. Курс на неуклонное улучшение жизни народа на базе развития производства мы будем твердо проводить и в дальнейшем»⁶. Вместе с тем Чжао Цзыян предостерегал, что «рваться к завышенному уровню потребления нельзя».

Взросший уровень благосостояния прежде всего проявляется в улучшении питания. В большинстве семей сейчас в достаточном количестве имеются рис, пшеничная мука, мясо, овощи и фрукты. Предпринимаются усилия для налаживания бесперебойного снабжения жителей городов молоком, свежей рыбой, яйцами. Выпускается много новых видов продовольствия. Среднегодовое потребление зерна на душу населения снизилось за последние 7 лет на 28 цзиней (14 кг). В то же время потребление мяса, яиц, птицы и продуктов водного промысла увеличилось на 15 цзиней (7,5 кг). Данные выборочных обследований показали, что суточный рацион жителей составил в 1986 г. от 2420 до 2600 калорий.

Повысился спрос на импортную обувь, одежду, а также косметику. Одновременно со снижением потребления хлопчатобумажных тканей и тканей из искусственных волокон вдвое возросло потребление сукна, шерсти, шелка. Расходы населения на культурные нужды выросли в 4 раза. Даже в национальных районах с более низким уровнем потребления во внешнем облике людей есть наглядные улучшения.

Увеличилось личное имущество жителей города. (По данным Тяньцзиньского статистического управления, стоимость личного имущества каждой городской семьи за последние 5 лет увеличилась на 1740 юаней.) «Если недавно люди стремились приобрести велосипед, швейную машинку, ручные часы и радиоприемник, то теперь объектом желаний потребителей стали телевизор, вентилятор, стиральная машина, магнитола, фотоаппарат и холодильник». За истекшее пятилетие каждый житель Тяньцзиня приобрел 7 швейных изделий, 36 метров ткани и 3 пары кожаной обуви.

Таким образом, материальное положение трудящихся китайского города несомненно улучшается. Вместе с тем официально признается, что жизненный уровень городского населения еще остается неравномерным. Около 5 % городских семей еле сводят концы с концами. Повышение цен в последние годы также отрицательно сказалось на жизненном уровне некоторой части населения.

Здесь необходимо коснуться и проблемы дифференциации в доходах населения. Выступая на проходившем в Пекине в начале января 1986 г. совещании руководящих работников центральных ведомств Китая, член Политбюро, заместитель премьера Госсовета Тянь Цзюнь подчеркнул, что «в городах страны в настоящее время существует огромный разрыв в доходах, получаемых представителями различных профессий и отраслей, слишком высокие доходы получают на некоторых частных предприятиях... В деревнях имеет место сравнительно большая разница в доходах крестьян-земледельцев и жителей, занятых подсобными промыслами и торговлей, поэтому в ряде районов падает активность крестьян, выращивающих зерно». Согласно данным, обнародованным на совещании в ЦК КПК по вопросам работы в деревне (декабрь 1985 г.), в 1984 г. максимальные доходы отдельных крестьян в 3,6 раза превосходили минимальные доходы значительной части сельского населения, в то время как в 1978 г. этот показатель составлял 2,9. На начало 1986 г. в КНР насчитывалось 9,5 млн. семей, которые официально называются бедными⁸.

Дифференциация

Проблема сдерживания дифференциации в доходах населения уже в 1986 г. выдвигается на первый план. Выступая в январе 1986 г. с докладом на упомянутом совещании, Тянь Цзиюнь сказал: «...поднялся удельный вес крестьянских дворов, получающих высокие доходы, сократился разрыв между крестьянами и рабочими по уровню доходов; подобная тенденция увеличения доходов наблюдается также у рабочих и служащих... Мы приступим к разрешению вопроса о чрезмерной разнице между уровнями доходов различных категорий членов общества»⁹. В этом и ряде других официальных материалов предлагалось ликвидировать чрезмерный разрыв между доходами путем прогрессивных налогов и ценообразовательной политики. Так, Тянь Цзиюнь заявил: «Установка партии, допускающая, чтобы часть людей достигла уровня зажиточной жизни прежде других, является правильной. Что касается имеющей место в известной степени большой разницы в доходах между различными социальными категориями, то государство будет предпринимать соответственные меры для урегулирования этого положения, в том числе путем совершенствования налоговой системы»¹⁰.

В настоящее время в КНР уже вводится ряд мер по борьбе с уклонением от налогов, в частности за сознательное уклонение от уплаты налогов накладывается штраф в пятикратном размере от суммы неуплаченного налога. Представляется, что рост дифференциации доходов в Китае все эти годы удавалось контролировать и не допускать чрезмерной эскалации верхних границ доходов.

Еще одним фактором, увеличивающим благосостояние китайских трудящихся, является целый комплекс мер по улучшению социального обеспечения населения, проведенных за последние годы. Этот процесс значительно ускорился с момента принятия на Всекитайской конференции КПК (сентябрь 1985 г.) перспективной программы социального обеспечения китайского народа, изложенной в «Предложениях ЦК КПК по формированию седьмого пятилетнего плана социального и экономического развития страны» и в других документах партийной конференции.

В указанных документах были изложены установки относительно создания в КНР новой системы социального обеспечения трудящихся. Существо ее состоит в отказе от единой государственной системы и постепенном создании разных систем социального обеспечения для рабочих и служащих, для административно-учрежденческих единиц, предприятий общенародной собственности, предприятий коллективной собственности, предприятий смешанного капитала и предприятий иностранного капитала. Особо оговаривалась необходимость создания систем социального обеспечения для безработных и «тружеников частных предприятий города и деревни». В седьмой пятилетке не предполагается создание целостной системы социального обеспечения, хотя социальное обеспечение было названо «коренной программой социальной стабильности и долговременного спокойствия государства». На современном этапе предложено исходить из возможности государства, отдельных предприятий или отдельных лиц. Денежные средства на социальное обеспечение планировалось разумно раскладывать на государство, предприятия и частных лиц. Недостаточность социального обеспечения было предложено восполнять «развитием превосходных традиций взаимопомощи семей, родственников, друзей и соседей».

Отдельно было намечено создание системы вспомоществования и благотворительной деятельности, которые мыслятся как работа и помощь на общественных началах. Местные власти обязаны поощрять предприятия и учреждения в проведении мер по улучшению материального положения своих работников. В течение седьмой пятилетки в КНР предполагается создать лишь контуры системы социального обеспечения, а затем постепенно совершенствовать ее вслед за развитием экономики.

В 1985—1986 гг. в Китае появилось множество материалов о социальном обеспечении населения, о некоторых практических шагах по реализации намеченных мероприятий.

Привлекает внимание интервью министра гражданской администрации КНР Цуй Найфу, которое он дал журналу «Ляован» в августе 1986 г. В этом интервью министр коснулся недостатков сложившейся в Китае системы социального обеспечения и первоочередных мер по внедрению новой системы. Цуй Найфу указал, что сейчас работающие на коллективных и индивидуальных предприятиях и «ожидание работы» выпадают из сети социального обеспечения. В случае болезни, при банкротстве предприятия или в старости они попадают в безвыходное положение.

Проблемы возникли и в деревне. Ранее крестьяне охватывались обеспечением за счет общественных средств из общего «большого котла». «Сейчас же прежняя кооперативная система в деревне распалась, как и система медицинского обеспечения крестьян. Нужны новые методы обеспечения бедных дворов»¹¹.

В настоящее время в КНР социальное обеспечение осуществляется за счет предприятий, в которых ранее работали те или иные пенсионеры. Но в Шанхае, например, соотношение пенсионеров и работающих составляет 1:3, в Тибете — 1:4, а в городе Чэнду в одной из компаний это соотношение равно 1:1. Получив прибыль в 1,5 млн. юаней, эта компания вынуждена была уплатить в виде пенсий 2,9 млн. юаней и превратилась в убыточное предприятие. «Пенсии стали тяжелым бременем для предприятий, серьезно снижающим их конкурентоспособность»¹², — отметил Цуй Найфу. В первую очередь это относится к предприятиям сложившихся промышленных районов, где наблюдается самое неблагоприятное соотношение работающих и пенсионеров.

Цуй Найфу подчеркнул, ссылаясь на опыт европейских стран с развитой системой социального обеспечения, что «слишком обширное социальное обеспечение усиливает налоговое бремя и приводит к снижению активности некоторого числа людей, стимулирует у них стремление жить на счет общества. Он сказал также, что в Китае от социального обеспечения нельзя ожидать слишком многого. Оно должно помочь в решении вопроса питания и одежды, в содержании инвалидов»¹³. Старики должны обеспечиваться главным образом своей семьей.

Говоря о конкретных шагах по реализации новой системы социального обеспечения, министр заявил, что реформы коснутся прежде всего системы выплаты пенсий. Здесь предполагается перейти к централизованной выдаче пенсий из единого общегосударственного фонда, который формируется за счет отчислений предприятий в едином порядке в виде процента от фонда зарплаты.

Кроме того, предполагается изменить систему помощи бедным дворам, шире развить сеть домов для престарелых.

В 1986 г. шла активная подготовка к реформе пенсионного обеспечения — готовилось создание централизованной системы пенсий за счет взносов предприятий в зависимости от фонда зарплаты, уточнялись суммы выплат и количество пенсионеров. По данным ГСУ КНР, на конец 1985 г. в Китае насчитывалось 16,37 млн. пенсионеров, т. е. более 10 % общего числа работающих. В истекшем пятилетии число пенсионеров увеличивалось ежегодно на 1,64 млн. человек. В 1985 г. сумма выплаченных пенсий составила 14,5 млрд. юаней, в среднем по 935 юаней на пенсионера¹⁴.

В интервью журналу «Баньюэтань» заместитель министра гражданской администрации Чжан Мин привела ряд цифр, характеризующих развитие социального обеспечения в Китае. На середину 1986 г. более 37 тыс. престарелых-одиночек содержались в 743 государственных пансионатах. В 63 домах для сирот и детей-инвалидов воспитывались за государственный счет 10 тыс. детей. В 121 заведении для душевнобольных содержались за счет государства 19 тыс. больных. За счет местных средств создано 1800 предприятий для инвалидов, где работают 200 тыс. человек. Еще на 8500 предприятиях, созданных на частные средства, трудоустроено 230 тыс. инвалидов¹⁵.

Главный упор в финансировании социального обеспечения делается на общественные и личные средства, освобождая государственный бюджет от больших затрат на социальное обеспечение.

Вводится в практику сбор пожертвований организаций и частных лиц на социальные нужды. Так, 16 мая 1986 г. в Пекине состоялась церемония сбора пожертвований от организаций на Дом детей-инвалидов и сирот. Всекитайская федерация женщин пожертвовала 50 тыс. юаней, пекинские городские федерации женщин и профсоюзов — по 15 тыс. юаней, а пекинская транспортная компания подарила будущему Дому детей автомобиль. Кампания сбора пожертвований началась в 1985 г., когда Китайский фонд благосостояния инвалидов, рабочие, молодежные и женские организации выступили с инициативой организовать сбор средств на строительство Дома детей-инвалидов и сирот на 500 мест. За год от 400 организаций было собрано 1 млн. 100 тыс. юаней¹⁶.

В последнее время стало создаваться все больше организаций, занимающихся благотворительностью и социальным обеспечением. Так, в апреле 1986 г. при

Китайском фонде благосостояния инвалидов организовано Общество реабилитации инвалидов, в июле создан китайский оргкомитет по проведению объявленного ООН Десятилетия инвалидов, в сентябре учреждено издательство «Хуася чубаньшэ» (издательство литературы для инвалидов), в октябре создан специальный фонд для безработных при Шанхайской федерации профсоюзов. В октябре 1986 г. был создан 1-й Все-китайский семинар по обмену опытом работы с инвалидами. В дальнейшем предстоит развить сеть общественных организаций по социальному обеспечению.

На совещании по вопросу реформы системы страхования и пенсионного обеспечения заместитель председателя Госплана КНР Чжан Шоу отметил, что «становится все более острым вопрос материального обеспечения по старости восьмисотмиллионного крестьянства Китая»¹⁷. Укажем, что эта проблема возникла сразу после введения системы производственной ответственности на селе в начале 80-х гг., когда тысячи стариков и нетрудоспособных, которые раньше содержались за счет коллективных фондов производственных бригад по системе «пяти обеспечений»¹⁸, оказались без средств к существованию. Постепенно престарелые и нетрудоспособные были переведены на содержание за счет средств местных властей, коллективов и сельских предприятий. Преобладающей формой содержания стариков становятся дома престарелых, число которых быстро растет. Например, в провинции Чжэцзян в 1982 г. было 53 дома для престарелых, а в 1985 — уже 450¹⁹. В сельских поселках вокруг города Цицикар в 1986 г. имелось 187 домов для престарелых-одиночек, где содержится 5 тыс. человек. В 1985 г. местные власти собрали у частных лиц и организаций во время кампании сбора средств в фонд помощи бездетным старикам сумму в 3 млн. юаней. Сейчас на эти деньги строят и расширяют 71 дом для престарелых. К октябрю 1986 г. в каждом из 200 поселков округа Цицикар будет по крайней мере один дом престарелых²⁰.

Общие цифровые данные по Китаю следующие: на начало 1986 г. насчитывалось 800 пансионатов и домов для престарелых, созданных на средства государства. В них содержалось 28 тыс. престарелых-одиночек. Помимо этого, в деревнях Китая имелось 23 тыс. домов для престарелых, в которых содержалось 260 тыс. стариков²¹.

Определенную роль в повышении благосостояния трудящихся страны играет развитие страхового дела. В середине 1986 г. размер выплаченных населению страховых возмещений составил 310 млн. юаней. В сельском страховании появились такие виды страхования, как страхование урожая и скота, лесопосадок и морских промыслов. В городах возник новый вид страхования — страхование безработных, которое все время совершенствуется.

При рассмотрении проблемы общего роста благосостояния китайских трудящихся нельзя не обратить внимания на мероприятия по преодолению отсталости и бедности. В 1985 г. «примерно 100 млн. человек в КНР имели среднегодовой доход менее 120 юаней; они в основном проживали в северо-западных и юго-западных районах страны»²². В эти районы направляются инспекции на высшем уровне. Например, в феврале три группы руководителей КПК обследовали бедные районы в провинциях Юньнань, Гуйчжоу и СУАР. В результате обследования был сделан вывод о том, что эти районы нуждаются в государственной помощи, хотя при этом отмечалось, что главный выход из бедности состоит в том, чтобы «местные народные массы, опираясь на собственные силы, самоотверженным трудом добились оживления экономики на месте, чтобы доходы крестьян ежегодно возрастали»²³.

Заметим, что в провинции Юньнань 42,2 % всех волостей с населением 12 млн. человек относят к числу бедных. Проблема питания и одежды не решена для 4 млн. человек — 14 % сельского населения провинции²⁴.

В апреле 1986 г. премьер Госсовета КНР Чжао Цзыян, его заместитель Ли Пэн и зам. председателя ПК ВСНП Ван Жэньчжун обследовали бедные районы Западного и Северного Хубэя, горные уезды Хубэя и Сычуани.

По результатам обследования местным руководителям было рекомендовано: установить более прочные связи с Шанхаем, Уханем и другими городами, в горных районах больше создавать малых заводов и рудников, которые можно быстро и без крупных капиталовложений ввести в действие, уделить внимание развитию транспорта.

В результате такого рода обследований было решено ежегодно оказывать бедным районам конкретную помощь. Так, в текущем году Госсовет КНР допол-

нительно (к 800 млн. юаней) ассигновал на эти нужды 1 млрд. юаней. Эти средства предоставляются в виде специализированных льготных кредитов с погашением части процентов за счет бюджета. Начиная с 1986 г. в течение пяти лет будут ежегодно ассигновываться средства специального кредитования бедных районов в размере 1 млрд. юаней²⁵. Госсовет КНР в начале 1986 г. принял также решение о выделении дополнительно 50 тыс. т ваты и 250 млн. м хлопчатобумажных тканей для продажи в кредит населению бедных районов. На шестнадцатой сессии ПК ВСНП шестого созыва 24 июня 1986 г. заместитель председателя финансово-экономического комитета У По объявил о решении правительства КНР увеличить в седьмой пятилетке ассигнования на просвещение в бедных районах до 1,3 млрд. юаней (ранее было намечено 650 млн. юаней). Эти средства пойдут на подготовку учителей средних и начальных школ, на строительство и ремонт помещений школ²⁶.

Местные власти также усилили помощь бедным районам. Эта помощь состоит не только в выделении средств из местного бюджета. Например, партком и народное правительство провинции Гуйчжоу направили в бедные уезды 3600 кадровых работников и 10-тысячный «отряд научно-технического обслуживания», который дает советы и консультации по внедрению науки и техники. Бедным уездам был сокращен или отменен сельхозналог, проданы в кредит 400 грузовиков, оказаны другие транспортные услуги.

На совещании по вопросам оказания помощи бедным дворам председатель правительства Автономного района Внутренняя Монголия Бу Хэ заявил, что к 40-летию образования района будет решена проблема питания и одежды, а за два последующие года ликвидирована бедность.

Главным моментом в борьбе с бедностью все же остается «опора на собственные силы». Крестьян побуждают брать пустоши для посадок садов или леса, выращивания кормовых трав, создания прудов и т. п., чтобы получать товарную продукцию и иметь дополнительный доход. Интересна и тенденция к стимулированию крестьян объединяться в товарищества из 2—3 семей для совместного увеличения доходов.

В целом борьба с бедностью в Китае составляет часть социальной политики, направленной на создание благоприятных условий для удовлетворения материальных и духовных потребностей трудящихся КНР.

¹ Следует принять во внимание, что эти официальные данные не учитывают рост цен в Китае. Так, розничные цены на указанный период возросли на 17,7 %, причем более всего на продукты питания — на 26,9 % (см. «Цзинцзи жибао», 30.I.1986).

² Там же.

³ «Жэньминь жибао», 21.II.1987.

⁴ Там же.

⁵ См. там же.

⁶ Там же, 13.IV.1987.

⁷ Там же, 12.I.1986.

⁸ См. там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ «Ляован», 1986, № 16, с. 15.

¹² Там же.

¹³ См. там же.

¹⁴ См.: «Жэньминь жибао», 13.V.1986.

¹⁵ «Баньюэтань», 1986, № 12, с. 12.

¹⁶ См.: «Жэньминь жибао», 18.V.1986.

¹⁷ «Гуанмин жибао», 19.IX.1986.

¹⁸ «5 обеспечений» (убао): обеспечение едой, одеждой, топливом, оплатой начального образования детей и похорон.

¹⁹ См.: «Жэньминь жибао», 29.XII.1985.

²⁰ См. там же, 19.V.1986.

²¹ См. там же, 29.IV.1986.

²² «Синьхуа юэбао», 1985, № 10, с. 100.

²³ «Жэньминь жибао», 26.II.1986.

²⁴ См.: «Юньнань цзинцзи бао», 24.II.1986.

²⁵ См.: «Жэньминь жибао», 8.X.1986.

²⁶ См. там же, 26.VI.1986.

ИСПОВЕДЬ КИТАЙСКОГО МАРШАЛА

После образования КНР в 1949 г. Пэн Дэхуай становится членом Центрального народного правительства, заместителем председателя Народно-революционного совета, первым секретарем Северо-Западного бюро ЦК КПК и председателем Военно-административного совета Северо-Западного Китая, заместителем председателя Военного совета ЦК КПК.

В 1950 г., когда американский империализм развязал агрессивную войну, Пэн Дэхуай был назначен командующим частями китайских народных добровольцев на корейском фронте. Китайские добровольцы под его командованием плечом к плечу с народом и Народной армией Кореи сражались вплоть до завоевания победы. По возвращении на родину Пэн Дэхуай посвятил себя оборонному и хозяйственному строительству. В начале 1954 г. он избирается членом Политбюро ЦК КПК, а в сентябре назначается министром обороны КНР и одновременно заместителем премьера Государства КНР. Через год ему было присвоено воинское звание маршала КНР.

На VIII съезде КПК осенью 1956 г. Пэн Дэхуай выступил с докладом о проблемах военного строительства КПК, где подчеркнул, что «социалистическая сущность нашего государства является исходным пунктом, определяющим мирную внешнюю политику», что «мы полностью согласны с положением Советского Союза о всеобщем разоружении». Он критиковал с трибуны съезда отдельных товарищей, «проявивших элементы зазнайства и самоуспокоенности в учебе» и считающих, что «не следует изучать положительный опыт других», «поскольку якобы опыт, накопленный нами, уже достаточен»¹. Пэн Дэхуай был недоволен культом личности и откровенно высказался об этом на съезде, поддержав предложение об исключении из Устава КПК тезиса об «идеях Мао Цзэдуна» как теоретической основе партии. Позже Кан Шэн (выступление 2 декабря 1959 г.) так характеризовал позицию Пэн Дэхуая: «Разве не оказало влияния на некоторых наших членов партии внутри страны критика культа личности, прозвучавшая на XX съезде КПСС! По-моему, говорить, что критика культа личности не оказала никакого влияния на нас, — неверно. ...Товарищ Пэн Дэхуай выразил эти мысли во время обсуждения Устава КПК на VIII съезде партии». Как отмечают ныне китайские историки, правильную точку зрения Пэн Дэхуая по вопросу критики культа личности Кан Шэн изобразил как «величайшее преступление»².

Однажды Пэн Дэхуай сказал своей племяннице: «Мы должны во всем быть чисты, тогда будем достойны боевых друзей, уснувших вечным сном». И добавил: «Самое важное — самому быть твердым, в любой обстановке не терять веру в социализм и коммунизм».

Когда в КНР начался «большой скачок», Пэн Дэхуай, совершив в 1958 г. поездку по стране, трезво оценил обстановку и выступил с критикой политики «коммунизации» деревни, завышенных показателей, массовой выплавки стали в кустарных печах. В одной из инспекционных поездок он увидел, как коллектив военного училища был занят во дворе выплавкой стали. Люди не спали несколько суток, с красными, воспаленными глазами, в черной от копоти и грязи одежде возились у печей. Пэн Дэхуай, обращаясь к слушателям училища, сказал: «Я тронут вашим энтузиазмом, однако ваше руководство, которое так нерационально растрчивает ваш энтузиазм и энергию, я должен буду хорошенько наказать!»

* Окончание. Начало см.: «Проблемы Дальнего Востока», 1987, № 4, 5.

В конце 1958 г. Пэн Дэхуай посетил родные места, где не был 30 лет. Крестьяне пошли к нему со своими горестями, просили оказать им помощь и содействие. Эти беседы и то, что Пэн Дэхуай увидел своими глазами, навеяли стихотворение «Путешествие по родным местам», где были такие строки:

Засыхает батат, зерна в поле лежат,
кто силен — отправляется сталь выплавлять,
а хлеба убирать оставляют девчат...
Как до завтра дожить!
Я во имя народа обязан ударить в набат!¹

И Пэн Дэхуай «ударил в набат» на Лушаньском совещании в 1959 г.

В. Н. УСОВ

ВОЙНА ПРОТИВ АМЕРИКАНСКОЙ АГРЕССИИ И ЗА ОКАЗАНИЕ ПОМОЩИ КОРЕЕ

(октябрь 1950 г.— июль 1953 г.)

Вступление добровольцев в Корею. 4 октября 1950 г. в середине дня из Пекина в Сиань неожиданно прибыл самолет. Мне сообщили приказ — не теряя ни минуты, этим же самолетом вылететь на совещание в Пекин. Около четырех часов дня я был в Чжуннаньхе, в ЦК уже шло совещание, на котором обсуждался вопрос о вступлении китайских войск в Корею для оказания ей помощи. Товарищи сказали мне, что председатель Мао заострил внимание собравшихся на возможности неблагоприятной реакции по этому поводу и просил всех высказаться. Притом он сказал следующее: «Что ни говорите, но, когда другая нация попадает в критическую ситуацию, нам нелегко стоять рядом и наблюдать».

Я прибыл позже и поэтому в тот день не выступал, но про себя подумал, что послать войска, оказать помощь и спасти Корею крайне необходимо. Я думал о том, что, если США оккупируют Корею, нас будет разделять только река Ялуцзян, возникнет реальная угроза Северо-Востоку Китая. Американский контроль над Тайванем уже создает угрозу Шанхаю и Восточному Китаю. Если США захотят развязать агрессивную войну против Китая, они в любое время найдут предлог для этого. Если тигр захочет съесть человека, то время, когда он захочет это сделать, будет зависеть только от его аппетита. Нельзя идти на уступки. Если Соединенные Штаты вторгнутся в Китай, мы немедленно окажем сопротивление агрессии. Пока выяснится, кто возьмет верх — американский империализм или мы, — нам будет трудно строить социализм. Если США решат воевать с Китаем, их успех будет зависеть от быстроты действий, наш — от того, удастся ли затяжная война; им выгоднее вести нормальную войну, нам выгоднее вести войну, аналогичную той, которую мы вели против японских захватчиков, причем, раз у нас будет власть во всей стране и помощь Советского Союза, наше положение будет намного благоприятнее, чем в период войны сопротивления японской агрессии. Мы обязаны, полагал я, послать войска в Корею, исходя из задач национального развития. Все говорят, что социалистический лагерь во главе с Советским Союзом должен быть намного сильнее капиталистического лагеря. Но если мы не пошлем войска для помощи и спасения Кореи, как показать, что мы сильнее? Войска следует послать в Корею еще и для того, чтобы воодушевить народы колониальных и полуколониальных стран на борьбу против империализма, против его вмешательства в национально-демократические революции. Если рассматривать вопрос, не связывая его с опасной ситуацией, в которой находится Корея, то это будет не интернационализм, а национализм. Обдумав это, я твердо решил, что введение войск для оказания помощи Корее правильно и необходимо, что это мудрое политическое решение и оно не терпит отлагательств. Председатель решил послать в Корею меня, и я не стал отказываться от этой миссии.

Первое сражение.

В сумерки 18 октября 1950 г. я переправился через реку Ялу с первым головным отрядом китайских народных добровольцев. Утром 19 октября мы добрались до электростанции Рагочо, а утром следующего дня были уже у небольшого горного оврага северо-западнее города Пукчжина. Отдельные передовые отряды противника, двигаясь на машинах и танках, уже достигли берега реки Ялу. Утром 21 октября дивизия нашей 40-й армии прошла недалеко от Пукчжина и неожиданно столкнулась с марионеточными войсками Ли Сын Мана. Первый бой был неожиданным, и я немедленно изменил прежний порядок марша. Наши войска, используя характерную для них гибкую маневренность, разгромили несколько частей марионеточных войск Ли Сын Мана в районе Унсан рядом с Пукчжином, отразили наступавшие американские и марионеточные войска и заняли прочное исходное положение. 25 октября первое сражение закончилось для нас успешно. Американские, английские и марионеточные войска были высокомеханизированными, поэтому они смогли быстро отступить в район рек Чунчон и Кэчон, сосредоточились здесь и начали строить оборонительные сооружения. Мы не стали преследовать противника, так как не разгромили его основные силы, хотя и уничтожили 6—7 батальонов марионеточных и небольшую часть американских войск. Основными компонентами в системе обороны противника были танки и сильные фортификационные сооружения, поэтому нашим добровольцам было невыгодно вступать в позиционную войну с войсками противника, которые были оснащены современными техническими средствами.

Второе сражение.

В то время мы применяли тактику демонстрации своей слабости, потакая противнику, намеренно раздувая его высокомерие в отношении нас, заманивали противника в глубину наших позиций. Малыми силами мы соприкасались с противником, а основные силы контролировали район западнее и восточнее Пукчжина. Используя благоприятный рельеф, наши войска строили хорошо замаскированные позиции для ответного удара в 30 км от места, откуда противник планировал наступление.

Однажды в середине ноября Дуглас Макартур⁵ на самолете провел разведку. Его штаб заявил по радио войскам: «Следует форсировать подготовку и пробиться к реке Ялу, чтобы к рождественским праздникам вернуться домой».

Наши войска стали основательно готовиться к наступлению противника. Числа 20 ноября противник начал мощную атаку. Мы действовали по вышеописанному плану ведения боевых действий: отражали атаки малыми силами, которые, отступая, увлекали противника за собой. Приближались сумерки, когда войска противника подошли к линии Унсан — Кусон, месту, откуда мы планировали начать нашу контратаку. Пользуясь тем, что враг не скрывал своего местонахождения, и тем, что он устал после дневного перехода и боев, наши небольшие отряды стали наносить удары по тылам противника. Тем временем главные силы и огневые средства ударили по главным силам противника, навязывая им ближний бой, уничтожая его гранатами и штыками. В этой ситуации враг не мог использовать своего основного преимущества — огневой мощи. Наши войска геройски бились насмерть, мы шли вперед, сметая все на своем пути: солдат, повозки и машины. Подобный метод ведения боевых действий противнику был неизвестен, он был захвачен врасплох. Конечно, правильная тактика, с помощью которой мы добились этой победы, повторно не дала бы такого эффекта. А победа в этом сражении была значительной. Мы уничтожили свыше 6 тыс. автомашин, около тысячи с лишним танков и артиллерийских орудий. Однако мы захватили лишь малую часть снаряжения, большую его часть противник при отступлении сжег напалмом. Войска противника обратились в паническое бегство, оставили Пхеньян и отошли назад к 38-й параллели. Это сражение заложило основу победы в войне против американской агрессии в Корее. К концу кампании Корейская Народно-Демократическая Республика вернула себе всю утраченную прежде территорию.

Третье сражение.

После победы во втором сражении наши войска преследовали противника и к середине декабря приблизились к 38-й параллели. Ведя тщательную разведку, мы все-сторонне подготовились к общему наступлению. Вечером 31 декабря, в канун нового,

1951 г. была прорвана оборона противника, войска перешли 38-ю параллель, захватив Сеул, переправились через реку Ханчон, отбили порт Инчхон. Противник вынужден был спешно перебросить из Японии и США свежие силы в размере четырех дивизий и сосредоточить их на линии обороны вдоль реки Ракдон, кроме того, были переброшены в Корею солдаты-ветераны из Европы. Отступившие с Восточного фронта из района Хамгён отряды противника были также сосредоточены вдоль реки Ракдон. Механизированные части противника ежедневно отступали лишь на 30 км, то есть на расстояние, которое наши войска едва могли преодолеть за одну ночь. Противник намеревался выманить нас на свои сильно укрепленные позиции, измотать и начать фронтальное контрнаступление, а с флангов высадить морские десанты и отрезать наши войска.

Суровой зимой за три месяца, прошедшие после вступления в Корею, наши добровольцы провели подряд три крупных операции. У нас не было авиации и даже зенитного прикрытия от бомбардировок с воздуха. Днем и ночью нас обстреливала дальнотбойная артиллерия и бомбила авиация. Мы обычно не могли передвигаться днем. За эти три месяца не было и суток отдыха. Можно себе представить, как устали войска. Наши коммуникации были очень растянуты, это создавало большие трудности для обеспечения войск продовольствием. Численность войск действующей армии сократилась до 50 %. Войска нуждались в отдыхе, пополнении и переформировании перед тем, как им вновь идти сражаться. В то время мы уже имели южнее реки Ханган 3 армии, приближавшиеся к 37-й параллели. Наши основные силы располагались севернее реки Ханган, у 38-й параллели, где они имели возможность отдохнуть и переформироваться. Они строили оборонительные сооружения на случай контрнаступления противника или затяжной войны.

Четвертое сражение

Наши войска прекратили наступление, достигнув 37-й параллели (линия Сувона). Противник предпринял контрудар в конце января 1951 г., осознав, что попытки завлечь наши отряды в район его укрепленных оборонительных позиций вдоль реки Ракдон провалились. Мы сосредоточили 5 армий для нанесения встречного удара. В этом сражении мы разгромили около двух дивизий противника, одних убитых было около 2 тыс. человек (большой частью из марионеточных войск Ли Сын Мана, остальные — из объединенных войск Франции, Бельгии и Люксембурга). Из войск США мы уничтожили свыше батальона.

В феврале — марте 1951 г. я покинул Корею и на несколько дней (на всю поездку было затрачено 7 дней) вернулся в Пекин, доложил председателю Мао обстановку на корейском фронте и просил его указать дальнейший стратегический курс. Я пояснил Мао Цзэдуну, что в корейской войне нельзя быстро одержать победу. 50-я армия, находившаяся на южном берегу реки Ханган до 15 февраля 1951 г., была возвращена на северный берег. Председатель Мао дал четкие указания по ведению войны против агрессии США и помощи Корею: «Если сможете одержать быструю победу, то наступайте, не сможете — ведите затяжную войну». Это был гибкий и ясный курс.

Пятое сражение

Войска противника начали наступление на север крупными силами в середине февраля, после того как провалилась их попытка заманить наши войска в район реки Ракдон. Наши части вели упорные, жестокие бои. Примерно через 40 дней противник отступил к 38-й параллели. Мы ответили контратакой на Западном фронте и вынудили противника вернуться в окрестности Сеула. Это был первый этап пятого сражения.

Противник не думал оставлять Сеул. Крупные формирования его войск находились в окрестностях Сеула. Китайские добровольцы и Корейская народная армия совместными усилиями вынудили противника отступить на Восточном фронте. Одна из наших армий продвинулась слишком далеко (почти приблизившись к 37-й параллели), это сразу же вызвало определенные трудности, главная из которых заключалась в обеспечении войск продовольствием. Люди были крайне измотаны, когда вернулись на исходные позиции. Из-за оплошностей при смене позиций одна дивизия 60-й армии была атакована самолетами, а затем окружена механизированными частями врага, в результате мы потеряли 3 тыс. человек. Это был второй период сражения. Наши

потери были самыми значительными за весь период войны сопротивления американским агрессорам и помощи Корею.

Масштабы пятого сражения были очень крупными, в боях участвовали по миллиону человек с каждой стороны. В этом сражении наши войска одним ударом еще не могли уничтожить полк армии США, но успешно уничтожили по американскому батальону в 6—7 случаях и целую дивизию марионеточных войск. Для окружения одного полка американской армии и полного его уничтожения требовалось два дня. Наши войска были очень слабо технически оснащены, а авиация и механизированные части США делали все возможное, чтобы прорваться и избежать окружения. Только однажды во втором сражении наши отряды полностью уничтожили американский полк, не убежал ни один человек. Если, окружив батальон противника ночью, мы не успевали его уничтожить, то на второй день с рассветом американцы уже находили способы спастись и выйти из окружения.

Председатель Мао прислал нам телеграмму с указанием, чтобы мы не стремились уничтожать в сражениях слишком крупные части американских войск, а уничтожали небольшие группы, одну за другой.

Войска противника были значительно ослаблены в ходе ожесточенных боев, длившихся более двух месяцев от начала четвертого и до окончания пятого сражения. За этот период наши войска построили прочную систему обороны. Наземные оборонительные бои превращались в подземную войну. Мы быстро создали туннельные сооружения вдоль 38-й параллели, они были настолько крепкими, что войска противника не могли их прорвать. Противник атаковал их многократно, но взять не мог. А мы, сконцентрировав силы, могли в отдельных местах уверенно прорывать оборону противника. Наши войска научились хорошо вести как оборонительные, так и наступательные операции, используя туннельные оборонительные сооружения. Весной 1951 г., когда у нас было закончено строительство очень крепких оборонительных сооружений, мы стали применять наступательную тактику, указанную председателем Мао, — «уничтожать противника по частям».

Применение новой тактики активной обороны в позиционной войне дало нашим технически слабо оснащенным войскам возможность прорывать оборону противника, стойко защищаться при обороне, захватывать инициативу в бою. Эта тактика — результат прекрасного сочетания политической и военной подготовки революционной армии — создавала самые благоприятные условия для ведения затяжной позиционной войны.

К началу атаки мы скрытно концентрировали на участке наступления максимум огневой мощи и живой силы. В такого рода сражениях мы уничтожали часть войск противника — в большинстве случаев батальон. Ежемесячно у нас было около четырех-пяти подобных операций. Численность выведенных из строя сил противника в этих сражениях, если учитывать его потери во всех боях, была довольно значительной. Мы к тому же хорошо овладели тактикой наступательных операций на сильно укрепленные позиции противника. В последней операции, в которой наши войска прорвали оборону врага, приняло участие с нашей стороны за одну ночь (в конце июля 1953 г.) 4 армии. Они прорвали полосу обороны противника на 25 км по фронту и в глубину, уничтожили почти полностью 4 марионеточные дивизии и артиллерийский полк армии США.

Победа наших войск в этом сражении вынудила генерала Кларка, начальника штаба объединенных войск противника, просить немедленного заключения соглашения о прекращении военных действий. Кларк и его подчиненные потом говорили: «Выполняя инструкции своего правительства, американский генерал впервые в истории США подписал соглашение о прекращении военных действий, не одержав победы». Я, подписывая соглашение, про себя подумал, что война аннулирует прецеденты, которые имели место долгие годы. Многие были рады этому. Жаль только, что найденные нами удачные формы организации боевых действий мы не смогли использовать полностью и нанести сокрушительный удар по противнику. Мы приобрели богатый опыт в войне против американской агрессии, за оказание помощи Корею. Наш опыт в работе службы тыла при отсутствии прикрытия с воздуха очень ценен. Немалый опыт был накоплен и в оказании противодействия бактериологической войне.

На полях сражений в Корею китайские добровольцы и Корейская народная армия воевали плечом к плечу, поддерживая друг друга, как братья. За три года совместных

сражений скрепленная кровью боевая дружба китайских добровольцев с корейским народом и Корейской народной армией еще более окрепла, пустил еще более глубокие корни дух интернационализма в отношениях между нашими двумя народами.

ЛУШАНЬСКОЕ СОВЕЩАНИЕ

Об обстановке накануне и в начале Лушаньского совещания.

Перед совещанием в Лушани ЦК партии созвал два совещания в Чжэнчжоу⁶, совещание в Учане и совещание в Шанхае.

Мое участие в данных совещаниях было следующим. Я присутствовал на одном из двух совещаний в Чжэнчжоу. Извещение мной было получено довольно поздно, и я прибыл в последний день работы. Председатель Мао выступил с речью, ее основное содержание сводилось к проблеме борьбы против «поветрия коммунизации». В связи с тем что участниками было достигнуто единое мнение, заседание быстро закончилось, и все разошлись. Я согласился с мнением, высказанным председателем, и не стал выступать.

Во время совещания в Учане я участвовал в работе группы от Северо-Запада. При обсуждении данных об урожае зерновых и хлопчатника, собранном в 1958 г., которые предстояло обнародовать официально, некоторые товарищи называли цифру более 500 млн. т зерновых, другие — 450 млн. т, а хлопчатника — от 3 до 3,5 млн. т. Были и такие, кто говорил, что мы уже можем вырастить зерновых столько, сколько захотим, и что сейчас промышленность сильно отстает от сельского хозяйства. Я заявил, что зерновых собрано не так много, как здесь говорят. Один товарищ подверг меня вежливой критике, сказав: «Командующий, ты сомневаешься в этом, сомневаешься в том, как же быть?» «Если цифра, которую мы официально сообщим, будет немного меньше реального урожая, то в дальнейшем ее можно будет увеличить, — сказал я. — Но если она будет больше реального урожая, мы попадем в сложное положение». Председатель предложил официально опубликовать цифру 375 млн. т. Хотя я и согласился тогда с ней, но в душе у меня все же были сомнения. После закрытия совещания я поехал в народные коммуны Уши и Шаошань в уезде Сянтань, а затем в уезд Пинцзян. Мое впечатление от посещения этих мест было следующим: реальный урожай не соответствовал тем большим цифрам, которые мы официально сообщили. Объясняли это тем, что рабочей силы не хватало и урожай был убранный плохо, а в отдельных местах зерна было съедено больше, чем планировали получить. На выставке местной продукции в Пинцзяне я обнаружил, что данные об урожае зерновых за 2 года противоречили официально опубликованным, высокий показатель зерновых за 1957 г. объявлялся показателем за 1958 г., а сравнительно низкий показатель 1958 г. — показателем 1957 г. Манипулирование дутыми цифрами было потрясающим.

После прибытия в Чжучжоу я встретился с товарищем Бо Ибо. Беседуя с ним о сборе зерновых, я сказал: «Реальная цифра, видимо, не такая крупная, как оценивалось. Поэтому закупить государству в этом году 60 млн. т зерна довольно сложно. Если страна и закупит сполна зерно, то могут возникнуть трудности с его транспортировкой, а это может повлиять на производственную активность крестьян. Мне думается, что лучше наметить закупки зерна государством в 45 млн. т». «Ты пошли телеграмму в ЦК», — сказал товарищ Бо Ибо. «Пожалуйста, я напишу», — ответил я и отослал телеграмму, в которой разъяснял, что не следует государству закупать 60 млн. т зерна, а можно закупить только 45 млн. т. Я один несу ответственность за эту телеграмму, независимо от того, была она уместной или нет. Из всего этого следует, что я не скрывал своих сомнений и в то время.

Совещание в Шанхае (апрель 1959 г.) проходило во время тибетского мятежа. В тот момент все силы уходили на решение вопроса об отправке войск в Тибет, поэтому я не высказывался по другим вопросам.

Май 1959 г. я провел в поездке по странам Восточной Европы и вернулся в Пекин в середине июня. На следующий день по приезде я прибыл в министерство обороны, где выслушал сообщение Хуан Кэчена о положении в стране. Нехватка зерновых в районе Хэцзе провинции Шаньдун стала менее напряженной. Еще к моменту совещания в Шанхае выяснилось, что Ганьсу — провинция, известная избытком зерна, — столкнулась с его нехваткой. Недостаток транспорта затруднял переброску зерна.

«Можно ли у армии взять часть транспортных средств?» — спросил я у Хуан Кэчена. «Все, что могли, мы уже взяли, — сказал Хуан. — Взят транспорт у ВМС и отправили в Чунцин для оказания помощи в перевозке зерновых, взяли также несколько самолетов у ВВС. Если взять больше, то это скажется на боевой подготовке. Существует также проблема горючего для транспорта. Мятеж в Тибете подавлен, мы победили, но нельзя сокращать количество транспортных средств». Во время разговора я чувствовал, что его что-то смущает. «Вероятно, мы можем придумать еще что-нибудь с транспортом, чтобы помочь провинциям, — сказал я. — Народы братских стран Восточной Европы полны энтузиазма по отношению к Китаю. Руководители этих стран проявляют большое внимание к мятежу в Тибете». Я сказал также, что ЦК собирается 1 июля провести совещание в Лушане и что я очень устал и хочу немного отдохнуть, поэтому попросил его присутствовать там, как члена Секретариата ЦК КПК, хорошо знакомого с положением дел на местах и в армии. Он ответил, что все-таки было бы лучше, если бы я поехал сам, так как он предпочитает остаться в Военном совете и заниматься текущей работой. Неудобно было нажимать на него, и мне пришлось самому поехать в Лушань. Я выехал из Уханя в Лушань на корабле 29 июня, 1 июля немного отдохнул, а 2 июля совещание уже открылось.

Председатель Мао в своем выступлении охарактеризовал положение страны в следующих выражениях: «достижения огромны, проблем немало, перспективы светлые». Канцелярия ЦК КПК издала тогда множество материалов. Я был включен в группу по Северо-Западу и присутствовал почти на всех ее заседаниях, а их было около 10. Я также участвовал в двух заседаниях, созванных Госсоветом КНР для обсуждения работы по планированию, и был на одном или двух заседаниях Постоянного Комитета Политбюро ЦК партии. Никаких других мероприятий я больше не посетил. За 8 дней, с 3 по 10 июля, я семь раз выступал в своей группе (включая комментарии по другим выступлениям и поправки), все это было опубликовано в ходе совещания в бюллетене и роздано всем участникам. После того как председатель утром 23 июля подверг меня критике за мое письмо от 14 июля, группа от Северо-Запада собрала все мои выступления (включая комментарии), несколько раз откорректировала и издала для всех участников совещания.

Из этих фактов ясно видно, что я не хранил молчания до того момента, когда написал письмо председателю, а в своих выступлениях и поправках выражал несогласие с некоторыми «левыми» явлениями.

Одновременно с участием в совещании я изучал документы по экономике и финансам, изданные отделами ЦК партии, а также письма трудящихся и бюллетени совещания. Уже к вечеру 12 июля у меня сложилось мнение о том, что допущены серьезные диспропорции в государственном планировании и что курс председателя Мао «идти на двух ногах» во многих областях нашей практической работы не проводится. Это и стало основным содержанием моего письма от 14 июля 1959 г. Сначала я решил устно изложить свое мнение председателю утром 13 июля, но когда я пришел в резиденцию Мао Цзэдуна, его охранник сказал мне, что председатель только что лег спать. Тогда я пошел на совещание группы. После ужина я засел писать письмо (план был готов у меня уже накануне вечером) и закончил его только утром 14 июля, затем собственноручно отнес его председателю. 16 июля канцелярия ЦК размножила и распространила письмо среди участников. 18 июля, придя на заседание группы, я пояснил, что письмо писалось для информации одного человека — председателя, и попросил канцелярию ЦК изъять экземпляры моего письма. 20 июля (или около того) Чжан Вэньтянь, Чжоу Сяочжоу и некоторые другие товарищи в своих выступлениях выразили согласие с мнением, изложенным в моем письме. Хуан Кэчен прибыл в Лушань только 18 или 19 числа вечером. Я не слышал, что он говорил, выступая в своей группе.

Председатель Мао утром 23 июля подверг критике мое письмо как программу, носящую антипартийный характер. Он заявил, что перед тем, как письмо было написано, некоторые в своих выступлениях поддержали Пэн Дэхуая, что был создан хор, в котором я пел, а другие мне подпевали. «И что же это такое, как не антипартийная группировка?» — сказал председатель. После критики моего письма председателем Мао атмосфера совещания сразу же изменилась, я оказался в очень нервной обстановке.

Для оправдания мотивов и объяснения моего желания написать письмо Мао Цзэдуну мне хотелось бы остановиться здесь еще раз на моем понимании положения в стране и некоторых конкретных проблем того времени (о достижениях я не буду гово-

речь подробно). Я считал, что наша страна находится в очень хорошей ситуации. Китайский народ под руководством КПК в 1958 г. начал бурное движение за большой скачок, по всей стране стали одна за другой создаваться народные коммуны. Движение большого скачка было на подъеме, образование народных коммун соответствовало интересам народа и его желанию быстро изменить бедный в экономическом и отсталый в культурном отношении облик страны. Эта отличная ситуация создавала для нас выгодные условия в осуществлении генеральной линии, укреплении народных коммун и проведении большого скачка. Однако значило ли это, что у нас не было никаких проблем? Нет. Напротив, существовали серьезные недостатки и ошибки в некоторых конкретных политических вопросах и в ряде районов. В письме, которое я написал во время работы совещания в Лушани, я и поставил эти проблемы.

Прежде всего у меня были сомнения относительно планирования. Я считал, что капитальное строительство в 1958 г. велось слишком поспешно и в определенной степени чрезмерно. Многие заводы придется переделывать заново, либо они будут простаивать. Распылялись фонды, а это растягивало сроки строительства, создавало напряженное положение с сырьем. Вместо того чтобы в 1959 г. замедлить поступь и ввести надлежащий контроль, мы слепо продолжали расширять капитальное строительство. В области развития промышленности тоже была допущена определенная однобокость: основное внимание уделяли созданию и развитию обрабатывающей промышленности и промышленности строительных материалов и, напротив, совершенно не обращали внимания на сырьевую промышленность, являющуюся основой обрабатывающей промышленности и промышленности строительных материалов, а если основа непрочна, то это может отрицательно повлиять на развитие всей обрабатывающей промышленности. В моем письме председателю от 14 июля я в качестве примеров коснулся ряда конкретных проблем. Так, по-настоящему не изучались вопросы кустарной плавки, прокатного и дробильного оборудования, источников угля и руды, коксового оборудования и крепежного леса, транспортные возможности, проблема роста рабочей силы, покупательной способности, порядок поставки рыночных товаров и т. п. Одним словом, отсутствовал достаточно сбалансированный план. В то время я считал, что причиной, породившей целый ряд проблем, были промахи из-за недостаточно реалистического подхода к делу при планировании. У меня были опасения, что некоторые объекты капитального строительства в 1958 г. и первой половине 1959 г. завершить невозможно, поэтому надо проявить решимость и приостановить их строительство, иначе могут углубиться серьезные диспропорции (и главная из них — серьезное отставание традиционного сельского хозяйства от промышленности), будет трудно избежать застоя в некоторых областях, в результате замедлятся темпы скачка, совершаемого для того, чтобы в ближайшие четыре года догнать и перегнать Англию. В письме председателю я также отмечал, что, «хотя у Госплана имеются наметки, тем не менее ему нелегко принять смелые решения ввиду различных трудностей». Я считал, что имеются следующие четыре причины, в силу которых им нелегко принимать решения: 1) на местах требуют «больше и быстрее»; 2) правительственные министерства требуют «больше и быстрее»; 3) ЦК также надеется все сделать «больше и быстрее»; 4) мы еще не познали объективных экономических законов регулирования темпов социалистического строительства в нашей стране.

Товарищ Сталин пришел к выводу, что темпы социалистического строительства в СССР можно определить только по прошествии 20 лет, то есть ежегодный прирост должен был бы составить 13—14 %. За пятилетку СССР удваивал ВВП с ежегодным приростом в 14,87 %. Однако условия в нашей стране отличаются от условий СССР того периода. Во-первых, тем, что у нас намного больше рабочей силы. Во-вторых, относительно лучше стала международная обстановка, но наша промышленная база слабее. На основании этих конкретных сравнений можно прийти к заключению, что темпы строительства в нашей стране могут быть несколько быстрее, чем в СССР. Однако насколько быстрее они должны быть? Если удваивать ВВП Китая за 4 года, то ежегодный прирост у нас должен составить 18,93 %, если за 3 года — то 26 %. Я полагал, что мы можем удвоить наш ВВП за 4 года, но если стараться, можно это сделать за 3,5 года, однако я не стал настаивать на этом, так как у меня не было опыта в этой области. Зато я всегда знал, что без хорошо составленных годовых планов на год не может быть хорошего перспективного планирования и можно легко впасть либо в консерватизм, либо в слепое забегание вперед. Тогда нам ничего не останется, как

только заниматься самокритикой. Я считал, что и для сельского хозяйства должны быть такие наметки. Было совсем неплохо, что после освобождения страны мы ежегодно в среднем увеличивали продукцию сельского хозяйства на 7 %. Естественно, сельское хозяйство могло бы развиваться намного быстрее, если поднять уровень его механизации, развернуть гидротехнические сооружения, внести больше удобрений. После освобождения у нас в сельском хозяйстве по урожайности был трехлетний цикл — богатый год, средний год и скудный год. 1952 г. был хлебободным годом, 1953 г. — средним, 1954 г. — скудным, затем вновь 1955 г. — богатый, 1956 г. — средний и 1957 г. — скудный. В прошлом мы дополняли скудный год из хлебободного. 1958 г. был особо урожайным. Однако в связи с тем, что во многих районах плохо убирал урожай, либо плохо его сохранили, а в других районах много зерна было съедено и растрчено зря, мы не только не увеличили запасы зерновых в государственных хранилищах, а напротив, уменьшили их. Если цикл по климатическим условиям повторится, то 1960 г. должен был стать неурожайным годом.

90 млн. человек приняло участие в варке стали осенью 1958 г. и 70 млн. было занято в 1959 г. на строительстве крупных гидротехнических сооружений. Это может быть полезным с точки зрения наших дальних интересов, но не способствует производству сельскохозяйственной продукции в текущем году. К тому же «большие дела», начатые одновременно в различных областях, неизбежно создают дефицит рабочей силы в сельском хозяйстве и непосредственно влияют на сельскохозяйственное производство, а в конечном счете затрудняют обеспечение сырьем ряд отраслей промышленности, включая легкую, а также снабжение пищевыми продуктами «второй очереди».

При обсуждении проблемы использования малых местных домен для производства стали имелось три точки зрения: 1) они наносят только ущерб, и от них нет никакой пользы; 2) при их использовании имеются как положительные, так и отрицательные моменты; 3) от них больше ущерба, чем пользы. Я придерживался взглядов второй группы и был против двух остальных.

У меня были сомнения и относительно нашей торговой политики, которую поддерживали некоторые, а именно что «внутренняя торговля подчиняется внешней торговле». Слишком большой экспорт может вызвать напряженную ситуацию на внутреннем рынке страны, повлиять на изъятие денег из обращения, доходы населения и тем мешать осуществлению большого скачка.

Все эти доводы я тогда сформулировал следующим образом: «Характерное противоречие, с которым мы сталкиваемся сейчас в нашей работе, состоит в напряженности по различным областям, вызванной диспропорцией. Усугубление подобной обстановки по своему характеру уже повредило взаимоотношениям рабочих и крестьян и различных социальных прослоек города и деревни. Поэтому это противоречие носит политический характер и затрагивает ключевой момент, связанный с дальнейшей мобилизацией нами широких масс на продолжение большого скачка».

В то время у руководящих товарищей многих районов появился субъективизм в мышлении, стратегическую задачу длительного периода социалистического строительства они подчас ошибочно превращали в лозунг сиюминутных действий. Осуществляя определенные специфические задачи, они в недостаточной степени изучали конкретные условия и принимали решения в соответствии со своими субъективными желаниями. Иногда они повышали нормы, спущенные сверху, вплоть до того, что пускали в обращение субъективистские лозунги типа: «земля может давать урожай настолько, насколько люди смелы», «“левый” уклон лучше, чем правый», «“левый” уклон — это вопрос методов, а правый уклон — это вопрос позиции». Естественно, народ не мог говорить об этих ошибочных положениях непосредственно председателю Мао или другим руководящим товарищам. Я считал, что подобные методы работы и положение дел наносят вред генеральной линии, большому скачку и народным коммунаам.

Во многих районах при организации трудовых ресурсов деревни перегнули палку с мобилизацией больших трудовых армий на общественные работы. Не было соответствующим образом распределена сильная и слабая рабочая сила, а напротив, их разделили на отдельные группы — сильных и слабых. Подобная организация трудовых ресурсов не соответствовала техническому уровню производства в нашей деревне того времени. К тому же в ряде мест было поднято несколько потоков «черного ветра», таких, как «поветрие коммунизации», бахвальство, поветрие действовать методами принуждения и приказа. Значительное число низовых кадровых работников (среди

кадровых работников других рангов их также немало) ошибочно рассматривали только что организованные коммуны как признак наступления коммунизма. Они слепо обобществляли средства производства и средства жизни, осуществляя свой «коммунизм». Они, не построив новых жилищ, слепо рушили старые дома, рубили деревья и бамбук. Многие крестьяне, опасаясь «коммунизации», за бесценок продавали домашнее имущество. Некоторые кадровые работники ради оправдания своих мнимых успехов в работе безгранично преувеличивали показатели в сводках «запускаемых спутников», а реальные показатели производства у них были низкие. Если все это сложить, такая картина вызвала бы величайшее изумление! Нельзя сказать, что возникновение подобного явления не связано с теми нормами, которые устанавливали некоторые министерства. Ради запуска повыше «спутников», ради выполнения завышенных на нескольких уровнях производственных показателей, спущенных сверху, множество низовых кадровых работников применяли методы приказа и принуждения. В некоторых районах практиковался «стиль» избивания людей: не выполнишь задания — будешь бит, опоздаешь выйти на работу — будешь бит, выскажешь то, что не нравится, — также будешь терпеть побои. В трудовом процессе кое-где не учитывали физиологические особенности женского организма, что также приводило к серьезным последствиям. У многих женщин было подорвано здоровье. На меня все это произвело тягостное впечатление, когда я в декабре 1958 г. посетил Уши и Пинцзян. Многие крестьяне приходили ко мне с жалобами и апелляциями. В связи с тем что «черный ветер» все сильнее раздувался во многих районах, он непосредственно влиял на авторитет наших низовых партийных организаций среди населения, в той или иной степени наносил вред и престижу руководящих товарищей из центра. Самым худшим было то, что все это влияло на производственную активность крестьян. Я эти явления обобщил в таких понятиях, как бахвальство, мелкобуржуазный фанатизм, поветрие действовать методами принуждения и приказа.

В первые дни работы совещания в Лушани эти вопросы не были обсуждены по душам с товарищами — участниками совещания. Принимая во внимание вышеуказанные обстоятельства, я пришел к мысли написать письмо председателю Мао.

23 июля — серьезное испытание для меня

Основными вопросами, изложенными в письме председателю от 14 июля 1959 г., были те вопросы, которые я считал неудобным обговаривать на совещании группы, поэтому я сообщил о них председателю в форме письма. Эти проблемы затрагивали некоторые конкретные политические вопросы осуществления генеральной линии, большого скачка и народных коммун, а также вопросы методов работы некоторых кадровых работников. Главным в этих вопросах в то время я считал возникновение такого явления, как «левизна». Имел место и правый консерватизм в идеологии, однако это были либо отдельные явления, либо он распространялся в небольших масштабах. Меня в то время очень тревожили проявления «левизны». Я считал, что если мы не сможем выправить работу по планированию, то это неизбежно повлияет на темпы развития народного хозяйства. Я думал, что если эти проблемы вынести на совещание, то они могут вызвать смятение в умах некоторых участников. Однако данные вопросы могли бы быть легко и просто решены, если бы председатель вновь провозгласил курс «идти на двух ногах». Когда осенью 1958 г. народные коммуны только-только были созданы, у некоторых было смутное представление по вопросам собственности и принципам распределения в народных коммунах. Однако когда председатель их вразумил, все вопросы были быстро решены. Мне было радостно видеть, что после исправления данного уклона активность товарищей не уменьшилась.

Поэтому целью письма, которое я написал председателю 14 июля, было стремление как можно раньше разрешить существующие в то время проблемы, защитить генеральную линию, большой скачок и укрепить народные коммуны. У меня вовсе не было каких-либо намерений «узурпировать власть в партии» или «выступать против товарища Мао Цзэдуна». В письме я только изложил в общих чертах несколько довольно важных вопросов, не комментируя причины, их порождающие. Да в то время я и не мог объяснить многие из них. Во всяком случае, думал я, мое письмо председателю пишется только в качестве справочного материала, для него лично, и он сам сможет все взвесить. Однако дела стали разворачиваться совсем не так. Утром 17 июля я получил копию моего

письма, размноженную канцелярией ЦК, на которой сверху было дописано крупными иероглифами: «Мнение, изложенное товарищем Пэн Дэхуаем». 18 июля на совещании своей группы я потребовал вернуть мне письмо, мотивируя это тем, что оно было написано второпях и не полностью раскрывает мои взгляды. Утром 23 июля председатель в выступлении на пленарном заседании с высоких принципиальных позиций критиковал это письмо, заявляя, что оно является программой правого оппортунизма, осуществляемой целеустремленно, по плану и в организованном порядке. В дополнение к этому он указал, что у меня имеются милитаристские замашки, неоднократные ошибки в линии, а также великодержавно-шовинистические заскоки.

Очень трудно найти слова, чтобы выразить то тяжелое состояние духа, которое я испытывал, слушая выступление председателя. Вернувшись к себе, я вновь продумал выступление председателя и взвесил свои субъективные желания и мотивы. Все это никак не укладывалось в моей голове. Мою душу раздирали противоречивые чувства. С наступлением сумерек я пошел прогуляться. По дороге столкнулся с одним товарищем, который, обращаясь ко мне, сказал: «Почтенный Пэн, ты обдумал ли выступление председателя, которое он сделал сегодня утром?» «Люди сами разберутся в конце концов, кто прав, а кто виноват, где правда, а где ложь, — ответил я. — Время само собой все прояснит». «Почтенный Пэн, ты не должен занимать такой позиции, будто тебе все нипочем. В своем утреннем выступлении председатель поставил вопрос на уровне высших принципов — борьбы двух линий, в политической и организационной плоскости. Ты должен обдумать, в интересах ли это партии и народа, и подготовить письменное выступление». «Сейчас я очень устал и навряд ли в данный момент смогу что-либо написать членораздельно», — ответил я. «Ты изложи свои идеи и дай секретарю их записать. Пусть он приведет их в порядок, а затем ты сам это внимательно просмотри. Таким образом, твое письменное выступление будет достаточно серьезным и глубоким». «Я не привез с собой секретаря, со мной только старший офицер штаба, ответственный за военные телеграммы. Он не сможет написать такого рода материал», — ответил я. Он советовал мне все это, исходя из добрых намерений, из интересов народа. Я попросился с ним и вернулся домой. Штабной офицер передал мне телеграмму из Тибетского военного округа, предназначенную для Военного совета ЦК КПК. В ней требовали увеличения транспортных средств. Я взял телеграмму и пошел посоветоваться к товарищу Хуан Кэчэну. Открывая дверь в его комнату, я услышал, как товарищ Хуан Кэчен говорил: «Вам не надо волноваться, дело ясное, председатель не может ошибаться». В комнате я увидел Чжоу Сяочжоу, Чжоу Хуэя и Ли Жуя. «Командующий, мы находимся всего в пятидесяти шагах от группировки правых!» — сказал мне товарищ Чжоу Сяочжоу. Я ответил, что нам не надо беспокоиться, даже если мы находимся только в пятидесяти шагах, и это хорошо, что будет внесена ясность в некоторые путаные точки зрения. Я постоял минуту и, больше не сказав ничего, вернулся в свою канцелярию, чтобы заняться телеграммой.

Я не мог спать в ту ночь, до рассвета все думал и думал. Письмо было написано конфиденциально председателю, почему же его превратили в мнение, изложенное в официальной форме? Как могли превратить его в программу правых оппортунистов? Как могли говорить о чем-то осуществляемом целеустремленно, по плану и в организованном порядке? Пусть даже тот товарищ, который встретился мне, говорил правильно, однако это ли нужно делать в интересах партии и народа? Должен ли я защищать свою точку зрения или выступить с самокритикой? Словом, туча вопросов родилась в моей голове. У меня даже вспыхнула обида, я подумал: хотя мы с председателем познакомились довольно поздно, но я знаю его около тридцати лет; если в моем письме сделаны такие серьезные ошибки, что мешает ему найти меня и поговорить?

Я учитывал и то, что наш Центральный Комитет смело выступает против империализма и современного ревизионизма, активно поддерживает демократические и национально-освободительные движения на международной арене. И если авторитету ЦК КПК, возглавляемому товарищем Мао Цзэдуном, будет нанесен ущерб, то это нанесет еще больший ущерб международному пролетарскому движению. Подумав об этом, я усомнился в правильности своей прежней идеи — настаивать на своей точке зрения.

Утром 24 июля ко мне пришли два товарища, чтобы узнать, все ли я хорошо продумал. Я сказал им, что свое письмо председателю Мао я писал, исходя из определенной конкретной обстановки в нашей стране и на Лушаньском совещании, писал без какой-ли-

бо подготовки и вовсе не имея за душой каких-то заговорщических целей. Они спросили меня, обменивался ли я мнениями с другими товарищами перед тем, как написать свое письмо? Я ответил, что только товарищ Чжоу Сяочжоу дважды приходил ко мне поговорить о некоторых проблемах в провинции Хунань. Я ему сказал, что собираюсь написать письмо (но не сказал ничего о его содержании). Я сказал также, что несколько раз заходил ко мне Чжан Вэньтянь поговорить об экономическом строительстве в общекитайском масштабе, но о письме мы с ним не говорили. «Не следует смотреть на вещи только сквозь призму письма,— заявили пришедшие товарищи,— а необходимо подумать, как исходить из интересов ситуации в целом!» Они возбужденно и сердечно говорили о «необходимости самому отказаться от письма и, исходя из интересов общей обстановки, выступить с самокритикой». Беседа длилась более двух часов, и со слезами на глазах мы расстались. Я был очень тронут тем, что они хотели мне помочь, и твердо решил выступить с серьезной самокритикой. В ходе Лушаньского совещания я принимал все необходимые меры и занял такую позицию, чтобы только не нанести вреда партии и интересам народа. Выступая с критикой своих ошибок, я допустил определенные преувеличения, которые не соответствовали действительности. Но в вопросе о так называемом «военном клубе» я твердо отстаивал принцип «опираться на факты в поисках истины». Прибегая к давлению и принуждению, от меня пытались добиться признания и в этом вопросе как в ходе Лушаньского совещания, так и позже, во время расширенного совещания Военного совета ЦК, созванного в Пекине (с последней декады августа по первую декаду сентября). Причем на последнем совещании этот вопрос был поставлен еще острее. Когда я отказался признать существование так называемой организации «военного клуба», описать ее программу и цели, а также список членов, я был обвинен в таких грехах, как нечестность, неискренность и лживость. Как-то, когда я выступал с самокритикой на расширенном заседании Военного совета, небольшая группа товарищей стала громко скандировать: «Быстрее признавайся!», «Не надо нас обманывать!». Этим они меня тогда очень разозлили, и я заявил: «Вы можете исключить меня из партии и расстрелять! Если среди вас есть члены «военного клуба», вы сами можете выйти вперед и объявить об этом!» Несколько товарищей заявили, что я слишком упрям и непочтителен.

После Лушаньского совещания я думал, что мое влияние, существовавшее в нашей армии тридцать лет, подорвано и дискредитировано. Такие действия полезны, думал я, они могут обеспечить дальнейшее укрепление руководства Народно-освободительной армией со стороны партии.

Придерживаясь именно такой позиции, я вернулся в Пекин и выступил с самокритикой. Но я не мог признать, что существует какая-то организация «военный клуб» со своей программой, целями и списками участников. Признание этого повлекло бы за собой серьезные последствия для многих. Я мог уничтожить себя, но абсолютно не мог нанести вреда народной армии, руководимой партией.

Перевод с китайского В. Н. Усова

¹ Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. Т. II. Пекин, 1956, с. 26, 40.

² См.: «Данши яньцзю», 1981, № 2, с. 24.

³ «Жэньминь жибао», 26.XI.1984.

⁴ Ю. Гуан Пэн Дэхуай. Цзинань, 1984, с. 179. Пер. С. А. Торошца.

⁵ Дуглас Макартур, американский генерал, в июле 1950 г. стал «главнокомандующим войск ООН» и руководил агрессивной войной в Корее. После поражения в этой войне был уволен в отставку.

⁶ Первое совещание в Чжэньчжоу состоялось со 2 по 20 ноября 1958 г. В нем участвовали часть членов ЦК КПК и некоторые местные партийные руководители. Был обсужден проект решения «О некоторых вопросах, касающихся народных коммун». Второе совещание состоялось с 27 февраля по 5 марта 1959 г., в его работе участвовали члены Политбюро ЦК, основным вопросом было обсуждение проблемы народных коммун. Совещание в Учане проходило с 21 по 27 ноября 1958 г., на нем присутствовали часть членов ЦК КПК, ответственные руководители парткомов центральных учреждений страны, первые секретари провинциальных парткомов. Совещание в Шанхае проходило с 25 марта по 4 апреля 1959 г. (5 и 6 — прим. кит. ред.).

Последние дни Лао Шэ

ШУ И

Внимание читателя предлагается рассказ очевидца о двух последних днях жизни выдающегося китайского писателя Лао Шэ, написанный сыном покойного. Лао Шэ — псевдоним писателя, его настоящее имя Шу Шэюй (1899—1966). Хотя Лао Шэ погиб в дни «культурной революции» в августе 1966 г., это «первый подробный очерк в Китае об истинных обстоятельствах трагической смерти моего дорогого отца», как справедливо пишет автор очерка Шу И (впервые он был опубликован в шанхайском журнале «Шоухо» в № 4 за 1985 г.).

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» неоднократно обращался к теме жизни и творчества замечательного писателя, друга Советского Союза, часто бывавшего в нашей стране.

В 1986 г. в связи с двадцатилетием со дня гибели писателя журнал «Проблемы Дальнего Востока» напечатал воспоминания о Лао Шэ китайских писателей Ба Цзиня и Цзан Кэцзя, которые были помещены в сборнике «Скорбь» («Бэйхуай цзи»), изданном в Пекине в 1979 г. В подготовке раздела о Лао Шэ в этом сборнике участвовала вдова писателя Ху Цзецин. В 1986 г. в КНР память погибшего писателя почтили большим числом публикаций. Появились статьи и книги, издается собрание сочинений. В марте 1986 г. в Пекине прошел международный симпозиум, посвященный Лао Шэ, были опубликованы новые статьи и книги о нем, вышла в свет его биография. В Пекине создан дом-музей Лао Шэ, директором которого стал его сын Шу И.

После гибели своего отца Шу И приложил много сил и труда для сохранения и популяризации его литературного наследия.

В 1966 г., находясь в Пекине, я читал рукописное сообщение одного из хунвэйбиновских отрядов о гибели Лао Шэ, о чем прежде неоднократно писал, в частности, в журнале «Проблемы Дальнего Востока» (№ 3 за 1986 г.). Хунвэйбиновское сообщение на поверку оказалось ложным, правдивым было только само известие о гибели Лао Шэ. Обстоятельства, приведшие к гибели писателя, были иными, о чем стало известно только теперь, после публикации статьи Шу И. Сын покойного рассказал в ней всю правду о происшедшем.

Боль за случившееся останется навсегда у всех, кто знает и ценит творчество Лао Шэ, у которого в СССР без преувеличения миллионы читателей, и у всех, кто открывает для себя его произведения в будущем. Но теперь, когда появилось достоверное свидетельство о событиях августа 1966 г. в Пекине, недомолвкам и слухам больше не будет места, и, вслед за Шу И, который сделал так много во имя памяти и чести погибшего отца, можно сказать: трагедия окончена.

Китайский народ совершил исторический подвиг, преодолев тягчайшие последствия «культурной революции», десять лет сотрясавшей страну. Возродилась современная китайская литература, появились новые замечательные писатели, вернулись к широкому китайскому читателю и творчество Лао Шэ. Теперь его по-настоящему поняли и оценили. Те произведения Лао Шэ, которые в 50-е гг. издавались с купюрами или подвергались грубому редакторскому вмешательству, сейчас публикуются в первоначальном авторском варианте. Это относится, в частности, к знаменитому роману «Рикша». Китайская общественность осознала, что Лао Шэ прежде недооценивался, что это писатель, значение которого в литературе с годами не стирается, а возрастает. Пожелаем же китайским друзьям творчества Лао Шэ успешно завершить начатое большое дело — издание собрания сочинений писателя, — потому что книга — лучший памятник для мастера слова, памятник, который остается навсегда жить в сердцах его читателей.

А. И. ЖЕЛОХОВЦЕВ

* * *

Недавно я сменил работу и теперь полностью посвящаю себя ремонту и подготовке к открытию дома-музея Лао Шэ, а также подготовке к печати его рукописей. Вступив в должность, я начал с того, что стал систематически фотографировать в Пекине все места, связанные с жизнью моего отца. В последние годы резко увеличился темп нового строительства в Пекине, так что в скором будущем многие старые дома будут снесены, а потому следует поспешить с фотографированием памятных мест. Таким образом, можно еще успеть создать архив материалов, помогающих изучению произведений писателя, который всю жизнь был связан с Пекином и писал о нем.

Однажды я пришел на северную сторону Пекина в пригород, где раньше было озеро Тайпинху. Восемнадцать лет тому назад в начале осени я провел там незабываемую ночь у тела отца, только что распростившегося с миром людей. С тех пор я не был здесь. Та страшная ночь навеки запечатлелась в моей памяти. Случившееся восемнадцать лет назад злодеяние бросало в дрожь, вызывало удушье, не поддавалось никакой разумной логике, как самый жуткий ночной кошмар. Сначала я надеялся, что все происшедшее обернется всего лишь хоть и страшным, но коротким сном и быстро кончится. Но случившееся в ту ночь сном не было; все было явью. Я в полной мере испил чашу горечи — горечи безмерной, глубокой, неизбежной, непоправимой. Мне пришлось вернуться сюда, чтобы оставить что-нибудь на память будущим поколениям.

Все переменялось здесь: нет ни парка, ни озера, ни деревьев, ни скамей. Не найти больше ничего, что было здесь восемнадцать лет назад. Тут расположился участок метрополитена, снаружи обнесенный оградой, а внутри застроенный вполне современными зданиями депо. На том месте, где прежде было озеро Тайпинху, сейчас ровная площадка, по которой плотной паутиной бегут рельсы к вагоностоянкам, шириной чуть ли не в сотню метров. Издательский редактор, фотограф, литературовед и я получили разрешение и прошли по производственной территории к этому месту. Мимо прокатился свежееккрашенный вагон метро, только что выпущенный из депо, и нырнул под землю, чтобы включиться в круговерть перевозок.

В день съемок светило солнце, погода стояла безветренная, царил тишина и спокойствие. Вагон прошел, и после него остались рельсы, блестящие на солнце. Даже городской шум едва долетал из-за ограды. Я почувствовал облегчение: нервы успокоились, напряженность прошла. Мне захотелось побыть здесь подольше. Молча стоял я на солнце, глядя на блестящие рельсы, и память уносила меня в прошлое.

Никто не разговаривал, фотограф в молчании снял панораму и закрыл крышку фотоаппарата. Литературовед, изучающий творчество Лао Шэ, вдруг предложил:

— Давайте установим здесь долговечное каменное надгробие с надписью: «Здесь писатель Лао Шэ ушел от мира».

Он употребил именно эти два слова: «Ушел от мира».

Имя отца было Цинчунь, прозвание Шэюй, а смысл прозвания — уход от самого себя. Слова литературоведа «ушел от мира» перекликались по смыслу с прозвищем отца. Наверное, литературовед долго обдумывал свое предложение, и потому оно так подошло и к месту и ко времени. Прозвание Шэюй отец выбрал себе сам в девятнадцатилетнем возрасте. Оно было обусловлено иероглификой: его фамильный иероглиф Шу состоит из двух частей, каждая из которых в отдельности может быть самостоятельным иероглифом. Он хотел, чтобы слова «уход от самого себя» сделались его путеводным отсутствием в жизни, означая готовность бескорыстного самопожертвования этому многострадальному миру, чтобы он стал лучше, ближе к человеческим надеждам.

Отречение от самого себя — этот путь он избрал и по этому пути шел всю жизнь с твердой убежденностью.

Однажды, выступая перед школьниками, отец сказал, что Христос взвалил на себя только один крест, а мы, готовясь пожертвовать собой, должны принять на себя бремя двух крестов: разрушение старого мира и созидание нового. В то время ему было лишь двадцать три года. Наверное, это было его первое выступление в духе отречения от самого себя.

Как-то в 1938 г. отец заговорил о своем будущем надгробии. Оно должно было быть небольшое, каменное, похожее на то, о котором говорил литературовед. Но установить памятник — в самом этом выражении есть что-то театральное, подлинный смысл в отречении от самого себя, когда в беде Родина. Тогда страна

находилась в крайней опасности и деятели литературы и искусства собрались в Ухани и организовали Всекитайскую ассоциацию деятелей литературы и искусства по отпору врагу. Горевший энтузиазмом Лао Шэ, готовый переносить и труд и заботы, был избран заведующим орготделом, то есть фактически председателем. В Ассоциации было несколько сот членов и только один штатный служащий, сначала Сю Боцин, потом Мэй Линь. Все прочие участвовали на добровольных началах. Кроме собственного творчества, приходилось заниматься всевозможными собраниями и митингами, устанавливать связи в провинциях для создания отделений Ассоциации на местах, редактировать журнал «Канчжань вэнь», издавать сборники песен и стихов, спецвыпуски на английском языке, библиотеку литературы войны сопротивления, рассылать популярные брошюры на фронты, организовывать выступления артистов, публиковать полное собрание сочинений Лу Синя и организовывать выезды писателей на передовую... Дел было невпроворот, суета без передышки. И все же этот период, пожалуй, можно назвать наилучшим временем сплочения литературной общественности за всю историю Китая. Поездки и собрания проводились за собственный счет, и никто не ронтал, так что, глядя на эту бурную деятельность, отец был весел и счастлив. Когда он был избран членом правления Ассоциации подавляющим большинством голосов, то написал «Клятву вступающего в Ассоциацию». Он поклялся перед Родиной, народом, горячо любимыми товарищами и друзьями: «Среди литературно-художественной общественности я всего лишь пехотинец, который десять с лишним лет трудился за письменным столом, не вставая с табуретки. Кисть — мое оружие, кровь свою я проливаю на бумагу. Гордиться я могу только своим прилежанием; у пехотинца не может быть грандиозных генеральских замыслов, но все, что должен делать рядовой боец, я делал. Так было, есть и будет. Когда я лягу в могилу, мне хотелось бы, чтобы нашелся человек, который поставил бы мне небольшую надгробную стелу и надписал: здесь спит рядовой пехотинец литературы, до конца выполнивший свой долг... Приказывайте, я готов действовать. Что жизнь и смерть по сравнению с сознанием выполненного долга рядового пехотинца!»

Через шесть лет после этой клятвы отец снова заговорил об уходе из жизни. В те дни японцы ворвались в Гуйчжоу и угрожала опасность выхода их войск к Чунцину с юга, поэтому Чунцин охватила паника и все стали готовиться к эвакуации. Друзья стали расспрашивать отца, куда он думает эвакуироваться, и он ответил со сдержанной горечью:

— Никуда я не поеду. За окном у меня бурлит Янцзы — вот мое последнее прибежище!

Однако в жизни «уход от самого себя» случился там и тогда, где и когда никак не должно было случиться ничего подобного, и в обстоятельствах, о которых и помыслить было невозможно.

Слова литературоведа «уход от мира» сразу же возвратили мои воспоминания к берегу озера Тайпинху на восемнадцать лет назад.

Тогда я сидел на скамейке в самом углу парка, лицом к востоку, и заходящее солнце светило мне в спину. Кругом никого. Парк здесь кончался. Дальше к западу располагалось еще одно большое озеро, но уже за пределами парка. Ограды не было, и кольцевая аллея вокруг озера Тайпинху проходила между двумя озерами по насыпи и через небольшой мостик. Озеро Тайпинху располагалось внутри парка, дорожки которого были обсажены высокими тополями, под ними стояли скамейки. Второе озеро выглядело совсем иначе, круговые дорожки по берегу отсутствовали, ни плотин, ни насыпей. Озеро выглядело заброшенным и пустынным, очень спокойным, в нем было что-то от дикой природы, что-то пугающее. По берегам пышно, в половину человеческого роста, разросся бурьян, за ним, уже в воде, начинались камыши. Вокруг росли неухоженные тополя и плакучие ивы, окружая озеро зеленой естественной стеной. Гуляющие из парка сюда не забредали, этот уголок принадлежал растениям и животным. Это было их царство. Отец лежал там, в том царстве.

Я оглянулся и нашел взглядом его, спящего на узенькой тропинке посреди бурьяна. Что-то непонятное застилало мне глаза и мешало глядеть, то ли желтый солнечный закатный свет, то ли какая-то желтая пелена, то ли старая соломка изношенной порванной циновки? Не знаю.

Появился молодой человек, работник пекинского городского отделения Всекитайской ассоциации деятелей литературы и искусства, а за его спиной стоял шофер отца рядом с его машиной. У всех были красные нарукавные повязки. Было очевидно, что

молодой человек уже стал хозяином этой машины. Они осведомились о моем имени и попросили предъявить документы. На самом деле старый шофер уже много лет был в нашей семье своим человеком.

— Тебе надо побыстрее кончать с этим, — небрежно бросил мне молодой человек одну-единственную фразу, сел в машину и уехал.

Старый шофер, садясь в машину, успел-таки меня предупредить:

— Сюда по ночам сбегаются бродячие собаки!

Это было важно.

Отец лежал на тропинке, вытянувшись, головой к западу, лицом к небу. Он был в одном белье, на ногах — матерчатые тапочки с подошвой из многослойного простеганного тряпья. За полный день на солнцепеке и белье, и тапочки, и носки давно успели высохнуть. Очков на нем не было, глаза выкатились из орбит, живот впал. Белье, плотно облегавшее тело, было сильно помято, что свидетельствовало об осмотре судебными врачами и их манипуляциях. На голове, шее, груди и руках были видны обширные кровоподтеки, подсохшие и затвердевшие, а также многочисленные крупные бурые пятна крови. Раны чешуей покрывали его тело.

За два дня до этого в храме Конфуция на улице Приобщения к мудрости хунвэйбины подвергли его побоям. Там предполагалось провести сожжение костюмов традиционной Пекинской оперы, и невежественные обезумевшие подростки кричали, что эти драгоценные одежды должны как можно скорее исчезнуть с лица земли, да еще требовали выдачи трех ведущих работников из Управления культуры, чтобы «провести против них борьбу». Городское Управление культуры располагалось рядом с городским отделением Всекитайской ассоциации деятелей литературы и искусства, поэтому хунвэйбины заодно прихватили с собой и деятелей культуры, насильно погрузив их в грузовик. Мой отец, увидев, что его друзья, коллеги и ответственные работники занесены в списки, и сам бесстрашно вышел вперед. Он был прям и честен, за это его все любили, но его прямота и честность, восхищавшие всех, на этот раз стоили ему жизни. Там распорядилась некая студентка Пекинского университета, которая его узнала и завопила:

— Вот Лао Шэ! Ихний председатель! Реакционный авторитет! Тащите его в грузовик!

Отец тогда только-только вышел из больницы. В начале лета у него стало плохо с сердцем, однажды ночью пошла горлом кровь, причем столько, что плевательница наполнилась наполовину. По выздоровлении врач предписал ему оставаться несколько дней дома для поправки, он же торопился выйти на работу. Судьба беспощадно надругалась над его самопожертвованием: он торопился и волновался, но события предательски обошлись с его желаниями, на деле он сам спешил навстречу собственной гибели. Это было в тот день, когда после выхода из больницы отец впервые пошел на работу. — 23 августа 1966 г.

О страшных делах, происшедших тогда в храме Конфуция, много и подробно рассказывали целеуверенные очевидцы, которые сами там были и выжили, — писатели и драматурги. Я здесь не стану повторять их слова. В общем, в храме Конфуция отец пострадал больше всех: был тяжело ранен, ему разбили голову, началось сильное кровотечение, вся его белая рубашка покрылась пятнами крови. Ему небрежно замотали голову белыми шелковыми тряпками из разорванных театральных костюмов, кровь сочилась сквозь повязку, вид его был страшен. Узнав об этом, примчался заместитель мэра города Пекина, но не смог пробиться сквозь плотную толпу, а только издала беспомощно наблюдал за изувечеством. Он был бессильно защищать лучшего писателя Пекина и жалобно взывал о помощи. Ситуация вышла из-под всякого контроля. Обезумевшая толпа металась, как разгоревшееся пламя пожара, и никто не мог предвидеть, куда она бросится. Глаза отца за толстыми стеклами очков засверкали странным, необычным блеском, и у каждого, кто видел его в ту минуту, сердце сжималось от ледяющего предчувствия. Лицо его было мертвенно бледным, и только пламенный, отважный, решительный блеск глаз передавал всю глубину его душевной боли и отчаяния. В глазах китайского писателя, утонченного и изысканного, олицетворявшего собой самую человечность литературы, появился блеск безысходности и одеревенения, и всем, кто еще не утратил человеческую доброту, от этого становилось страшно. Ясно, безошибочно этот блеск говорил всем: стоит ему закрыть глаза, склонить голову, и он покинет обезумевшую юдоль страданий — земной мир!

Работники городской Ассоциации, желая высвободить Лао Шэ, старались отделить

его от остальных. К сожалению, их старания обернулись для отца еще большими нестяжаниями.

В городской Ассоциации подвизались несколько сот хунвэйбинов, старавшихся превзойти друг друга в спирености. Их поясные ремни, кулаки, ботинки, выкрики и плевки — все обрушилось на одного человека. Жизнь моего несчастного отца висела на тоненькой ниточке. Одна писательница, чтобы хоть на минуту прервать избивание, посоветовала невежественным подросткам задавать ему провокационные вопросы. Отец хладнокровно дал на них серьезные и разумные ответы, и было, конечно, решено, что он несколько не раскаялся ни в чем. Поэтому его ответы, в которых сохранялось чувство собственного достоинства, подлили масла в огонь, и избивание возобновилось с новой неистовостью.

Отец решил больше не склонять головы, не надевать на грудь позорную надпись, ничего больше не говорить. Он поднял голову, и все увидели покрытое ранами окровавленное лицо, пышущее гневом и полное собственного достоинства.

— Склони голову! Подними бирку с надписью!

Из последних сил отец отбросил прочь ненавистную бирку и попал в стоявшего перед ним хунвэйбина. И сразу же он исчез в груди бросившихся на него тел... Да, толпа захлестнула и поглотила его...

Работникам городской Ассоциации пришла в голову очередная «хитрость», они попытались выручить Лао Шэ из рук хунвэйбинов, объявив его «действующим контрреволюционером», что требовало передать его органам диктатуры для суда. После яростного препирательства удалось усадить его в машину и отвезти в ближайший полицейский участок. Потерявшая человеческий облик обезумевшая толпа окружила автомобиль, который был вынужден ползти черепашью шагом; по кузову и стеклам непрерывно, иступленно барабанили кулаками. Этот новый ярлык «действующего контрреволюционера» и хунвэйбины, и сам отец безошибочно правильно поняли: вне всяких сомнений, он отправлял отца в мир иной. Толпа подростков, среди которых преобладали девушки, бросилась к участку вслед за машиной и ворвалась внутрь, несмотря на противодействие полиции, чтобы здесь продолжать до глубокой ночи издевательства и избивание задыхающегося старика.

Вот так, всего в один день, непонятно почему, народ внезапно лишился своего самого любимого писателя, удостоенного звания народного художника.

Мать была извещена и забрала отца. Они крепко обнялись, вместе уселись в трехколесную коляску рикши. На рассвете добрались до дома. Отпуская отца, ему объявили: утром следующего дня он должен явиться в городское отделение Ассоциации с биркой «действующего контрреволюционера» и отметиться.

Утром следующего дня он действительно пошел на работу и, наверное, взял с собой требуемую бирку с надписью, но в отделение Ассоциации так и не явился. Он ушел, и след его пропал.

На рассвете, перед тем как уснуть, когда мать обмывала отцовские раны, у них был долгий разговор. Это был их последний разговор вдвоем, его можно назвать предсмертным. Отец уже принял решение умереть, но считал неудобным прямо сказать об этом родным. Нежный, сердечный разговор поэтому наполнился недосказанностью и намеками, что только усилило горечь предстоящей разлуки. Когда отец снял рубашку, и мать увидела его избитое тело, рыдания душили ее, но она не посмела заплакать, потому что знала: должна помочь, должна утешать, а не плакать. Она помогала отцу освободиться от майки, которая пропиталась кровью и присохла к телу; отодрать ее было невозможно, и мать принялась ее отмачивать, пользуясь ватными тампонами: кое-где обрывки этой майки от ударов попали даже под кожу. Руки ее не слушались, дрожали, не находили нужного места, потому что сердце сжималось, все тело трясло. Как ей было больно! И слезы потекли неудержимо.

— Народ меня понимает, — говорил ей отец. — Меня понимают партия и председатель Мао! Лучше всех меня понимает премьер!

Он был замечательным человеком! Он говорил это вполне сознательно, несмотря на жесточайшее унижение, которое он вынес, страшные мучения, небывалый позор.

Но куда идти в Поднебесной, чтобы найти честных и добрых друзей, надежную и единственную опору?

Отец сказал матери, чтобы занялась своими делами, а о нем не беспокоилась, потому что с ним ничего не может случиться. Утром он буквально вытолкнул ее за дверь,

чтобы она пошла на работу. Мать вышла из дома первой, отец ушел вслед за ней.

Прежде чем уйти, отец подошел к моей трехлетней дочке и торжественно попрощался с нею. Тогда в доме из всех родных оставалась она одна с престарелой няней. Дед позвонил внучку, нагнулся к ней, взял в руки крохотные ручонки и сказал:

— Простись с дедушкой!

Ребенок смотрел на дедушку с удивлением, не понимая, почему сегодня он такой необычный, почему пожимает ей ручки, почему так с ней прощается, медленно выговаривая слова...

Так отец попрощался с родными и любимыми, попрощался с народом, который он любил и о котором всю жизнь писал. Его разговор с внучкой был последним в его жизни. Он говорил с наивным и чистосердечным ребенком. Он был добрым и любящим человеком.

Моя дочка ничего не поняла из того, что говорил дедушка. Ей бы ухватиться за него ручонками, попросить: «Не уходи, дедушка! Позови папу, позови тетю! Они тебя спрячут! Только не уходи!» Но дочка не сказала ничего. Ей бы обнять деда, поцеловать его... А она сказала дедушке:

— До свидания,— и помахала ему вслед ручонкой.

Она была тогда очень мала, слишком мала! После этого «до свидания» дедушка ушел навсегда, чтобы больше уже не вернуться и не свидеться.

Отец любил свою маленькую внучку и часто играл с ней. Ребенок мог всегда войти в его кабинет, и отец никогда на него не сердился. Как-то раз отец принимал гостей из Англии, а внучка играла в гостиной; старик сидел на софе и приговаривал: «Будущее принадлежит им».

Уходя из дому в последний раз, он простился с внучкой в здравом уме и твердой памяти, с чистой душой, потому что в ее лице он прощался с будущим. Вероятно, он думал: история листает главу за главой, все беды и муки уходят в прошлое, счет собственной жизни уже исчерпан, бессмысленно убеждать, лучше уйти самому. Он пожал ручки внучки и ушел. «Будущее принадлежит им».

Куда же пошел отец? Никто сказать не может.

Когда я в своей организации узнал о беде и побежал домой, здесь царил хаос. От самого начала переулка и до ворот, во дворе и в комнатах — всюду толпились хунвэйбины, размахивая кожаными ремнями с пряжками, все стены были заклеены бесчисленным множеством дацзыбао: они пришли ловить Лао Шэ, поскольку тот так и не явился на работу. В доме они обыскали и перевернули все вверх дном, осмотрели все углы. Я увидел, что вентиляционные отверстия на крыше дома сломаны, потому что хунвэйбины вообразили, что Лао Шэ мог спрятаться на крыше и залезть в тридцатисантиметровую вентиляционную отдушину. Куда же он подевался в таком случае? Даже невежественные подростки с хулиганским прищуром глаз почувствовали в этом что-то необычное и постепенно разошлись. После их ухода я поспешил написать прошение, вложил его в конверт и вместе с сестренкой отнес в приемную Госсовета. Ко мне вышел ответственный товарищ, и я расстегнул одежду, чтобы предъявить ему свой мандат: на голое тело я надел оставленную вчера отцовскую рубашку, а вместо ремня подпоясался выданными из театральных костюмов рукавами, которыми была забинтована голова отца. Он выслушал меня очень внимательно, принял прошение и сказал:

— Я немедленно доложу выше, прошу вас успокоиться.

Через несколько часов матери позвонили из секретариата премьер-министра и сообщили, что премьер уже получил экстренный доклад и сейчас принимаются меры к розыску господина Лао Шэ, о результатах нас оповестят немедленно, а сейчас надо ждать известий.

Так прошли сутки. Потом еще день. К вечеру 25 августа мне позвонили из городского отделения Ассоциации и попросили прийти. Они показали мне свидетельство, в котором было написано: «Принадлежащий к нашей организации [имеется в виду Ассоциация деятелей литературы и искусства] Шу Шэюй покончил с собой перед народом, что и удостоверится». Они потратили целый день на эту формулировку, потому что для них важнейшей заботой теперь было снять ответственность. Мне разрешалось тотчас ехать на озеро Тайшинху в западном предместье за городскими воротами Дэшэнмэнь, чтобы заняться похоронами. Они также просили пока ничего не говорить матери. Видно, поняли серьезность происшествия.

Когда старый шофер предупредил меня о бродячих собаках, я обратился к молодому человеку из Ассоциации и попросил его позвонить моей матери и сказать, что я буду ждать ее у озера. Так я и сидел, охраняя мертвого отца в ожидании матери.

Почему отец пришел к озеру? Загадка. Я сидел на берегу, мучительно думал и не понимал.

Отца нашли утром в дальнем озере. Один актер, который жил неподалеку, пришел на озеро заниматься гимнастикой и увидел всего в десяти шагах от берега человека. Вокруг никого не было, и он побежал за людьми. Наконец собрались рыбаки из ближайших домов. Они вынули тело отца из воды и уложили на берегу. Он был уже совсем остывший. На берегу нашли его очки, палку, авторучку и верхнюю одежду, в кармане — служебное удостоверение, прочли его имя и должность, и собравшаяся толпа ужаснулась. И утром и днем там собиралось множество людей. В тот же день новость широко распространилась по всему северо-западному предместью Пекина. Прибыли представители городского отделения Ассоциации, полицейские из местного участка, судебные врачи. Кто-то раздобыл старую износившуюся циновку и накрыл тело. Привратник парка рассказал, что в первый день (то есть 24 августа) этот старик просидел в парке в одиночестве целый день, причем с утра до вечера пребывал почти в полной неподвижности. Судя по всему, развязка трагедии произошла около полуночи. Старик держал в руках бумагу. Утром по озеру действительно плавали листочки, которые были тщательно и осторожно выловлены. Это были стихи председателя Мао, написанные специфическим почерком Лао Шэ крупными иероглифами, размером с грецкий орех. Возможно, между столбцами иероглифов были еще какие-то последние заветные слова, и здесь кроется еще одна большая загадка. У него была бумага, авторучка, целый день времени, ему было что сказать, он многое передумал, и, самое главное, он ведь принадлежал к «пишущей братии». Так вот, люди из городского отделения Ассоциации потом возвратили нам одежду, авторучку, очки, палку, но не позволили даже поглядеть на эти листки бумаги.

Озеро Тайпинху находилось в маленьком парке, который не пользовался известностью. Вход в парк был бесплатный, гуляющих приходило мало. Но за короткий период времени он превратился в излюбленное самоубийцами место и, начиная с моего отца, десятки людей утопились в этом озере.

В произведениях моего отца озеро Тайпинху не упоминается. Но мне известно, что он прекрасно знал эти места. В течение двух лет, с сентября 1920 по сентябрь 1922 г., Шу Цинчунь, которому едва минуло двадцать лет, исполнял обязанности инспектора просвещения в северном предместье Пекина. Его канцелярия помещалась при храме Хуаяньсы за воротами Дэшэнмэнь. Он ведал надзором за всеми частными школами к северу от Пекина за воротами Сичжимэнь, Дэшэнмэнь, Аньдинмэнь и Дунчжимэнь. Он тогда обошел пешком все пригородные деревни. Может быть, уже тогда побывал на озере Тайпинху? Почти наверняка. Всем известно, что место действия его первого романа — «Философия почтенного Чжана» — как раз за воротами Дэшэнмэнь. Человек и история иногда идут одинаково, бывает, что странно описывают круги, повторяются, возвращаются к началу и, хотя спираль развития ведет вверх, все равно выглядят повторяющимися самих себя. Отец прославился, когда написал историю, происходившую за воротами Дэшэнмэнь, и почти пятьдесят лет спустя он сам именно там, за воротами Дэшэнмэнь, ушел в безмолвие.

Через двенадцать лет после трагедии на Тайпинху я случайно развернул старую, дореволюционную карту Пекина и вдруг понял ответ на загадку, почему отец пошел на озеро Тайпинху. Оно находится за городской стеной Пекина прямо против ее северо-западного угла, а со стороны города к этому углу примыкает переулок монастыря богини Гуаньинь. Они разделены только городской стеной, расположены друг против друга и на карте совсем рядом. Монастырь Гуаньинь — место жительства моей бабушки в последние годы ее жизни. Она жила там около десяти лет в доме, который купил для нее отец, всего там было десять комнат в типичном для севера дворе. Там же, летом 1942 г., бабушка скончалась. И я вдруг понял, что отец пошел тогда к своей матери — искать ее.

Отец вырос в бедности, в малолетстве лишился родителя, его воспитывала мать, родом из крестьян. Бабушка была неграмотна, она стирала людям белье, штопала одежду, нанималась прислужкой и уборщицей, чтобы прокормить семью. Ей пришлось крепко стиснуть зубы, чтобы младший сын Цинчунь смог учиться в начальной школе и стать во всей семье Шу единственным грамотным. Именно от нее к младшему сыну

передались такие черты характера, как доброта, честность, душевная теплота, трудолюбие, скромность, искренность, любовь к цветам, тяга к чистоте и порядку, выносливость в испытаниях, стойкость, вежливость и твердость, кроткая несгибаемость. В отношениях с людьми и во всех делах отец был миролюбив, был готов терпеть убытки, но это никак не было слабостью, во всем он сохранял принципиальность, любое дело доводил до конца и не позволял себе никогда переступить за пределы им самим очерченной черты дозволенного. Это и была его кроткая несгибаемость.

— Моим настоящим учителем, — говаривал отец, — была моя мать, которая передала мне свой характер. Мать была неграмотна, она воспитывала меня жизнью.

Шестьдесят семь лет спустя отец снова припал к ногам своей старой матери: она подарила ему жизнь, ей он и вернул ее. Это надо понимать как благодарность за науку жизнью и подведение итога.

После кончины отца распространились самые невероятные слухи о его гибели, все судили, рядили и гадали о том, как он умер и каковы были причины его гибели. Японские писатели были особенно потрясены его трагической смертью и сочли ее колоссальной потерей. В их произведениях отец по-прежнему живет. Мидзуками Цутому и Иноуэ Ясуси опубликовали статьи, посвященные его памяти. Друг отца, писатель Иноуэ Ясуси написал в 1970 г. знаменитую статью «Чайник», в которой подробно рассказывалось о гибели отца. Иноуэ Ясуси писал, что, когда весть о гибели отца донеслась до Японии, он наконец понял характер бедняка-китайца, который скорее согласится разбить старинный драгоценный чайник, чем продать его богачу-коллекционеру. Японская писательница Ариёси Савакоя опубликовала большую статью «Тайна жизни и смерти Лао Шэ». Писатель Хираки Цуёси написал рассказ «Разбитая яшма», посвященный гибели моего отца, за который в 1979 г. был удостоен премии Кавабаты Ясунари. Все они видели в трагической гибели моего отца решение философских проблем человеческого бытия.

Уважаемый писатель Ба Цзинь в выходивших за последние годы мемуарах «Капричио воспоминаний» не раз писал о смерти отца. Он считал, что его гибель никого не может оставить равнодушным, потому что «товарищ Лао Шэ был наилучшим китайским интеллигентом», и его гибель должна послужить уроком для всех нас. Нашелся какой-то доброжелатель, который посоветовал ему:

— Не надо вязнуть в прошлом, надо смотреть вперед и идти вперед!

— Я слишком хорошо помню прошлое, — упрямо ответил Ба Цзинь.

Ба Цзинь писал в эссе «Вспоминая товарища Лао Шэ»:

«Я помню, как он произнес слова-завещание: «Я люблю наше государство, но кто же любит меня?» Я мог бы крепко-крепко схватить его за руки и сказать ему: «Мы все тебя любим, никто не сможет забыть тебя, среди китайского народа ты будешь жить вечно!»».

25 декабря 1979 г. Ба Цзинь говорил:

— Я до сих пор не понимаю, как окончил свою жизнь Лао Шэ, было ли это самоубийство или убийство. Бросился ли он в озеро сам, не вынеся горечи на душе, или же его замучили и утопили. Но одно можно утверждать с уверенностью: человек погиб, но драгоценный чайник цел, все самое прекрасное он оставил нам.

Недавно я прочел статью Хуан Шана, который рассказывал о своей беседе с Ба Цзинем. Они говорили о многом, и, когда разговор коснулся смерти Лао Шэ, Хуан Шан сказал:

— Позвали бы меня, и ничего подобного не случилось бы!

— Не хвастайся, — ответил ему Ба Цзинь. И Хуан Шан написал в статье: «Ба Цзинь произнес эти слова сурово и низким, глухим голосом, что с ним бывало редко».

Видно, о гибели моего отца еще будут написаны статьи, будут продолжаться споры. Лично для меня смерть отца была внезапной, как оглушающий удар грома. Но уже после несчастья я не сомневался: для моего отца мог быть найден другой выход, не похожий на конец на озере Тайпинху.

Восемнадцать лет назад, когда я в одиночестве сидел у тела отца, я смирился с судьбой и верил, что в период «культурной революции» для него мог быть только такой конец: уход из жизни. Но и тогда, когда я ждал на скамейке у озера Тайпинху, я уже мог бы припомнить кое-какие события, хотя до этого я серьезно не задумывался о них.

Вспоминаю, как за несколько дней до беды, в воскресенье, я вернулся домой и заговорил с отцом о сложившемся тогда положении. «Культурная революция» еще только началась, и трудно было предвидеть все ее губительные последствия. Но в словах отца

чувствовалась глубокая тревога и озабоченность. Дальнейшие события доказали, что все несчастья, к сожалению, в подавляющем большинстве сбылись так, как говорил он.

Он говорил, что в истории Европы «культурные революции» фактически причиняли колоссальный вред культуре. Он говорил, что не хочет прятать чашки, вазы и каллиграфические надписи, потому что с ними не должна бороться революция; и с ним самим революция тоже не должна бороться. Борьба против «старья» приводила к уничтожению, а кто дал такую власть этим подросткам? Он говорил, что погибнут люди, особенно горячие, пылкие и честные. Затем он назвал два примера с людьми из предыдущих кампаний, которые не пожелали сносить позор и бросились в озеро Шэшахай. Почему он привел такие примеры, я тогда не задумался. Теперь, после беды, я думаю, что слушателю было невдомек, а говорящий высказал наболевшее.

Больше того, в 1945 г. в своем романе «Четыре поколения под одной крышей» отец описал старика по имени Ци Тянью, который погиб так же, как много позже погиб отец, причем сходство просто поразительное! Можно подумать, что он на двадцать лет раньше описал собственную гибель.

Случайному взгляду все эти отдельные слова и эпизоды могут показаться простыми совпадениями, о которых не стоит задумываться. Но ведь и высказывания и описания все исходят от него самого, что, по-моему, доказывает: в его душе был определен тот предел, переход через который побуждал его к совершенно определенным поступкам. Я полагаю, что для такого негибемого и твердого человека, каким был отец, даже если бы он спрятался 23 августа, было бы невыносимо прятаться еще и 23 сентября, а потом 23 октября; нечего и говорить, что он не мог бы вынести долгих десяти лет великой внутренней смуты. Да, есть на свете негибаемые твердые люди, унижить которых невозможно! Меня мучат угрызения совести, что я не смогу (неважно, была бы польза от этого или нет) ухватиться за его недомолвки и сказать хоть что-нибудь, что облегчило бы его бремя. Я верил ему, я почитал его и не чувствовал себя вправе давать советы. Выходит, что я не понимал его до конца. Мне больно сознать это, и горечь останется со мною до конца моих дней.

В тот день я долго просидел на скамейке, стемнело рано, парк погрузился во мрак без единого огонька. Фонарей на дорожках не было, ночь была безлунной, облака скрыли звезды. Во всем парке оставалось только два человека: отец и я, мертвый и живой. Заморосил мелкий дождик, но я сидел неподвижно. По моему лицу потекли струйки, то ли капли дождя, то ли слезы. Дождь приносил мне облегчение: он помогал плакать. Меня знобило. Стало жалко бедного отца, ведь он два дня не ел и не пил. Я подумал, что он просидел здесь так же, как и я теперь, просидел неподвижно весь день и половину ночи, каково-то ему было? Его терзали тяжелые думы, он страдал, раздираемый противоречиями. Стоило ему закрыть глаза, и перед ним, несомненно, возникала вся прожитая жизнь. Но только открой глаза, и, наоборот, все исчезает: перед ним — пустота. Здесь останавливалась в трепете моя робкая мысль, но отогнать ее совсем я не мог, вновь и вновь возвращался к этому мгновению, смятение охватывало душу, мысль обрывалась, и только горечь, мучительная горечь за его судьбу оставалась со мной.

На улице стало тихо. Я вспомнил, что мать должна приехать, вскочил и выбежал из парка на улицу, чтобы встретить ее. По удивительному совпадению, как раз в эту минуту она подъехала с людьми из похоронного бюро. Мать не знала, где лежит отец, а потому громко звала меня, медленно объезжая вокруг парка. Ее тревожные крики взволновали привратников. С их помощью отца водрузили на похоронную машину. Когда я в крематории подошел оформлять документы, девушки из канцелярии, посмотрев на мои справки, сказали:

— В первый раз так оформляем депутата Всекитайского собрания народных представителей и члена правления Народного политического консультативного совета Китая.

Это означало, что впервые такого человека хоронили без выдачи на хранение праха.

В то время, когда отец ушел, не оставив следа, даже собственного пепла, за границей ничего не знали о выпавших на его долю испытаниях и готовились присудить ему очень высокую литературную премию. Потом, когда известие о смерти Лао Шэ подтвердилось, эту премию присудили другому выдающемуся литератору из азиатской страны. Когда все это стало известно, боль утраты сделалась еще горше.

Вплоть до самой гибели отец считал, что его не в чем подозревать. У него

болела душа за множество несправедливо обвиненных людей, за подобное отношение к народу. Своей смертью он еще раз доказал это.

Дней за двадцать до смерти отец встретился с Ба Цзинем в Доме народных собраний.

— Прошу вас передать шанхайским друзьям, что я — правильный человек, — торжественно заявил он Ба Цзиню.

С такой твердой убежденностью он и встретил массовое движение и с такой же верой принял удар 23 августа. Правильный, честный — вот слова, которые роились в голове отца до самого последнего вздоха.

Удивительно говорить об этом, но те произведения, которые он любил больше, которыми дорожил и на которые потратил много сил и времени, часто подвергались особенно нелицеприятной критике, причем в основном она исходила от его друзей, и так повелось с давних пор. Обычно отец с готовностью брал ответственность на себя, поскольку был скромным, никогда не говорил о себе с самодовольством, а тем более о своих произведениях. Нередко без всякого стеснения признавал собственные неудачи и любил приговаривать: «Опять я осрамился».

С другой стороны, эти его слова можно понять так, что он был честным и уверенным в себе человеком. Он руководствовался собственными наблюдениями, решая, где правда, а где ложь, и сам делал вывод, за что критиковать и бичевать, а кому сочувствовать и кого прославлять. С 30-х гг. — начала его творческой зрелости — он перестал выводить пресных идеализированных героев и отказался разрешать конфликт путем расправы над парой негодяев или богачей. Стал поднимать сложные социальные явления, хотел глубже постичь суть исторического развития, чтобы выделить ведущие тенденции и еще точнее разбить старую мораль и нравственность, старое миропонимание и традиционную идеологию, породивший их социальный строй. Он умел показать и достоинства и недостатки человека, блестяще пользовался языком и выводил на всеобщее обозрение корни зла и пороки, самые скверные, скрытые и вьезшиеся. Таким он описал Сянцзы. С одной стороны, Сянцзы хорош собой, силен, мечтателен, крепок, велик, а с другой — он показал его падение, эгоизм, незадачливость, изобразил его как порождение большого общества, последышем жалкого тупикового индивидуализма. В конечном счете подверг отрицанию Сянцзы, понимая, что только тогда Китай будет спасен и станет по-настоящему прекрасен!

24 августа, когда отец сидел на берегу озера, он страдал не столько от побоев, позора и унижения, сколько от сознания того, что он не понят. Размышляя перед гибелью, он, вероятно, пришел к выводу: «Я правильный человек! Народ поймет меня!»

Смерть отца была трагедией, но его дух сопротивления, его мужество обладали потрясающей силой. Его смерть прозвучала как клич, как предупреждение: «Вы не правы, вы ошиблись!»

Когда мои друзья и я (закончив фотографирование того места, где отец простился с жизнью) вернулись в город, солнечные лучи осветили ворота Дэшэнмэнь, и я вдруг вспомнил финальную сцену пьесы «Чайная». Хозяин ее, Ван, так же как и мой отец, кончил жизнь до удивления сходно, и солнечный свет перед моими глазами напоминал лучи театральных софитов. Я глубоко вздохнул и наконец-то почувствовал: трагедия окончена.

Перевел с китайского А. Н. Желоховцев

Орган ЦК КПК газета «Жэньминь жибао» в номере от 17 июля 1987 г. открыла новую рубрику «Диалоги по вопросам экономики». Предваряя первую публикацию, газета пишет, что реформа и расширение связей с внешним миром внесли оживление в экономику Китая и одновременно началась перестройка экономического мышления. Об изменении взглядов говорят, в частности, дискуссии в печати. Они показывают, что уже сейчас необходимо внести ясность в подход ко многим проблемам. Именно эту цель, пишет газета, будут преследовать материалы под новой рубрикой, среди которых предполагается публикация бесед с видными экономистами, представителями правительственных организаций по вопросам теории и практики экономического строительства в стране.

* * *

В первой публикации («Жэньминь жибао», 17.VII.1987) приводится интервью с ответственным представителем Госплана КНР о коренных проблемах экономической обстановки в Китае. Прежде всего, необходимо четко представить, сказал представитель Госплана, что Китай «находится на начальном этапе социализма», и, только уяснив это, можно понять основные проблемы, стоящие перед страной. Этот этап, отметил он далее, для Китая характеризуется сравнительно низким уровнем производительных сил, значительной диспропорцией в развитии различных районов страны при наличии громадного населения и богатых ресурсов. Однако уровень развития производительных сил является определяющим фактором при оценке состояния экономики.

Если взглянуть на цифры объемов валового производства, то они впечатляют, говорится в интервью. Годовое производство черных металлов уже перешагнуло рубеж в 50 млн. т, добыча каменного угля достигла 870 млн. т, нефти — 130 млн. т, зерна в прошлом году собрано 390 млн. т. Иными словами, по этим показателям Китай занимает соответственно 4-е, 1-е, 4-е и 2-е места в мире, и это отражает колоссальные достижения в деле строительства социализма в Китае. Однако картина не столь радужная, если рассматривать производство на душу населения. За период 1978—1986 гг. прирост национального дохода составил в среднем 9 % в год. В сравнении с другими странами эти темпы роста довольно высокие, но национальный доход на душу населения в 1986 г. составлял всего лишь 740 юаней. Люди требуют повышения уровня жизни, это является конечной целью развития производства, однако такое повышение должно основываться на росте уровня производства, сказал представитель Госплана КНР и привел более наглядный пример. Так, прирост национального дохода в 1986 г. составил 7,4 %, или 78,3 млрд. юаней. Однако при миллиардном населении на каждого человека придется всего чуть больше 7 юаней в год, или около 2 цзяо в день (один цзяо = 1/10 юаня). Столько стоит куриное яйцо. Иными словами, если каждый житель страны съест в день больше на одно яйцо, то весь прирост будет исчерпан.

Миллиардное население, говорится в интервью, — это драгоценные людские ресурсы Китая, это огромная потенциальная производительная сила, но вместе с тем это и источник проблем. Ежегодный естественный прирост населения превышает 10 млн. человек, что равно населению немалого государства. Только в городах и поселках необходимо ежегодно трудоустроить 4 млн. человек, впервые поступающих на работу, а это требует модернизации производства, капиталовложений на оборудование новых рабочих мест. Даже в легкой промышленности, где капиталовложения сравнительно небольшие, осна-

щение каждого рабочего места обходится почти в 10 тыс. юаней. Следовательно, только для создания новых рабочих мест непосредственно на предприятиях требуются капиталовложения в несколько десятков миллиардов юаней, а кроме этого, одновременно необходимо несколько десятков миллиардов юаней капиталовложений в инфраструктуру и базисные отрасли промышленности.

В ходе беседы корреспондент газеты отметил, что занятость влияет на социальную стабильность в стране: при недостатке рабочих мест имеет место апатия, социальная пассивность. Представитель Госплана, развивая эту мысль, заявил, что, по мнению руководства страны, «сейчас возможна только политика широкого трудоустройства и низкой заработной платы, а курс на высокую заработную плату и высокий уровень потребления еще не имеет материальной основы, и его нельзя осуществить волевым решением». Он призвал обратить серьезное внимание на имеющую место диспропорцию между ростом доходов и повышением производительности труда. Так, с 1984 по 1986 г. производительность труда в промышленности повысилась на 21,1 %, а средняя фактическая зарплата рабочих и служащих возросла на 25,1 %. Если к зарплате прибавить различные дополнительные заработки, то рост доходов рабочих и служащих будет еще больше.

Существуют и другие диспропорции, которые вызывают множество проблем. Например, в деревнях доходы части крестьян превышают оклады министров, а в ряде отдаленных горных районов десятки миллионов людей еще не едят досыта и не обеспечены топливом. В этих условиях необходимо развивать товарную экономику, стимулировать активность масс. Необходимо также, опираясь на общественную собственность, развивать коллективную и индивидуальную экономику, например индивидуальные дворы, в которых в настоящее время занято 19 млн. человек. Не затратив никаких капиталовложений, сказал представитель Госплана, государство с их помощью решает вопросы трудоустройства и ежегодно получает в бюджет около 4 млрд. юаней.

* * *

Во втором материале («Жэньминь жибао», 20.VII.1987) под новой рубрикой опубликовано интервью с известным ученым-экономистом, заместителем ректора Академии общественных наук Китая Лю Гогуаном. Лю Гогуан остановился на основных теоретических достижениях в экономической науке за восемь лет проведения реформы в Китае.

Первым и главным выводом, сказал он, является признание того факта, что «в настоящее время китайское общество все еще находится на начальном этапе социализма». Корреспондент напомнил, что 30 лет назад, во время «большого скачка», у многих вскружились головы. Считалось, что задача построения социализма близка к победоносному завершению, а кое-кто даже призывал «перескочить в коммунизм». 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва (1978 г.), отметил Лю Гогуан, внес коррективы. Некоторые прежние взгляды не соответствовали уровню и качеству развития производительных сил в стране, искусственно были занижены стандарты социализма и коммунизма. Расхождение теории с реальной жизнью длительное время сковывало сознание людей, и это подрывало экономику страны. «Сейчас,— сказал Лю Гогуан,— мы поступили, как поступал Ленин. Мы вновь спустили теорию с небес в гущу масс, в народ». Мы, продолжал он, признаем, что в соответствии с уровнем развития производительных сил нашего общества, степенью зрелости экономической и политической систем, в соответствии с культурным и научным уровнем всей нации, а также уровнем потребления населения наше государство в настоящее время все еще находится на начальном этапе социализма. Далее, до 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва в качестве единственной модели социалистической экономики принималась модель плановой экономики, которая сформировалась в 30-е гг. в Советском Союзе. После пленума мы пришли к выводу, что развитие социализма может осуществляться по различным моделям. Были выдвинуты теоретические предпосылки для практической реорганизации структуры экономики страны в целях строительства социализма с китайской спецификой. Это было второе значительное достижение в области экономической теории, считает Лю Гогуан.

Затем, отвечая на вопросы, Лю Гогуан остановился на принципах, которые в экономической теории в прошлом рассматривались как свойственные социализму, но от которых китайские экономисты в настоящее время отказались. К ним, по его мнению, относятся: «необоснованная централизация управления экономикой, уравнительное рас-

пределение, свертывание товарно-денежных отношений». Построение социализма с китайской спецификой, сказал он, должно опираться на реальное положение в стране, основываться на постепенном формировании структуры собственности, включающей многообразные экономические решения. Важно, сказал он, создать регулирующую систему, сочетающую план и рынок, учитывающую интересы государства, коллективов и индивидуумов, создать организационную структуру управления экономикой, отвечающую объективным требованиям крупного социалистического производства.

Корреспондент газеты в свою очередь отметил, что за 8 лет реформы уже произошли изменения в структуре собственности. Например, в промышленности с 1978 по 1986 г. доля общенародного сектора снизилась с 80 до 69 %, а коллективного и индивидуального секторов увеличилась, соответственно, с 19,8 до 29 % и с 0,2 до 2 %. По мнению Лю Гогуан, это также явилось следствием пересмотра выводов экономической теории. В связи с пониманием того, что Китай находится на начальной стадии социализма, сказал он, был пересмотрен курс, по которому «чем крупнее собственность, тем она носит более общественный характер, чем более она общенародна, тем больше в ней социализма». Это явилось третьим достижением в области экономической теории, сказал Лю Гогуан. В ходе реформы, указал он, в Китае отказались от курса на единообразие форм собственности и стали считать, что в условиях, когда общественная собственность является главной, а общенародный сектор экономики занимает ведущее положение, можно и необходимо допустить существование многих экономических секторов и многообразных форм хозяйствования, можно допускать и стимулировать развитие различных предприятий коллективного сектора, индивидуальных, смешанных (основанных на китайском и иностранном капитале), а также предприятий, в которые вложен только капитал иностранных коммерсантов.

С другой стороны, указал Лю Гогуан, как сейчас стало ясно, ошибочным было не только волюнтаристское привнесение в социализм теорий и положений, ему не присущих, но и отказ от некоторых экономических принципов, которые волюнтаристски рассматривались как свойственные только экономике капитализма. Например, ранее считалось, что деление права владения и права хозяйствования имеет место только в частнособственнической экономике, в социалистической же экономике происходит соединение этих двух прав; что передача права хозяйствования в руки коллектива или отдельных лиц неизбежно подвергнет эрозии принцип коллективной общественной собственности на средства производства. В течение 30 лет, сказал Лю Гогуан, у нас господствовал этот взгляд. Удар по так называемому единству двух прав нанесла в первую очередь реформа в сельской местности. Коллективное право на владение такими основными средствами производства, как земля, не изменилось, но система подрядной ответственности обеспечила крестьянам полное право хозяйствования, отметил Лю Гогуан. В результате очень быстро и значительно возросло сельскохозяйственное производство. Аналогично принцип разделения двух прав осуществляется и при проведении реформы в городах. Аренда, подряд, долевое участие предприятий — все это формы разделения права владения и права хозяйствования. Капитализм применяет эти формы, социализм также может использовать их, подчеркнул Лю Гогуан, и это, по его мнению, несомненно, можно рассматривать как четвертое достижение в области экономической теории.

Корреспондент в ходе беседы коснулся изменений взглядов китайских экономистов на проблему товарной экономики. Лю Гогуан в своих разъяснениях отметил, что «товарная экономика — это экономическое явление, характерное для любого общества, в котором существует общественное разделение труда и имеются сферы разграничения интересов». Поэтому она присуща не только капитализму. На основании принятого 3-м пленумом ЦК КПК 12-го созыва (1984 г.) Постановления о реформе структуры экономики, сказал далее Лю Гогуан, в Китае отказались от существовавшего в прошлом противопоставления социалистической плановой экономики и товарной экономики. Было четко определено, что социалистическая экономика — это плановая товарная экономика на базе общественной собственности и, исходя из этого, должна строиться модель реформы структуры всего хозяйства. Это стало пятым, самым важным итогом в развитии экономической теории.

Далее Лю Гогуан коснулся различий в понимании роли плана в плановой товарной экономике и в традиционной теории плановой экономики. В прошлом, сказал он, директивное планирование рассматривалось в качестве стержня социалистической пла-

повой экономики, плановый механизм и рыночный механизм считались несовместимыми. Сейчас общепринятой стала точка зрения, по которой развитие социалистической экономики не может основываться только на плановом регулировании, оно должно опираться на сочетание планового и рыночного регулирования. При этом считается, что рамки директивного планирования необходимо несколько сузить и создать систему управления, в которой главным является директивно-направляющее планирование, тесно связанное с рыночным механизмом. Это шестой итог экономических исследований.

Седьмое достижение в области экономической теории представляет собой изменения в Китае взглядов на рынок, продолжал Лю Гогуан. Раньше считалось, что социалистический рынок ограничивается только рынком индивидуальных предметов потребления, а средства производства не рассматривались как товар и не поступали на рынок. Тем более за рамки рынка выносились фонды, услуги, техника. В настоящее время от признания рынка потребительских товаров совершен переход к признанию широкого социалистического рынка.

Следующее, восьмое достижение было сделано в теории цен, считает Лю Гогуан. Отброшен традиционный подход, согласно которому цены рассматривались только как инструмент учета и перераспределения, стабильные цены принимались в качестве неизменных товарных цен. Сейчас утвердился новый взгляд на цены. Их предполагается применять как важнейший инструмент регулирования экономики. Согласно новому взгляду, товарные цены в основном стабильны и сочетаются с гибким регулированием. Отброшен также и старый подход, когда только государство устанавливало и регулировало цены. Принят новый курс, предусматривающий сочетание регулирования и самоуправления цен, постепенное формирование рыночных цен.

Изменились взгляды и в сфере распределения. На раннем этапе реформы, отметил Лю Гогуан, внимание акцентировалось на искоренении уравниловки в сфере доходов и распределения, на переходе к распределению по труду. Девятым достижением Лю Гогуан назвал признание необходимости и правильности точки зрения, согласно которой в условиях социалистической товарной экономики параллельно существуют многообразные формы распределения, но главным является распределение по труду.

Десятым важным итогом исследований в области экономической теории Лю Гогуан назвал пересмотр положения о неразрывности связи двух функций государства: как органа политической власти и как владельца общенародной собственности. Социалистическое государство, пояснил Лю Гогуан, имеет две функции: во-первых, представляет государственную и административную власть и, во-вторых, выступает как обладатель права на общенародную собственность. На основе этого было выдвинуто предложение о реформе системы макроуправления, предусматривающей разделение функций государства и дифференцированное взимание налогов и отчисление от прибылей.

В ходе беседы корреспондент газеты отметил, что, по его мнению, еще одним важным достижением как в теории, так и на практике были преобразования, связанные с переходом от «закрытой экономики» к «экономике, открытой для внешнего мира». Как показывают статистические данные, к настоящему времени в страну привлечено иностранных капиталов на сумму свыше 28 млрд. юаней, в Китай поступило оборудования и техники в количестве свыше 14 тыс. позиций. Все это сыграло важную роль в разрешении возникших в ходе осуществления четырех модернизаций проблем финансирования, обеспечения техникой и технологией.

Действительно, подтвердил Лю Гогуан, одиннадцатым достижением в области экономической теории явился отказ от политики опоры на собственные силы, которая вела к замкнутости и изоляционизму. Сейчас провозглашен курс на расширение связей с внешним миром, основывающийся на планомерном заимствовании иностранных капиталов, ввозе техники, активном развитии внешней торговли и включении китайской экономики в международное экономическое разделение труда с целью ускорения темпов развития народного хозяйства. Без этого, подчеркнул он, невозможно освоить новую технику, воспринять происходящую в мире новую техническую революцию и, следовательно, невозможно осуществить четыре модернизации и построить мощную социалистическую державу.

Завершая беседу, корреспондент газеты отметил, что, несмотря на указанные выше одиннадцать теоретических достижений в экономической науке, в настоящее время в ходе проведения реформы по-прежнему существует проблема отставания экономической те-

орин от практики, продолжают дискуссии и немало сложных вопросов ждет решения. В связи с этим Лю Гогун указал на некоторые ключевые проблемы, которые стоят перед экономической наукой и требуют дальнейшего глубокого изучения, среди них:

— особенности начального периода социализма и его характерные отличия от социализма высшего порядка;

— взаимосвязь плана и рынка и способы их сочетания в модели планового товарного хозяйства;

— сравнительный анализ эффективности и возможностей использования различных форм разделения двух функций государства и двух видов экономических прав — права владения и права пользования (замена отчислений от прибыли налогом, аренда, подряд, система дивидендов, паевые проценты);

— изучение возможностей кооперативных, индивидуальных и частных хозяйств;

— взаимозависимость мероприятий, связанных с реформой собственности и реформой хозяйственного механизма, роль этих мероприятий в развитии экономики, взаимосвязь реформы на предприятиях и реформы цен;

— изучение и дальнейшее формирование и совершенствование рыночной системы; — изучение возможностей дальнейшего развития системы цен при одновременном существовании государственных и рыночных цен;

— взаимосвязь мероприятий в области экономической реформы с развитием экономики, проблемы реформы и ее состояние;

— меры по контролю за инфляционными процессами в ходе проведения реформы;

— рациональное разрешение проблемы дифференциации доходов, пути преодоления уравниловки и необоснованного сдерживания роста доходов;

— обоснование научного рационального разграничения функций власти, определение прерогатив правительственных органов всех уровней в управлении экономикой.

Лю Гогун призвал экономистов-теоретиков смелее вести поиск, раскрепостить мысль для внесения более весомого вклада в реформу.

* * *

Публикации под рубрикой «Диалоги по вопросам экономики» в газете «Жэньминь жибао» продолжают. Они рассчитаны на широкий круг читателей. Участники бесед в популярной форме разъясняют складывающуюся экономическую обстановку в стране, задачи по проведению реформы и необходимые мероприятия для успешного проведения реформы. При этом подчеркивается, что реформа включает в себя не только перестройку хозяйственного механизма, но и сознания людей.

Б. Н. БАСОВ

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Китайская литература: традиции и современность

Н. Т. Федоренко. Избранные произведения в 2-х т. Т. 1. Проблемы исследования китайской литературы. М., «Художественная литература», 1987, 510 с.; Т. 2. Китайское литературное наследие и современность. М., «Художественная литература», 1987, 494 с.

Только что изданы избранные произведения в двух томах члена-корреспондента Академии наук Н. Т. Федоренко. В них — работы советского синолога по проблемам китайской литературы, словесного искусства, классического наследия и современности.

Творческий путь Н. Т. Федоренко начался в 40-х гг., когда он, окончив аспирантуру Московского института востоковедения, работал в сражавшемся против японской агрессии Китае. Его увлеченность изучением китайской литературы и языка была и для нас, начинающих китанстов, работавших в посольстве СССР в Чунцине, предметом постоянного подражания. Его первые публикации были связаны с исследованием древнейших памятников китайской литературы «Шицзин» («Книга песен») и «Чуских строф». На протяжении почти полувека он не прекращал свои исследования в этой области китайской филологии.

Случается, профессия и жизнь человека сливаются воедино. Н. Т. Федоренко нередко внушал нам мысль о том, что человек, который приходит в китаеведение, никогда не должен покидать эту область науки. Не всем это удается. Путь человека, как и время, подвержены переменам. Н. Т. Федоренко сохранил приверженность синологии, несмотря на свою многогранную деятельность. Он не прекращал выступать с новыми книгами и статьями по китайской литературе,

незвизрая на высокие дипломатические посты, которые занимал на протяжении более трех десятилетий.

И вот теперь увидели свет избранные произведения Н. Т. Федоренко, где среди других работ мы встречаем его приоритетные научные исследования — «Шицзин», «Чуские строфы», проблемы генезиса и периодизации истории китайской литературы, вопросы классического наследия и современности.

Вспоминается, как появились первые главы докторской диссертации Н. Т. Федоренко об исторической достоверности великого поэта Цюй Юаня (IV—III вв. до н. э.) и его творчестве сначала на страницах китайских научных журналов. Вскоре, в 1943 г., Н. Т. Федоренко успешно защитил диссертацию в Институте востоковедения АН СССР и, как это отмечалось в печати, стал одним из самых молодых докторов филологических наук в нашей стране. Работа «Поэзия Цюй Юаня. Самобытное и общечеловеческое» — дальнейшая разработка проблемы творчества гениального певца китайской древности, завершившего эпоху фольклорного искусства в Китае. Здесь виден огромный шаг вперед в исследовании творчества Цюй Юаня и его роли в китайском художественном творчестве и духовной жизни народа. В этом, можно сказать, проявляется высокая и неутолимая жажда истины, стремление дойти до корней, до самой сути. Заслуга Н. Т. Федоренко в том, что он первый открыл советскому читателю поэзию Цюй Юаня. Теперь поэт стал частью нашей поэтической культуры.

Верно, конечно, что творчество Цюй Юаня, как всякое подлинное явление искусства, всегда остается не до конца разгаданным, не полностью истолкованным и оттого не менее пленительным. И как бы ни был связан Цюй Юань с той жестокой эпохой, будучи ее плотью и кровью, ее сыном и гражданином, он не мог обходиться одним лишь этим миром. Он принадлежал времени с его неблагодобразием, его дисгармоничностью, и мало кому удавалось с такой зоркостью разглядеть реальные черты действительности, бесповоротно разрушавшей красоту мира, дорогого ему по заветным народным приданиям и образцам фольклорного искусства. Мы чувствуем, как своими исследованиями Н. Т. Федоренко словно бы ведет нас из минувшего в мир

нынешний и грядущий, который, конечно же, должен вобрать в себя все лучшее из общечеловеческих ценностей Востока и Запада. Тщательное, аналитическое восстановление прошлого, проницательное скрепление осколков времени, стремление вжиться в дух, в атмосферу эпохи — все это подвластно лишь научной методологии, объективному миропониманию. Мы убеждаемся, что в работах Н. Т. Федоренко никаких отступлений от фактологии, строгая историческая достоверность. Во всем — большом и малом. Критерий один — творческая личность поэта в конкретных исторических обстоятельствах. Связь событий и действующих лиц.

Невольно приходят на память слова Гегеля: истина рождается как ересь, а умирает как предрассудок. Цюй Юань в работах Н. Т. Федоренко выступает человеком высокого нравственного примера, говоря словами китайского поэта, на него больно смотреть: слепит глаза и через тысячелетия.

Справедливо замечание автора, что в творчестве Цюй Юаня мы видим воплощение глубоко осознанного, страстного протеста, обращенного против жестоких несправедливостей окружающей поэта реальности, глубоко чуждой и враждебной его духовным идеалам. И сам народ, нескончаемые поколения китайцев давно уже отвели Цюй Юаню подобающее место в истории литературы и определили значимость его поэтических творений, относясь к нему с благоговением и видя в его поэзии источник высоких устремлений многих поколений китайских поэтов.

Патриотизм Цюй Юаня привел его на путь бесстрашного противоборства, закончившегося трагически. Но это не был «бесплодный спор с веком», хотя многие знали, каким ядом клеветы и наветов недруги поэта облили благородное сердце невольника чести.

Нельзя не согласиться с выводом Н. Т. Федоренко о том, что творчество Цюй Юаня — это достояние не только китайского народа. Конечные измерения жизни и творчества поэта — патриотические чувства, душевная чистота, мужественная убежденность. Потребовалась феноменальность натуры Цюй Юаня, чтобы возник небывалый, неповторимый по своей самобытности мир образов. Именно Цюй Юань, которому была чужда бесстрастная объективность при взгля-

де на современное ему общество, оказался той творчески одаренной личностью, которой суждено было средствами поэтических образов выразить трагедию родной земли, народа, свою собственную. И образы эти, рожденные национальной самобытностью, пройдя испытание временем, приобрели значение всеобщее и стали достоянием человечества.

Хорошо известно, что утверждение марксистского мировоззрения означало принципиально новым подходом к решению всей совокупности проблем, связанных с идеологической жизнью общества, с творческой деятельностью человека. История подтверждает глубокую научность марксистско-ленинского учения, важного для анализа историко-литературного процесса, художественного творчества, эстетического осмысления действительности. Марксистско-ленинская методология определяет и задачи в области исследования литературного процесса в Китае.

Мы знаем, что перед историками китайской литературы стоят многие задачи общего и частного характера, прежде всего изучение закономерностей процесса развития литературы, исследование эволюции творчества писателей разных исторических периодов. В соответствии с этим, отмечает автор, создание марксистской истории китайской литературы — главная задача советских китайствоведов-литературоведов. Она в свою очередь потребует критического освоения научного наследия прошлого, всестороннего исследования связей писателей с жизнью эпохи, изучения их мироощущения и творчества в органическом единстве идейности содержания и художественности.

Вспомним слова древнего мыслителя Чжуанцзы: «Люди почитают то, что известно, а не ведают, что познание начинается лишь после того, как опирается на знание, познают непознаемое». Главным достижением науки, отмечал академик В. М. Алексеев в работе «Советская синология», надо считать расчленение комплексной синологии на ряд специальностей (историка, филолога, философа, лингвиста, искусствоведа и т. д.). При этом добавляет, что «только при советской научной политике можно добиться наиболее ощутимого прогресса как в подготовке кадров исследователей, так и в самих синологических исследованиях».

Обратим внимание на поставку

Н. Т. Федоренко вопроса, возникающего по существу проблемы: что считать «литературой», то есть вопроса о природе или о самом составе литературы (вэньсюэ). Едва ли у кого-либо возникает сомнение в существовании факта различного состава литературы или неодинакового представления об этом в различные исторические времена. Факт этот в равной мере присущ всем литературам Запада и Востока и в своих важнейших очертаниях является для них общим независимо от национальной принадлежности или самобытности литературы. Характерно, что отдельные произведения включались в состав литературы на более ранних исторических этапах развития словесности, но не всегда входят в позднейшие периоды.

Отсюда вытекает диалектическая закономерность в определении самого термина «литература» («вэнь», «вэньчжан», «вэньсюэ»), связанного с историческими корнями китайской литературы, с путями ее длительного развития. Иными словами, «литература» («вэньсюэ») — понятие историческое, и поэтому определение ее содержания или состава развивается во времени, а вместе с тем по-разному обосновывается представителями идеалистического или материалистического миропонимания.

Автор справедливо отмечает, что если обратиться к наследию китайского литературоведения, то нельзя не заметить, что большей части материалов по изучению китайской литературы старой школой филологов присущ общий недостаток — слабость научной методологии, субъективность в отборе и оценке литературных произведений. В традиционных работах китайских авторов нет четкого понимания и определения самого предмета исследования — литературы. Отсутствие объективного взгляда и должных критериев нередко приводило исследователей к произвольному обращению с литературными явлениями и фактами, к вольному толкованию вопроса о сфере словесно-речевого искусства и т. д. Методика литературоведческого анализа, конкретные приемы исследований и разборов, как правило, не выходили за рамки формального перечисления древних источников и традиционных комментариев.

Помимо всего, известно, что в старых литературоведческих источниках почти отсутствует анализ образов и характе-

ров. Нет и разбора композиции литературных произведений, установления связи мировоззрения героев с общественной жизнью, идеями и веяниями времени и т. д. В традиционных работах китайских авторов искусство художественного слова не рассматривалось с позиций синтеза теории литературы, эстетики, истории литературы и критики. Отсутствовал даже сам термин «история литературы». Сколько-нибудь последовательного и законченного изложения истории китайской литературы не существовало, скорее приводился материал для ее создания. Лишь в немногих из них в лучшем случае прослеживались история того или иного литературного жанра либо же отдельные стороны истории китайской литературы.

Закономерна постановка автором (при научном подходе к истории литературы) вопроса: какие из памятников литературы имеют основание быть отнесенными к художественным произведениям? Ведь наравне с самоочевидными литературными произведениями мы встречаем и многочисленные тексты как бы нелитературного характера или предназначения, например мифологического или исторического, философского, эстетического и т. п., однако оригинальные и своеобразные. Как нам следует относиться к ним? Правомерно ли включать их в состав китайской литературы?

Так, Н. Т. Федоренко приходит к выводу, что под термином «древнекитайская литература» подразумевается совокупность не собственно литературных произведений, но и всех тех текстов или их отдельных частей, которые вне строгой зависимости от их целевой установки или наряду с этим обладают художественными качествами, эстетической ценностью.

Важен и вывод автора, что на примере развития китайской литературы видно, как постепенно в ходе исторических изменений состава литературы возникает, принимаемая все более четкое очертание, и получает самостоятельное бытие то, чему дано название «литература». Иными словами, это особая категория творческой деятельности общества, не равнозначная философии и науке, но взаимосвязанная с ними уже в силу того, что она применяет многие их средства: символы, образы, метр, ритм, эвфонию. Речь идет о взгляде на литературу и ее историю не как на летопись,

запыленную временем, но как на художественное постижение действительности. Характерно, что аналогичные явления обнаруживаются в истории и других литератур и таким образом приобретают общий, принципиальный характер.

Нужно ли доказывать, что подлинно исторический подход заключается именно в том, чтобы исследователь установил литературную ценность произведений различных видов той или иной эпохи, исторического периода. При этом важно помнить, что отнюдь не все вновь возникающие литературные виды совершеннее предшествовавших.

Не менее существенно и то, что при разрыве периодизации китайской литературы² Н. Т. Федоренко исходил из марксистско-ленинского положения о вторичности форм идеологии и их производности от общественного бытия. Развитие литературы, как и других форм общественного сознания, являющихся надстройкой над базисом, отмечает он, в конечном счете определяется изменением в социально-экономическом строе общества. Вместе с тем развитие идеологии и одной из составных ее частей — литературы — в известной мере отстает или, наоборот, опережает развитие производительных сил, в силу чего периодизация истории литературного процесса в какой-то мере отличается от периодизации явлений базисного порядка.

Общезвестна истина: история литературы свидетельствует, что значительные художественные произведения и их авторы — порождение своей эпохи. Она окрыляет их, дарит им вдохновение, наполняет их творчество общественной и эстетической значимостью. Только такое творчество располагает к раздумьям, вселяет в сознание и сердце человека чувство прекрасного, светлого, возвышенного, служит доказательством того, что человек не бесследно проходит по земле. И в этом не просто память времени. Здесь воплощается сама летопись движения народа, его художественный гений.

Справедливо поэтому замечание автора: когда мы говорим о Китае, что это земля, где родились «Шицзин», «Чуские строфы», танская поэзия, юаньская драма, это, конечно, не метафора. Поистине трудно себе представить поколения и поколения китайцев, для которых «Шицзин», творчество Цюй Юаня, Тао Юань-

мина, Ду Фу, Ли Бо, Бо Цзюй, драмы Гуань Ханьциня, проза и публицистика Лу Синя не составляли бы часть, и весьма значимую, их духовной жизни.

В своих работах Н. Т. Федоренко показывает, что традиции правдивого отображения действительности в китайской литературе восходят к народному творчеству «Шицзин». В этом литературном памятнике содержится социальный протест, критика общественных отношений, звучат мотивы ненависти к жестоким правителям и придворной знати, которые обирают народ, ведут паразитический образ жизни, погрязнув в разврате и роскоши. «Шицзин» — сама душа китайского народа, воплотившаяся в поэтическом слове. По своей значимости и художественным достоинствам она может быть поставлена в один ряд с такими шедеврами мировой литературы, как «Илиада» и «Одиссея», «Рамаяна» и «Махабхарата», «Слово о полку Игореве». И это не преувеличение, что китайская поэзия в своей основе вышла из «Книги песен», что ей она в значительной мере обязана и многообразием своего содержания, и совершенством художественных форм. В глубокой органической связи с «Шицзин» находится большинство выдающихся литературных произведений, начиная с самых ранних художественных творений.

В этой связи следует сказать, что в многовековом историческом и культурном наследии художественное творчество китайского народа занимает особое место. Классическая поэзия Китая, писал современный литературовед Дин И (конечно, до «культурной революции»), представляет собой самую богатую и самую блестящую часть китайского классического литературного наследия, являющегося неотъемлемым духовным достоянием народа. Классическая поэзия дает возможность понять китайскую историю, народную жизнь в прошлом, характер развития китайского общества.

Думается, что уместно напоминание автора о том, что история как литературный жанр, то есть исторические сочинения в отличие от художественного вымысла, неизменно вызывала в Китае наиболее уважительное и серьезное отношение. Классическим творением явились «Шицзи» («Исторические записки») Сыма Цяня, основоположника китайской историографии. «Шицзин», или «Шаншу»

(«Книга истории», «Книга исторических преданий» или «Книга писаний»), — древнейший китайский литературный памятник. «Шуцзин» принадлежит к каноническому «Пятикнижию» («Уцзин»): «Шуцзин», «Шицзин», «Ицзин» («Книга перемен»), «Лицзи» («Книга установлений», «Книга правил» или «Книга ритуалов») и «Чуньцю» (летопись царства Лу (722—481 гг. до н. э.) — родины Конфуция). Несомненно, что эти и другие дошедшие до нас памятники китайской письменности, отражающие картину напряженной, интенсивной и многогранной жизни древнего общества, — не более как скромные остатки огромной литературы, которая существовала, но погибла, быть может, навсегда. Однако сохранившееся позволяет судить и о величии этой литературы, и о необыкновенном многообразии, яркости и самобытности жизни, которую она отображала.

Историки-востоковеды хорошо знают, что документы «Шуцзина» представляют интерес как источник исторических сведений, как наиболее ранние письменные памятники китайской старины. Именно этот аспект «Шуцзина» обычно привлекал внимание исследователей. Отсюда, собственно, и название памятника было интерпретировано некоторыми синологами (Легг, Куврер и др.) как «Книга исторических документов». Между тем «Книга истории», с нашей точки зрения, обладает настолько бесспорными достоинствами литературного памятника, что многие его тексты прежде всего должны рассматриваться как произведения литературного творчества. Такие главы, как «План великого Юя», «Уложение Яо», «Уложение Шуня», «Хун Фань» и др., несомненно, представляют собой образцы древнекитайской прозы. Характерно, что эти произведения древней словесности по своему жанру и стиливым признакам скорее относятся к прозе поэтической. Словесное искусство здесь основывается на соразмерности хода повествовательной мысли, риторичности фигур, интонационности средств восклицания, обращения, повторения. Иероглифически это выражается своеобразной связью между отдельными частями речи текста с помощью особых знаков — часто служебных частиц — «сюйчжи». При этом членение речи обладает качествами ритмичности, интонационной мерности. Отсутствие в древнекитайском иероглифическом тексте пунктуации обусловило специфич-

ческую фразовую интонацию и паузы, только правильное понимание которых и раскрывает своеобразие ритмики и методики речи. Моносиллабичность и тоническое своеобразие китайского языка, то есть тональное звучание слов, отсутствие привычных в европейских языках флексий, — все это отнюдь не упрощает путей правильного прочтения древних текстов, их аутентичной интерпретации.

В другом памятнике китайской культуры — «Книге перемен» («Ицзин»), — ценнейшем источнике наших знаний о духовной жизни древнего Китая, с наибольшей силой проявилась идея древних о глубокой взаимосвязи природы и человека. В этом памятнике содержатся мысли о времени и вечном изменении, о том, что три великие потенции — небо, человек и земля — находятся в состоянии непрерывного развития и изменения.

Известно, что «Ицзин» искони ставится китайскими филологами на первое место среди классических книг. Это объясняется, в частности, тем, что конфуцианские ученые, которыми этот памятник был канонизирован, исходили из глубокого убеждения, что «Ицзин» была создана в эпоху отдаленной китайской старины. Идеализируя древность и царившие в ней устои, конфуцианство придавало этому памятнику священный характер.

По своему содержанию она существенно отличается от других литературных памятников, составляющих компендум конфуцианской идеологии, — «Шуцзин», «Шицзин», «Лицзи» и «Чуньцю», — в которых конфуцианство черпало мудрость для построения своих политических концепций и выработки основных моральных принципов. К этим каноническим книгам восходят конфуцианские категории этики, своеобразный свод нравственных критериев, понятия о древнем ритуале, гуманности, добродетелях и т. п.

У всего истинно прекрасного, говорит Н. Т. Федоренко, свои законы движения, свои пути к человеку, к миру его мыслей и чувств. Подлинное искусство вечно живо удивительным чудом, образной своей тайной. Для правильного и плодотворного восприятия иноземной культуры крайне важно знать истинный характер народа — носителя этой культуры, национальное его своеобразие. Ложное, искаженное представление о нем никогда не способствовало взаимному обогащению и сближению культур разных стран.

Избранные работы советского синологга помогают нам в углубленном понимании великих духовных ценностей нашего соседа — китайского народа.

*М. С. КАПИЦА,
профессор*

¹ В. М. Алексеев. Советская синология. — В кн.: Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г. М., 1947, с. 28—29.

² См.: Проблемы периодизации истории литератур народов Востока. Сборник статей. М., 1968.

Перспективы советско-японских отношений

«Ниссо хэйва-но дзёкэн» (Условия мира между Японией и Советским Союзом) Под редакцией Синдо Эйити. Токио, 1987 г., 450 с. На яп. яз.

Рецензируемая коллективная монография вышла в издательстве «Нингэнся» в начале 1987 г. Для читателя она представляет особый интерес прежде всего потому, что ее авторский коллектив, включающий специалистов самых различных направлений — от бывших членов японского парламента, в прошлом ответственных сотрудников Управления национальной обороны Японии до профессоров японских университетов, — сделал попытку продемонстрировать «новое мышление» в подходе к анализу наиболее сложных проблем нынешнего этапа советско-японских отношений. Насколько она удалась — об этом и пойдет речь в предлагаемой рецензии.

Большое место в работе отведено вопросам улучшения советско-японских отношений, поиску путей к подписанию мирного договора. Не обошли авторы вниманием и так называемую «территориальную проблему». Хорошо известно, что именно территориальные притязания

Японии к Советскому Союзу активно используются противниками улучшения советско-японских отношений как в самой Японии, так и за рубежом (в первую очередь в США). Выдвижение японской стороной незаконных территориальных претензий к СССР на южную часть Курильских островов является, по существу, единственным препятствием на пути заключения мирного договора между двумя нашими странами, а следовательно, серьезнейшим образом сдерживает процесс оздоровления обстановки в азиатско-тихоокеанском регионе, создает серьезные помехи созданию в этом районе мира климата доверия, взаимопонимания и сотрудничества.

Официальные круги Японии и стоящие за их спиной ультраконсервативные силы в стране и в США стремятся сохранить любым путем это искусственное препятствие. Есть все основания предполагать, что как японская, так и в еще большей степени американская сторона заинтересованы в «замораживании» советско-японских отношений в их нынешнем виде, когда Япония незаконно требует расширения своего суверенитета на четыре острова Курильской гряды. В Японии и США существуют силы, которые в этом видят один из способов сохранения напряженности, взаимного недоверия и возможности на этом фоне оправдать наращивание своих военных приготовлений.

Аргументы, приведенные авторами монографии по проблемам советско-японских отношений, служат, на наш взгляд, убедительным доказательством безосновательности каких-либо претензий японского правительства к Советскому Союзу по так называемой территориальной проблеме и серьезным образом «размывают» официальную позицию в этом вопросе.

Прежде всего обращает на себя внимание отмеченная многими авторами исследования уязвимость основных аргументов японского правительства и МИД в отстаивании «прав» Японии на не принадлежащие ей территории. Эти аргументы — противоречивы и непоследовательны. Если в 1951 г. при подписании Сан-Францисского мирного договора японское правительство официально отказалось от всех прав, правооснований

и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающие к нему острова, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 г., то на каком юридическом основании впоследствии, спрашивают авторы исследования, Япония пересмотрела свою же позицию и стала требовать от СССР возвращения четырех островов южной части Курильской гряды. В книге подчеркивается, что ссылки МИД Японии на то, что эти острова (Кунашир, Итуруп, Хабомаи и Шикотан) являются исконно японской территорией, что они не входят в состав Курильских островов и поэтому незаконно оккупируются Советским Союзом, несостоятельны, ибо: а) в тексте Сан-Францисского мирного договора отсутствуют какие-либо разъяснения по поводу того, что считать Курильскими островами, и японское правительство поставило свою подпись под договором; б) острова Кунашир, Итуруп, Шикотан и Хабомаи не являются в географическом и историческом смысле японской территорией (на это, в частности, в свое время указывал японский историк Сигэтада Манабэ в работе «Нитиро канкэйси 1697—1875». — История японо-русских отношений. Токио, 1978); в) на специальной двенадцатой сессии японского парламента в октябре 1951 г., состоявшейся сразу после подписания Сан-Францисского мирного договора, в ответ на запрос члена парламента о границах Курильских островов, включенных в текст договора, начальник договорного отдела МИД Японии Кумао Нисимура четко ответил, что в состав Курильских островов входят Северные и Южные Курилы, часть которых — Кунашир и Итуруп — составляет единую в географическом смысле островную гряду (с. 126); г) в приказе Объединенного командования оккупационных сил США в Японии за № 677 от 29.01.1946 г. прямо указывается, что Курильские острова, а также острова Хабомаи и Шикотан отделяются от территории собственно Японии на основании правительственного указа (с. 171).

Профессор университета Софии в Токио Грегори Кларк отмечает, что если даже японское правительство и не намеревалось в 1951 г. слишком расширенно толковать понятие «Тисима рэтто» (Курильские острова), то все же под дав-

лением Соединенных Штатов оно было вынуждено пойти на это. Следовательно, пишет Кларк, обвинять СССР в том, что он якобы «незаконно» оккупировал Южные острова Курильской гряды, у японской стороны нет никаких юридических оснований.

Авторы монографии, похоже, проявляют единодушие в понимании того, что так называемая территориальная проблема в отношениях между Японией и СССР — это проблема не советско-японских, а советско-американских отношений. С начала «холодной войны» против СССР правящие круги США использовали любую возможность для торпедирования процесса улучшения отношений между СССР и Японией. Удобным поводом для этого стало искусственное разжигание территориальных притязаний Японии к Советскому Союзу. При этом США, разумеется, учитывали, с одной стороны, возможное недовольство Японии решениями Ялтинской конференции и, с другой стороны, неприемлемость для СССР пересмотра итогов второй мировой войны. В результате Соединенным Штатам на протяжении более 40 лет после окончания войны удается удерживать Японию от подписания мирного договора с СССР. Все это означает, приходят к выводу авторы книги, что в происхождении так называемых территориальных споров между Японией и СССР из-за Курильских островов вина лежит не на СССР, а на США и Японии, хотя последние через средства массовой информации пропагандируют противоположную точку зрения. Вина Соединенных Штатов заключается в стремлении во что бы то ни стало сохранить искусственные препятствия на пути советско-японских отношений, в нагнетании реваншистских настроений. Что же касается самой Японии, то она ответственна за то, что беспринципно и охотно дает возможность США использовать себя в этой неблагоприятной политической игре. И пусть даже за это Япония получает от Вашингтона известные уступки в экономической области, она утрачивает свою национальную гордость и право самостоятельно решать, что ей выгодно и что нет в отношениях с другими странами.

Отсутствие самостоятельности в вопросах принятия внешнеполитических решений в отношении СССР, с одной стороны, и отсутствие конструктивного под-

хода в вопросах развития советско-японских отношений — с другой, приводит, по мнению бывшего члена парламента по Хоккайдскому избирательному округу Тосиаки Вада, к тому, что японское правительство и МИД Японии, по существу, загоняют решение проблем двусторонних отношений в тупик и сами себе «роют яму» в этом вопросе (с. 162). Как всерьез можно требовать от СССР принадлежние ему территории, рассчитывая при этом, что он согласится с перспективой приближения к своим границам передовых ударных частей армии США и Японии, риторически спрашивает Тосиаки Вада. На неперспективность и ошибочность такой позиции указывает и бывший ответственный сотрудник УНО Японии Кацуми Такэока. Анализируя официальные аргументы МИД и правительства Японии в так называемом вопросе северных территорий, авторы книги обращают внимание на отсутствие у японской стороны каких-либо юридических оснований требовать от СССР «возвращения» четырех Курильских островов. Дело в том, что Япония не может формально требовать вернуть назад ей то, от чего она сама добровольно отказалась, подписав Сан-Францисский мирный договор. Из этого следует, что японская сторона не может в одностороннем порядке пересматривать условия договора, под которыми стоят подписи 48 стран — участниц Сан-Францисской мирной конференции. Правда, единственное, что может сделать Япония в юридическом плане, — это официально обратиться к Соединенным Штатам и к другим странам, подписавшим договор, с просьбой о его пересмотре на том основании, что она считает его несправедливым. Однако Япония этого не делает уже на протяжении более 35 послевоенных лет и, по мнению Кацуми Такэока, никогда не сделает. Во-первых, на пересмотр договора не пойдут Соединенные Штаты, и, во-вторых, международное сообщество не допустит и не поддержит идею пересмотра итогов второй мировой войны (с. 149).

Авторы исследования справедливо полагают, что наступило время принципиально поставить вопрос, а имеет ли Япония вообще моральное право «поднимать голос», требуя пересмотра итогов войны. В книге прямо проводится мысль о том, что любые территориальные притязания японской стороны к Советскому

Союзу аморальны в своей основе. Эти требования построены на абсурдном тезисе, что СССР — страна-агрессор, которая-де нарушила пакт о нейтралитете с Японией, вступила в войну против Японии и оккупировала часть ее территории. Обвинять Советский Союз в оккупации японской территории, подчеркивает начальник отдела Международного центра дружественных связей Масаёси Фусида, — это значит заниматься подтасовкой истории, снимать с себя всякую ответственность за преступления японских милитаристов во время войны. Фусида приходит к смелому для гражданина Японии выводу о том, что в столь неутешительных для японского народа итогах второй мировой войны виноват не Советский Союз, как это изображается в японской пропаганде, а японский милитаризм, который привел страну к позорному поражению. Что же касается «поведения» Советского Союза по отношению к Японии, то СССР вступил в войну с Японией в 1945 г., выполняя решения Ялтинской конференции и преследуя цель ускорить разгром японского милитаризма, освободить народы ЮВА и Индокитая от японских оккупантов. И эти действия Советского Союза, подчеркивает Фусида, необходимо признать справедливыми.

Автор далее отмечает, что не СССР, а Япония первой нарушила пакт о нейтралитете. Пакт был заключен в апреле 1941 г., а спустя всего два месяца на сессии парламента было объявлено, что основным внешнеполитическим курсом японского правительства является подготовка к войне с СССР с целью решения территориальных вопросов. Япония проводила крупномасштабные учения Квантунской армии вблизи советских границ, объявила массовый призыв в армию, довела численность Квантунской армии до 700 тыс. человек, и все это противоречило букве и духу пакта о нейтралитете, заключенного с СССР. Япония создала потенциальную угрозу нападения на СССР с востока (с. 184).

В исследовании содержится немало призывов к японскому правительству коренным образом пересмотреть политический курс в отношении Советского Союза.

Детально анализируется ряд конкретных предложений к правительству Японии по улучшению климата в японо-советских отношениях, выс-

казывается уверенность в том, что уже в ближайшие годы при наличии политической воли можно будет существенным образом продвинуться вперед по пути установления подлинно добрососедских отношений с СССР, откликнуться на советские мирные инициативы в направлении Японии.

Авторы говорят о возможных путях оздоровления климата советско-японских отношений. Бывший депутат японского парламента Тосиаки Вада считает необходимым, чтобы японское правительство предоставило гарантии не применять силу или угрозу силой в отношении СССР. Это позволит, отмечает Вада, до известной степени уменьшить недоверие советской стороны к Японии, так как без создания атмосферы доверия в советско-японских отношениях практически нереально рассчитывать на заключение мирного договора (с. 164). Вада весьма критически отзывается о недалёковидности японских политиков, положивших «под сукно» советский проект Договора о добрососедстве и сотрудничестве от 1978 г. Он считает, что в интересах Японии было бы правильнее не отвергать с порога советский вариант, а, внимательно изучив, предложить свой, японский, с тем, чтобы использовать его в качестве трамплина для подготовки переговоров о заключении мирного договора. Японский вариант Договора о добрососедстве и сотрудничестве, по мнению Вада, мог бы включить в себя следующие основные положения: а) обязательства Японии соблюдать принцип мирного сосуществования государств с различным общественным строем; б) взаимное уважение национального суверенитета; в) принцип невмешательства во внутренние дела и отказ от применения силы для решения спорных вопросов (с. 164). Без создания предварительной базы в отношениях между Японией и СССР нельзя, считает Вада, продвинуться вперед ни по одному из направлений двусторонних отношений.

Поддерживая в принципе предложение Вада, бывший ответственный сотрудник УНО Японии К. Такэока вместе с тем считает, что без вывода с территории Японии расположенных на ней военных баз США, без поддающихся проверке гарантий не предоставлять японской стороной свою территорию для использования в военных целях, а также без реального вклада Японии в процесс разрядки

напряженности в азиатско-тихоокеанском регионе и на Дальнем Востоке — без выполнения всех этих условий Советский Союз не пойдет на заключение мирного договора с Японией. И напротив, если Япония продемонстрирует свою готовность конкретными делами взять на себя такие обязательства, то отпадет необходимость в сохранении японо-американского договора безопасности, и переговоры о подписании мирного договора могут стать политической реальностью (с. 150).

К. Такэока не исключает возможность других путей улучшения советско-японских отношений. Он полагает, что можно не спешить с заключением мирного договора, а углублять тем временем доверие и расширять сотрудничество с Советским Союзом. В конце концов, пишет Такэока, Япония никогда не должна забывать, что виновата перед Советским Союзом, который имеет все основания предъявлять к ней серьезные претензии. Это — и вооруженная интервенция в советское Приморье в 20-е гг., и подписание антикоминтерновского пакта, и участие во второй мировой войне на стороне гитлеровской Германии, и враждебные действия против СССР в ходе самой войны. Это, наконец, превращение в послевоенный период японской территории в линию передового базирования США для нападения на СССР. Поэтому, считает бывший сотрудник военного ведомства, японское правительство должно пересмотреть свою позицию в оценке того, что «Япония и США во всем правы, а Советский Союз — во всем не прав». Ведь многие проблемы в советско-японских послевоенных отношениях в конечном счете возникли в результате длительного периода враждебности именно Японии к СССР, а не наоборот (с. 151). И двигаться вперед, считает Такэока, можно только «растопив лед враждебности» к Советскому Союзу.

Как бы продолжая эту мысль, другой автор, Маёси Фусида, отмечает, что в Японии поощряются разного рода антисоветские выступления и демонстрации, такие, как ежегодное празднование 7 февраля, «Дня возвращения северных территорий». Оказывая давление на Советский Союз, демонстрируя свою враждебность к нему, продолжает Фусида, вряд ли можно продвинуться вперед по пути подготовки к заключению мирного договора (с. 190).

Фусида считает, что японское правительство могло бы внимательно изучить опыт ФРГ в проведении «остполитик», т. е. внешнеполитического курса в отношении социалистических стран. По мнению автора, реалистический курс родоначальника такой политики, бывшего канцлера ФРГ В. Брандта, способствовал тому, что в 70-е гг. в Европе стало возможным проведение Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству, значительно спала напряженность в отношениях между Западом и Востоком. Изучение опыта первой половины 70-х гг. могло бы стать, по мнению Фусида, весьма полезным и поучительным для японского правительства в его политике в отношении СССР.

Такого же мнения придерживается и профессор университета Софии Грегори Кларк. Он считает, что японскому правительству просто необходимо изменить свою политику на советском направлении. «Надо учиться по-новому разговаривать с СССР, открыть широкую дорогу сотрудничеству, покончить с враждебностью и недоверием и стать на путь взаимопонимания и дружбы с СССР» (с. 133). При этом, что весьма существенно, Кларк обращает внимание на то, что японскому правительству следует отказаться от тезиса «СССР незаконно оккупирует северные территории» как от совершенно не соответствующего действительности.

Таким образом, авторы исследования разоблачают, по сути дела, неконструктивную, одностороннюю позицию Японии в вопросах советско-японских отношений. Они заостряют внимание на том, что не Советский Союз, а японское правительство сознательно загоняет эти отношения в тупик. Следуя в фарватере за жесткой позицией США, крайне негативно относящихся к любой возможности улучшения японо-советских отношений, правящие круги Японии в весьма ограниченных рамках предпринимают шаги в сторону улучшения двусторонних отношений, игнорируя конкретные предложения СССР по этим вопросам. Более того, авторы приходят к выводу, что японское правительство сознательно делает все, чтобы отравить атмосферу этих отношений. Печальным примером тому может служить учреждение пресловутого «Дня возвращения северных территорий» и его демонстративное празднование с широким привлечением средств массовой ин-

формации.

Представляется весьма симптоматичным тот факт, что именно в наши дни, когда Советский Союз выступает с широкой программой мира, безопасности и сотрудничества для всех стран и народов, предлагает конкретные политические и военные меры по снижению уровня конфронтации двух социально-экономических систем, широкие круги японской общественности — рассматриваемая коллективная монография тому подтверждение — не хотят оставаться в стороне от борьбы за мир, за разрядку напряженности, за улучшение советско-японских отношений. Не всегда и не во всем, правда, японцам бывает легко отказаться от стереотипов «старого мышления» в подходе к отношениям с СССР.

Нередко внимание авторов рецензируемой книги концентрируется на поиске наиболее оптимальных путей «решения» все той же так называемой территориальной проблемы. И тут происходит неизбежное. Как только авторы пытаются наметить такие пути, они невольно вступают в противоречие со своими же собственными оценками и выводами относительно неправомерности для Японии вообще поднимать в какой-либо форме эти искусственно созданные проблемы. В самом деле, критикуя позицию японского правительства в вопросе притязаний на неотъемлемую часть советской территории, приводя серьезные аргументы об их юридической и исторической необоснованности, авторы не могут не видеть, что невозможно всерьез решать проблему, которой, по их же собственным выводам, в политической реальности двусторонних отношений не существует, а существует она лишь в политических расчетах тех кругов Японии, которые не хотят улучшения отношений между нашими странами.

Что же, стереотипы «старого мышления» еще накладывают свой негативный отпечаток даже на ту часть японской общественности, которая в целом искренне стремится к улучшению отношений между СССР и Японией. Важно, однако, подчеркнуть следующее: чаша весов неизбежно будет склоняться в пользу тех, кто трезво оценивает состояние международных отношений, тех, кто понимает, что национальным интересам японского народа отвечает не конфронтация с Советским Союзом, а поиск путей подлин-

ного улучшения советско-японских отношений на основе учета политических реалий, уважения суверенитета, взаимного сотрудничества и добрососедства.

М. И. КРУПЯНКО

О хозяйственной реформе в КНР

Цзинцизи тичжи гайгэ шоуцэ.— Бэйцзин,
«Цзинцизи чубаньшэ», 1987, 1083 с.

В начале 1987 г. литература о хозяйственной реформе в КНР пополнилась еще одной фундаментальной работой: «Справочником по реформе хозяйственной системы», подготовленным Институтом экономики Госплана КНР, экономическим факультетом Пекинского педагогического университета и Пекинской промышленной академией. Руководителями авторского коллектива, состоящего из 20 ученых, и главными редакторами справочника стали известные ученые-экономисты Ван Цзие и Чжу Юаньчжэнь.

Справочник адресован широкому кругу лиц, занимающихся теоретической разработкой и практической реализацией хозяйственной реформы в КНР.

Ставя перед собой задачу «систематически и всесторонне отразить руководящие идеи, теоретические основы, цели, направления, политические мероприятия и конкретный процесс реформы хозяйственной системы в стране со времени 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва» (Предисловие, с. 1), составители справочника сделали акцент не на оригинальности и новизне изложения, а на скрупулезной аккумуляции наиболее значимых документов, материалов, фактов, освещающих хозяйственные преобразования в КНР в конце 70-х — первой половине 80-х гг. Такой подход представляется вполне оправданным, поскольку способствует наиболее глубокому обобщению опыта реформ в годы шестой пятилетки, имеющему, как подчеркивается во вступительном слове заместителя председателя Государственного комитета КНР по реформе хозяйственной системы Ань

Чживэня, «важное реальное значение» для проведения дальнейших преобразований в ключевой для реформы в Китае период седьмой пятилетки (1986—1990). С научной точки зрения справочник не подменяет, а скорее дополняет другие фундаментальные работы по данной проблематике, такие, как «Реформа хозяйственной системы в современном Китае»¹ и «Хозяйственное управление в современном Китае»².

Структурно данное издание состоит из восьми разделов. Свыше половины объема книги составляют первые два раздела, содержащие решения и нормативные документы ЦК КПК, Госсовета КНР, министерств и ведомств по различным аспектам реформы, а также менее многочисленные законодательные акты и положения о их применении, о порядке деятельности тех или иных хозяйственных субъектов. Подавляющая часть этих документов известна по публикации в Экономических ежегодниках Китая (1981—1986), Вестнике Госсовета КНР, специальной периодике (журналы «Налоги Китая», «Теория и практика цен» и т. п.), в отдельных сборниках³, центральной периодической печати. Хотя справочник вобрал далеко не все принятое в КНР в последние годы документы по вопросам хозяйственной реформы, тем не менее представленная в нем подборка является наиболее полной из известных по открытым китайским публикациям и позволяет достаточно точно увидеть динамику развития — если не самих реформ, то намерений относительно реформ — в таких сферах, как планирование, сельское хозяйство, промышленность, финансы, цены, внешнеэкономические связи и т. д.

Для исследователей экономической политики КНР существенный интерес представляет третий раздел издания, содержащий высказывания руководителей страны по различным аспектам реформы, в том числе взятые из закрытых изданий, например из сборника «Важные документы в период с 3-го пленума».

Четвертый раздел, призванный отразить теоретическую основу хозяйственной реформы в КНР, построен следующим образом: по каждому из направлений реформы дана только одна статья кого-либо из крупных китайских ученых-экономистов (Ма Хуна, Лю Гогуана, Сюэ Муцяо и др.) или хозяйственных руководителей (Хэ Кана, Чжэнь Тобиня, Люй Дуна, Гу Му, Чжао Шоун). Как правило,

это весьма репрезентативные работы, ранее уже публиковавшиеся в ведущих экономических журналах страны, а также в «Хунци», «Жэньминь жибао», «Цзинцзи жибао». Вместе с тем избранный в справочнике путь далеко не бесспорен, учитывая прежде всего дискуссионность, многовариантность трактовок целого ряда теоретических проблем реформы в самом Китае. На наш взгляд, публикация не одной, а нескольких статей о социалистическом товарном хозяйстве (например, таких ученых, как Чжо Цзюн, Хэ Цзяньчжан), реформе цен (здесь широко известны работы Чжан Чжоюаня) существенно обогатила бы представления читателей о теоретическом поиске в КНР в области хозяйственной реформы. По-видимому, не оправдано и отсутствие в разделе специальной статьи по проблемам реформы собственности в КНР.

В пятом разделе дано краткое описание хода реформ в деревне, в городской экономике, планировании, ценообразовании, промышленности, финансах, денежно-кредитной системе, во внутренней и внешней торговле, в капитальном строительстве, материально-техническом снабжении, в сфере труда и заработной платы. Приведена также краткая характеристика открытой внешнеэкономической политики КНР. Несмотря на чрезвычайно сжатый характер изложения, раздел позволяет составить общую картину развития реформы по вышеуказанным направлениям, а в ряде случаев — и уяснить непростой, противоречивый характер утверждения в стране новых форм хозяйствования, как это было, например, с полным подворным подрядом в деревне («баогань даоху», с. 824—825). Достоинством раздела является «выпуклая» подача информации о таких порой кажущихся второстепенными и потому не привлекающих большого внимания, а на деле весьма важных для КНР преобразованиях, как реформа снабженческо-сбытовых кооперативов (с. 851—852), экспериментальная отработка системы руководства уездами со стороны городов, которой к середине 1985 г. было охвачено 129 городов и 571 уезд (с. 828—829).

Ценным дополнением к общей картине реформы служат собранные в шестом разделе справочника конкретные материалы о практике хозяйственных преобразований на местах, в том числе о комплексных реформах в городах Ухань, Чунцин, Чанчжоу, Шаши, об опыте Шиц-

зичжуана в реформе системы цен на средства производства, о системе «подрядной ответственности за результаты хозяйствования» в универсаме «Тяньцяо» (Пекин), о внедрении хозяйственной ответственности внутри предприятия в металлургической компании «Шоуду» и т. д. Данный раздел дает наглядное представление о характерном для КНР тактическом многообразии поиска путей и средств решения тех или иных задач реформы.

В седьмом разделе дается разъяснение 234 терминов. Одна их часть носит общеэкономический характер, а другая непосредственно порождена хозяйственной реформой: «плановое товарное хозяйство» (с. 974), «социалистическая конкуренция» (с. 990) и т. д.

Восьмой раздел знакомит читателей с хозяйственными реформами в других социалистических странах (более подробно с реформами в Венгрии, Югославии и СССР и вкратце — в Румынии, Польше, Чехословакии, ГДР, Болгарии). Смысл этого раздела, думается, состоит не столько в том, чтобы информировать китайских ученых и хозяйственников об экономических преобразованиях в тех или иных социалистических странах — это уже было сделано в Китае ранее намного более детально, чем в данном издании, например, в работе коллектива сотрудников Института мировой экономики и политики Академии общественных наук Китая «Сравнение хозяйственных систем СССР и стран Восточной Европы»⁴, — сколько в своеобразном акцентировании того факта, что реформа в КНР, при всей специфике ее форм, методов и этапов, идет, говоря словами китайских ученых, в одном русле с общим для социалистических стран потоком совершенствования хозяйственного управления⁵.

«Справочник о реформе хозяйственной системы» не свободен, на наш взгляд, от недостатков. В нем практически отсутствуют целенаправленные материалы о кооперативном секторе в городах, об индивидуальных промышленниках и торговцах, систематизированные данные о новых формах хозяйственного управления на предприятиях общенародной собственности, базирующихся на теоретическом положении о возможности «разделения права собственности и права хозяйствования». В целом, вероятно, придирчивый читатель найдет в «Справочнике по реформе хозяйственной системы» ответы

далеко не на все вопросы о хозяйственных преобразованиях в КНР. Тем не менее данная работа — первая такого рода в Китае — окажет, несомненно, большую пользу не только китайским, но и зарубежным, в том числе советским, исследователям современной экономики КНР.

В. Я. ПОРТЯКОВ

¹ Дандай Чжунго ды цзинци тичжи гайгэ. Пекин, 1984. Рец. см.: «Проблемы Дальнего Востока», 1985, № 3.

² Дандай Чжунго ды цзинци гуаньли. Пекин, 1985.

³ См., например: Вого цзэнян ши холи цзинци чжэнцэ сюаньбянь. Пекин, «Чжунго цзинци чубаньшэ», 1985.

⁴ Сулянь Дун Оу гоця цзинци тичжи бицяо. Пекин, 1984.

⁵ См.: Линь Цзыли, Тао Хайсу. Компас теоретического изучения хозяйственной системы. — «Цзинци вэньти», 1984, № 4, с. 5.

Познание Китая

В. Я. Сидихменов. Китай: страницы прошлого. 3-е изд., испр. и доп. «Наука». Главная редакция восточной литературы. М., 1987, 448 с., ил.

Советское Китаеведение давно следует мудрому совету академика В. М. Алексеева: европейский мир с его знанием и культурой следует воспринимать всего лишь как «один из вариантов мировой мысли... китайский мир дает другой вариант, не менее мощный». Давно уяснили мы и непреложный факт, что «счастлив тот, кто два мира в себе держит прочно», что так называемые тайны Востока, и прежде всего Китая, есть лишь незнание и на самом деле не существуют. Дать научное объяснение всем этим тайнам, раскрыть несхожесть культур Востока и Запада можно лишь в том случае, если охватить китайскую культуру (то есть цивилизацию) как можно шире. В. М. Алексеев, который всю жизнь вел сражение за полноту понимания Востока, добился громадных знаний, он был уникальным и универсальным ученым. Его прос-

ветительская деятельность поистине необъятна. Он был твердо убежден, что «русский гражданин имеет право требовать, чтобы были ученые, занимающиеся Китаем и могущие его научить достойной культурного человека XX в. точки зрения на его духовный облик».

В этом смысле работы предстоит еще немало. И каждый труд, каждое исследование, каждая книга, способствующие этому, — вклад в наше непрекращающееся познание Китая, удовлетворение нашего неизбывного интереса к столь многообразной жизни китайского народа в прошлом и настоящем. Ибо только в этой взаимосвязи дня сегодняшнего со вчерашним можно постичь нынешний Китай, его историю и культуру, экономику и политику.

Сегодня, следуя настоятельному велению времени, познание китайской цивилизации принимает ускоренные темпы — от глубокой древности до наших дней во всей сложности диалектических взаимосвязей.

Помогают этому и издания, рассчитанные, как говорится, на массового читателя. В контексте нынешнего широкого у нас интереса к тому, что происходит в КНР, когда средства массовой информации все активнее знакомят читателей и зрителей с процессами, идущими на китайской земле, приобретает значение каждое выступление, а тем более книга, будь то монография ученого или научно-популярное издание.

Если, скажем, автор, проделав огромную собирательскую работу, сумел объединить под одной обложкой то, что было до него исследовано не одним поколением ученых-китаеведов многих стран, путешественников и просто наблюдателей, и в популярной форме рассказал о некоторых сторонах жизни прошлого Китая, то и в этом случае он способствует нашему познанию Китая.

К числу таких книг, мне представляется, следует отнести и только что вышедшую работу В. Я. Сидихменова «Китай: страницы прошлого». То, что это третье, дополненное издание, говорит лишь о потребности нашего читателя и в такого рода книгах. Она посвящена прежде всего периоду маньчжурского Китая, то есть последней династии Цин (1644—1911). К слову сказать, к этой работе примыкает и другая книга автора — «Маньчжурские правители Китая», вышедшая два года назад в том же

издательстве и построенная по тому же принципу.

Предвижу несогласие: что, мол, нового сообщает эта книга? Все это давно известно, и незачем ломиться в открытую дверь. Дело, однако, в том, что дверь эта только приоткрыта, но далеко не распахнута настежь. Полностью распахнуть ее помогают и такого рода издания. Они в популярной форме знакомят широкого читателя с тем, что мы называем феноменом Китая. И чем больше их будет, тем лучше. Как верно говорит автор в своем предисловии, «чтобы глубже понять современный Китай, полезно заглянуть в его прошлое». Ведь в известной степени мы открываем сегодня Китай заново, во всяком случае, наш читатель и зритель после многих лет отчуждения и застоя в отношениях между СССР и КНР, недостаточно информирован о прошлом и настоящем в этой стране. Не секрет, что бурные события последних двух десятилетий в Китае как бы заслонили историческую картину и его прошлого, и сегодняшний день, а то и вообще направляли изучение страны по узкому, одностороннему руслу.

Сам автор, отвечая на вопрос, в каком жанре написана его книга, предупреждает, что это не научное исследование и все, что излагается в ней, знатокам давно известно. Его же целью было в популярной форме, на основе имеющихся источников рассказать о некоторых страницах жизни китайского народа, ограничив свою задачу повествованием о формах и методах угнетения в период новой истории, об обычаях, нравах, верованиях китайцев во времена династии Цин, проследить связь с духовными традициями, уходящими в глубокую древность. «Новое поколение, — напоминает автор, — устраивает свою жизнь не на целине: оно так или иначе воспринимает материальные и духовные ценности, созданные предшественниками». Сила традиции, непрерывающаяся нить духовного развития, как известно, в Китае всегда отличали жизнь народа, его культуру. Свой рассказ автор начинает с того, каким было представление китайцев о Вселенной, каковы были их воззрения на устройство мира, вырабатанные в глубокой древности, на происхождение предметов и явлений в результате взаимосвязи светлого начала «ян» и темного начала «инь», на взаимодействие пяти первоэлементов, породивших многообразие природы и самого челове-

ка, его мифических первопредков, созданных из глины богиней Нюй-ва. Как и в античной греческой мифологии, у древних китайцев был свой титан Паньгу — творец Вселенной, свой Геракл — стрелок Хоу И, сын бога, посланный для избавления людей от стихийных бедствий и очищения земли от чудовищ, свой Сизиф — У Ган, обреченный вечно рубить огромное коричневое дерево, — следы от ударов его топора тут же зарастали вновь.

Без знания космологических представлений древних китайцев, того, какое место они занимали в их мифопоэтическом мировоззрении, трудно понять не только мифы и легенды, но и многие художественные творения более поздних эпох: прозу и поэзию, живопись и графику, рельефы на камне и т. д. Чему, к слову сказать, посвящена известная монография Б. Л. Рифтина «От мифа к роману» — исследование историко-поэтической эволюции представлений о герое от древнейших философских и ритуальных текстов и до средневекового исторического романа.

Свой рассказ автор иллюстрирует рассказом легенд, цитирует художественные произведения, отрывки из свидетельств очевидцев, в том числе приводит и свои личные, к сожалению неразвернутые, впечатления от поездок в Китай. Мы знакомимся с героями, духами, волшебниками, созданными древними китайцами по своему образу и подобию. Познаем сложный мир символических интерпретаций образов животных — древнекитайский bestiарий, в котором явления и предметы живой природы смешивались с фантастическими рассказами о порожденных воображением вымышленных существах — драконах, змеях, тиграх, лисах, обезьянах, фениксах и т. п. Узнаем, какое значение придавали нефриту и яшме, как относились к бумаге и какую роль играли хлопчатка и бамбук. Подробно, в популярном изложении автор знакомит с «тремя учениями», или тремя религиями: главенствующим среди них, конфуцианством, — системой морально-этических догм и норм поведения человека и ее создателем Кунцзы, известным в европейской традиции под именем Конфуция; даосизмом и его основоположником Лаоцзы — автором трактата «Даодэзин», содержащего суть этого философского учения; буддизмом — его заповедями и ритуалом, его пан-

теоном, в частности богиней Гуаньинь — утешительницей и избавительницей от мук, и с наиболее популярным в китайском народе буддой Амитофу, символом райского счастья, защитником от всякой нечести.

От богов и волшебников, обитающих на небесах, мы спускаемся на землю, где первым владыкой Поднебесной являлся Сын неба — император. Жизнь его была отгорожена глухой стеной от посторонних взоров, никто со стороны не смел наблюдать за ним, запрещалось даже вслух называть его имя. Вот почему история не оставила достоверных данных о повседневном существовании владык Поднебесной, и тем ценнее, что автор на основе различных источников как бы реконструирует жизнь десяти императоров династии Цин с ее сложным этикетом, дворцовыми интригами, лицемерием и развратом, достигшими апогея в годы правления вдовствующей императрицы Цыси.

Как чиновники управляли народом, что представляла собой китайская семья, чему и как учили в китайской школе и каково вообще было образование — все это мы узнаем из соответствующих глав.

Нельзя не сказать и еще об одной особенности этой книги. Отдельные ее фрагменты воспринимаются как развернутый комментарий к произведениям китайской классической литературы, помогающий постигнуть часто не простой их текст, насыщенный мифологическими, историческими, этнографическими и бытовыми реалиями, в частности при знакомстве любознательного читателя с такими шедеврами, как новеллы Пу Сунлина, романы «Неофициальная история конфуцианства», «Цзинь, Пин, Мэй», «Сон в Красном тереме» и др. Но читатель современной китайской литературы, где в изобилии встречаются исторические реминисценции, картины жизни старого общества, почерпнет здесь пояснения и дополнительные знания, к примеру о роли в прошлом культа предков, о вере в духов и о прочих суевериях, о похоронах, жертвоприношениях или об обрядах, праздничных церемониях, традиционных обычаях, домашней обстановке, обо всем том, из чего раньше слагалась пестрая панорама китайского быта, находившая отражения в книгах Лу Синя, Лао Шэ, Ба Цзиня и др. И тогда понятнее станут, скажем, предсказатели и гадалышки в пьесах Цао Юя, описанный им обычай

лакировки гроба задолго до смерти того, кому он предназначался, и еще многое, что нашло отражение в его произведениях, как и в творчестве других современных авторов. Все это помогает постижению человека, если хотите, национально-го характера, в котором в конце концов резюмируется все, что мы познаем.

Среди более чем двухсот источников, использованных автором, включая западноевропейские и китайские, значительное место занимают русские и советские. Здесь и труды Н. Я. Бичурина, В. П. Васильева, В. М. Алексеева, и свидетельства путешественников Е. П. Ковалевского и И. Г. Баранова, и записки врачей и художников, членов русской православной духовной миссии в Пекине — В. В. Корсакова и П. Я. Пясецкого, и работы современных исследователей Р. В. Вяткина, М. В. Крюкова, Л. С. Переломова, А. А. Петрова, С. Л. Тихвинского и др. — всех тех, кто умеет высокую научную мысль облечь в доступную форму.

Книга В. Я. Сидихменова не лишена недостатков. Главный из них, на мой взгляд, — некоторая бесстрастность повествования. Хотелось бы видеть более заинтересованную авторскую позицию, более смелый выход за рамки факта, более публицистичный стиль повествования. Впрочем, скорее это советы на будущее.

Закрываешь книгу, и невольно и память приходят слова М. Горького о России, перефразируя которые можно сказать: познание Китая — увлекательнейшая из наук.

Познание Китая! Под таким девизом, думается, могла бы быть задействована обширная программа знакомства прежде всего с сегодняшним Китаем, но и с его прошлым в различных его ипостасях. По всему видно: время такое пришло. Дело за тем, чтобы на фундаменте накопленных знаний возводить качественно новое здание, масштабное, свободное от привычных стереотипов, рутинных взглядов, не обремененное грузом изживших себя представлений. И целенаправленная программа, разработанная на базе институтов АН СССР, издательств, журналов, телевидения и т. п., сочетающая научное изучение с просветительской деятельностью, рассчитанной на широкую аудиторию, помогла бы ускорить постижение того, что можно и сегодня назвать феноменом Китая.

Р. С. БЕЛОУСОВ

На волне реваншизма

В. А. Соловьев. Под флагом «непотопляемого авианосца». М., Воениздат, 1986, 112 с.

За годы, прошедшие после окончания второй мировой войны, Япония превратилась в одно из ведущих государств капиталистического мира, продемонстрировав крупные достижения в развитии экономики, промышленности, торговли, образования, науки и техники.

«Эти успехи принесли ей не только собранность, самодисциплина, энергия японского народа, но и «три неядерных принципа», на которых официально строится ее международная политика, хотя в последнее время — и на это нельзя не обратить внимание — они, как и мирные положения конституции Японии, все заметнее обходятся»¹. Над страной вновь поднимается волна милитаризма, более сорока лет назад принесшего неисчислимые жертвы и страдания населению стран азиатско-тихоокеанского региона и самому японскому народу.

О реваншистских устремлениях военно-политического руководства Японии преследующих цель превратить страну в крупную военную державу идет речь в книге В. А. Соловьева «Под флагом «непотопляемого авианосца».

Автор поставил перед собой задачу на основе многих примеров и тщательно собранных фактов раскрыть перед широкой читательской аудиторией сложный, тщательно скрывааемый от посторонних глаз механизм милитаризации современной Японии.

Название книги выбрано не случайно. Как справедливо отмечает В. А. Соловьев, термин «непотопляемый авианосец» — имеется в виду использование в военных целях островного положения Японии — весьма показателен для политической характеристики японского милитаризма. Он был пущен в ход японской военщиной еще в 30-х гг., когда ставилась цель мобилизовать экономику, население Японии, всю страну на захватнические войны.

В 60-х гг. возрождению термина способствовали политические и военные деятели США. «Непотопляемым авианосцем» они именовали японский остров

Окинава, превращенный в мощную военную базу, которая предназначалась для осуществления агрессии против СССР и других социалистических стран, борьбы против национально-освободительного движения в Юго-Восточной Азии.

И наконец, в 1983 г. японский премьер-министр на встрече с президентом Рейганом заявил, что Япония будет превращена в «непотопляемый авианосец» и выполнит возложенные на нее задачи, т. е. и впредь будет идти в фарватере авантюристических устремлений администрации Белого дома.

В каждой из четырех глав книги можно найти подтверждение тому, что это заявление в отличие от многочисленных и щедрых миролюбивых заверений японского руководства не было пустым звуком.

В настоящее время, указывается в первой главе «Япония в стратегии Вашингтона», на более чем ста военных базах и объектах вооруженных сил США на территории Японских островов размещено около 50 тыс. американских военнослужащих. Основу американо-японского военного сотрудничества составляет «договор безопасности», подписанный в 1960 г. и автоматически продленный в 1970 г. «на неопределенный срок». Согласно его положениям, США имеют практически неограниченные возможности использования территории Японии для подготовки и развязывания военных авантур, в которые окажутся втянутыми и японские вооруженные силы.

Все активнее вовлекая Японию в орбиту агрессивной дальневосточной политики, отмечает автор, американская администрация пытается тем самым решить ряд своих внешне- и внутривосточных проблем. С одной стороны, к ним относится прежде всего сокращение (и соответственно перекачивание на плечи азиатского партнера) издержек за содержание реакционных проамериканских режимов в Азии, затрат, связанных с дислокацией войск Соединенных Штатов в этом регионе. С другой, стремясь заставить Японию тратить больше средств на гонку вооружений, американские монополистические круги надеются сбить волну японской экспансии на внутреннем рынке США, уменьшить огромный дефицит в торговле с Японией (с. 10—11).

Все это происходит в концептуальных рамках принципиально нового взгляда руководства Белого дома на место Япо-

нии в тихоокеанских планах США. Суть его заключается в том, что с выходом страны на уровень второй индустриальной державы капиталистического мира Соединенные Штаты в начале 80-х гг. стали рассматривать Японию не просто как краеугольный камень своей азиатской политики, а в качестве главного партнера на мировой арене.

Аспектами такого «высокого доверия», отмечается в книге, стало дальнейшее втягивание Токио в агрессивную азиатскую стратегию США, которое выразилось во взятых Японией перед Вашингтоном обязательствах по охране «тысячемильной зоны» и «блокаде трех стратегических проливов» (с. 12); в росте количественного и качественного уровня японо-американских военных учений (с. 13); в подключении Токио к реализации рейгановской программы «звездных войн» (с. 14); в передаче США передовой японской технологии военного назначения; в ведении совместно с Пентагоном НИОКР (с. 15) и пр.

Быстрыми темпами развивается и процесс милитаризации самой Японии. Основные его направления автор изложил во второй и третьей главах, носящих названия: «Милитаризм на марше» и «За лжефасадом «самообороны».

В них отмечается, что по абсолютным расходам на «оборону» страна занимает пятое место среди ведущих империалистических государств. Их ежегодный прирост составляет 6,5—8 % (с. 39). Это позволило к середине 80-х гг. создать в Японии вооруженные силы, все еще стыдливо прикрывающиеся маской «сил самообороны», соизмеримые по своей мощи с армиями таких стран — членов НАТО, как Италия, ФРГ, Великобритания.

Все эти приготовления должны обеспечить вооруженным силам Японии возможность для выполнения двуединой задачи — участия самостоятельно или совместно с Пентагоном в вооруженных действиях за рубежом и подавления выступлений широких слоев японских трудящихся в защиту своих жизненных прав. На языке официальной японской пропаганды эти действия лицемерно именуются отражением соответственно «внешней» и «внутренней» агрессии. Газета «Акахата», разоблачая «силы самообороны» как «личную армию японских монополистов», подчеркивала, что внутренняя функция японских вооружен-

ных сил состоит в том, чтобы держать в повиновении эксплуатируемую часть населения, а внешняя — чтобы вести боевые действия против других стран и народов (с. 46).

Правящие круги Японии, справедливо указывает автор, отдают себе отчет в том, что активное вовлечение страны в стратегию США, развертывание военного производства и дальнейшее наращивание вооруженных сил в стране, где развито антивоенное движение, будут сталкиваться со значительными трудностями. Чтобы максимально ослабить деятельность борцов за мир, привлечь население, военнослужащих к исполнению своих реакционных замыслов, правительство широко использует средства идеологического обмана и запугивания, давления и принуждения (с. 64).

Проблемы идеологической обработки населения, говорится в заключительной главе, названной «Идеология на службе реакции», получили особую актуальность со второй половины 60-х гг., когда наметился поворот от количественного к качественному росту японских вооруженных сил. С этого времени в стране резко усилилось идеологическое воздействие на население в духе милитаризма.

В вооруженных силах Японии создан специальный аппарат идеологической обработки, причем командование рассматривает политическое оболванивание солдатских масс как один из основных элементов в боевой подготовке войск. Бездушное исполнение любых приказов и вместе с тем полная свобода от ответственности за содеянное — таким представляется японскому генералитету идеальный солдат, мобилизованный на службу интересам международной и внутренней реакции (с. 69).

На занятиях по «моральному воспитанию» — основной форме «промывания мозгов» японских военнослужащих — офицеры говорят подчиненным, что «если Япония станет «красной», то промышленность, которая составляет основу жизни японцев, и почти все другие материальные блага страны будут вывезены в Советский Союз (!)... Японский народ задохнется на дне нищеты, впадет в рабство». В качестве дополнительной литературы военнослужащим рекомендуются бульварные книжонки, о провокационном содержании которых свидетельствуют их названия: «Русские высадились в Японию», «СССР наносит удар по Токио

через остров Садо», «Выживет ли Япония, если СССР будет ее противником», «День, когда Хоккайдо станет народной республикой» и др. В этих пасквилях читателей запугивают многочисленными «подробностями» того, что станет с Японией, если она «подвергнется советской оккупации». Среди таких «подробностей» и «казни японских руководителей», и «принудительная отправка в Сибирь миллионов японцев» и т. п. (с. 84).

На основе убедительной развернутой аргументации автор делает правильный вывод о том, что политика правящих кругов Японии направлена на дальнейшее укрепление японо-американского военного союза, проведение политического курса, враждебного делу мира и безопасности народов, ведущего к подхлестыванию гонки вооружений, усилению военной опасности. Она чревата самыми опасными последствиями, ибо пособничество любым милитаристским планам ныне равнозначно созданию предпосылок для национального бедствия куда более значительного, чем потери, понесенные Японией в годы второй мировой войны (с. 106—107).

Рецензируемая книга В. А. Соловьева не лишена отдельных недостатков и неточностей. Следуя публицистическому стилю изложения, автор не сумел избежать повтора и нарушений в логике повествования в некоторых местах книги, а также излишней эмоциональности ряда определений и оценок.

Однако это не умаляет актуальности и практической ценности труда В. А. Соловьева. Сочетая в себе высокое идейное содержание с глубоким научным анализом, книга «Под флагом» непотопляемого авианосца» поможет читателю составить более полное и точное представление о месте японской военщины в блоковой стратегии империализма, об особенностях милитаризации современной Японии, строительстве ее вооруженных сил, идеологической и психологической обработке населения и армии в духе антисоветизма, милитаризма и реваншизма.

А. И. ЧЕРКАСЕНКО

Тихий океан: Американское озеро!

Peter Hayes, Lyuba Zarsky, Walden Wello. American Lake. Nuclear Peril in the Pacific.— Harmondsworth: Penguin Books, 1987, 529 p. Питер Хэйс, Люба Зарски, Уолден Белло. Американское озеро. Ядерная угроза на Тихом океане, Хармондсуорт, «Пингвин букс», 1987, 529 с.

Тезис о том, что тихоокеанский регион — регион XXI в., не успев появиться, уже успел стать своего рода банальностью в политологии. Лавинообразно растет и количество публикаций по тихоокеанской проблематике во всех странах. Однако американские ученые, пожалуй, все-таки сохраняют здесь пальму первенства. На то есть ряд причин. Во-первых, США как тихоокеанская держава, безусловно, имеют все основания для форсирования тихоокеанских исследований. Во-вторых, в Соединенных Штатах понимают, что серьезнейшие изменения, происходящие в этом регионе, — поворот Советского Союза лицом к Тихому океану, улучшение советско-китайских отношений, новая внешнеполитическая линия КНР после XII съезда КПК, рост антиядерного движения в регионе, изменения в американо-японских отношениях, подъем национально-освободительного движения — ставят под вопрос доминирование Соединенных Штатов на Тихом океане.

В центре внимания американских исследователей, соответственно, оказывается вопрос: как сохранить американскую гегемонию в азиатско-тихоокеанском регионе? Как сохранить положение, при котором Тихий океан по-прежнему оставался бы «Американским озером», по крайней мере в военно-стратегическом смысле? Такая постановка вопроса в той или иной форме характерна для большинства американских исследователей. Новаторство тех или иных книг сводится зачастую к изобретению новых рецептов сохранения доминирования США. И такое мышление типично пока что для политико-формирующих кругов Америки. Но вот издательство «Пингвин букс» — одно из самых авторитетных издательств Запада — выпустило книгу, авторы которой пытаются уйти от названных стереотипов. Уже само противо-

¹ М. С. Горбачев. Речь на торжественном собрании, посвященном вручению Владивостоку ордена Ленина.— «Правда», 29.VII.1986.

поставление заголовка «Американское озеро» и подзаголовка «Ядерная угроза на Тихом океане» — своего рода вызов старым стереотипам мышления, согласно которым господство Америки на Тихом океане гарантирует региону стабильность и мир. Эта книга стала в некотором смысле знаменем времени. Ее появление означало, что некоторые представители либерального крыла американской внешнеполитической мысли приходят к выводу о бесперспективности и, более того, опасности курса на ядерную гонку в АТР, о необходимости скорейшего перехода к многостороннему сотрудничеству. Вместе с тем авторы книги не оставляют места для прекраснотушных мечтаний; оценки их реалистичны, рекомендации осуществимы. Наконец, в книге сведен воедино ценнейший материал по военно-стратегической ситуации в АТР, в особенности, что касается позиций Соединенных Штатов.

Авторы книги принадлежат к молодому поколению американских политологов, это их первая крупная работа. П. Хэйс, Л. Зарски и У. Белло не ученые кабинетного типа. Несколько лет назад они основали консультационную фирму «Наутилус», выполняющую исследования по заказам различных организаций, в частности антиядерных. Такие фирмы сегодня идут в авангарде научно-исследовательских работ по международной проблематике, постепенно оттесняя традиционные научные центры.

Отнюдь не абстрактные соображения толкнули трех молодых исследователей написать свою книгу. Побудительным мотивом стало изменение стратегической ситуации на Тихом океане. Если раньше можно было считать, что в контексте глобального ядерного противостояния Тихий океан остается на периферии мира, то сегодня «существует точно такая же, а может быть, и большая вероятность того, что глобальная ядерная война начнется именно на Тихом океане» (с. 1). Более того, ситуация на Тихом океане гораздо менее стабильна, чем в Европе, которая по традиции все еще считается самым взрывоопасным регионом. В противостоянии двух военно-политических союзов в Европе, пишут авторы, за послевоенные годы не произошло драматических перемен, в то время как соотношение сил в АТР неоднократно радикальным образом менялось. Именно в этом регионе в последние десятилетия

произошло несколько кровополитных войн, множество переворотов, восстаний. Диктаторские режимы в странах, принадлежащих к АТР, усугубляют общую нестабильность. Необходимо помнить, что именно в тихоокеанском регионе впервые применено ядерное оружие.

Нельзя не согласиться с тем, что в АТР существует совершенно иная система союзов, нежели в Европе. В АТР США связаны двусторонними соглашениями, в то время как в Европе Соединенным Штатам приходится иметь дело с более или менее консолидированной общностью западноевропейских государств в рамках НАТО. Поэтому на Тихом океане Соединенные Штаты не обязаны консультироваться с союзниками по глобальным вопросам стратегии или размещения тех или иных систем вооружения. Что же касается военной политики на океанических просторах, а также политики в демилитаризованной зоне в Корее, то здесь США принимают все решения в одностороннем порядке (с. 2). Думается, авторы книги верно оценивают роль союзов во внешней политике США. При всей противоречивости политики стран Западной Европы в ней все-таки проявляются тенденции, до некоторой степени уравновешивающие отдельные экстремистские акции Соединенных Штатов. Возможности же американских союзников влиять на политику Америки в бассейне Тихого океана очень ограничены.

Перечисляя факторы, усугубляющие угрозу войны на Тихом океане, авторы книги «Американское озеро» приходят к выводу: военное превосходство США над Советским Союзом в области новейших вооружений в АТР также дестабилизирует обстановку (с. 292). Они решительно отрицают тезис о «наступлении», в которое якобы перешел Советский Союз на Тихом океане, и считают, что соответствующие заявления президента Р. Рейгана или других государственных деятелей США преследуют вполне очевидные политические цели: сплотить американских союзников в АТР.

Сложнее обстоит дело с основополагающим тезисом авторов. «Обширный Тихий океан, — утверждают они, — является Американским озером» (с. 2). Никакой серьезный исследователь не будет утверждать сегодня, что Тихий океан — зона безраздельного господства Соединенных Штатов. Не утверждают этого и авторы книги. Поэтому когда они гово-

рят, что Тихий океан продолжает оставаться Американским озером, то здесь имеется в виду не политическая реальность, а, во-первых, военно-стратегическое доминирование Соединенных Штатов и, во-вторых, соответствующее представление о миссии Америки на Тихом океане в общественно-политическом сознании США. Таким образом, если говорить об Американском озере, с одной стороны, как о продукте многообразного присутствия Америки в АТР в военно-стратегическом плане, а с другой стороны, как о стереотипе восприятия Тихого океана в Соединенных Штатах, но не как о политико-экономической реальности, то с утверждением авторов: «Тихий океан — Американское озеро» можно согласиться.

Именно в военно-стратегическом смысле употребляют термин «Американское озеро» сами авторы. Они пишут: «От Северо-Восточной Азии до южной части Тихого океана и до Индийского океана американские военные базы и политические союзы утверждают региональное господство Соединенных Штатов» (с. 2).

Общезвестно, что с приходом к власти республиканской администрации в 1981 г. США усилили свою активность на Тихом океане по всем направлениям. Здесь можно перечислить и увеличившееся давление на союзников, и ужесточение американской позиции по ряду вопросов, и, наконец, чисто военный аспект — наращивание вооружений американского тихоокеанского флота в контексте глобальных усилий администрации «столкнуть русских в воду», добиться превосходства на морях. Авторы книги видят опасность именно в развитии правых тенденций во внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов. Сегодня, пишут они, СССР и США ближе к ядерной войне на Тихом океане, чем они были когда-то после Корейской войны, и связано это непосредственно с приходом к власти в Вашингтоне «новых милитаристов». «Добиваясь ядерного превосходства, они пришли к охлаждению отношений с Советским Союзом и подняли роль ядерного оружия в американской военной стратегии» (с. 3). Желая взять реванш за Вьетнам, «новые милитаристы» стали резко увеличивать американское военное присутствие на Тихом океане. В первую очередь это выразилось в том, что они добились раз-

мещения крылатых ракет морского базирования «Томагавк» и ракет «Трай-дент-1» на атомных подлодках типа «Огайо». Они также усилили американские обычные силы в регионе, в особенности ВМФ.

«Главной целью новых милитаристов является стремление утвердить превосходство над Советским Союзом в ядерных и обычных вооружениях. Они считают, что могут добиться этого, твердо демонстрируя способность и желание Америки вести войну — и выиграть ее — с Советами» (с. 5—6). Причем «новые милитаристы» предвидят как возможность окружения Советского Союза со всех сторон, удар по нему с тихоокеанского фланга в глобальной ядерной войне, так и «ограниченную ядерную войну» на тихоокеанском театре военных действий, например на Корейском полуострове. То, что авторы книги решительно опровергают возможность «ограниченной ядерной войны» в современную эпоху, в очередной раз свидетельствует о реалистичности их подхода к проблемам гонки вооружений на современной этапе.

«Новые милитаристы», отмечают авторы, оправдывают свою политику на Тихом океане тем, что Советский Союз якобы осуществляет экспансию в этом регионе. Авторы книги не согласны с такими оценками. Они справедливо считают, что подобные оценки необъективны и служат корыстным политическим интересам лиц, которые такие оценки дают. П. Хэйс, Л. Зарски и У. Белло полагают, напротив, что Советский Союз находится в весьма стратегически невыгодном положении на Тихом океане. Он не обладает флотом, который был бы так же силен, как американский: так, у Советского Союза нет ни одного авианосца. Авиация, дислоцированная на Дальнем Востоке, в основном предназначена для защиты собственно советской территории. К тому же географическое положение советского Дальнего Востока позволяет США запереть советский Тихоокеанский флот в Японском море. Авторы характеризуют советскую военную доктрину на Тихом океане как «оборонительную оборону», в то время как американская сторона, по их мнению, основывает свои позиции на концепции «наступательной обороны» (с. 6—8). В книге выдвигается следующий тезис: Советский Союз компенсирует отставание от Америки в обычных вооружениях своим

мощным потенциалом ракет наземного базирования (с. 9). Подытоживая оценки, которые авторы книги дают стратегическому балансу сил на Тихом океане, можно сделать следующий вывод: на вопрос, является ли Тихий океан «Советским озером», авторы книги со всей определенностью отвечают: нет. Напомним, что целый ряд западных аналитиков говорит о советском господстве на Тихом океане, исходя из того факта, что... СССР заключил ряд соглашений по рыболовству с малыми островными государствами Тихого океана.

Нельзя не согласиться с авторами книги и в том, что военное противостояние в АТР чревато в высшей степени опасными последствиями, в худшем случае — региональной ядерной войной, которая неизбежно перекинется на остальной мир. П. Хэйс, Л. Зарски и У. Белло приводят своего рода беллетризованный сценарий начала третьей мировой войны на Тихом океане. Одна из глав их книги так и называется: «Ядерная эпитафия?». В ней так излагается возможный ход событий: от регионального конфликта к глобальной ядерной катастрофе могут привести амбиции американских военных и политиков, взаимное недоверие и непонимание в отношениях между США и СССР, самовольные действия генералов и, наконец, просто сбой в работе автоматических систем. Гипотетической отправной точкой начала третьей мировой войны в марте 1991 г. авторы книги называют вмешательство Соединенных Штатов в гражданскую войну в Корее, последовавшее якобы вслед за падением диктаторского режима на Юге. Сегодня, когда Южная Корея охвачена волнениями, в основе которых лежит оппозиция диктатуре, а Соединенные Штаты, чрезвычайно встревоженные сложившейся ситуацией, осуществляют политическое вмешательство, такие ассоциации возможны.

Однако не даром в заголовке главы «Ядерная эпитафия?» стоит знак вопроса. Личные связи авторов с антивоенным, антиядерным движением на Тихом океане заставляют их, во-первых, искать пути для выхода из кризиса, а во-вторых, быть до определенной — реалистической — степени оптимистами. Авторы не ограничиваются простым призывом к правительствам СССР и США сесть за стол переговоров. Они предлагают свою программу для постепенной стабилиза-

ции ситуации на Тихом океане, состоящую из трех компонентов.

Первое — это создание зон, свободных от ядерного оружия и обычных наступательных вооружений. Наиболее важно создание безъядерной зоны в северо-западной части Тихого океана, где угроза возникновения ядерной войны максимальна. Второе — создание зон невмешательства в районах международных конфликтов, например в Юго-Восточной Азии, что подразумевает вывод всех иностранных войск. Третье — замораживание размещения и испытания межконтинентального ядерного оружия (с. 394—395). «Наиболее верный путь к уменьшению риска возникновения ядерной войны, — пишут авторы, — при сохранении регионального мира, независимости и безопасности — это коллективные действия тихоокеанских народов, в особенности американских союзников» (с. 11). Как указывают авторы, именно на такой путь вступила Новая Зеландия, ширится оппозиция французскому «ядерному колониализму» в южной части Тихого океана. Книга «Американское озеро» намечает детальный план участия в этом процессе Австралии (с. 409—421) — не забудем, что один из авторов книги, П. Хэйс, — австралиец.

Новое мышление в международных делах постепенно прокладывает себе дорогу. Советский подход к новому мышлению на Тихом океане нашел свое выражение в речи М. С. Горбачева во Владивостоке и совсем недавно — в интервью индонезийской газете «Мердека». Общеизвестно, что оба эти документа произвели глубокое впечатление на мировое общественное мнение и политические круги стран тихоокеанского региона. Правда, элементы нового мышления — мышления сверхъядерного века — мало заметны в позиции политикоформирующих кругов США. Тем не менее уже появляются признаки того, что реализм в международных отношениях, свободный от стереотипов и предубежденности, начинает проявляться в общественной мысли Запада. Примером подобного рода и является книга П. Хэйса, Л. Зарски и У. Белло.

К. В. ПЛЕШАКОВ,
кандидат исторических наук

Перевод стихов китайского поэта XII в.

Синь Цицзи. Стихотворения.
М., «Художественная литература»,
1985, 182 с., ил.

Книга переводов стихотворений крупнейшего китайского поэта Синь Цицзи, подготовленная М. И. Басмановым, хорошо доносит красоту и очарование средневековой китайской лирики. В последнее время проблема перевода китайской классической поэзии на иностранные языки все больше привлекает внимание китайских ученых и переводчиков. «Классические стихи отличает емкость и многозначность иероглифического текста, и их подлинный смысл нелегко понимать не только иностранному переводчику, владеющему китайским языком, но и самим китайцам, для которых язык стихов родной. При толковании некоторых древних стихов литераторы и ученые на протяжении многих веков высказывали неодинаковые мнения и не приходили к единству в суждениях. Поэтому следует признать, что если перевести стихи вообще трудно, то воспроизвести средствами другого языка китайские древние стихи еще сложнее. Это, конечно, не означает, что китайские классические стихи не поддаются переводу, а лишь подразумевает, что при переводе в первую очередь необходимо в полной мере правильное понимание поэтического оригинала, в противном случае ценность стихотворного перевода не будет высока, даже если он выполнен отличным языком. Поэтому первоначальным и главным вопросом является воспроизведение подлинного содержания оригинального стиха»¹. Под подлинным содержанием Цзэн Бинхэн подразумевает поэтическую идею и эмоциональную окраску произведения.

М. И. Басманов умеет добиваться верного прочтения китайского стихотворения прежде всего потому, что хорошо знает древнекитайский письменный язык, на котором создано произведение, и современный китайский язык, что позволяет

ему быть знакомым с имеющейся критической литературой и комментариями. Умение переводчика увидеть особенности лексики, эмоциональную тональность произведения, характер лирического героя объясняется тем, что он отчетливо представляет духовный облик переводимого автора, его жизненный путь. В глазах М. И. Басманова Синь Цицзи является представителем той китайской интеллигенции, которая появилась в эпоху Сун и отличалась патриотизмом, готовностью принять личное участие в сражениях с врагами, в то время как у образованных людей существовало пренебрежительное отношение к ратному делу. Оно было уделом тех, кто не сумел одолеть книжной премудрости и выдержать чиновничьих экзаменов. «Не мудро, что ни один из ученых начетчиков, шедших на гражданскую службу, не только не желал идти по военной части, но стыдился даже братья за оружие», — замечал академик В. М. Алексеев и приводил горькие слова сунского реформатора Ван Аньши: «Самые крупные из наших ученых-эрудитов считают для себя стыдом даже в руки взять оружие, а таких, которые могли бы сесть на коня, стрелять из лука и служить в пехоте, — и подавно не было»². При возникшей в период правления династии Южная Сун реальной опасности утраты национальной независимости немало образованных людей избавились от прежнего взгляда на военное искусство. Синь Цицзи как раз и был образованным человеком нового типа. Он обладал широкой эрудицией, хорошо знал философские и исторические сочинения, стихи предшествующих поэтов, но вместе с тем постиг военное дело и в молодые годы с небывалой отвагой сражался в отряде, который действовал в районах, захваченных иноземцами. «Провел я юность, / Не сходя с седла, / В походах ратных, / В подвигах героических», — вспоминал Синь Цицзи. Двадцать произведений в жанре *цзю*, в которых с наибольшей полнотой передана готовность поэта отстаивать независимость родины, переводчик выделил в особый раздел «Строфы мужества и гнева». Здесь и воспоминания о героях прошлого, чей воинский подвиг служит примером, и желание видеть у современников высокое чувство патриотического долга, и горькое сознание того, что капитулянтская политика двора

обрекает народ на страдания. М. И. Басманов отмечает, что Синь Цици «преодолеет ограниченность многих своих предшественников и современников, которые прибегали к *цы* лишь для описания природы и сердечных переживаний. Он превратил *цы* в сильное оружие борьбы с политическими противниками, прежде всего с погрязшей в пороках предательской группировкой императорского двора, по вине которой китайский народ испытывал бесчисленные лишения и бедствия и надолго оказался под пятой иноземных поработителей» (с. 6). Переводчик смог донести до нас живой голос поэта, который в суровое время сохранял мужество и человеческое достоинство. «Как нам справиться с гуннами должно, / Я придумал давно. / Подвиг — долг и призванье ученых, / Иль не ясно для вас!».

Поэта волновал извечный для китайской художественной литературы вопрос о месте индивидуума в обществе. Конфликт поэта с окружающим миром, запечатленный еще великим Цюй Юанем, отражен и в творчестве Синь Цици. Поэт страдал при виде предательства интересов родины, пренебрежения талантами, забвения нравственных норм. Размышляя над страницами жизнеописания известного полководца ханьского времени Ли Гуана, он приходил к горькой мысли: «На тысячу ли гремела Слава, как вешний гром... Но и тогда герои отвергались двором!» Ему были чужды пошлые бездуховные люди, которые «придут — и давай без разбору о выгоде спорить, о славе, — иного не жди разговора». Он избегал общения с низким человеком: «Не хочешь запачкаться грязью — / Его не касайся и тенью!» Поэт был убежден: «К чему мне богатство и знатность? — / Они в суету повергают». Столкнувшись с непониманием правителей, Синь Цици оставался верен своим идеалам и убеждениям: «Дух непреклонный вел меня всю жизнь». Его восхищали люди благородного сердца: «С вершиною в тысячу чжанов, / Покрытою льдами и снегом, / Сравню просвещенного мужа, / Высокой души человека». При приближении старости у поэта усилились опасения, что ему не останется ни времени, ни сил воплотить в жизнь свои патриотические планы. Одно из стихотворений открывается строками: «Меч вынул — им любуюсь при огне. / Я слышу: где-то гор

зовет меня, / И грезится шатер походный мне». Завершается же оно признанием: «Но отчего так грустно мне? / Я о своей подумал седине». Однако годы не могли сломить волю поэта: «Нет же, еще и теперь я о мече помышляю, / И для стихов у меня / В сердце живет вдохновенье!»

Переводчик выделил в особый раздел стихи Синь Цици о деревне и природе, поскольку общение с этой сферой бытия занимало важное место в духовном мире поэта. Жизнь среди полей и садов дарила ему встречи с пленительной красотой разнообразных пейзажей, уединенное раздумье о беге времени, о предназначении человека. Синь Цици с великолепным мастерством запечатлел в стихах зримые приметы и живописные детали деревенской природы, саму атмосферу трудовой и бесхитростной сельской жизни, свою душевную расположенность к простым земледельцам. Синь Цици видел в деревне «мир иной. Тщеславие и нажива здесь не заслонили собою света». Переводчик обращает наше внимание на следующее: «В отличие от Тао Юаньмина, влияние которого бесспорно ощущается в поэзии Синь Цици, последний никогда не помышлял о полном растворении в деревенской жизни. Он тяготился жизнью «отшельника», не расставался с мыслью о возвращении к деятельности, к борьбе за осуществление своих идеалов ученого-конфуцианца, государственного деятеля и полководца» (с. 18).

В борьбе за нравственные ценности Синь Цици большое значение придавал поэтическому слову. О стихотворном наследии Тао Юаньмина им сказано: «Тысячелетие в вечность отлетело. / А все живут бессмертные творенья! / И каждый знак, написанный поэтом, / В себе содержит ясное звучанье». Синь Цици писал, что сам все время «стихами занят — в них моя слава, в них моя отрада». Поэта тревожила мысль: найдет ли слово отклик в сердцах людей, будет ли встречено с пониманием. «Стих мой ясен и строг. Только где человек, / Тот, кому этот стих мог бы я предназначить?» Не раз Синь Цици вопрошал: «Кто поймет, что в стихе, вновь написанном мной, / Словно скованы стужей поэта дерзання!» Любовь к Синь Цици как выразителю дум и чаяний народа до сих пор сохраняется в его родной стране. Благодаря усилиям

М. И. Басманова имя поэта обрело известность и в Советском Союзе.

М. И. Басманов отказывается от дословного перевода и стремится к созданию на русском языке стихотворного произведения, которое, не совпадая с подлинником в деталях, остается в пределах его идей и образов. Прекрасно чувствуя подтекст китайского стиха, он пытается поставить русского читателя на место китайского, у которого немногословный оригинал вызывает сложные ассоциации, навеивает определенное настроение. М. И. Басманов хочет передать не просто слово, а мысль за словом, воссоздать средствами русского языка образность подлинника, прибегая для этого к известной свободе в расположении стихотворного материала. Подобный стиль знаком советской переводческой школе. «В этом отношении показательны... переводы сонетов Шекспира, принадлежащие С. Маршаку, — показательны именно передачей индивидуального своеобразия подлинника при больших внешних отступлениях (в вещественном значении слов, являющихся носителями образов, в самом количестве воспроизводимых элементов, в расположении их)»³. Проявляя большую изобретательность и тонкое понимание идейного и художественного своеобразия китайского поэтического текста, М. И. Басманов в большинстве случаев добивается широких функциональных соответствий перевода китайскому стиху.

М. И. Басманов отмечает, что Синь Цици удалось «вырваться на широкий простор, освободить строфы от скован-

ности, выразить в них не только нежнейшие чувства любовного томления, но и свои философские взгляды и политические убеждения» (с. 19—20). В переводческой практике, к сожалению, бывают случаи, когда сказанные в предисловии к книге восторженные слова о прелести стихов иностранного поэта отнюдь не подкрепляются самим переводом, оставляющим читателя равнодушным. Произведения Синь Цици в талантливой передаче М. И. Басманова воспринимаются как настоящая поэзия, как взволнованная исповедь мудрого и мужественного человека, познавшего за долгую жизнь непреходящую ценность благородства и чести, долга перед родиной и соотечественниками, любви к людям.

*Е. А. СЕРЕБРЯКОВ,
доктор филологических наук*

1 Цзэн Бинхэн. Проблема передачи в переводе подлинного содержания классических китайских стихов. — «Фань тунсюнь», 1984, № 8, с. 15.

2 В. М. Алексеев. Китайская литература. Избранные труды. М., 1978, с. 369.

3 А. В. Федоров. Введение в теорию перевода. М., 1958, с. 342—343.

7 июля 1937 г. японская армия, спровоцировав столкновение у моста Лугоуцяо близ Пекина, развернула широкомасштабную агрессию против Китая. Началась длившаяся более восьми лет война сопротивления китайского народа. 50-летию начала войны против японской агрессии была посвящена научная конференция, проведенная 3 июля 1987 г. в Москве Институтом военной истории МО СССР, Институтом Дальнего Востока АН СССР и Институтом востоковедения АН СССР.

Открыл конференцию академик-секретарь отделения истории АН СССР С. Л. Тихвинский. Он указал на значение сопротивления китайского народа японским захватчикам в общей борьбе народов против фашистской агрессии. Кратко остановившись на предыстории войны, оратор отметил, что захват Китая рассматривался японскими империалистами как важный шаг в подготовке широкой войны в Азии. Перед лицом угрозы национального порабощения в Китае усилилось стремление к национальному единству. Компартия Китая, используя опыт международного коммунистического движения, сумела выработать стратегию и тактику единого национального антияпонского фронта, добилась соглашения о сотрудничестве с гоминьданом в деле совместного сопротивления японским захватчикам. Вся страна поднялась на священную войну за национальную независимость.

Подъем национально-освободительной борьбы китайского народа помешал странам фашистского блока скоординировать свои действия. Китайский театр войны сковал японских милитаристов, облегчил ход борьбы в Азии и бассейне Тихого океана. Важным фактором в борьбе китайского народа явилась поддержка Советского Союза, предоставившего Китаю финансовую, экономическую, политическую и военную помощь. В боях закалялась дружба китайского и советского народов.

Оживление в памяти героической страницы истории национально-освободительной борьбы Китая, сказал далее докладчик, является сегодня неотъемлемой частью общей борьбы народов мира против войны, против роста милитаризма. Вызывает глубокое беспокойство стремление правящих кругов Японии пересмотреть итоги войны, скрыть истинные причины агрессии против Китая, ее виновников, принизить вклад китайского народа в борьбу всего человечества против фашизма и милитаризма. Задача историков, сказал С. Л. Тихвинский, состоит в том, чтобы привлечь внимание к этой героической странице истории, извлечь уроки, углубить исследования истории второй мировой войны, выделив основные этапы ее развития, отличительные особенности, показать мобилизующую роль Компартии Китая в войне сопротивления, значение единого национального антияпонского фронта, глубоко осветить роль Советского Союза, оказавшего помощь и поддержку Китаю.

С докладом «Агрессия Японии против Китая и борьба китайского народа против японского империализма» выступил заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, доктор военных наук, генерал-полковник М. А. Гарсев. Докладчик указал на давнее стремление империалистических кругов Японии к господству на Азиатском континенте, стремление превратить захваченные регионы в колонии. С 1931 г. начался очередной этап агрессии, в результате чего Япония захватила три северо-восточные провинции Китая, создав здесь марионеточное государство Маньчжоу-го. С 1936 г. началась подготовка к широкой агрессии против собственно Китая, а

затем и СССР. Главной целью японской военщины был захват Китая, подавление революционного движения, создание сырьевой базы для японских монополий. Стратегический план заключался в молниеносном разгроме китайских армий в течение трех месяцев. Однако этим планам не суждено было сбыться. Лишь на захват районов Пекина, Шанхая и Тайюаня японской армии потребовалось полгода. Еще полгода ушло на объединение фронтов. И лишь осенью 1938 г. начался третий этап — продвижение с юга на север. Японцам не удалось окружить и уничтожить крупные контингенты китайских войск, поставленные перед армией задачи не были выполнены, росли все более ощутимые потери. К концу 1941 г. японская армия в Китае насчитывала уже 2 млн. человек, однако японцы долгое время не могли вести крупные операции в Китае. Это было результатом героической борьбы китайского народа, вооруженных сил Китая, которые, несмотря на тяжелые потери, оказывали упорное сопротивление агрессии.

Докладчик указал на важную роль военной помощи, оказанной Советским Союзом Китаю, отметил работу советских военных советников, героические действия советских летчиков-добровольцев. Помощь СССР на заключительном этапе войны, сказал в заключение оратор, сорвала план Японии затянуть войну в Азии, способствовала скорейшей победе национально-освободительной борьбы китайского народа.

Памятные даты, сказал в своем докладе «К вопросу о значении создания единого антияпонского фронта в Китае» заместитель директора ИДВ АН СССР, доктор исторических наук Ю. М. Галенович, побуждают задуматься над смыслом и значением исторических событий. Одной из таких дат в истории китайского народа является 7 июля 1937 г. Это был момент, когда возникла самая реальная угроза подчинения китайской нации японскому диктату. Это был удар по национальному самосознанию, по надеждам на возрождение Китая. Япония рассчитывала на то, что Китай не сумеет объединить силы в борьбе против агрессии, однако эти расчеты не оправдались, подавляющее большинство китайского народа выступило против японской агрессии. Путь к единству китайской нации, отметил докладчик, был долог и труден. Еще в начале 30-х гг. Китай, по существу, представлял собой конгломерат различных политических сил, а власть центра в некоторых регионах была лишь номинальной. В стране не утихло пламя гражданской войны. События 7 июля 1937 г. явились тем критическим моментом, когда все политические силы страны должны были сделать выбор — либо единство в борьбе с иностранной агрессией, либо национальное порабощение. Оратор подчеркнул, что главная заслуга в обеспечении сотрудничества основных политических сил тогдашнего Китая — КПК и гоминьдана — принадлежит Компартии Китая. Война сопротивления показала жизненную необходимость сотрудничества КПК и гоминьдана, других демократических партий в деле возрождения китайской нации.

Директор Института востоковедения АН СССР, доктор исторических наук, профессор М. С. Капица выступил на конференции с докладом «Международные аспекты национально-освободительной войны китайского народа против японской агрессии (1937—1945)». Докладчик проанализировал внешнеполитические концепции японских милитаристов, вскрыл суть теоретических выкладок японских империалистов о так называемой особой миссии Японии в Восточной Азии, указал на побудительные причины сближения Японии и Германии, стремление японского кабинета к изоляции Китая на международной арене. Несмотря на попустительство агрессии со стороны западных держав, внешнеполитические расчеты японцев провалились. Как отметил докладчик, важное значение на первом этапе войны имели укрепление дипломатических отношений между СССР и Китаем, подписание между правительствами двух стран Договора о ненападении, соглашения о финансовой и иной помощи Китаю. С 40-х гг. все более пристальное внимание войне в Китае стали уделять Соединенные Штаты, которые стремились активизировать китайский фронт и обеспечить себе доминирующее влияние в послевоенном Китае. Со своей стороны гоминьдан, ориентируясь на США, стремился укрепить свою власть в стране, накопить силы для последующей борьбы с коммунистами. Различное понимание задач, различие целей в войне позднее привело к серьезным разногласиям между гоминьдановским правительством и американцами, которым не удалось активизировать действия китайской армии против японцев и урегулировать отношения между гоминьданом и КПК. За время войны, отметил далее докладчик, Китаю удалось укрепить свое положение на международной арене. Он подписал Каирскую декларацию 1943 г. и официально был признан членом антифашистской коалиции.

Переломным моментом в борьбе китайского народа явилось вступление Советского Союза в войну с Японией и разгром Квантунской армии в Маньчжурии. Подписание правительствами СССР и Китая Договора о дружбе от 14 августа 1945 г. создало предпосылки добрососедских отношений между двумя странами. В заключение докладчик подчеркнул закономерность тесного взаимодействия сил социализма и национально-освободительного движения в борьбе против агрессии и войны, о чем свидетельствует опыт войны сопротивления в Китае.

Бывший военный советник НРА Китая генерал-майор Я. М. Табунченко рассказал о деятельности советских военных советников в период войны сопротивления японским захватчикам. Оратор участвовал в обороне Уханя, занимался организацией противовоздушной обороны Гуйлиня, зенитным прикрытием Чунцина. Эффективная противовоздушная оборона, созданная с помощью советских советников, принудила японскую авиацию отказаться от дневных налетов на города Китая. Деятельность советских военных советников неоднократно высоко оценивалась китайским правительством.

Доклад доктора исторических наук, профессора М. Ф. Юрьева был посвящен выявлению особенностей исторического периода войны сопротивления китайского народа против японской агрессии. В докладе было указано, что после событий 7 июля 1937 г. в новейшей истории Китая начался новый период. К середине 1937 г. полностью созрели как внутренние, так и внешние предпосылки отпора японскому империализму. Разносторонняя помощь и поддержка со стороны СССР в 1937—1941 гг. позволила Китаю выстоять в неравной борьбе против японцев. По мнению докладчика, переплетение и борьба противоположных по своему отношению к Японии и по социальным установкам военно-политических сил в Китае напоминали ситуацию, сложившуюся в мире, а именно антифашистскую коалицию различных по своему общественному строю государств. В заключение докладчик указал, что война сопротивления была одним из этапов национальной революции, когда создавались внутренние материальные условия послевоенного подъема национально-демократической революции, победы компартии над гоминьданом.

Научный сотрудник Института Дальнего Востока АН СССР Ю. М. Овчинников показал в своем выступлении, как КПК на опыте антияпонской борьбы в Маньчжурии разрабатывала тактику единого национального антияпонского фронта. Докладчик показал сложный путь поисков новой линии, роль делегации КПК в Коминтерне в разработке курса единого фронта, отметил помощь Коминтерна и Советского Союза Компартии Китая.

С заключительным словом выступил генерал-полковник М. А. Гареев. На этом конференция закончила работу.

Книга на службе мира и прогресса

Минувшей осенью в столице СССР была проведена шестая Московская международная выставка-ярмарка. Традиционным стало участие в ней книгоиздателей Китайской Народной Республики. В третий раз свои экспозиции в одном из павильонов ВДНХ СССР развернули Китайская компания международной книжной торговли («Гоцзишудянь») и Китайская национальная компания по импорту и экспорту печатных изданий (КИЭП). Несколько тысяч книг, художественных альбомов, плакатов, размещившихся в трех залах китайского раздела, оформленного с непередаваемым национальным колоритом, в полной мере отразили девиз Московской выставки-ярмарки «Книга на службе мира и прогресса».

Среди экспонатов раздела — привлекшие внимание советских посетителей красочная серия «Библиотека современной литературы», куда, в частности, вошли избранные произведения Чжан Сяньляна, Чэнь Жун и других известных в Китае и за его пределами писателей, изумительные художественные альбомы «Фрески пещеры Дуньхуан» и «Репродукции произведений китайских художников», пособия по традиционной китайской медицине, дыхательной гимнастике, книги, демонстрирующие достижения китайских ученых в передовых областях знаний. В канун 70-летия Великого Октября книгоиздатели из Китая привезли расширенную по сравнению с предыдущими экспозицию, в которой представлено немало переводов произведений русской и советской классики, наших современников.

«Советская литература не просто хороша знаком китайским читателям, — говорит заместитель заведующего отделом русского языка «Издательства литературы на иностранных языках» Ли Иньхуань. — Многие книги давно стали для нас любимыми. Порой случается даже так, что одно и то же произведение советского автора выходит в свет одновременно в нескольких разных издательствах. Так, например, книга Олеса Гончара «Твоя заря» была сразу выпущена в трех издательствах, и каждая в оригинальном переводе. Более того, — продолжает Ли Иньхуань, — в нашем издательстве готов к публикации и четвертый перевод книги О. Гончара. В среднем тираж переводных книг советских писателей невелик — от одной до пяти тысяч экземпляров, — и не всегда, к сожалению, мы можем удовлетворить спрос».

Расширению взаимопонимания, налаживанию культурного обмена между народами СССР и Китая в последние годы активно способствуют и отношения, сложившиеся у советского внешнеторгового объединения «Международная книга» с китайскими партнерами «Гоцзишудянь» и КИЭП. В ходе работы выставки-ярмарки в Москве китайские представители с большим удовлетворением восприняли слова Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева в обращении к участникам и гостям шестой Московской международной выставки-ярмарки о том, что мы «готовы щедро делиться всем лучшим, что создано нами. Пусть советская книга за рубежом поможет ближе узнать нас, понять наши заботы, искренность наших мирных инициатив, нашу неизменную приверженность идеям гуманизма и социальной справедливости!». Для китайских участников ММКВЯ-87 многие проблемы развития советского общества на современном этапе вполне понятны. С интересом ждет советскую литературу, отражающую непростые вопросы перестройки в СССР, читающая на русском языке аудитория в Китае. По словам директора отдела планирования КИЭП Чжао Иншу, доля СССР в книжной торговле Китая в настоящее время самая весомая. Советский импорт полиграфической продукции, хотя еще и не достиг уровня 50-х гг., ежегодно возрастает. Этому способствует и проведение международных книжных выставок-ярмарок. СССР принимает участие и в пекинских выставках-ярмарках книг. Очередная советская экспозиция будет развернута в столице КНР в 1988 г. Кроме того, в соответствии с подписанными на ММКВЯ-87 соглашениями большая выставка советских изданий, посвященная

70-летию Великой Октябрьской революции, откроется в Пекине, а через два года юбилейная экспозиция в честь 40-летия создания КНР пройдет в Москве.

К сожалению, отметил Чжао Иншу, определенным сдерживающим фактором пока является отсутствие в китайском законодательстве закона об авторском праве, проект которого сейчас вырабатывается. С его принятием китайские читатели получают более широкие возможности для знакомства с продукцией советских издательств, а книгоиздатели КНР — юридическую базу для полноценного участия в международном книгообмене.

До последнего дня работы ММКВЯ-87 не ослабевал поток советских специалистов и книголюбов. Мы уверены, что наше сотрудничество с китайскими книгоиздателями будет плодотворно развиваться и в дальнейшем. Для этого созданы хорошие условия, этому способствует оздоровление наших межгосударственных отношений.

К. Л. ТОПОРКОВ

В августе 1987 г. исполнилось 60 лет известному советскому ученому-востоковеду, доктору исторических наук, профессору Дмитрию Васильевичу Петрову. Со студенческой скамьи он проявил вкус и способности к исследовательской работе, опубликовав в 1948 г. свой первый научный труд. Постоянное стремление как можно глубже познать сложнейшие проблемы исторического развития Японии и напряженный труд нашли свое воплощение в успешной защите кандидатской (1952) и докторской (1964) диссертаций.

35 лет научно-исследовательской работы Д. В. Петрова были годами неустанного поиска, глубокого и всестороннего изучения тех закономерностей, которые определили становление современной Японии. Уже в первой его монографии «Колониальная экспансия США в середине XIX века» (1955) проявился незаурядный талант исследователя, стремящегося к смелой, новаторской постановке научных проблем. На основе изучения документального материала Д. В. Петров глубоко разработал проблему генезиса капитализма и влияния внешних факторов на буржуазную революцию в Японии. До настоящего времени сохранил свою научно-политическую значимость анализ тех насильственных методов, к которым прибегали США, надеясь набросить на Японию колониальное ярмо.

Научный подход и мастерство аналитика получили дальнейшее развитие в книге «Рабочее и демократическое движение в Японии» (1961). В ней Д. В. Петров теоретически разработал одну из кардинальных внутривнутриполитических проблем этой страны, которая тогда еще не получила монографического исследования в нашей литературе.

Стремление к обогащению знаний, желание откликнуться на актуальные вопросы современности вскоре материализовались в двух новых монографиях ученого — «Внешняя политика Японии после второй мировой войны» (1965) и «Япония в мировой политике» (1973). В этих работах, а также в других многочисленных трудах, опубликованных в 70—80-х гг., глубоко исследована эволюция японской внешней политики в послевоенный период и роль этой страны в глобальной системе международных отношений. Большое внимание Д. В. Петров уделяет изучению новых явлений в системе международных отношений в АТР и практических мероприятий по обеспечению мира и безопасности в этом районе мира.

Труды Д. В. Петрова явились серьезным вкладом в советскую историческую науку. Они получили признание широких кругов нашей общественности, стали заметным явлением в развитии советского японоведения. Имя Д. В. Петрова как ученого известно за рубежами нашей страны, ряд его работ издан на японском, английском и других языках.

Но научно-исследовательская работа — это лишь одна сторона многогранной деятельности Д. В. Петрова. Много сил он отдает научно-организационной деятельности по руководству отделом международно-политических проблем Дальнего Востока ИДВ АН СССР, коллектив которого вносит существенный вклад в изучение сложных политических, экономических, военных и идеологических проблем этого региона. Д. В. Петров зарекомендовал себя также как воспитатель научной молодежи. Молодые ученые, защитившие под его руководством диссертации, успешно работают в различных научных центрах АН СССР и в практических организациях. Широка и многогранна деятельность Дмитрия Васильевича как редактора многих научных трудов и члена редколлегий ряда научных изданий.

Талантливый ученый, крупный специалист-международник Дмитрий Васильевич Петров принадлежит не только науке. Широкую известность получили его яркие публицистические очерки и статьи, подготовленные во время работы в качестве собственного корреспондента газеты «Известия» в Японии, выступления в последующие годы на страницах центральных газет и журналов. Разоблачающие домыслы буржуазных средств массовой информации о целях советского внешнеполитического курса, они несли

и несут за рубежи нашей страны правду о Советском Союзе, пропагандируя его миролюбивую внешнюю политику.

Наряду с напряженной научной работой Д. В. Петров ведет активную деятельность как член Советского комитета защиты мира и Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, заместитель председателя правления Общества «СССР—Япония», член научно-методического совета Всесоюзного общества «Знание».

Сочетание таланта ученого и журналиста, организатора науки и воспитателя молодых научных кадров, чуткого, внимательного товарища и требовательного руководителя снискало Д. В. Петрову глубокое уважение широких кругов советской научной общественности.

Дмитрий Васильевич Петров находится в расцвете сил и творческого таланта. Желаем ему многих лет активной научной и общественной деятельности на благо советской науки и нашей советской Родины.

Содержание журнала «Проблемы Дальнего Востока за 1987 год

ПЕРЕДОВАЯ

- Великий Октябрь и мировое развитие. № 3 (63)
Ленинская стратегия мира в действии.
№ 1 (61)
Октябрь и современность. № 4 (64)
Проблемы мира и безопасности на Дальнем
Востоке. № 5 (65)

ПОЛИТИКА. ЭКОНОМИКА

- АВДОКУШИН Е. Ф. Развитие экономической
мысли в КНР (70—80-е гг.), № 1 (61)
АВДОКУШИН Е. Ф. Теория и практика «со-
циалистической конкуренции» в КНР.
№ 5 (65)
БОГАТОВА Е. Р., ТРИГУБЕНКО М. Е.
VI съезд КПВ о стратегии социально-
экономического развития Вьетнама,
№ 2 (62)
ДАВЫДОВ О. В., МИХЕЕВ В. В. Некоторые
аспекты внешней политики КНДР в свете
международных отношений на Дальнем
Востоке. № 4 (64)
ДЕНИСОВ В. И., МОИСЕЕВ В. И. АТР и
проблема урегулирования в Корее. № 6 (66)
ЕГОРОВ К. А. Развитие политической систе-
мы КНР. № 6 (66)
ЗАНЕГИН Б. Н., ПЛЕШАКОВ К. В. «Китай-
ская политика» Вашингтона и конгресс
США. № 4 (64)
КАУЛЬ Т. Н. Проблемы безопасности
в Азии. № 4 (64)
КОВАЛЕНКО И. И. Мировой социализм
и движение неприсоединения в борьбе за
международную безопасность. № 5 (65)
КОНОВАЛОВ Е. А. Проблемы народонаселе-
ния в КНР. № 5 (65)
КУТАКОВ Л. Н. Япония и ключевые пробле-
мы современности. № 6 (66)
ЛАТЫШЕВ И. А. О политической сущности
концепции «уникальности» культуры и ду-
ховной жизни японцев. № 1 (61)
МАКАРОВ А. А. «Личная уния» правитель-
ства и предпринимателей в Японии,
№ 6 (66)
ОСИПОВ В. И. Южная Корея — Япония:
«зрелое партнерство» в милитаристских це-
лях. № 6 (66)
ОСТРОУХОВ О. Л. Китайско-японские отно-
шения: проблемы, перспективы. № 4 (64)

- СЕРГЕЕВ А. С. Ядерное разоружение и без-
опасность на Дальнем Востоке. № 6 (66)
СТОЛЯРОВ Ю. С., ШВЫДКО В. Г. СССР —
✓ Япония: торгово-экономические отношения,
№ 5 (65)
ТИТАРЕНКО М. Л. Гуманизация междуна-
родных отношений — путь к миру и без-
опасности в Азии. № 6 (66)
ТРИГУБЕНКО М. Е., ШЛЫК Н. Л. К вопро-
су об усилении непосредственного сотруд-
ничества дальневосточных районов СССР
с социалистическими странами Азии,
№ 4 (64)
ФЕДОТОВ В. Н. Китай и проблема разору-
жения. № 3 (63)

Проблемы АТР

- БАРАХТА П. Н., ЖАРКИХ Ю. Г. Азиатско-
тихоокеанский регион и безопасность в
Азии. № 3 (63)
БУНИН В. Н. Япония и азиатско-тихоокеан-
ская стратегия Вашингтона. № 2 (62)
ГРЕБЕНЩИКОВ Э. С. АСЕАН и вопросы
тихоокеанского сотрудничества. № 1 (61)
ПЕТУХОВ В. И. Тайвань и политика США
в Восточной Азии. № 5 (65)
Проблемы мира и безопасности в АТР на сов-
ременном этапе. № 2 (62)
ЧА ГЕН ЧУК. Азия — мир и безопасность,
№ 2 (62)
ШАСКОЛЬСКИЙ Н. В. АТР в военных пла-
нах США. № 4 (64)

Международные отношения на Дальнем Востоке

- КРУПЯНКО М. И. Экономическая политика
Японии в отношении КНР. № 2 (62)
Экономические и социальные процессы в КНР
АВДОКУШИН Е. Ф. Китайские экономисты
о банкротстве предприятий. № 2 (62)
ЕМЕЛЬЯНОВА С. С. Вопросы эффектив-
ности народного хозяйства. № 1 (61)
ИМАМОВ Э. З. Реформа хозяйственного ме-
ханизма и уголовное право в Китае,
№ 4 (64)

- КОРОБКИНА Т. Л. Реформа системы материально-технического снабжения в КНР, № 3 (63)
- КРУГЛОВ А. М. Сельская промышленность Китая, № 3 (63)
- КУЗНЕЦОВА В. В. Современные аграрные преобразования в Китае в оценках западных специалистов, № 3 (63)
- ЛАЗАРЕВА Т. В., ГОРОДОВИКОВА О. Б., ЕМЕЛЬЯНОВА Т. М. Деятельность общественных организаций КНР в условиях хозяйственной реформы, № 2 (62)
- МАНЕЖЕВ С. А. Экономическая доктрина Всемирного банка и хозяйственная реформа в Китае, № 2 (62)
- ОСТРОВСКИЙ А. В. Хозяйственная перестройка в городах Китая, № 1 (61)
- СЕЛИВАНОВА Е. Ф. Хозяйственная реформа в КНР и миграция населения, № 4 (64)
- СТЕПАНОВ С. В., СОБОЛЕВ В. Н. Экономика Китая в 1986 г., № 4 (64)
- ЛИНЬ ЦУЙПАЙ. Правовая основа ответственности по подряду в деревнях Китая, № 3 (63)

ИСТОРИЯ

- Выступление Лю Даняня на Международной научной конференции в Москве, № 3, (63)
- ГОРБУНОВА С. А. Съезд народов Дальнего Востока и революционное движение в Китае, № 4 (64)
- ЛЕДОВСКИЙ А. М. Японская агрессия против Китая и политика США, № 5 (65)
- СЕНИН Н. Г. Октябрьская революция и Ли Дачжао, № 6 (66)
- ТИТОВ А. С. Из когорты несгибаемых, (Памяти Дин Лин), № 6 (66)
- ТИХВИНСКИЙ С. Л. Проблемы истории Китая на международных научных конференциях в КНР, № 3 (63)
- УСОВ В. Н. Интернациональная помощь СССР в деле подготовки китайских партийных и революционных кадров в 20—30-е годы, № 5 (65)
- УСОВ В. Н. Китайские добровольцы на защите завоеваний Октября, № 6 (66)

Борцы за народное дело

- ТИТОВ А. С., УСОВ В. Н. Лю Бочэн — выдающийся военачальник и государственный деятель Китая, № 2 (62)

Из истории крестьянских движений в Китае

- ОВСЯННИКОВ В. И. Тайпны: поиск будущего в прошлом, № 3 (63)

Из истории общественного востоковедения

- БЕЛКИН Д. И. «Письма о китайском торговле» А. Н. Радищева, № 2 (62)
- МИХАЙЛОВА Ю. Д. Выдающийся буддолог О. О. Розенберг, № 3 (63)

НАУКА И КУЛЬТУРА

Идеология

- ПОСПЕЛОВ Б. В. Капиталистическая модернизация Японии и идейно-политические аспекты японо-американских отношений, № 3 (63)
- ХУ ШЭН. О социалистических идеях Сунь Ятсена, № 2 (62)

Из истории общественно-политической мысли

- БЕЛОУСОВ С. Р. Поиски альтернативы развития Китая: традиционализм или модернизм, № 4 (64)

Искусство

- ТОРОПЦЕВ С. А. Советское киноискусство в оценках китайской критики, № 3 (63)
- Художественные выставки 1986 г. в Советском Союзе, № 4 (64)

Литература

- АБДРАХМАНОВА З. Ю. О литературно-эстетических взглядах Лао Шэ, № 1 (61)
- ФЕДОРЕНКО Н. Т. Исследования и переводы китайской литературы в СССР, № 1 (61)

Международные культурные связи

- ЖУРАВЛЕВ В. А. Командировка в КНР, № 1 (61)
- КОЖЕВНИКОВА И. Н. Верещагин и Япония, № 1 (61)
- РЕВИН В. И. Дни культуры СССР в МНР, № 6 (66)
- РЕВИН В. Н. СССР — МНР: новые формы культурного сотрудничества, № 5 (65)

Образование

- БОРЕВСКАЯ Н. Е. Китайская школа на пути перемен, № 2 (62)
- БОРЕВСКАЯ Н. Е. Китайская школа на пути перемен, № 3 (63)

Синология в странах Запада

- СОФРОНОВ М. В. Заметки о французском китаеведении, № 4 (64)

Славные имена ученых

- МЯСНИКОВ В. С. Выдающийся историк-дальневосточник, № 1 (61)

Социология

- ХУ ШЭН. Почему Китай не может идти по капиталистическому пути?, № 5 (65)

ПУБЛИКАЦИИ. ВОСПОМИНАНИЯ

- Из переписки Сунь Ятсена, № 1 (61)
 К. КАТО. Николай Рерих и Япония, № 2 (62)
 ПЭН ДЭХУАЙ. Страницы воспоминаний, № 4 (64)
 ПЭН ДЭХУАЙ. Страницы воспоминаний, № 5 (65)
 ПЭН ДЭХУАЙ. Страницы воспоминаний, № 6 (66)
 СЯО САНЬ. Память о дорогом, № 1 (61)
 ТИХОМИРОВ В. В., ЦУКАНОВ А. М. Командировка в Маньчжурию, № 2 (62)
 ШУ И. Последние дни Лао Шэ, № 6 (66)
 ЯН ЦЗЯН. Шесть рассказов о «школе кадров», № 2 (62)
 ЯН ЦЗЯН. Шесть рассказов о «школе кадров», № 3 (63)

ПУБЛИЦИСТИКА

- БЕЛОУСОВ Р. С. За страницами дневников Лу Синя, № 5 (65)

СООБЩЕНИЯ. ОБЗОРЫ. СПРАВКИ

- АКОПЯН А. С., ЧУФРИН Г. И. Промышленный экспорт несоциалистических стран ЮВА, № 1 (61)
 АХМЕДОВ Б. А., МАХМУДХОДЖАЕВ М. К. Изучение Китая в Узбекистане, № 2 (62)
 ГРЕБЕННИКОВ Э. С. ЭСКАТО — возраст зрелости, № 4 (64)
 ГУДОШНИКОВ Л. М. Особенности начального этапа формирования политической системы в КНР, № 3 (63)
 ЕГОРОВ К. А. К итогам пятой сессии ВСНП, № 4 (64)
 ЗИМОНИН В. П., ШЕБЕНЬКОВ Ю. М. Правда и ложь о японских сиротах, № 3 (63)
 ИВАНОВА Г. Д. Русское отделение Токийской школы иностранных языков, № 2 (62)
 КАПРАЛОВ Н. О. Договор Раротонга — шаг к безъядерному миру, № 4 (64)
 КАРМАНОВСКАЯ И. Л. Центральная библиотека в Пекине, № 5 (65)
 КИКАБИДЗЕ Э. В. Состояние и перспективы развития биотехнологии в Японии, № 3 (63)
 КИРЬЯНОВА М. Е. Обмен торгово-экономическими выставками между СССР и КНР, № 4, (64)
 КОРОЛЕВ И. Н. Прибрежная торговля между СССР и Японией, № 5 (65)
 МОЙСЕЕВ В. А. О Кульджинской школе переводчиков и толмачей, № 3 (63)
 НАЗРУЛ ИСЛАМ. Проблема разоружения и развивающиеся страны, № 5 (65)
 НЕРОНОВ Р. М. Материальное положение трудящихся в Китае, № 6 (66)
 ПАШЕНКО Е. Г. Наследственное право в КНР, № 1 (61)
 САРАФАНОВ И. И. Академия наук Китая, № 2 (62)
 ТИТАРЕНКО М. Л. Сунь Ятсен о социальном

прогрессе, № 2 (62)

ТОЛОРНАЯ Г. Д. Корея: перспективы экономического сотрудничества Север — Юг, № 1 (61)

ФАМ ХУАН. Экономическое сотрудничество СРВ с развивающимися странами, № 5 (65)

ФЕДОРОВ К. Ю. Китайские ученые об экономике Советского Союза, № 4 (64)

ХЛЫНОВА М. В. «Средний класс» в современной Японии: миф и реальность, № 5 (65)

СТРАНЫ.**ОБЫЧАИ. ТРАДИЦИИ**

ФЕДОРЕНКО Н. Т. Благородство бамбука, № 6 (66)

ФЕДОРЕНКО Н. Т. Китай: время далекое и близкое, № 4 (64)

ФЕДОРЕНКО Н. Т. Китай: время далекое и близкое, № 5 (65)

ПО СТРАНИЦАМ**ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ**

- БАСОВ Б. Н. Диалоги об экономике в «Жэньминь жибао», № 6 (66)
 БАСОВ Б. Н. Китайская печать о проблемах защиты окружающей среды, № 2 (62)
 БАСОВ Б. Н. Критика «буржуазной либерализации» в газетах КНР, № 3 (63)
 БАСОВ Б. Н. «Жэньминь жибао» о задачах сельского хозяйства страны, № 5 (65)
 БАСОВ Б. Н. Перестройка профтехобразования в КНР, № 1 (61)
 БАСОВ Б. Н. Планирование семьи в Китае, № 4 (64)
 БЕЛОУСОВ С. Р. Печать КНР о некоторых результатах развития китайского общества, № 2 (62)
 ДЕМЕНТЬЕВ С. Г. Дискуссия о характере рабочей силы при социализме в китайской печати, № 5 (65)
 ОЛЬШАНСКИЙ И. О. «Жэньминь жибао» об отношениях КНР со странами Латинской Америки, № 2 (62)

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

- АРХИПОВ В. А. Корейский вопрос: правда истории и ее фальсификаторы, № 4 (64)
 БАЖЕНОВА Е. С., СУДОПЛАТОВ А. П. Демографическая ситуация в странах ЮВА, № 1 (61)
 БЕЛОУСОВ Р. С. Познание Китая, № 6 (66)
 БОГАТУРОВ А. Д. Внешняя политика Японии в 80-х годах, № 1 (61)
 БУГАЕВ Ю. Е. По страницам ежегодника «Япония 1985», № 2, (62)
 ГАЛИЧЕВ И. С. Французские политологи о проблеме беженцев из Индокитая, № 1 (61)

- ЕВГЕНЬЕВ Ю. Е. Проблемы НТР в Японии, № 4 (64)
- КАПИЦА М. С. Китайская литература: традиции и современность, № 6 (66)
- КАПИЦА М. С. Книга о современной Индонезии, № 5 (65)
- КОСТЯЕВА А. С. Китайское крестьянство на рубеже нового и новейшего времени, № 2 (62)
- КРУПИЯНКО М. И. Перспективы советско-японских отношений, № 6 (66)
- МАКАРОВ А. А. Ориентиры современной японской политики, № 2 (62)
- МАСЛОВ П. Ю. Экспансия США в зоне Индийского океана, № 3 (63)
- МИХЕЕВ В. В. Совместный труд советских и вьетнамских ученых, № 2 (62)
- НИКОДА А. В. История развития социалистической экономики в КНР, № 2 (62)
- НИКОЛЬСКАЯ И. А. Монография о творчестве Чэнь Байчэня, № 4 (64)
- ОВЧИНИКОВ Ю. М. Воспоминания китайского революционера, № 4 (64)
- ОГНЕВ Ю. И. О новом справочнике по КНДР, № 1 (61)
- ПЕТРОВИЧЕВ Н. Р. Политика крупного капитала во внутренней торговле Японии, № 1 (61)
- ПЛЕШАКОВ К. В. Тихий океан: Американское озеро? № 6 (66)
- ПОРТЯКОВ В. Я. О хозяйственной реформе в КНР, № 6 (66)
- ПОСПЕЛОВ Б. В. Литература Японии в борьбе за мир и демократию, № 4 (64)
- РАДНАЕВ В. Э. Современная монгольская литература, № 5 (65)
- РАМЗЕС В. Б. В интересах взаимопонимания и добрососедства, № 4 (64)
- РАМЗЕС В. Б. Японские трудящиеся и концепция «участия в управлении», № 2 (62)
- РАМЗЕС В. Б. Яркий феномен японской культуры, № 1 (61)
- САХАРОВ Б. В. Ценный опыт экономического прогнозирования, № 5 (65)
- СЕНАТОРОВ А. И. Как строить мир и безопасность в АТР, № 4 (64)
- СЕРЕБРЯКОВ Е. А. Перевод стихов китайского поэта XII в., № 6 (66)
- СОРОКИН В. Ф. Труды по истории китайской литературы, № 3 (63)
- СТОРЧЕВАЯ Т. Г. Человек и мир, № 2 (62)
- ТИТАРЕНКО М. Л. Фундаментальный труд о выдающемся китайском революционере, № 1 (61)
- ТОРОПЦЕВ С. А. Впечатления китайского писателя о Стране Советов, № 5 (65)
- ХЛЫНОВ В. Н. Как в Японии решают проблему повышения эффективности экономики, № 3 (63)
- ХЛЫНОВА Р. Д. «Тихоокеанское сообщество»: планы и перспективы, № 1 (61)
- ЦЫГАНОВ Ю. В. Совместные предприятия в Китае, № 4 (64)
- ЦЫГАНОВ Ю. В. Справочник об индивидуальном секторе в КНР, № 2 (62)

- ЧЕРКАСЕНКО А. И. На волне реваншизма, № 6 (66)
- ЮРЬЕВ М. Ф. Социальная среда и революционное движение в Китае, № 2 (62)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ. ДОКУМЕНТЫ

- За мир и безопасность на Дальнем Востоке, № 1 (61)
- Закон КНР о банкротстве предприятий, № 3, (63)
- Заседание правления Всесоюзной ассоциации китаеведов, № 3 (63)
- ИДВ АН СССР расширяет международные связи, № 3 (63)
- Конференция «VIII съезд КПК и его значение в истории КНР», № 1 (61)
- Международная научная конференция «120-летие со дня рождения Сунь Ятсена», № 1 (61)
- Мир и молодежь в азиатско-тихоокеанском регионе, № 4 (64)
- К 50-летию начала национально-освободительной войны китайского народа, № 6 (66)
- Постановление 6-го пленума ЦК КПК (12-го созыва), № 1 (61)
- Развитие экономических связей дальневосточных районов СССР со старанами АТР, № 4 (64)
- ТОПОРКОВ К. Л. Книга на службе мира и прогресса, № 6 (66)
- XIV научная конференция по историографии и источниковедению стран Азии и Африки, № 5 (65)

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

- 60-летие Л. М. Гудошниковой, № 5 (65)
- 60-летие Д. В. Петрова, № 6 (66)
- 60-летие В. Ф. Сорокина, № 5 (65)

«ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА», 1987, № 6, 192 с.

Технический редактор *Л. Харчевникова*

Сдано в набор 23.09.87 Подписано в печать 30.10.87. А 12729 Формат 70×100¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура литер. Усл. печ. л. 15,6
Уч.-издат. л. 18,95 Усл. кр.-отт. 24,6 Изд. № 43443 Тираж 9 573
Заказ 2671 Цена 70 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного
Комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли 119817. КСП, Москва, Г-21, Zubovskiy bulvar, 17.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический
комбинат ВО «Союзполиграфпром» Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
142300, г. Чехов Московской области